

В.С. ОЛЬХОВСКИЙ
ПОГРЕБАЛЬНО-
ПОМИНАЛЬНАЯ
ОБРЯДНОСТЬ
НАСЕЛЕНИЯ
СТЕПНОЙ
СКИФИИ
(VII - III вв. до н. э.)

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

Ордена Трудового Красного Знамени
Институт археологии

В.С. ОЛЬХОВСКИЙ

**ОБРЯДНОСТЬ
НАСЕЛЕНИЯ
СТЕПНОЙ
СКИФИИ
(VII - III вв. до н. э.)**

Ответственный редактор

А. И. МЕЛЮКОВА

Москва «Наука»
1991

ББК 63.5 (2)
0 56

Рецензенты:

кандидат исторических наук В. Г. ПЕТРЕНКО
кандидат исторических наук И. В. ЯЦЕНКО

Ольховский В. С.

Погребально-поминальная обрядность населения степной Скифии (VII—III вв. до н. э.). — М.: Наука, 1991. — 256 с.
ISBN 5-02-009440-4

В книге обобщен материал, полученный в результате изучения скифских погребений в степной зоне Северного Причерноморья от Дона до Дуная. Анализируется более 1500 погребений VII—III вв. до н. э. Выясняются генезис и эволюция элементов погребального обряда. Выделяются локальные варианты скифской степной культуры. Книга снабжена картами, таблицами, библиографией.
Для археологов, историков.

О 050400000-111
042(02)—91 КБ—48—43—1989

ББК 63.5 (2)

ISBN 5-02-009440-4

Издательство «Наука», 1991

ВВЕДЕНИЕ

Современное состояние темы заставляет возможно точнее определить рамки, цели и задачи исследования.

Хронология. Рассматриваемые погребения датируются в широком диапазоне — с середины VII до конца III в. до н. э. Время появления и исчезновения скифов в северопричерноморских степях определяется исследователями по-разному; особенно дискуссионна дата их появления [Нейхардт, 1982. С. 79, 80].

До недавнего времени сторонники автохтонной и миграционной теорий формирования культуры скифов датировали древнейшие собственно скифские погребения в Северном Причерноморье временем не ранее середины VII в. до н. э. Открытие в 1960—1980 гг. большого числа памятников типа Черногоровки и Новочеркасского клада [Иессен, 1953; 1954] позволило А. И. Тереножкину выделить две предшествующие скифской культуре группы-ступени: черногоровскую, датированную первоначально 900—750 гг. до н. э. [Тереножкин, 1976. С. 22, 186], а потом IX в. до н. э. [Тереножкин, 1980. С. 120], и новочеркасскую, датированную 750—650 гг. до н. э., а затем VIII — началом VII в. до н. э. [Тереножкин, 1976. С. 22; 1980. С. 120]. Эта схема полностью либо с оговорками была принята большинством исследователей. Позднее выявились данные, позволившие отчасти синхронизировать черногоровские и новочеркасские памятники как территориальные варианты [Дубовская, 1987].

Погребения черногоровской и новочеркасской групп считаются принадлежащими киммерийцам [Тереножкин, 1976. С. 19—23], ранним скифам [Артамонов, 1974. С. 12—18], тем и другим [Граков, 1974; Иессен, 1954. С. 130], этносу, сформировавшемуся в результате взаимодействия местного населения с пришлым [Клочко, Мурзин, 1978. С. 18]. Существует мнение о принадлежности черногоровской группы киммерийцам, а новочеркасской — скифам [Лесков, 1975. С. 8], а также определение черногоровских комплексов как раннескифских либо смешанных [Дубовская, 1979; 1985. С. 171], а новочеркасских — как киммерийских и отчасти скифских [Дубовская, 1986; Шарафутдинова Э. С, Дубовская, 1982]. Вопрос об этнокультурном содержании памятников типа Черногоровки и Новочеркасского «клада» в данной работе не затрагивается. Погребальные памятники этих групп условно именуются «киммерийскими», или переходными, чтобы подчеркнуть непосредственное предшествование их бесспорно скифским.

Появление в степном Северном Причерноморье скифской культуры (до определения этнонима черногоровско-новочеркасских памятников)

следует относить ко времени не позднее середины VII в. до н. э. Именно этим временем датируются не отдельные находки а первые бесспорные скифские погребальные комплексы. К концу же III в. до н. э. скифы в результате сарматского вторжения теряют контроль почти над всей причерноморской степью [Смирнов К. Ф., 1971; 1984; Мачинский, 1971]. Некоторые исследователи смену этноисторической ситуации в Причерноморье в эпоху раннего железа объясняют природными причинами [Артамонов, 1971; 1974. С. 24-26; Полин, 1981; Полш, 1984].

Территория. Ниже рассматриваются скифские погребальные памятники региона, ограниченного на юге северным побережьем Черного и Азовского морей, Керченским проливом, Крымскими горами, на западе — Дунаем и границей СССР, на севере — южной кромкой лесостепи на востоке — нижним течением Дона до устья Северного Донца. Этот регион в определенной мере соответствует южной части «скифского квадрата» Геродота [Her., IV, 101 *], включавшего в себя также Крымский полуостров до гор Таврики и Боспора Киммерийского [Her., IV, 21, 28, 100].

Тема и цель работы. Небольшой историографический очерк теории обряда в археологии и наша точка зрения даны в специальной статье [Ольховский, 1986], что позволяет ограничиться в данной книге изложением ее важнейших положений.

Погребальный обряд (ритуал) — это совокупность ритуально-практических действий, осуществляемых при подготовке и совершении захоронения в соответствии с религиозно-идеологическими нормами. Основу обряда составляют погребальные обычаи — общепринятые способы и нормы обращения с умершим, ряд представлений и правил, предписывающих стиль поведения в конкретной ситуации. Обряд — явление более сложное по форме, содержанию и структуре — является совокупностью идеологической (система религиозных представлений, норм и предписаний, регламентирующих процесс захоронения) и практической (система ритуально-практических действий, осуществляемых при захоронении умершего) сфер. Идеологическая сфера есть содержание обряда, а практическая — его форма, реальные действия.

Идеологическая сфера обряда расчленяется на два уровня: семантический и процессуальный. Первый характеризует религиозно-идеологическое содержание и значимость предписаний процессуального уровня; это — религиозная сердцевина обряда. Второй представляет собой «систему предписаний» (устных или письменных), регламентирующих процесс захоронения, перечень действий, которые необходимо осуществить в определенной последовательности.

Практическая (реальная) функция (цель) погребального обряда — захоронение умершего, избавление общества от умершего посредством реализации определенных религиозных предписаний, направленных на создание погребального памятника, а его религиозная (иллюзорная) цель — обеспечение условий для надлежащего перехода умершего или его души в иной мир, сохранение «равновесия» между миром живых и миром мертвых совершением ряда операций. Погребальный памятник—

* Ссылки на «Историю» Геродота везде см. по: Доватур, Каллистов. Шишова, 1982.

это специально оформленное реальное или символическое место захоронения человека или животного, вещественный результат погребального обряда. Археологическому исследованию подвергаются, естественно, остатки памятника.

Изучение погребений, данные этнографии свидетельствуют о тесной связи погребальных обрядов с поминальными. Поминальный обряд — действия, совершаемые в течение определенного времени после захоронения с прописально-мемориальной целью. Он, как и погребальный, имеет свою практическую и религиозно-идеологическую сферы. Взаимосвязь погребального и поминального обрядов требует их совокупного изучения и обозначена понятием «погребально-поминальная обрядность».

Основная цель предлагаемой работы — углубленный анализ скифских погребений степного Причерноморья VII—III вв. до н. э. на основе единой методики и привлечения максимального количества источников; при этом предполагается проследить эволюцию скифской погребально-поминальной обрядности во времени и пространстве для выяснения ее хронологических и локальных особенностей, а также для реконструкции практической сферы обрядности, что в определенной мере способствовало бы выявлению ее генезиса. Работа не претендует на всеобъемлющую реконструкцию погребально-поминального ритуала скифов. Изучение семантики погребально-поминальной обрядности — тема будущих исследований.

Считаю своим долгом выразить искреннюю благодарность всем, кто советами или предоставлением неопубликованных материалов помогал мне в работе, — прежде всего И. В. Яценко и А. И. Мелуковой, а также С. С. Бессоновой, Ю. В. Болтрику, Н. А. Гаврилюк, В. А. Ильинской, Г. Т. Ковпаненко, В. М. Корпусовой, Б. Н. Мозолевокому, В. Г. Петренко, Д. С. Раевскому, А. И. Тереножкину, Н. Н. Чередниченко, В. П. Шиллову, Б. А. Шрамко, А. Н. Щеглову, Э. В. Яковенко. Так как рукопись была завершена и рекомендована в печать в начале 1985 г., я не мог, к сожалению, в полной мере использовать публиковавшиеся позднее новые материалы.

ГЛАВА I

**ИСТОЧНИКИ, ИСТОРИОГРАФИЯ МЕТОДИКА
ИССЛЕДОВАНИЯ**

Источники. Основным источником изучения послужил материал скифских погребений VII—III вв. до н. э., исследованных в степном Северном Причерноморье с 1763 г. до начала 1980-х годов. Учтены почти все опубликованные (до февраля 1984 г.) и часть неопубликованных материалов о памятниках. Собранный материал — 1857 погребений — сведен в каталог (прил. 2), а также в географический и типологический указатель (прил. 3). В каталог включены курганные и бескурганные, ограбленные и ненарушенные погребения представителей всех слоев скифского общества. Они сгруппированы по могильникам и разделены на две части; одна объединяет погребения степного Причерноморья севернее Перекопа, другая — погребения степного и предгорного Крыма. Целесообразность подобного деления продиктована самим материалом. Каталог имеет сквозную нумерацию погребальных групп (всего 315), единую для каталога, карт и указателя.

Суущественным элементом погребения является сооружение [Ольховский, 1986. С. 71], вид которого, как правило, можно установить в ходе раскопок. Поэтому в каталоге и указателе отражено не только количество захоронений в погребальной группе, но и распределение их по видам погребальных сооружений. При этом число погребенных в одном сооружении, их синхронность и асинхронность не учитывались. Отсутствие погребального сооружения у захоронения на древней поверхности фиксировалось в графе «Нет погребального сооружения». В случае полного разрушения, неясности публикации и отсутствия данных для достоверной реконструкции фиксация производилась в графе «Неясно». Сооружения, использованные только для захоронения животных, а также различные жертвенные сооружения в каталог и указатель не вносились.

Учтенные погребения сведены в табл. 1.

Таблица 1. Распределение погребений по регионам и хронологическим группам

Регион	Век до н. э.						Всего
	VII—VI, VI—V	V	V—IV	IV—III			
Причерноморье	39	120	44	1 205	35	73	1516
Крым	33	48	81	148	10	21	341
Всего	72	168	125	1 353	45	94	1857

Для удобства обработки и получения сопоставимых выборок анализируемый материал был разделен на три группы: погребения VII—VI вв.; V и IV—III вв. до н. э. В первую группу вошли погребения, датируемые VII, VI и VI—V вв. до н. э., во вторую — погребения V в. до н. э., в третью — относящиеся к V—IV, IV—III, III—I вв. до н. э. и неясного времени. Включение в третью группу немногих погребений III—I вв. до н. э. объясняется невозможностью более точного датирования и асинхронностью захоронений, совершаемых в одном погребальном сооружении на протяжении длительного времени. Погребения, выделенные в табл. 1 под ?, датировать не удалось из-за разрушенности или отсутствия рисунков вещей. Их скифская принадлежность сомнений не вызывает, а очень вероятная дата большинства — IV—III вв. до н. э.

Весьма ценным письменным источником является труд Геродота, несколько глав которого посвящено описанию похорон скифского царя [Нер., IV, 71—73]. Сведения Геродота весьма важны для интерпретации археологических материалов V в. до н. э.

Историография. Открытие в Литой Могиле в 1763 г. «Мельгуновского клада» совпало с публикацией А. Нартовым первого русского перевода «Истории» Геродота [Нейхардт, 1982. С. 6] и привлекло внимание российских ученых к скифским памятникам и скифской проблеме. Однако до середины XIX в. раскопки скифских памятников в степной зоне Северного Причерноморья почти не проводились. Вместе с тем путешествовавшие по югу России ученые (и не только ученые) обращали внимание на крупные курганы, порой публиковали описания их внешнего вида и месторасположения [Зуев, 1787; Кеппен, 1837].

С учреждением Императорской Археологической комиссии (1859 г.), развертыванием деятельности губернских археологических и археографических обществ исследование скифских погребальных памятников приняло сравнительно большие масштабы; одновременно предпринимались попытки пресечения их хищнических раскопок.

Почти все ранние работы, связанные с изучением погребальной обрядности скифов-степняков, представляли собой публикации результатов полевых исследований с краткими авторскими комментариями (труды Ф. Брауна, Н. Беяшевского, И. Е. Забелина, П. М. Леонтьева, Г. Л. Скадовского, С. Н. Ястребова и др. по степному Причерноморью, А. А. Дирина, Н. И. Веселовского, А. И. Маркевича, А. Х. Стевена и др. — по Крыму). Среди них выделяются работы И. Е. Забелина, немало сделавшего для изучения крупнейших курганов степной Скифии [Забелин, 1865; 1908; ДГС, 1866; ДГС, 1872]. А. С. Лаппо-Данилевский одним из первых предпринял попытку воссоздания истории скифов по письменным и вещественным источникам; погребальным памятникам он, однако, уделил мало внимания. По социальному признаку А. С. Лаппо-Данилевский выделил четыре «вида» скифских гробниц, отметив некоторые особенности устройства курганов скифской знати [Лаппо-Данилевский, 1887. С. 465—487].

Конец XIX и первые два десятилетия XX в. отмечены, сохранением интереса к исследованию крупных курганов [Эварницкий, 1901; Макаренко, 1916] при заметном росте масштабов раскопок курганов рядового скифского населения (Н. И. Веселовский, А. А. Миллер, Д. Я. Само-

квасов, Д. М. Щербаковский, И. Я. и Л. П. Стемпковские, А. А. Спицын, М. Эберт и др.). Из обобщающих трудов следует отметить монографию Э. Миннза, содержащую подробное описание устройства и инвентаря богатых скифских погребений [Minns, 1913], и статью А. А. Спицына, посвященную неудачной, на наш взгляд, классификации скифо-сарматских курганов Крыма [Спицын, 1913].

Итоги полуторавекового изучения скифских древностей подвел М. И. Ростовцев в ряде работ, из которых наиболее фундаментальна монография «Скифия и Боспор» [Ростовцев, 1925]. Придавая решающее значение «вещам восточного стиля», он выделил несколько групп (локальных вариантов) скифских памятников, в том числе крымскую и степную днепровскую, и специально отметил, что при этом не мог «придавать определяющее значение формам погребального сооружения и погребального обряда», так как «эта сторона мало и плохо изучена, а отчеты о раскопках неполны и неточны» [Ростовцев, 1925. С. 309. Примеч. 1]. Однако его характеристика крымской и степной днепровской групп почти целиком основана на анализе погребений скифской знати, что и отразилось на выводах [Ростовцев, 1925. С. 376—403, 410—412, 437, 438]. М. И. Ростовцев полагал, что «в общих чертах обряд погребения, идеи, связанные с загробной жизнью, состав погребального инвентаря и общий характер отдельных его частей, специально оружие и костюм, остаются неизменными» на протяжении VI—III вв. до н. э. [Ростовцев, 1925. С. 459]. Кроме того, он отметил «сильнейшее влияние» погребений, типологически и хронологически близких Широкому кургану, на скифские; местный характер новой конструкции погребальной камеры (вероятно, катакомбы); комплекс ритуальных предметов [Ростовцев, 1925. С. 407. Примеч. 2; С. 459; С. 437. Примеч. 2; С. 460].

Изучение скифских погребальных памятников после перерыва, вызванного гражданской войной и разрухой, возобновилось в степном Поднепровье в 1930-е годы (работы А. Добровольского, П. Смолничева, Б. Н. Гракова и др.). Однако масштабы полевых исследований начали быстро расти лишь с начала 50-х годов. Возросший фонд источников стимулировал интерес к изучению погребальной обрядности и большое число работ как публикационного, так и аналитического характера.

Публикации источников. Большинство публикаций, вышедших в последние 30—40 лет, выгодно отличаются от ранних, особенно дореволюционных, систематичностью описаний, более полным иллюстративным материалом, наличием авторских датировок, кроме информативного, имеют интерпретационный раздел [Мелюкова, 1975; Мозолевский, 1979; Ковпаненко, Бунятян, 1978; Гребенников, 1980; и др.]. В последнее время опубликованы либо подробно интерпретированы материалы дореволюционных раскопок скифских погребений под г. Приморском [Яценко, 1956], на Тираспольщине [Мелюкова, 1962], в некрополе Нимфея [Силантьева, 1959], в Краснокутском кургане [Семенов-Зусер, 1939; Мелюкова, 1981], Чертомлыке [Алексеев, 1982]. Важные результаты получены при исследовании ранее раскопанных Первого Мордвиновского кургана [Лесков, 1974], курганов Огуза [Болтрик, 1980; 1981; **1981a; 1983**], Чертомлыка [Мозолевский, Ролле, 1983; Мурзин, **1986; 1987**], Ушаковского [Шилов, 1966a].

Сведения о скифских погребальных памятниках имеются и в информационно-справочных работах [Фабрициус, 1951; Археологічні пам'ятки..., 1966; Ратнер, 1984]. Наиболее полным сводом является коллективный труд «Скифские погребальные памятники степей Северного Причерноморья», вышедший в 1986 г. и включающий около 2300 погребений, исследованных в разное время в пределах современной УССР. Ценность подобного свода несомненна, однако он не заменяет подробной публикации, так как многие существенные элементы погребальных комплексов в нем не отражены*.

Обобщающие работы. Работ, специально посвященных скифскому погребальному обряду, опубликовано немного. Более или менее подробные очерки развития обряда содержатся в обобщающих и научно-популярных трудах по истории скифов, среди которых особенно интересны работы Б. Н. Гракова [Граков, 1947; 1971], А. П. Смирнова [Смирнов А. П., 1966], В. А. Ильинской и А. И. Тереножкина [Іллінська, Тереножкін, 1971; Ильинская, Тереножкин, 1986], А. М. Лескова [Лесков, 1981; Leskov, 1974], И. Б. Брашинского [Брашинский, 1967a]. М. И. Артамонова [Артамонов, 1949; 1974], Особенно подробно скифские погребения VII—IV вв. до н. э. описаны в последней монографии В. А. Ильинской и А. И. Тереножкина. В ней авторы утверждают, что «степные скифские захоронения архаической поры (впускные и основные) не имеют принципиальных отличий от лесостепных могил Среднего Поднепровья» [Ильинская, Тереножкин, 1983. С. 117]. Однако значительно раньше А. И. Тереножкин установил, что «прямых параллелей между ранними степными и лесостепными курганами очень немного», что в степи и лесостепи существовала «единая скифская культура, сложившаяся на собственно скифской и местной основе». Собственно скифскими, привнесенными с востока элементами он считал, помимо оружия, конского убора и звериного стиля, погребальный обряд и погребальные сооружения [Тереножкин, 1971. С. 18, 23].

В отличие от А. И. Тереножкина Б. Н. Граков и А. И. Мелюкова считали, что «корни материальной культуры скифского времени УХОДЯТ в эпоху поздней бронзы», что лесостепь резко отличается от степной Скифии погребальными сооружениями и обрядом [Граков, Мелюкова, 1953. С. 121; 1954. С. 66, 78], что эти различия обусловлены этническими особенностями [Граков, 1953. С. 165]. А. М. Лесков также отметил общие черты в погребальных обрядах доскифского и скифского населения степного Причерноморья [Лесков, 1971. С. 90, 91].

Погребальная обрядность ранних скифов специально рассмотрена И. В. Яценко и В. Ю. Мурзиным [Мурзин, 1979; 1982; 1984]. И. В. Яценко, используя почти все известные к концу 50-х годов материалы, констатировала пережитки срубной культуры на ШИРОКОЙ территории Скифии, особенности захоронений VI—V вв. до н. э. [Яценко, 1959]. По мнению В. Ю. Мурзина, «наиболее близок погребальному обряду, характерному для скифов степной полосы Северного Причерноморья архаиче-

* Во второй графе каталога (прил. 2) номер погребальной группы указан по изданию «Скифские погребальные памятники...», которое в тексте глав и приложений именуется Сводом.

этого времени; погребальный обряд скифских племен степных районов Прикубанья и Северного Кавказа». «Скифский погребальный ритуал VII—V вв. до н. э., утверждает он, является результатом смешения собственно скифского обряда, привнесенного на территорию Северного Причерноморья в VII в. до н. э., и близкого ему обряда местного доскифского населения» [Мурзин, 1984. С. 58, 63]. Таким образом, В. Ю. Мурзин отделяет «скифский» (смешанный) погребальный обряд от «собственно скифского» (привнесенного), истоки и содержание которого он не раскрывает. Нами [Ольховский, 1978а] проанализированы раннескифские захоронения в больших ямах и деревянных гробницах и отмечены черты сходства их с погребениями предшествующего времени и с гробницами того же времени в других регионах.

Одной из наиболее интересных работ является статья Б. Н. Гракова «Погребальные сооружения и ритуал рядовых общинников степной Скифии», в которой на материалах могильников Никопольщины с привлечением других источников дано описание погребального обряда скифов-степняков и установлена «однообрядность» рядовых скифских погребений и царских гробниц [Граков, 1964. С. 127].

Весьма подробно скифская погребальная обрядность рассмотрена в монографии Р. Ролле «Куль мертвых у скифов» [Rolle, 1979]. В ней использованы материалы почти 70 погребальных групп преимущественно степной зоны Причерноморья, охарактеризованы захоронения в катакомбах и погребения представителей верхних слоев скифского общества.

Детальный анализ погребального ритуала на основе изучения около 1550 скифских погребений осуществлен нами в диссертации [Ольховский, 1978]. Впервые дана количественная Оценка основных элементов скифского обряда и на основе этого предложены «модели» скифских погребений VII—V и IV—III вв. до н. э. Были предположительно выделены «доскифские», сугубо скифские, заимствованные и «универсальные» (неясного происхождения) элементы скифских погребальных комплексов. Погребальная обрядность рядового населения степной Скифии анализировалась также Е. П. Бунятян с использованием методов формализации при изучении социальной дифференциации этой самой многочисленной группы скифов [Бунятян, 1978; 1982; 1985].

Погребальным обрядам скифов отдельных районов степного Причерноморья посвящено много работ [Андросов, 1985; Бунятян, 1977а; Гребенников, 1976; Корпусова, Петровская, 1977; Мелюкова, 1962; 1979; Синецын М. С., 1962; Тереножкин, 1960; Шрамко, 1961].

Обряды населения степного и предгорного Крыма скифского времени также рассматривались в многочисленных трудах [Крис, 1976; Лесков, 1961; Масленников, 1976; 1981; Шульц, 1959; Щецинский, Черепанова, 1972; Корпусова, Орлов, 1978; Зінько, 1986]. Наиболее обстоятельны исследования Т. Н. Троицкой и Э. В. Яковенко. Т. Н. Троицкая дала оптимальную для своего времени сводку скифских погребений, констатировала таврское и греческое влияние [Троицкая, 1951; 1954; 1957; 1957а]. Э. В. Яковенко изучила варварские погребения Керченского полуострова, определила их особенности и безусловно скифскую принадлежность, собрала и проанализировала раннескифские погребения Восточно-

го Крыма. Нами опубликована сводка негреческих погребений Крыма, предложена этнокультурная интерпретация выделенных групп погребальных памятников, констатированы сложный этнический состав населения VII—III вв. до н. э. и принадлежность большинства степных и предгорных погребений с лощеной керамикой смешанному скифо-кизил-кибинскому этносу [Ольховский, 1981; 1982].

Классификация погребальных сооружений. Существующие классификации степных погребальных сооружений в большинстве своем локальны, основаны на небольшом материале и почти всегда трудноприменимы к погребениям других территорий.

Так, А. А. Спицын 26 известных ему скифских погребений Крыма разделил на девять типов, причем его классификация охватила и характер погребальных сооружений (впускное, основное), и структуру курганской насыпи; однако она оказалась малоэффективной [Спицын, 1918]. Т. Н. Троицкая разделила погребения крымских скифов на 13 групп, пытаясь объединить в одной классификации вид сооружения (яма, каменный ящик и др.), вид и характер захоронения (труположение, трупосожжение, коллективное и т. д.), что привело к аморфности в определении некоторых групп и замкнутости классификации в целом [Троицкая, 1951]. Э. В. Яковенко констатировала четыре типа скифских погребений Крыма: грунтовые ямы, грунтовые склепы, каменные ящики и каменные склепы [Яковенко, 1974. С. 143]. А. И. Мелюкова в основу классификации ям Николаевского могильника положила ширину дна, зависящую в значительной мере от пола, возраста и социального положения погребенного [Мелюкова, 1975. С. 114]. Количественные показатели явились основой классификации (точнее, выделения групп) ям и катакомб, примененной Е. П. Бунятян [Бунятян, 1982; 1985]. Нами предложена классификация ям по пропорциям и поперечному сечению, а каменных ящиков и склепов — по характеру кладки стен и перекрытий; выделена группа комбинированных гробниц [Ольховский, 1978]. В Своде ямы классифицированы по форме, а каменные гробницы — по конструкции стенок и перекрытий [Скифские погребальные памятники... 1986. С. 346]. Деревянные гробницы мы разделили на срубные, каркасные, срубно-каркасные и столбовые [Ольховский, 1978а, С. 84]. В. Ю. Мурзин выделяет три типа деревянных гробниц: сруб, столбовая гробница, склеп на поверхности [Мурзин, 1982. С. 50].

Классификации катакомб в своем большинстве основаны на учете взаиморасположения осей входных ям и камер. На этом принципе построены классификации Б. Н. Гракова [Граков, 1962. С. 84, 85], А. И. Мелюковой [Мелюкова, 1962. С. 122—140], Д. Т. Березовца [Березовец, 1960]. В. А. Ильинская выделила катакомбы с продольными и трапециевидными камерами [Ильинская, 1966]. Используют и более простую классификацию: подбой (I тип по Б. Н. Гракову) и катакомбы (все остальные); Е. П. Бунятян при этом выделяет три варианта катакомб по форме входных ям [Бунятян, 1977а]. Нами предложена классификация, развивающая схему Б. Н. Гракова и применимая для подавляющего большинства катакомб [Ольховский, 1977].

Генезис погребальных сооружений в связи с проблемой происхождения скифской культуры.

М. И. Ростовцев находил прототип скифских катакомб в погребальных сооружениях катакомбной культуры [Ростовцев, 1925. С. 433]. Л. С. Клейн, считая, что катакомбные погребальные сооружения бытуют в Предкавказье до VII в. до н. э., прямо называет катакомбные племена «историческими скифами, именно скифами царскими» [Клейн, 1963. С. 32]. М. И. Артамонов считал, что «традиция катакомбных погребений жила в нижнем Поднепровье с медно-бронзового века, представляя собой... некий этнический элемент, ямы у скифов царских сменились катакомбами в результате их скрещивания с этим этническим элементом» [Артамонов, 1949. С. 148, 149]. В своей последней монографии М. И. Артамонов пришел к выводу, что «характерная для скифов царских катакомбная форма могилы не связана своим происхождением с того же рода могилами катакомбной культуры», что она возникла в подражание скальным склепам Ближнего Востока [Артамонов, 1974. С. 75]. В последнее время все популярнее становится гипотеза о связи раннескифских катакомб с катакомбами-подбоями позднесрубной и «валиковой» культур [Членова, 1980. С. 86], черногоровско-новочеркасской группы [Ольховский, 1977. С. 127; 1978. С. 13; Мурзин, 1984. С. 63].

В. А. Ильинская пришла к выводу, что «в VIII—VII вв. до н. э. на основании развития срубного обряда у раннекочевнических племен степи распространился курганный обряд погребения в могильных ямах под курганными насыпями с устройством деревянной гробницы» [Ильинская, 1975. С. 92]. По ее мнению, у ранних скифов «в степной зоне широко распространены подкурганные основные захоронения в ямах с деревянными склепами, погребения в склепах на горизонте... обряды погребения у племен степной и лесостепной полосы в ранний период были гораздо единообразнее, чем это казалось раньше» [Ильинская, 1980. С. 121].

В захоронениях, относящихся к предскифской (киммерийской) культуре степного Причерноморья, находят прообраз скифских деревянных гробниц А. И. Тереножкин [Тереножкин, 1976. С. 101] и В. Ю. Мурзин [Мурзин, 1984. С. 63]. Нами было высказано предположение о преемственности скифских, «киммерийских» и белозерских ям с угловыми ямками [Ольховский, 1978. С. 95, 96]. А. И. Тереножкин и В. Ю. Мурзин считают, что в лесостепь деревянные гробницы проникают в раннескифское время в результате скифской экспансии или влияния [Тереножкин, 1971, С. 19, 23; Мурзин, 1984. С. 64]. Нами отмечена «тесная связь степных и лесостепных деревянных гробниц скифского времени», высказано предположение, что «некоторые гробницы оставлены представителями лесостепных племен, проникших в степь», и подчеркнута, что истоки этой традиции не выяснены [Ольховский, 1978. С. 88, 96]. С. А. Скорый объяснил появление на днепровском лесостепном правобережье деревянных гробниц с шатрообразной обкладкой проникновением сюда скифов из Прикубанья и Северного Кавказа [Скорый, 1987. С. 42]; при этом нерешенным остался вопрос о связи шатрообразных деревянных гробниц с их прототипами эпохи бронзы и переходного времени. Необходимо отметить, что радиальное расположение бревен не обязательно свидетельствует о шатрообразной конструкции: она могла иметь вид пандуса [Грязнов, 1980. С. 11, 12] либо усеченного конуса [Таиров, 1987. С. 123].

Г. Н. Курочкин, используя методы ретроспекции и экстраполяции, попытался построить гипотетическую модель скифского царского кургана VIII—VII вв. до н. э. и пришел к выводу, что «истоки погребальной обрядности правителей европейской Скифии... зародились в Центральной Азии» [Курочкин, 1980. С. 117].

Локальные варианты скифской степной культуры. На основании анализа прежде всего погребальных памятников культуры пытались выделять локальные варианты скифской степной культуры, увязать их со свидетельствами Геродота. М. И. Ростовцев выделил крымскую и степную днепровскую группы скифских погребений, связав последнюю с кубанской [Ростовцев, 1925. С. 404, 405]. Б. Н. Граков и А. М. Мелюкова считают культуру скифов степного Причерноморья единой, выделяя лишь узколокальный вариант в Припорожье [Граков, Мелюкова, 1954. С. 75, 92]. И. В. Яценко выделила и этнически интерпретировала четыре локальных варианта скифской степной культуры: район Бугского лимана (каллипиды), Днепровского лимана и нижнего Поднепровья (скифы-земледельцы), степное левобережье нижнего Днепра и степи Приазовья (скифы-кочевники и царские); припорожский район [Яценко, 1959. С. 91—93]. С. Л. Клейн, разделив мерионально территорию Крыма и Приднепровья, выделил два варианта: западный, принадлежавший скифам-кочевникам, и восточный — скифам царским [Клейн, 1961. С. 51] *.

Т. Н. Троицкая разделила скифскую культуру Крыма на два варианта: центральный (предгорный) и восточный (Керченский полуостров) — и сделала предположение о существовании северо-западного варианта, близкого центральному [Троицкая, 1957]. Нами в причерноморской степи выделено четыре локальных варианта (Крымский, Днепр-Бугский, Днестро-Дунайский, Нижнедонской) и три локальные зоны скифской культуры IV—III вв. до н. э. [Ольховский, 1978. С. 17—19].

Взаимодействие скифского и нескифских погребальных обрядов. Взаимодействие скифов с другим населением Причерноморья, отражение этого процесса в погребальных памятниках — проблема важная и сложная, привлекающая постоянное внимание исследователей. В. Ф. Гайдукевич считал, что «тесное и длительное общение греческого населения Боспора, культурное взаимодействие между этими двумя группами не могли не отразиться на погребальных обрядах, которые становились с течением времени все более близкими и сходными» [Гайдукевич, 1949. С. 238]. Е. Г. Кастанаян замечает, что «наибольшее распространение на Боспоре получили те из погребальных обычаев греческих колонистов Боспора, которые соответствовали обычаям местного населения» [Кастанаян, 1959. С. 286].

Т. Н. Троицкая пришла к выводу, что «скифы, пришедшие в Крым, впитали черты кизил-кобинской культуры», а это отразилось в погребальном обряде [Троицкая, 1957б, С. 189; 1957а. С. 229]. Подобной точки зрения придерживается Л. Ф. Силантьева [Силантьева, 1959. С. 89]. В нижнем Побужье, по мнению А. И. Мелюковой, скифы восприняли некоторые черты гето-фракийской культуры [Мелюкова, 1971. С. 40; 1975.

* Первым подобное деление предложил Ф. К. Брун [Брун, 1866].

С. 193]. Нами выявлены скифские заимствования из погребальных обрядов кизил-кобинцев, савромато-сарматов, греков и др. [Ольховский, 1978. С. 16, 17].

В последнее время возрос интерес к взаимодействию скифской степной и нескифской лесостепных культур Поднепровья. Фиксируется продвижение в лесостепь двух-трех «волн» скифов, что отразилось в погребальных памятниках [Скорый; Бессонова, 1987. С. 180; Скорый, 1987; Ключко, Мурзин, 1987. С. 17, 18].

Таким образом, многие исследователи признают, что взаимовлияние скифской, греческой, таврской и других культур проявилось в погребальном обряде. Однако поэтому же вызывает разногласия этническая интерпретация некоторых могильников. Так, Елизаветовский могильник считают чисто скифским [Брашинский, Доманский, 1967. С. 83], меотским [Граков, 1971. С. 111; Квилович, 1949. С. 83], савроматским [Максименко, 1983. С. 123], принадлежащим смешанному населению [Шелов, 1970. С. 69]. Большинство считает Аджигольский и Петуховский могильники скифскими или принадлежавшими смешанному населению, а В. В. Лапин — греческими [Лапин, 1966. С. 170]. Захоронения в каменных ящиках Восточного Крыма (мыс Зюк, д. Золотое, д. Рыбное) считают скифскими [Яковенко, 1982], таврскими [Лесков, 1961, С. 264], возможно, киммерийскими [Масленников, 1976. С. 22]. Погребения VII—VI вв. до н. э. из района Симферополя (с. Марьино, с. Лозовое) определяются как раннескифские [Крис, 1976. С. 245], кизил-кобинские, т. е. киммерийские [Щепинский, 1977. С. 37]. Дискуссионна этническая принадлежность крымских погребений VII—V вв. до н. э. с лощенной керамикой, украшенной резным орнаментом.

Огромное количество работ посвящено анализу и классификации скифского оружия, металлической, деревянной и керамической посуды, украшений, конского снаряжения и т. д. Не имея возможности охарактеризовать эти публикации, отметим, что они в той или иной степени использованы при написании данной работы.

В последнее время возрос интерес к относительной и абсолютной хронологии, микрохронологии скифских древностей [Алексеев, 1984; 1987; Полин, 1987]; начинают применять методы планиграфического и картографического анализа погребений [Отрошенко, Болтрик, 1982; Болтрик, 1986]. Основной итог изучения — сужение до IV в. даты подавляющего большинства скифских погребений, которые раньше относили к IV—III вв. до н. э.

Методика исследования. Погребально-поминальная обрядность реконструируется в данной работе на основе изучения скифских погребальных памятников. В структуре памятника можно выделить три уровня сложности: погребения, погребальные комплексы (курганы, мавзолеи), погребальные группы (курганские группы и грунтовые могильники). Погребальные памятники всех уровней сложности, обладая определенной структурой (набором групп элементов), кумулятивно взаимосвязаны (табл. 2).

Каждая из семи групп характеризуется своим набором элементов. Список их, приведенный в прил. 1, построен по иерархическому принципу и представляет собой код, который может быть использован при хаб-

Таблица 2. Структура погребального памятника

Уровень сложности		Группа элементов
	Погребение	I Погребальное сооружение II Останки погребенного III Погребальный инвентарь
	Погребальный комплекс	IV Намогильное сооружение и следы ритуальных действий V Подкурганное сооружение и следы ритуальных действий VI Вне курганные сооружения и следы ритуальных действий
Погребальная группа		VII Метаструктура погребального комплекса

личной, а после необходимого видоизменения и машинной обработке*. Фиксируемая таким образом структура погребального памятника рассчитана на изучение всего многообразия археологического материала скифского времени — курганных и грунтовых памятников, богатых и рядовых, поврежденных и неповрежденных; пригодна она и для изучения погребальных памятников культур эпохи бронзы и раннего железа, что облегчает их сравнительный анализ. Для большинства элементов (признаков) погребальных памятников определялась частота встречаемости по хронологическим периодам и регионам. В ряде случаев вычислялся коэффициент сходства групп памятников, использовались корреляционные графики и схемы.

ПОГРЕБАЛЬНЫЕ СООРУЖЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ СТЕПНОЙ СКИФИИ

Погребальное сооружение — форма организации замкнутого пространства вокруг умершего, — судя по археологическим и этнографическим данным, относительно устойчивый элемент всего погребального комплекса и этнокультурный признак. Вид погребального сооружения во многом определялся господствующей религиозно-мифологической концепцией [Ольховский, 1986]. Помимо этого, необходимо учитывать влияние природной среды как на выбор вида погребального сооружения, так и на обрядность в целом.

Создание погребального сооружения — один из важнейших актов погребального ритуала. Погребальное сооружение как признак удается установить даже при повреждении погребального памятника. Являясь обязательным элементом погребения (табл. 2), погребальное сооружение не всегда бывает необходимым элементом погребального комплекса (известны захоронения на древнем горизонте под курганом).

Изучение развития погребальных сооружений невозможно без сравнения, а для сравнения необходима классификация. Классификация должна отражать наиболее существенные черты и быть универсальной. Погребальные сооружения разделены на несколько видов по архитектуре и материалу, использованному для создания их формы. Ориентировка и размеры сооружений не учитывались. Выделено восемь видов погребальных сооружений: ямы, катакомбы, деревянные гробницы, каменные ящики, каменные склепы*, грунтовые склепы, сырцовые гробницы, комбинированные гробницы. Каждый вид в соответствии с особенностями конструкции разделен на типы, типы — на варианты и подварианты. Территориально и хронологически виды погребальных сооружений распределяются следующим образом (табл. 3; рис. 1, 2).

Ямы. Могильные ямы прямоугольные или овальные; стенки их обычно не имеют каменных или деревянных креплений. В основу деления ям на типы положено отношение длины к ширине. Выделено три типа; в подавляющем большинстве тип легко определяется визуально или по описанию. Ямы I—II типов делятся на варианты по поперечному сечению с учетом конструктивных особенностей (размещения ступенек, меморативно-ритуальной обкладки одной-трех стенок). По двум-четырем угловым ямкам выделен подвариант А (табл. I).

На территории степного Причерноморья и Крыма учтено 726 захоронений VI—III вв. до н. э. в ямах; 656 из них классифицировано. Остальные разрушены или очень неполно опубликованы.

* Если неясно, ящиком или склепом является каменное сооружение, оно называется каменной гробницей; в табл. 3 обозначается знаком «?».

Таблица 3. Распределение видов погребальных сооружений по хронологическим периодам и регионам

Век дй н. э.	Регион	Яс	атакс	Каменная гробница			рунто в с в	Дерева-на роб ища	С ыр с в ро ни га	СМБН Ро= иная СБН П	е з о о от	е с я с е	Всего
				я с	д л е п	?							
VII—VI, VI—IV v • • •	Причерноморье	22	3	1				6	J,			7	39
	Крым	29		3	—	—	—	—	—	—	—	1	33
	Причерноморье	94	9	—	—	—	—	5	—	1	4	7	120
	Крым	25	1	14	—	3	—	1	1	—	—	3	48
V—IV, IV—III, III—I; ?	Причерноморье	441	853	10	1	2		5	—	4	10	31	1357
	Крым	115	16	71	45	5	1	1	—	—	2	4	260
Итого	Причерноморье	557	865	11	1	2	—	16	—	5	14	45	1516
	Крым	169	17	88	45	8	1	2	1	—	2	8	341

Таблица 4. Территориально-хронологическое распределение ям по типам и вариантам

Век до н. э.	Регион	I						II			III	?	Всего
		1	1A	2	3	4	5	1A	2	2A			
VII—VI, VI—V v	Причерноморье	12	—	—	—	—	—	1	—	2	—	6	22
	Крым	17		1								11	29
V—IV, IV—III, III—I; ?	Причерноморье	48		1	2	—	—	2	2	—	7	12	94
	Крым	18		—	—	—	—	—	—	—	1	4	25
V—IV, IV—III, III—I; ?	Причерноморье	356	3	5	2	4	—	—	3	—	20	35	441
	Крым	102	1	2	—	—	—	—	—	—	6	2	115

Яма — один из самых распространенных видов погребальных сооружений в Скифии VII—III вв. до н. э. (по нашим данным, 40,2% погребальных сооружений с установленным видом). Территориально, хронологически и типологически они распределяются следующим образом (табл. 4).

Ям I типа (табл. VI, VII) значительно больше, чем других (около 88,6% с установленным типом — 581 из 656). Отношение длины к ширине в них колеблется от 1,4:1 до 3,4:1, в среднем составляя 2,4:1. Обычно ямы I типа в плане овальные или прямоугольные, изредка имеют форму неправильного овала либо сильно вытянутой трапеции. Стенки их отвесны или чуть отклонены наружу, а в исключительных случаях наклонены внутрь (табл. VI, 3, 7). Подавляющее большинство ям имеет длину 1,2—3 м, ширину 0,6—2 м, глубину 0,7—2 м. Ям большего размера (длина 2,5 м и более при сохранении пропорций) всего 40. Так,

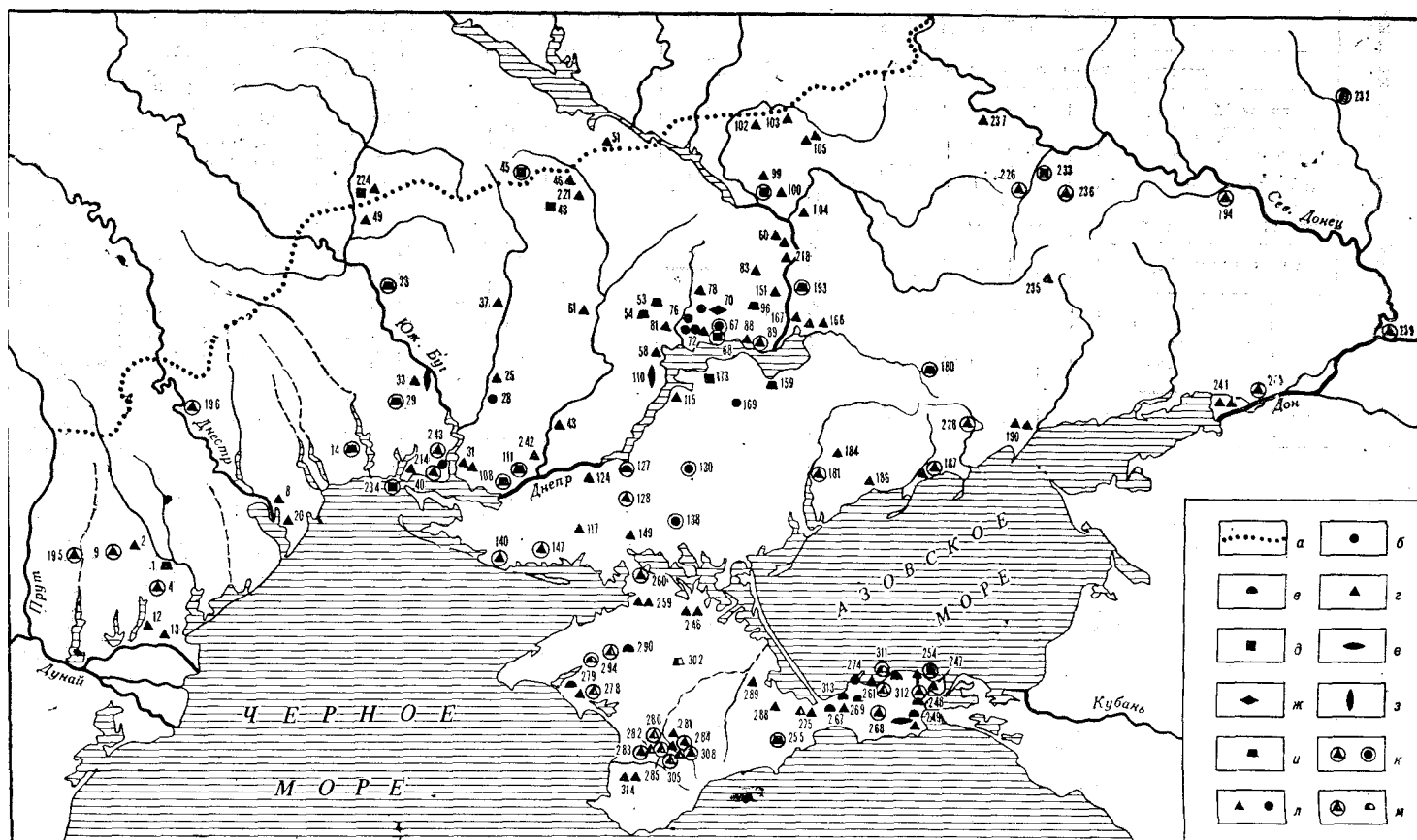

Рис. 1. Скифские погребальные памятники степей Северного Причерноморья VII—V вв. до н. э.
 а — южная граница лесостепи; б — катакомба; в — каменный ящик; г — яма; д — деревянная гробница; е — сырцовая гробница; ж — комбинированная гробница; з — захоронение без погребального сооружения; к — погребальные сооружения неясно; л — погребения VII—VI вв. до н. э.; м — погребения V в. до н. э.

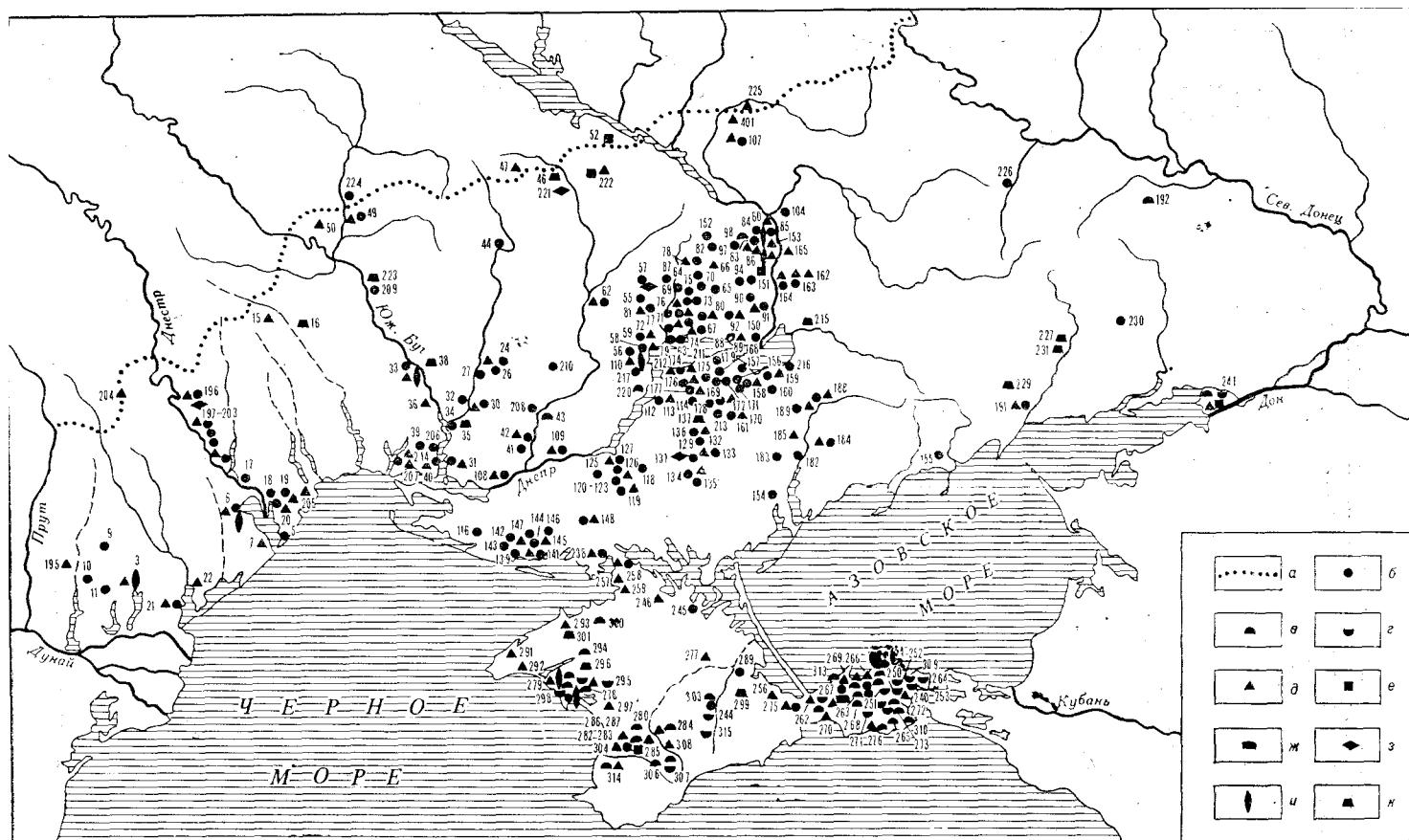

Рис. 2. Скифские погребальные памятники степей Северного Причерноморья рубежа V—IV—III вв. до н. э.
 а — южная граница лесостепи; б — сырцовая гробница; в — лощеный склеп; г — яма; д — деревянная гробница; ж — комбинированная гробница; з — захоронение без погребального сооружения; и — погребальные сооружения неясно; к — погребения V—III вв. до н. э.

размеры ямы кургана 4/1911 Елизаветовского могильника составляли 6×2,5 м, кургана 2 у с. Шевченко — 6×4 м. Глубина больших ям в зависимости от характера грунта колеблется от 0,5 м (Елизаветовский могильник) до 4 м (Буторы, Балабаны). Размеры ям зависели от возраста умершего [Бунятян, 1982. С. 154, 155], числа захороненных в одной яме, социального статуса умершего, местной погребальной традиции. О важности последней свидетельствует концентрация больших ям лишь в двух районах — в Елизаветовском могильнике (21 яма) и в Молдавии — у с. Буторы (9 ям) и с. Балабаны (2 ямы). В 75% больших ям находилось оружие, однако далеко не все погребения можно признать богатыми. Следовательно, большие ямы предусматривались погребальным канонам этих этнических групп для определенной категории умерших, прежде всего воинов определенного ранга*.

По профилировке dna и стенок ямы I типа делятся на шесть вариантов.

Ямы варианта 1 (табл. I; VI, 1—10) в поперечном сечении прямоугольные либо трапециевидные (устье равно либо больше dna). Dно горизонтально или слегка вогнуто. Ямы этого варианта составляют 95,9% I типа. К этому же варианту относится подавляющее большинство (37 из 40) больших ям. Ям варианта 1 в могильниках Причерноморья в VII—V вв. до н. э. 90,9%, а в IV—III вв. до н. э. 95,7%, в Крыму — соответственно 94,6 и 97,2%.

Четыре ямы варианта 1 относятся к подварианту А (табл. VII, 3,4). Они есть в Причерноморье (с. Николаевка, с. Буторы), в Крыму (с. Чистополье), и все относятся к IV—III вв. до н. э. Назначение ямок не вполне ясно; следов дерева нет. Не исключено, что в них устанавливали ножки носилок либо столбики легкого навеса. Аналогичным образом использовались ямки в отдельных раннесакских погребениях (Уйгарак), в ряде захоронений белозерского времени в степном Причерноморье [Ольховский, 1978. С. 93, 94]. По одному разу угловые ямки очень маленького диаметра и без следов дерева отмечены в погребениях абашевской и савроматской культур [Халиков, 1961. С. 168; Шилов, 1959. С. 403]. В некрополях Ольвии [Козуб, 1974. С. 24], Пантикапея [Кунин, Кунина, 1962. С. 286], Калос-Лимена [Щеглов, 1978. С. 46] в угловые ямки ставили ножки деревянных саркофагов и лож; возможно, подобным образом использовали ямки в погребении у с. Чистополье [ОАК за 1891 г. С. 74, 75].

Описанный подвариант схож с подвариантом А ям II типа. Подобные ямы в степном Причерноморье сооружали в ямно-катакомбное время [Ольховский, 1978. С. 92, 93], в угловые ямки устанавливали столбы, поддерживавшие деревянную облицовку и перекрытие. Нами высказано предположение, что с белозерского времени угловые ямки редко использовались по назначению; с их помощью имитировали деревянную столбово-каркасную постройку — полуземлянку [Ольховский, 1978. С. 95].

Ямы варианта 2 типа I (табл. VII, 5) отличаются от ям варианта 1

* 9 захоронений из 40 были, вероятнее всего, женскими, однако в четырех-пяти из них имелось оружие.

обкладкой из камней, стоящих на дне ямы ребром или уложенных друг на друга плашмя вдоль 1—3 стенок. При этом каменная конструкция; - е использовалась как заплечики для поддержания перекрытия. Возможное назначение обкладки — предохранить стенки от осыпания *. Однако в ряде случаев небольшие размеры каменных плиток и неплотное расположение их свидетельствуют скорее об имитации каменного ящика. Ямы этого варианта небольшие, лишь у одной длина близка 3,5 м. Частота встречаемости их невелика (1,5% ям I типа); они есть и в Крыму, и в Причерноморье, появляются там около рубежа VI—V вв. до н. э. (Аршинцево; Мариуполь, к. 6). Примечательно, что из семи ям IV—III вв. до н. э. пять находилось в грунтовых могильниках у с. Николаевка в Поднестровье.

Похожие или идентичные ямы отмечены на Кавказе в могильниках конца бронзового века [Техов, 1977. С. 16—67; Круглое, 1958. С. 120, 121], в могильниках абашевской культуры [Пряхин, 1976. С. 18], а в VII—IV вв. до н. э. — очень редко — тасмолинских, тагарских, ананьинских, савроматских и сарматских могильниках [Маргулан и др., 1966. С. 343. Рис. 37; Смирнов К. Ф., 1964. С. 39; 1975. С. 35; Збруева, 1952. С. 117; Мошкова, 1974. С. 39].

Ямы варианта 3 типа I (табл. VII, б) имеют вдоль одной из длинных стенок на высоте 0,3—1,2 м ступеньку шириной 0,08—0,2 м. В одном случае (прил. 2, № 184) на ступеньке находились предметы погребального инвентаря. Размеры ям средние, лишь яма кургана 2 у с. Шевченко (прил. 2, № 13) относится к группе больших. Ямы варианта 3 есть только в Причерноморье, половина их (две из четырех) датируется VI—V и V вв. до н. э. (Шевченко, Виноградовка), остальные — IV—III вв. до н. э. (Новофилипповка, Николаевка I). Наличие ступеньки сближает вариант 3 типа I с ямами варианта 2 типа II.

Аналогии встречаются редко. Близка им яма, вероятнее всего, скифскою погребения VI в. до н. э. у с. Новоалександровка на левобережье Нижнего Дона [Кореняко, Лукьяшко, 1982. С. 154]; некоторые исследователи это погребение считают савроматским [Максименко, 1983. С. 39]. Ступеньку по южной стенке имела и раннесарматская яма кургана 5 Койсуского могильника [Максименко, 1983. С. 35, 183]. В яме одного из погребений, относимых к числу «киммерийских», под короткой стенкой было сделано две ступеньки; на уровне нижней находилось деревянное перекрытие [Тереножкин, 1976. С. 60, 61]. Древнейшие ямы этого варианта относятся к эпохе бронзы [Марина, и др., 1982. С. 16. Рис. 1, 13; Рябова, 1983. С. ПО. Рис. 5, /].

Ямы варианта 4 типа I имеют вдоль длинных сторон по ступеньке, которые нередко называют «заплечиками». На заплечики опиралось перекрытие; вполне вероятно, что таких ям было значительно больше, чем зафиксировано. Однако заплечики во впускных ямах с деревянным или каменным перекрытием из-за характера грунта почти не прослеживаются. Все четыре ямы этого варианта обнаружены в причерноморских могильниках. Они датируются IV—III вв. до н. э. Две из них (прил. 2, № 195) отличались большими размерами.

* Подобным образом использовался камень, например, в некоторых некрополях Боспора. См.: Цветаева, 1951. С. 66; Кастанаян, 1959. С. 258.

Хронологически и типологически наиболее близкие аналогии — савроматские (с V в. до н. э.) и раннесарматские ямы с заплечиками из Поволжья и Приуралья [Смирнов К. Ф., 1964. С. 81; 1975. С. 159]. Ямы с заплечиками известны в могильниках степного Причерноморья с эпохой средней бронзы до позднескифского времени [Братченко 1977. С. 108; Тереножкин, 1976. С. 60, 50, 51].

Ямы варианта 3 типа I (табл. VI, 11; VII, 7) профилем дна и стенок близки предыдущему варианту. Заплечики идут по периметру или по трем сторонам ямы. Захоронение совершалось в яме, вырытой в дне большей ямы. Заплечики использовались в качестве опоры перекрытия. Примечательна самая ранняя яма этого варианта (V в. до н. э.; прил. 2, № 12). Собственно погребальная яма 2,5X0,75X0,6 м выкопана в дне овальной 3,9X4,5X1,5 м [Гудкова, 1978]. Близка описанной яма кургана 9 у с. Нововасильевка [Ильинская, Тереножкин, 1983. С. 112]. Другие три ямы этого варианта имеют средние для I типа размеры и относятся к IV—III вв. до н. э.

Аналогии ямам варианта 5 известны в степных катакомбных и срубных могильниках, а также среди погребений, относимых к числу «киммерийских» [Тереножкин, 1976. С. 50, 60; Телегин и др., 1977. С. 108; Черненко, Симоненко, 1977. С. 29].

Ямы варианта 6 типа I (табл. VII, 8) выделяются канавкой, идущей на дне по периметру. Центр ямы оказывался приподнятым, образуя грунтовое «ложе» для погребенного. Канавки явно не использовались для крепления деревянной облицовки. Обе ямы этого варианта (прил. 2, №№ 237, 281) относятся к V в. до н. э.; позже они не встречаются. Аналогичные ямы с канавками («ложами» или «столами») известны в раннесакских могильниках Тагиокена и Уйгарака (VII—V вв. до н. э.), иногда в канавках обнаруживаются вещи [Вишневская, Итина, 1971. С. 198, 199]. Территориально скифским ямам этого варианта наиболее близки подобные ямы из могильников VII—V вв. до н. э. восточноевропейской лесостепи [Галанина, 1977. С. 22, 38; Петренко, 1967. С. 15]. Приподнятость в центре погребального сооружения фиксируется с конца эпохи бронзы в некоторых мавзолеях Северного Тагискена, а также ямах белозерского времени степного Причерноморья [Вишневская, Итина, 1971. С. 198; Отрощенко, 1975. С. 196. Рис. 3].

Ямы II типа (табл. I, VIII): отношение длины к ширине близко или равно 1:1, форма квадратная или подквадратная, реже — круглая в плане. Размеры большинства несколько превышают средние размеры ям I типа, колеблются от 1,8X1,9 до 5,2X5,4 м; глубина их 1,3—4,2 м. На исследуемой территории отмечена 41 яма II типа (6,2% ям с установленным типом). Ямы делятся на два варианта по поперечному сечению. По угловым ямам выделяется подвариант А.

Ям варианта 1 большинство (83%). В плане они близки к квадрату, значительно реже — к кругу (табл. VIII, 1—3). Встречаются преимущественно в могильниках степного Причерноморья, а в Крыму крайне редки. Территориально и хронологически ямы распределяются так: Причерноморье VII—V вв. до н. э. — 21%, IV—III вв. до н. э. — 2,7%; Крым VII—V вв. — 4,7%, IV—III вв. — менее 1% *. Таким образом,

* От числа ям с установленным типом.

Этот вариант весьма архаичен, характерен раннескифскому погребальному обряду. Три ямы (табл. VIII, 4) относятся к подварианту А, датируются V в. до н. э. * Следов дерева в угловых ямках нет, но несомненно их типологическая связь с четырёхстолбовыми деревянными гробницами [Ольховский, 1978а. С. 92—95]. Ямы варианта 1 типа II в Причерноморье известны в срубное и белозерское время. В некоторых по периметру dna делалась канавка [Ратнер, 1965. С. 37]. Перекрывали их плахами и камышом [Отрощенко и др., 1977. С. 45]. Подобные ямы применяли андроновцы и абашевцы [Хлобыстина, 1973. С. 51; Пряхин, 1976. С. 18]. Аналогичные круглые и квадратные ямы нередки в савроматских, тасмолинских, раннесакских могильниках VII—V вв. до н. э., а также в могильниках Прикубанья и Северного Кавказа VI—V вв. до н. э., поднепровской и молдавской лесостепи [Смиров К. Ф., 1964. Рис. ПА. С. 79, 81; Петренко, 1967. С. 16; ОАК за 1903 г. С. 69; Марковин, 1965; Лапушнян, 1980. С. 10; Батчаев, 1985. Табл. 18, 20, 22, 26, 38, 44].

Ямы подварианта А встречаются у срубников, белозерцев, «киммерийцев» степного Причерноморья и ранних саков низовьев Сырдарьи [Ольговский, Полин, 1977. С. 42; Вишневская, Итина, 1971. С. 198; Тереножкин, 1976. С. 65, 68; Ольховский, 1978а. С. 92—95], причем у белозерцев иногда, а у саков нередко столбов в ямках нет.

Ямы варианта 2 типа II (табл. I, VIII) по профилю идентичны ямам варианта 3 типа I. По одной из Стенок идет ступенька шириной 0,5—1 м; иногда очень узкие ступеньки наблюдаются и по другим стенкам. Широкую ступеньку могли использовать для спуска в яму или устройства перекрытия. Возможно, она имитировала спуск в жилище умершего — полуземлянку.

Ямы варианта 2 (17% ям II типа) отмечены только в степном Причерноморье, в Крыму их нет. В скифском погребальном обряде они появляются не позднее начала VI в. до н. э. (г. Константиновск-на-Дону), в IV—III вв. до н. э. их число резко сокращается, как и ям варианта 1. Две ямы относятся к подварианту А (г. Константиновск-на-Дону, Балабаны, к. 5) **. Ступеньки в них располагались с южной стороны. В константиновском погребении (табл. VIII, 6) установленные в ямках столбы, возможно, поддерживали устроенное на уровне ступеньки или чуть выше перекрытие. Столбики сближают это погребальное сооружение с каркасными деревянными гробницами, а ступеньки — с ямами варианта 3 типа I. Близких аналогий ямам этого варианта, за исключением [Тулхарского могильника в Средней Азии [Мандельштам, 1968. С. 24, 41], найти не удалось. Отдаленное сходство имеют несколько ям VII—VI вв. до н. э. могильника у хут. Красное Знамя, дно которых делится надвое невысокой ступенькой; углубленная часть могильной ямы использовалась для человеческих захоронений, а возвышенная, вероятно, для конских туш и части инвентаря [Петренко, 1983. С. 45].

Ямы III типа (табл. I; XVI, 5) немногочисленны (5,2%). Это короткие траншеи длиной 3,2—5 м, шириной 0,8—1 м. Их длина превышает ширину в 3,5 и более раз. Появляются они не позднее V в. до н. э., из-

* Яма 2 кургана 8 гр. Буторы I отнесена к VI—V вв. до н. э. предположительно.

** Последняя к VI—V вв. до н. э. отнесена предположительно, по аналогии. . . .

редка встречаются и позже. Почти все сконцентрированы в двух могильниках — курганном Елизаветовском в устье Дона (76,4%) и грунтовым у с. Фронтное в Крыму (20,5%). Аналогии известны с эпохи раннего железа. Так, яма с отношением длины к ширине 4:1 отмечена среди степных погребений переходного времени [Тереножкин, 1976. С. 53]. Ямы близких пропорций встречаются в савроматских некрополях Поволжья и Приуралья [Смирнов К. Ф., 1964. С. 266].

Рассмотрим некоторые особенности устройства ям. Выделяются семь вариантов оформления устья.

Вариант 1 — ямы без перекрытия. 65,6% ям VII—III вв. до н. э. не имели следов перекрытия, ямы без перекрытия на всей рассматриваемой территории IV—III вв. до н. э. использовались чаще, чем в предшествующее время (табл. 5).

Перекрытия отмечены у 34,3% ям VII—III вв. до н. э. всех типов. Изучение их затруднено плохой сохранностью.

Вариант 2: перекрытие из одной-пяти каменных плит различной формы и толщины (7,3% ям); щели между ними иногда закладывали щебнем. Если погребение основное, плиты опираются на дневную поверхность, если впускное — на заплечики, которые обычно не прослеживаются. В одном случае плиты поддерживал вертикальный каменный столб, укрепленный в небольшом углублении дна [Яковенко, 1970. С. 117. Рис. 4, 6].

В Причерноморье вариант 2 мало распространен (в раннескифское время — 2,6%, в среднескифское — 6,1%); в синхронных погребениях Крыма он обычен (13—14%). Возможно, перекрытия этого варианта встречались чаще, но из-за разрушений оказались отнесенными к варианту 3. Такие перекрытия использовались в грунтовых (Николаевка I) и курганных могильниках. Аналогичные иногда встречаются в срубных погребениях степного Причерноморья [Братченко, 1977. С. 12], но в киммерийское время они не отмечены.

Вариант 3: камни заполняют яму или ее верхнюю часть, образуя выкладку, иногда правильной прямоугольной формы (14,4%; табл. VI, 10). Завал служить перекрытием не мог. В первом случае камнями, вероятно, заваливали деревянное перекрытие; после разрушения древесины камни проваливались и заполняли яму*. Во втором случае камнем

Таблица 5. Территориально-хронологическое распределение вариантов перекрытий ям

Регион	Век до н. э.	1	2	3	4	5	6	7	Всего
Причерноморье	VII—V,	63	3	15	28	—	—	7	116
	IV—III	305	27	58	29	3	—	19	441
Крым	VII—V,	32	7	11	4	—	—	—	54
	IV—III	76	16	21	—	—	2	—	115
Всего	VII—III	476	53	105	61	3	2	26	726

* Заполнение некоторых ям более напоминало каменную забутовку, чем остатки перекрытия.

вымащивали поверхность над заполненной грунтом или камнем ямой (Кичкас, Волошское и др.). Известно одно перекрытие в виде каменной кладки [Ольховский, 1982. С. 64. Рис. 3]. В грунтовых могильниках каменные выкладки обозначали и места погребений (Николаевка I и др.).

Такие перекрытия чаще встречаются в Крыму (18—20% ям), чем в Причерноморье (около 13%). Ямы, заваленные камнями или отмеченные каменной вымосткой, известны в погребениях срубной и «киммерийской» культур Причерноморья [Лесков, 1971а. С. 407, 414; Тереножкин 1976. С. 97; Лагодовська, 1949], встречаются у савроматов, саков [Смирнов К. Ф., 1964. С. 39] и в других культурах. Не совсем ясно устройство перекрытия ямы варианта 5 типа I кургана 9 у с. Нововасильевка. Возможно, оно было двускатным каменным, опиравшимся на каркас из кольев или древков копий [Ильинская, Тереножкин, 1983. С. 112].

Вариант 4: плоские деревянные перекрытия (8,4% ям); устраивали их разными способами:

А. Бревна, плахи, брусья укладывали плотно обычно в один ряд. В двухслойных перекрытиях верхние плахи уложены поперек нижних (Омельник, Подгородное, Перещипино и др.); известно и тройное перекрытие (Буторы, к. 10, п. 2). Перекрытия опираются на дневную поверхность (основное захоронение) или на заплечики (впускное). Иногда перекрытие значительно превышает площадь ямы (Буторы).

Б. Вдоль или поперек ямы укладывали от одного до четырех бревен, поверх которых настилали плахи (Аджигол и др.).

В. По контуру ямы рамой укладывали брусья, а на них — плахи в один-два ряда (Подгородное, гр. X, к. 6; Александровка, к. 6, п. 1; табл. VII, I).

Г. Двойное перекрытие: одно на заплечиках в яме, другое — на древнем горизонте (Балабаны, к. VII, п. 2; к. X).

К сожалению, неясно устройство перекрытий в ямах V в. до н. э. у с. Мироновка и с. Станишино [Ольховский, 1978а. С. 89]: деревянные брусья лежали над засыпью ямы радиально. Подобные облицовки использовались в некоторых деревянных гробницах.

Иногда сверху перекрытия выстилали лубом, корой или тростником. Отмечено применение вместе с деревом камня: камнем заваливали деревянное перекрытие (Новогригорьевка и др.); камнем выкладывали или вымащивали периметр перекрытия (Вольная Украина, гр. П. к. 14, п. 2); каменную плиту укладывали на поперечные брусья (табл. VI, II).

Деревянные перекрытия имели почти 25% ям VII—V вв. до н. э. в могильниках Причерноморья; в IV—III вв. до н. э. их в четыре раза меньше. В Крыму подобные перекрытия редки (табл. 5). Деревянные перекрытия, напоминающие описанные, в том числе с прокладками из камыша, хвороста, травы и каменным навалом обычны для погребений всех этапов срубной культуры [Братченко, 1977. С. 12; Черненко, Симоненко, 1977. С. 30], «киммерийцев» [Тереножкин, 1976. С. 34, 37, 50, 60], савроматов [Смирнов К. Ф., 1964. С. 58—60, 64, 85].

Перекрытия варианта 5 отмечены лишь в трех курганах IV в. до н. э. у с. Буторы; возможно, их было больше. Это пирамидообразная многоугольная конструкция из бревен, уложенных горизонтально на дневную

• поверхность и материковый выкид. Площадь основания достигает 142 м² [Кетрару, Серова, 1982. С. 120]. Подобные перекрытия для скифов нетипичны. Они есть в некоторых погребениях савроматских, прохоровских, сакских (?) и дандыбай-бегазинских могильников Поволжья, Привуралья и Казахстана [Смирнов К. Ф., Петренко, 1963. Табл. 4, 1; Смирнов К. Ф., 1964. С. 39, 187; 1975. С. 132, 136; Черников, 1965. С. 20]. Прототипы их — в срубных погребениях восточных районов [Смирнов К. Ф., 1975. С. 184]. Судя по расположению бревен, образующих круг диаметром 11,5 м, аналогичным могло быть перекрытие ямы со спуском-пандусом в кургане 6 у с Александровка, относящемся к черноголовскому времени [Ковалева, Мухопад, 1982. С. 92. Рис. 6].

Перекрытия варианта 6 отмечены только в Крыму. Яма кургана IV—III вв. до н. э. у с. Чистополье была перекрыта сырцовыми кирпичами (возможно, сводом) и поверх них завалена камнями. Яма ак-бурунского кургана 1875 г. была перекрыта шестью черепицами-керамидами. Ямы с аналогичными перекрытиями нередки в некрополях Боспора, Ольвии, Херсонеса IV—III вв. до н. э. [Цветаева, 1957. С. 71; Кастаняч, 1959. С. 279].

Перекрытия варианта 7 — из камыша. Они отмечены лишь в погребениях Елизаветовского могильника. Не исключено применение деревянных жердей в конструкции перекрытий. Возможно, камышовый тлен на стенках ям — след провалившихся перекрытий. Камышом пекекрывали погребения савроматы Поволжья и Привуралья [Смирнов К. Ф., 1964. С. 85] и ранние саки низовьев Сырдарьи [Вишневецкая, 1973. С. 62, 63]. Обилие камышовых перекрытий в Елизаветовском могильнике можно объяснить и природными условиями донской дельты.

Корреляция показала, что в ямах I типа чаще применялись перекрытия вариантов 3 (17,2%) и 2 (9%), в ямах II типа — вариантов 4 (31,7%) и 3 (17,3%), в ямах III типа — варианта 7 (29,4%).

Стенки пяти ям I—II типов имели ниши — углубления в стенке выше дна [Лесков, 1981. С. 138], небольшой подбой на дне под одной из стенок (табл. VI, 2). В недавно опубликованных ямах III типа (V в. до н. э.) из района Каменского городища [Отрошенко, 1985] и с. Большой Михайловки [Мухопад, 1984. С. 127] имелось по несколько ниш. Судя по описанию последней ямы, она похожа на погребальное сооружение кургана Бабы, также имевшего неглубокие угловые ниши. В ниши помещали погребальный инвентарь и жертвенную пищу. Иногда они оказывались пустыми и в неограбленных погребениях.

Катакомбы. Катакомба — вырытое в грунте погребальное сооружение, состоящее из вертикальной или наклонной входной ямы и камеры, устроенной в виде глубокой ниши в стенке входной ямы; часто входную яму с камерой соединяет коридор (дромос). В предлагаемой классификации катакомбы разделены на 10 типов в зависимости от взаиморасположения и соразмерности длинных осей входных ям и камер и 5 вариантов, отражающих усложнение простейшей схемы катакомб каждого типа (наличие и количество дромосов и камер); подварианты А и Б фиксируют размещение камер относительно входной ямы и дромоса (табл. II). Признаки вариантов общие для 9 типов. Принцип классификации предусматривает возможность новых вариантов. Так как ката-

Таблица 6. Распределение катакомб по типам и вариантам

Тип	Вариант					Всего
	1	2	3	4	5	
I	...	19	1А; 3Б	3А; 1Б	2	426
II	97А; 11Б	28А; 10Б		1А; 1Б	—	148
III	29А; 9Б	43А; 5Б		2А; 1Б	1А; 1Б	91
IV	18	4	1А; 1Б		—	24
V	16	21А; 15Б	—		1А; 1Б	53
VI	27	18	2А; 4Б	1	—	52
VII	3	1А; 1Б	2		—	7
VIII	23	5			—	28
IX	НА; 7Б	—			—	21
X	—	—			—	4
?	—	—			—	28

комбы уже рассмотрены в отдельной статье [Ольховский, 1977], даем их краткую характеристику с учетом нового материала.

Катакомбы составляют 48,8% изученных погребальных сооружений с установленным видом. Удалось классифицировать 854 катакомбы, остальные 28 разрушены или плохо описаны. По типам и вариантам они распределяются следующим образом (табл. 6).

I тип: длинные оси входной ямы и камеры параллельны; камера или дромос отходит от длинной стенки входной ямы. Тип очень распространен (49,9% классифицированных катакомб). Подавляющее большинство катакомб I типа относятся к варианту 1; подобные сооружения в литературе неточно именуются подбоями, подбойными могилами, ямами с подбоем. В некоторых работах проводится мысль о принципиальном отличии подбоев от катакомб [Нечаева, 1961. С. 154]. Данное утверждение опровергается общностью основных элементов конструкции подбоя и катакомбы, наличием переходных форм от подбоев к катакомбам. Первый вариант катакомб — единственный, широко применяемый не только в курганных, но и в грунтовых могильниках. Усложненные варианты катакомб I типа сравнительно немногочисленны (табл. IX, X). Катакомбы вариантов 4А и 5 использовались только при захоронении высшей аристократии. Впускное погребение Солохи, погребение 1 Мелитопольского и катакомба Шульговского курганов (табл. IX, 9; X, 3), относящиеся к варианту 4А, настолько схожи (отходящая от дромоса вправо основная камера; узкие, длинные хозяйственные камеры), что с учетом относительной синхронности позволяют связать их постройку с одним «архитектором».

Катакомбы II типа (17,3%): длинные оси входной ямы и камеры — на одной (подвариант А) или почти одной (подвариант Б) прямой; камера или дромос отходит от короткой стенки входной ямы или от ее угла (табл. XI). Большинство принадлежит варианту 1, реже встречается вариант 2 и очень редко — вариант 4.

Катакомбы III типа (10,7%): оси перпендикулярны; входная яма или дромос примыкает к длинной стенке камеры **посередине (подвариант А)** или ближе к одному из концов камеры (подвариант Б; табл. XII). Преобладают варианты 2 и 1, варианты 4 и 5 — единичны.

Катакомбы IV типа (2,8%): оси перпендикулярны, камера или дромос отходит от длинной стенки входной ямы (табл. XIII). Варианты 2 и 3 очень редки.

Катакомбы V типа (6,2%): оси под углом, входная яма короткой стенкой или отходящим от этой стенки дромосом примыкает к длинной стенке камеры (табл. XIV, 1—8). Преобладает вариант 2, как у катакомб III типа. Почти все катакомбы однокамерные, исключения крайне редки (табл. XIV, 8).

Катакомбы VI типа (6,1%): оси под углом, камера или дромос отходит от одного из углов входной ямы или от ее короткой стороны. Преобладает вариант 1, варианты 2, 3 и 4 встречаются реже (табл. XV, 1—10). Все катакомбы варианта 3 (Толстая Могила, впускное; Б. Цимбалка; Чертомлык; I и II Мордвиновские; Козел) содержали очень богатые, в том числе и «царские» захоронения.

Катакомбы VII типа: оси под углом, камера или дромос отходит от длинной стороны входной ямы (табл. XIV, 9—11). Такие катакомбы очень редки (0,8%). Все они содержали богатые захоронения воинов или военачальников (номархов?) и перекрывались насыпями высотой 2—5 м (Страшная, Сахнова, Гайманова Могилы; Башмачка, к. 6; Выводово, к. 93, п. 2; Кирово, к. 1; Калиновка, к. 2, п. 3).

Катакомбы VIII типа (3,3%): входная яма круглая или квадратная, оси ее равны, она примыкает к длинной стенке камеры. Преобладает вариант 1, есть вариант 2. Все они содержали рядовые захоронения (табл. XV, 11—13).

Катакомбы IX типа (2,4%): круглая или квадратная входная яма примыкает к короткой стороне камеры (подвариант А) или ее углу (подвариант Б). Зафиксирован только вариант 1, сложные варианты не отмечены. Катакомбы эти обычно невелики (табл. XV, 14—17).

Катакомбы X типа: с длинной входной ямой, стенка которой против устья входа в камеру превращается в грунтовую лестницу. Дромос объединен со входной ямой, взаиморасположение осей камеры и входной ямы — как у катакомб II и III типов (табл. XVII, 9). Всего 4 таких катакомбы зафиксированы в двух могильниках у с. Петуховка и с. Астанино.

Охарактеризуем конструктивные элементы катакомб подробнее (рис. 3).

Входные ямы *. В подавляющем большинстве случаев они вертикальны и лишь изредка наклонены к камере. В плане ямы прямоугольны либо овальные, значительно реже круглы или квадратны. Удлиненных ям больше, потому что сооружались они быстрее; в них могли работать одновременно два и более землекопов. Размеры весьма различны и, как размеры камер, определялись социальным статусом погребаемого. Площадь их колеблется от 1,30X0,5 до 6,5X4 м, глубина от 1,5 до 12 м. Иногда ограничителем глубины входных ям был уровень грун-

В дореволюционных публикациях называются ходами, колодцами, входами, спусками.

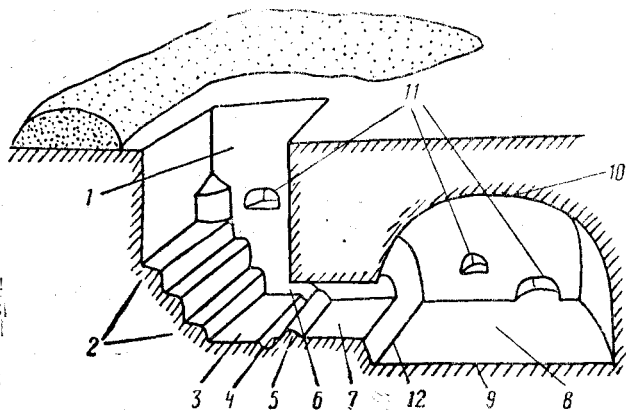

рис. 3. Схема катакомбы (по р. Ролле, с дополнениями)
 1 — входная яма; 2 — ступеньки;
 3 — дно входной ямы; 4 — канавка-
 каровик для заслона (заклада);
 5 — порожек; 6 — устье входа в
 дромос; 7 — дромос; 8 — камера;
 9 — дно (пол) камеры; 10 — свод
 (потолок) камеры; 11 — ниши; 12 —
 устье входа в камеру

товых вод и материковой скалы. Во всех возможных случаях стремились достичь плотного грунта — обычно вязкой глины [Забелин, 1908. С. 284]. Катакомбы грунтовых могильников отличаются от подкурганых незначительными размерами, в том числе малой глубиной входных ям (Николаевка I, Фронтное I и др.). Обычно дно входной ямы меньше либо равно устью, однако в некоторых случаях, преимущественно в больших катакомбах, входная яма равномерно расширяется «низу» (табл. XIV, 11; XV, 8).

Обычным, но не обязательным элементом входных ям являются грунтовые ступеньки по одной, реже — двум-трем и крайне редко — всем стенкам. Иногда небольшие ступеньки делались и в углу входной ямы (табл. XIV, 3). Устраивались ступеньки напротив устья входа в камеру и лишь изредка по смежным с ним стенкам (табл. IX, 4; XIII, 4). Ширина их 0,1—0,8 м, высота 0,1—1,5 м, количество — одна-три, редко шесть-девять. Примечательно, что ступеньки нередко отсутствуют как в неглубоких (2—3 м), так и в очень глубоких (более 7 м) входных ямах. Ступеньки облегчали спуск, но в глубокие катакомбы спускались по веревке и лестнице.

Во входных ямах 12 катакомб отмечены ниши, иногда их две. Устраивались они чаще у дна, изредка несколько выше. Размеры их от 0,1×0,2×0,3 до 1,8×1,9×0,65 м. Половина ниш к моменту раскопок была пуста, возможно, в результате ограбления. В уцелевших малых нишах находились посуда, оружие, примитивные «курильницы» из фрагментов лепных сосудов, в больших — обычно скелеты лошадей (четыре ниши в трех катакомбах; табл. XI, 2; XIV, 7). Большие ниши прикрывали каменные или деревянные заслоны. Уникален «колодец» диаметром 1 м и глубиной 3,9 м, вырытый в дне входной ямы боковой гробницы Александропольского кургана, заваленный камнями и грунтом; назначение его неясно.

Дно входных ям горизонтально или слегка покато к камере. В 10 катакомбах оно было устлано камышом или камышовыми циновками, корой, деревом. Захоронения на дне входной ямы не совершались; лишь в двух случаях (табл. IX, 5; XIV, 6) так были захоронены зависимые лю-

ди. В богатых катакомбах на дно входной ямы помещали части повозок: колеса, борта и т. д. [Бессонова, 1982. С. 103].

В одной из стенок входной ямы, у дна, устраивался вход в камеру или дромос катакомбы; у катакомб сложных вариантов таких входов два-три. Устье входа аркообразно либо овально, иногда, особенно в катакомбах I типа, имеет вид более или менее узкой щели. В больших катакомбах устье входа в камеру обычно больше, чем в небольших, где средняя высота его 0,6—1,2 м, а ширина — 0,5—1,5 м. Заметно стремление сделать устье меньше, чтобы надежнее закрыть его.

Заклад (заслон) — стенка из органических и неорганических материалов, изолирующая камеру или дромос катакомбы от грунта, которым засыпали входную яму. Заклад отмечен в 312 из 882, т. е. в 35% катакомб. В зависимости от материалов выделяются несколько видов закладов.

Каменные заклады весьма распространены (57% зафиксированных). Состоят они из одной—трех плит, установленных на ребро (табл. IX, /, 4, 5). Реже плиты среднего размера складывали горизонтально в виде стенки. Каменный заклад нередко сочетается с полной или частичной забутовкой входной ямы (табл. XIV, 7, 10).

Закладов из дерева, луба, камыща и прутьев меньше (2.6%). Устраивались они следующими способами: *А.* Несколько досок, бревен или плах устанавливали вертикально вплотную. Иногда это был щит, скрепленный поперечными брусками и деревянными шипами (табл. XV, 11). *Б.* На укрепленные вертикально две-четыре жерди, опирались уложенные горизонтально доски или плахи. Для этого же в устье иногда делали вертикальные пазы шириной 0,06—0,15 м, глубиной 0,1 м и высотой до 1 м (табл. XIV, 4). *В.* В стенках устья вырубались ниши-гнезда 0,2—0,3×0,3—0,5×0,2—0,4 м для установки горизонтального бревна, на которое опирался щит заклада (табл. X, 8). *Г.* Легкие заклады из плетня, лубяных и камышовых циновок, вероятно, опирались на вертикальные жерди; встречаются они весьма редко [Тереножкин и др.; 1973. С. 153. Рис. 36]. Изредка циновки использовались как дополнение к описанным выше деревянным закладам.

Для скрепления досок и плах закладов иногда использовали железные гвозди и скобы [Мозолевский, 1973. С. 203. Рис. 17]. Они обнаружены в 15 катакомбах. Отмечены два случая использования в качестве заслона бортов деревянной повозки [Тереножкин и др., 1973. С. 158. Рис. 59; Болтрик, 1981а. С. 233].

Для укрепления щитов закладов перед устьем входа иногда выкапывались канавки-ровики шириной 0,08—0,4 м, глубиной 0,06—0,15 м; они обнаружены в 22 катакомбах (табл. X, 7). За ними в устье входа делали грунтовые порожки шириной 0,08—0,3 м, высотой 0,2—0,35 м (в 6 катакомбах; табл. XV, 4).

Комбинированных каменно-деревянных закладов немного (около 4%). Это установленные вертикально плахи, заваленные камнями.

Заклады из сырцовых кирпичей отмечены только в 30 катакомбах Петуховского (Марицынского) могильника. Для скифов они не типичны (табл. XVII, 9), как и заклады из 4—14. амфор, установленных вер-

тикально. Заклады из амфор известны только в 4 погребениях двух могильников у с. Аджигол и с. Надлиманское (табл. IX, 3).

Есть основания предполагать, что самыми распространенными, особенно в небольших катакомбах, были заклады из кусков дерна, лесса или глины. Однако они сохраняются плохо и в процессе раскопок фиксируются исключительно редко [Граков, 1962. С. 60]. Распространенность различных закладов зависела и от природных условий. Так, каменных закладов нет или почти нет в больших могильниках у с. Кут, с. Широкое, на Никопольском курганном поле и др.

Каменные, деревянные и камышовые заклады в катакомбах скифских могильников Причерноморья применяются с VI—V вв. до н. э. до позднескифского времени. Сырцовые и амфорные заклады, широко распространенные в некрополях Ольвии, Никония и других городов, заимствованы скифами из греческого погребального ритуала.

После устройства заклада входную яму заваливали грунтом или камнями. В Приазовье яму иногда закладывали чередующимися пластинами морской травы-камки (Шульговский, Мелитопольский, Бердянский курганы). В засыли ямы изредка погребали туши коней.

Изредка над входными ямами фиксируются скопления камней в виде гряд и вымосток, плоских либо полусферических. В грунтовых могильниках так отмечали входную яму. Применение гряд и вымосток в подкурганных захоронениях, основных и впускных, конструктивно не оправдано. В погребении кургана 15 у Семеновки над входной ямой была обнаружена деревянная плоская или усеченно-коническая (?) конструкция, сожженная до возведения кургана [Субботин, Охотников, 1981. С. 113].

Дромос * — подземная галерея, соединяющая входную яму с камерой. Дромосы обязательны для катакомб вариантов 2, 4, 6 типов I—IX (22% катакомб с установленным типом). В сечении дромосы овальные, полуовальные, стрельчатые и прямоугольные, их ширина 0,5—1,5 м, высота 0,6—1,5 м. В ряде катакомб III типа дромосы расширяются к камере (табл. XII, 6, 8), образуя своего рода «предкамеру». Длина дромоса во многом определялась социальным положением человека, для которого сооружалась катакомба, и колебалась от 0,2 до 5—8 м. Длинные дромосы встречены только в богатых захоронениях. В плане дромосы, как правило, прямые, искривленные, встречаются как исключение (табл. XIV, 7; XV, 6). Дно обычно горизонтальное либо имеет наклон к камере.

Изредка в дромосах богатых катакомб захоранивали зависимых людей — на грунтовом дне у стенки (табл. XV, 6) либо в неглубоких нишах (табл. XI, 6, 8). Крайне редко в дромосы складывали туши коней и части разобранных погребальных повозок.

Погребальная камера ** — выкопанное в грунте замкнутое помещение, предназначенное для размещения останков умершего и погребального инвентаря. Камера соединяется с входной ямой непосредственно либо через дромос. Она имеет стенки, дно (пол) и свод (потолок). В од-

В дореволюционных изданиях — ход, галерея, коридор.

В публикациях именуется гробницами, комнатами, минами, подземельями, пещерами, катакомбами.

ной из стенок находится устье входа в дромос или входную яму, расположенное, как правило, выше дна камеры на 0,1—0,8 м.

В плане камеры прямоугольные либо овальные, иногда «фасолевидные», трапециевидные (особенно катакомбы II, IV типов); неправильные формы редки, круглых почти нет. Размеры их по дну существенно разнятся в зависимости от социального положения погребаемого. Очень невелики (1,5—3×0,7—2 м) камеры большинства катакомб первого варианта всех типов (особенно I, II, VIII, IX). Камеры богатых катакомб значительно обширнее — до 6,3×4,2 м. Дно камер делалось ровным, горизонтальным. Крайне редко один из участков пола бывает приподнят ступенькой (табл. XIII, б). Дважды подобные возвышения отмечены у коротких стенок. Площадь их до 0,5×1,35 м, использовались они для размещения погребального инвентаря и жертвенной пищи (табл. IX, 5). Уникально обнаруженное в камере погребения кургана 5 у с. Кирова основание глиняного столба высотой 0,3 м [Черненко, 1967. С. 187, 188]. В двух камерах (Парканы, курган 143; Белозерский могильник, курган 37) дно было обмазано глиной.

Иногда в дне камер выкапывали круглые, реже — квадратные ямки; они отмечены в 14 катакомбах V—III вв. до н. э. Находятся ямки обычно у стен, реже — в центре. Размеры их от 0,2×0,2 м до 1×0,9 м, глубина 0,12—0,75 м. К моменту исследования ямки, как правило, были пусты (ограблены), лишь в некоторых сохранились ритуальные сосуды, золотые бляшки, оружие. Можно предполагать использование их в качестве тайников. В одной из ямок в центре камеры обнаружен деревянный тлен, возможно, от столба, поддерживавшего свод [Мозолевский, 1980. С. 154].

Стенки камер в нижней части обычно перпендикулярны дну или чуть наклонены к центру. В стенках 37 камер имелись ниши, устроенные чаще на уровне дна, иногда — на высоте 0,45—0,6 м. Изредка в камерах — чаще в богатых — было по две-три ниши (табл. XIII, 7). Ширина их устья 0,4—2,5 м, высота 0,3—1,2 м, глубина 0,35—1,36 м*. Ниши использовались для погребального инвентаря и жертвенной пищи (табл. XV, 6, 7). В дне двух ниш вырыты неглубокие ямки диаметром до 0,12 м; в одной находился круглодонный кубок, в другой — ножка бронзового котла (?).

В катакомбах курганов 37 и 45 Белозерского могильника стенки камер были обмазаны глиной. Стенки, а также своды трех катакомб III и V типов с Тираспольщины были покрыты резными линиями, образующими решетку [Мелюкова, 1962. С. 131]. Очевидно, так имитировался интерьер жилища (юрты?) или крытой повозки. Дважды отмечены следы драпировки стен камеры камышовыми Циновками, прикрепленными деревянными колышками [Березовец, 1960. С. 53—55, 58, 59]. Возможно, обнаруженные в одной из катакомб группы Страшной Могилы пазы высотой 0,35 м и глубиной 0,1 м и грунтовые полочки шириной 0,1 м, опоясывающие камеру на уровне пята свода [Тереножкин и др., 1973. С. 142], служили для горизонтального крепления легких жердей, державших ткань, имитирующую потолок.

* Ниши глубиной более 1,9 м считаются камерами. †

В стенки камер трех катакомб на высоте 0,8—1,4 м было вбито от двух до пяти железных гвоздей (Башмачка; Носаки; Вольная Украина, гр. III), а в одном случае — крюки (Бердянский курган). Крюки служили для подвешивания оружия и сруи [Чердниченко я др., 1979. С. 419; Чердниченко, Фиалко, 1987]; обнаруженная на одном из гвоздей ткань [Лесков, 1974. С. 90] позволяет предположить, что на них также развешивали одежды или драпировки. Изредка в отчетах упоминаются следы побелки стен и свода, являющиеся, вероятнее всего, результатом естественной минерализации.

Форма и высота сводов камер в большинстве случаев искажена частичным или полным обрушением. Форма свода обычно бывает аркообразной (полуциркульной, коробовой) или куполовидной, иногда двускатной, стрелчатой или плоской. Высота составляет 0,6—1,5 м. В катакомбе 4 кургана 2 у с. Малая Лепетиха четырехугольный (сторона 1,65 м), сложенный из камней столб поддерживал свод [ОАК за 1913—1915 гг. С. 137]. Если верно предположение о подобном использовании деревянного столба в катакомбе кургана 2 Западно-Богдановской группы, то перед нами второй случай применения вертикальной конструкции в камере.

Своды трех катакомб (Глинное, к. 276; Вольная Украина, гр. III, к. 22, п. 2; Белозерский могильник, к. 45) были обмазаны глиной. В центре свода одной из катакомб у с. Башмачка сделано коническое углубление [Волкобой и др., 1981. С. 51], очевидно, имитирующее дымоход жилой постройки. Своды пяти катакомб III и V типа с Тираспольщины были украшены резными линиями, образующими сетчатый или линейный орнамент (табл. XII, 10). В катакомбе кургана 3 у с. Кирово зафиксированы четыре радиально расходящиеся из центра свода желобка [Черненко, 1967. С. 188, 189]. Орнаментация потолка, орнаментация, обмазка и драпировка стенок циновками и тканью свидетельствуют о стремлении смоделировать в камере интерьер жилой постройки или крытой повозки.

Катакомбы усложненных вариантов 3—5 имеют по 2—4 камеры. Камеры отходят от входной ямы (табл. IX, 9; X, 3, 5; XIII, 7; XV, 7—9) либо друг от друга (XI, 8; XII, 10). В последнем случае они иногда отделяются закладом (табл. XIII, б). Часть камер использовалась только для инвентаря и жертвенной пищи, они нередко отличаются от погребальных меньшими размерами (табл. XIV, 8; XII, 11). Изредка в них захоранивались зависимые члены общества (табл. XV, 7).

В IV—III вв. до н. э. катакомбы нередко использовали для асинхронных захоронений; в камеру с заваленной входной ямой подзахоронение совершалось обычно через новую яму. При подсчете вторичные входные ямы можно спутать с грабительскими ходами. Отличия входных ям от грабительских в большей аккуратности, следах маскировки, забутовках и закладах, остатках погребального кортежа (повозок, лошадей) на Дне или в дромосе. Вторые входные ямы обнаружены у 52—60 катакомб I—VIII типов (14—15% катакомб с установленным типом). Корреляция вторых входных ям с типом катакомб показала, что две входные ямы часты у катакомб II (19,6%) и VII типов (28,5%); у катакомб III—VI, VIII типов они редки (7—10%) и очень редки у катакомб I типа (1,4%).

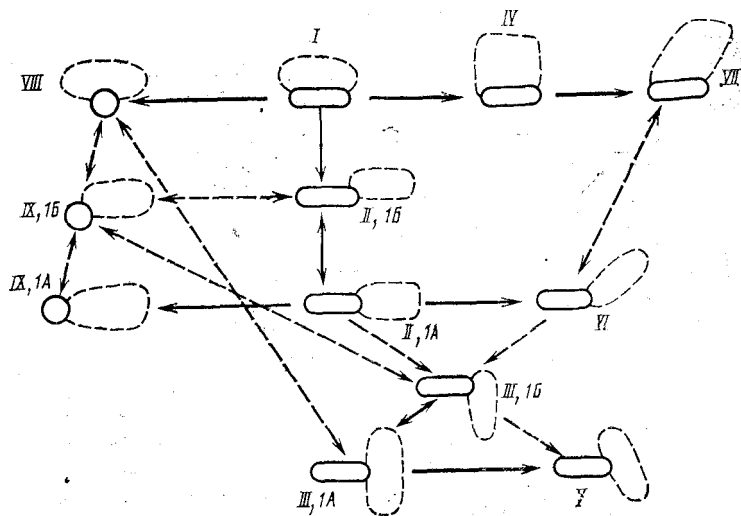

Рис. 4. Типологические связи катакомб I—IX типов

Вторых входных ям нет в катакомбах грунтовых могильников. В курганах их вели через насыпь, обычно соединяя с камерой дромосом, реже — выводили прямо на свод (табл. XI, 7, 8; X, 6, 9). Известен случай сооружения второй входной ямы с древней дневной поверхности до насыпки кургана (с. Верхнетарасовка, гр. III, кв. 82, п. 2). В некоторых больших могильниках вторых входных ям нет (Шевченко II и III, Широкое I и II, Днепрорудное), в других их много (Верхнетарасовка, Гайманово поле). Распространенность асинхронных захоронений, возможно, свидетельствует о длительном обитании определенных этнических групп в данных районах и о прочности семейных отношений.

Катакомбы появляются в скифском погребальном ритуале не позднее I-й пол. VI в. до н. э., причем не только в степи, но и в лесостепи [Дергачев, 1979]. Более ранние катакомбы с достоверно скифским набором предметов пока не обнаружены. Самые ранние скифские катакомбы относятся к простейшим вариантам I типа.

Типологически катакомбы I—IX типов в их простейшем варианте I можно разделить на три группы (рис. 4). В первую входят катакомбы I, IV, VII и VIII типов; исходным, несомненно, является I тип. VIII тип, возможно, есть результат уменьшения длины входной ямы катакомб I типа, но столь же вероятно, что I тип появился в результате удлинения входной ямы катакомб VIII типа. IV тип — следствие расширения камеры катакомбы I типа, а катакомбы VII типа отличаются от IV отклонением основной оси входной ямы на $10-45^\circ$ от перпендикуляра к длинной оси камеры. Во вторую группу входят катакомбы II, VI и IX типов; исходным является II тип. IX тип — результат сокращения длины входной ямы, а VI тип — результат отклонения длинной оси камеры от оси входной ямы катакомбы II типа. К третьей группе относятся катакомбы

VIII и V типов, различающиеся углом между осями камеры и входной ямы.

По чисто формальным признакам все три группы связаны. Переходными между I и II типами являются катакомбы варианта 1Б типа II, а между II, III, V и VI типами — катакомбы варианта 1Б типа III; возможны также и менее определенные связи (на предлагаемой схеме сплошной линией показаны несомненные типологические связи, пунктиром — вероятные). Таким образом, можно считать катакомбы II—IX типов результатом трансформации простейших катакомб I типа.

Хронологическую соотнесенность катакомб всех типов можно попытаться установить по их взаимовстречаемости в курганах. Нам известна спецификация (впускное или основное погребение) для 781 катакомбы. Данные представлены в табл. 7*.

Анализ ее показал, что среди катакомб I типа впускных 31,3%; выпускали их в курганы с основными катакомбами I—VII типов я нередко — погребениями эпохи бронзы. Катакомбы II типа (впускных 22,3%) имеются в курганах с основными катакомбами I, II, V, VI типов и погребениями эпохи бронзы. Катакомбы III типа выпускали (21,7%) главным образом в курганы с основными катакомбами II и VI типов, IV типа — в курганы с катакомбами II, V, VI типов, а VIII, IX типов — с катакомбами I, II, IX типов. Катакомбы VII типа почти не использовались для впускных захоронений, наиболее часто применяли для этого катакомбы IV, VIII и IX типов. Полученные результаты подтверждают определенную синхронность катакомб I—IX типов [Ольховский, 1978а. С. 124].

Сопоставив абсолютные даты с данными по взаимовстречаемости катакомб, получаем хронологическую схему: VI—V вв. до н. э. — I тип; 1-я пол. IV в. до н. э. — существование I типа, появление II, затем III—IX типов; 2-я пол. IV—III в. до н. э. — сосуществование I—IX типов, появление X типа. Ранняя дата катакомб I типа подтверждается и планиграфическими наблюдениями на Рогачицком курганном поле [Болтрик, 1986].

Предлагаемая схема намечает эволюцию катакомб. Она, конечно, может быть конкретизирована указанием более узкого периода для каждого типа и варианта, однако это должно опираться на четкую микрохронологию предметов из погребений, чем мы пока не располагаем. Вместе с тем есть все основания для заключения, что регулярное сооружение и использование сложных вариантов катакомб I—VI типов приходится в основном на 2-ю и 3-ю четв. IV в. до н. э. и охватывает примерно 60—70 лет. С рубежа IV—III вв. до н. э. в степи сооружают и используют в основном варианты 1 и 2 типов I—III, появляется чуждый X тип катакомб. Именно катакомбы I—III типов фиксируются и в позднескифских могильниках Причерноморья и Крыма.

Разнообразие катакомб позволяет допустить использование разными скифскими племенами их разных типов. Однако в могильниках обычно встречаются сразу несколько типов катакомб [Ольховский, 1978а. С. ПО. Рис. 1]. Возможно, это связано с длительностью использования могиль-

Таблица 7. Взаимовстречаемость катакомб I—X типов

Основная		Впускная катакомба														Итого основных														
		I			II			III			IV			V				VI			...			VIII		X	X			
		1	2	3	1	2	4	1	2	4	5	1	2	3	1			2	5	1	2	3	4	1	2	3	1	2	1	
I	1 2 3 4 5	30 2	2 2			9 1	4	—	1	—	—		1	—	—	1								3	—	2		257 5 3 3 2	270	
II	1 2 4	13 6	—	—		7 1			3 1	—	—		3 2	—	—	4	—	4	3					1	—	3	—	74 32 2	108	
III	1 2 4 5	6 1	2						1				1 1			1								1	—		22 39 2 2	65		
IV	2 3	2	1																				1	—	—	—	6 3 2	И		
V	1 2 5	2 2	1 1			1	1	—	1	—	—		1 1	—	—	2	1	—	1	—				—	—		7 23 1	31		
VI	1 2 3 4	2 1 1	1			1	—	—	2	—	1	—	1	—	—	2	1	—	1	—				1	—		17 10 4 1	32		
VII	2 3	1	—			—																		—	—		3 1 1	5		
VIII	1 2	—	—						1				—											—	—		9 3	12		
IX	1	—	—																					—	—		b			
Погребения эпохи бронзы Ямы, склепы скифов	1	36 6	1			4	1	—	—	—	—		1	1		1	2	—	2					—	—		4			
Итого впускных		111	111			1	251	6	—	12	51	1	—	12	1	—	8	9	—	8	9	1	—	—	1	—	7	1	8	—

ликов, в течение которого этническая среда могла меняться, и с кочевым образом жизни большинства скифских племен.

Катакомбы II типа не впускали в курганы с основными катакомбами III типа, что может свидетельствовать не только о разноплеменности единого этноса их создателей и ранней хронологической позиции катакомб II типа, но и о принадлежности катакомб II и близкого VI типа господствующей этнической группе.

Проверить предположение можно на группе курганов высотой к моменту раскопок 3 м и более, с богатыми захоронениями в катакомбах. Все 45 курганов выборки *, за одним исключением **, насыпаны в IV—нач. III в. до н. э. Захоронения VI—V вв. до н. э. в катакомбах под такими курганами не отмечены***. В 45 курганах зафиксировано 78 богатых катакомб, девять из них не могут быть классифицированы. Из оставшихся катакомб 42 являются основными, а 27 — впускными. По типам и вариантам они распределялись следующим образом (табл. 8).

Таким образом, для захоронения скифской знати в IV—III вв. до н. э. использовались катакомбы I—VII типов. Сопоставив табл. 6 и 8, устанавливаем, что семь вариантов катакомб (I, 5; II, 4; III, 5; V, 5; VI, 3; VII, 1, 3; в табл. 8 обведены рамкой) использовались исключительно для богатых захоронений; еще два варианта (I, 4; IV, 3; в табл. выделены звездочкой) использовались для этого часто (50—70%). Из табл. 8 следует, что 23,2% богатейших катакомб относится к I, 18,8% — к II, 7,3% — к III типу. Но эти данные нельзя признать подтверждением «престижности» катакомб II типа по сравнению с III типом. Для проверки скоррелируем [Генинг, Борзунов, 1975] признаки «богатое захоронение в катакомбе под курганом высотой 3—20 м» и «рядовое захоронение в катакомбе под курганом или без насыпи» (табл. 6 и 8). Таким путем (табл. 9) удастся выяснить тенденцию каждого признака, показывающую, во сколько раз данный признак превышает норму распределения. Она может быть повышенной (1,3—2), пониженной, (0,1—0,8), иметь почти одинаковое распределение в сравниваемых группах ($1 \pm 0,2$) [Бунятян, 1982. С. 141]. Корреляция показала, что в катакомбах II типа богатые погребения обычнее (тенденция 1,04), чем в катакомбах III типа (0,8), но величина и разница тенденций мала и не позволяет констатировать более высокое социальное положение захороненных в катакомбах II типа. Однако явная тенденция повышенной встречаемости богатых захоронений отмечена в катакомбах IV, VI, VII типов. Сопоставив это наблюдение с выделенными выше тремя типологическими группами катакомб, восходящими к катакомбам I, II, III типов, отметим: богатые захоронения чаще всего находятся в катакомбах IV и VII типов — производных от I типа, и катакомбах VI типа — производного от II типа. Таким образом, предположение о большей социальной

Кроме основных, в выборку включены впускные катакомбы, сравнимые по размерам и богатству с основными тех же курганов. Впускные и основные захоронения слуг в отдельных катакомбах не учитывались.

** Большой курган у с. Малая Лепетиха относится к эпохе бронзы. После устройства скифского захоронения в катакомбе он досыпан и обложен камнем.

** Погребальные сооружения курганов Бабы и Раскопана Могила отнесены нами к числу неясных.

Таблица 8. Распределение богатых захоронений по типам и вариантам катакомб

Тип	Вариант				
	1	2	3	4	S
I	7	3	1	3 ^s	<u>12</u>
II	16	5	—	<u>2</u>	
III	—	2	—	1	<u>12</u>
IV	5	1	1*	..	—
V	—	7	—	—	—
VI	4	5	16	—	—
VII	1	—	<u>12</u>	—	—

Таблица 9. Корреляция социальной значимости погребений и типов катакомб

Показатель	Признак	Показатель исчисления	Тип катакомбы							
			I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII—X
Количество	„Рядовые“	785	410	135	86	17	45	37	2	53
	„Знать“	69	16	13	5	7	8	15	5	—
	Всего	854	426	148	91	24	53	52	7	53
Частость со- вокупности, %	„Рядовые“	100	52,2	17,2	11	2,2	5,7	4,7	0,2	6,8
	„Знать“	100	23,2	18,8	7,3	10,1	11,6	21,7	7,3	—
	Норма рас- пределения	—	37,7	18	9,15	6,15	8,65	13,2	3,75	3,4
Тенденция совокуп- ности	„Рядовые“	—	1,38	0,96	1,2	0,36	0,66	0,36	0,05	2
	„Знать“	—	0,62	1,04	0,8	1,64	1,34	1,64	1,95	—

значимости катакомб II (VI) и I (IV, VII) типов по сравнению с катакомбами III (V) типа в определенной степени подтвердилось. В пользу предположения о разноплеменности погребенных в катакомбах выделенных групп свидетельствует и различие в ориентировке погребенных в катакомбах I—II и III типов [Ольховский, 1978а. С. 122].

Вопрос происхождения скифских катакомб сложен и исследователями решается по-разному. В значительной мере это объясняется широтой хронологического диапазона и ареала катакомб. Так, практически идентичны рассмотренным катакомбы лесостепного Приднепровья IV—III вв. до н. э. В лесостепи они редки (опубликовано около 45). Примечательно, что катакомбы самых распространенных в степи I и II типов в лесостепи встречаются заметно реже; там весьма высок процент катакомб IV, VI и III типов. В лесостепи почти нет богатых катакомб, а также катакомб сложных вариантов 3—5 [Ольховский, 1978а. С. 125]. Несомненна прямая связь степных и лесостепных катакомб IV—III вв. до н. э.

Редкие и нетипичные для степных скифских некрополей катакомбы X типа, отмеченные преимущественно в Петуховском могильнике и датируемые III—II вв. до н. э., аналогичны «земляным склепам» некрополя Ольвии конца IV—I вв. до н. э. и некоторых других городов [ПарОВИЧ-Пешикан, 1974. С. 34—37]. Очевидно сильное античное влияние на погребальный обряд населения, оставившего могильник. Отражением этого влияния, помимо катакомб X типа, являются сырцовые и амфорные заклады, некоторые другие элементы погребальных комплексов.

Самые ранние катакомбы относятся к варианту I типа I. Подобные катакомбы известны с рубежа VII—VI вв. до н. э. у кочевников Казахстана [Смирнов К. Ф., 1975. С. 157], Поволжье и Южном Приуралье изредка встречаются еще в переходное время [Смирнов К. Ф., Петренко, 1963. С. 18. Табл. 2]. Там же отмечены редкие савроматские катакомбы I—III типов, отнесенные к VII—V вв. до н. э. [Смирнов К. Ф., 1964. С. 83, 84]. Несколько катакомб варианта I типов III и V, датированных IX—VIII вв. до н. э., обнаружено в Южном Таджикистане [Мандельштам, 1968. С. 1381].

Традиция создания катакомбных погребальных сооружений достаточно прочно связана со степным Причерноморьем и Нижним Подоньем, где с эпохи средней бронзы широко распространены катакомбы вариантов 1 и 2 типов III и VIII, нередко катакомбы I и II типов [Братченко, 1976. С. 20], известны и сложные варианты. Уже тогда вход в камеру закрывали глиняными пробками [Отрошенко, 1983. С. 300]. Катакомбы I типа зафиксированы в могильниках культур многоваликовой керамики [Клюшинцев, 1980] и срубной [Дворниченко, 1968. С. 7], белогозского этапа. В VIII—I-й пол. VII в. до н. э. здесь сооружали и использовали лишь катакомбы варианта I типа I и редко варианта I типа VIII; их известно уже не менее 20, почти ежегодно открываются новые [Тереножкин, 1976. С. 42, 47—50; Гребенников, Елисеев, Клюшинцев, 1984. С. 35, 40, 44; Гошко, Отрошенко, 1986]. Весьма популярная в последнее время идея преемственности в развитии причерноморских предскифских и скифских катакомб, вполне вероятно, соответствует действительности. Но небольшая хронологическая лакуна между катакомбами указанных групп все же имеется*; она будет ликвидирована лишь с открытием катакомб второй половины VII в. до н. э. с бесспорно скифским инвентарем.

О происхождении и развитии катакомбы как погребального сооружения заметим следующее. Три типологические группы с основными I II и III типами могут быть гетерогенными. Катакомбы I типа скорее всего есть результат преобразования обычных ям I типа путем устройства подбоя под одной из стенок. Допуская развитие савроматских катакомб из больших грунтовых могил с деревянным перекрытием и дромосом, К. Ф. Смирнов совершенно верно отметил, что так могли возникнуть катакомбы II и III, но не I типа [Смирнов К. Ф., 1964. С. 84]. Данное заключение подтверждается погребальными сооружениями Тулхарского могильника IX—VIII вв. до н. э., где ямы со входом, идентичные в плане катакомбам II и III типов, предшествуют катакомбам III

и V типов [Мандельштам, 1968. С. 24, 41, 138]. Катакомбы VIII и I типов могли образоваться и из вытянутых в плане, колоколовидных в разрезе ям, редких в могильниках эпохи бронзы, переходного и позднесарматского времен [Гребенников, Елисеев, Ключинцев, 1984. С. 44. Рис. 4, 1; Скрипкин, 1981. С. 74. Рис. 1, 5]. Их узкое круглое устье обычно закрыто каменными плитами, оно напоминает горловину колодца или зерновой ямы. Стенки ямы ниже устья резко расширяются, входное отверстие — лаз — при этом оказывается в центре свода или у стенки склепообразной камеры, являясь одновременно и упрощенной входной ямой (обычно без ступенек). Катакомбы VIII типа отличаются от колоколовидных ям лишь входным отверстием, смещенным к стенке. В стенке полностью или частично формируется дно лаза — входной ямы в виде одной или нескольких полукруглых ступенек. Однако, как отмечалось выше, вполне вероятно формирование катакомб VIII типа из I типа.

Деревянные гробницы — погребальные сооружения, основной объем которых создается жестким деревянным каркасом. В основу классификации положено устройство деревянных стен. Признак этот выбран потому, что другой и более важный — наличие либо отсутствие входа — в степных причерноморских гробницах пока ни разу не отмечен. Деревянные погребальные сооружения со специально оформленным входом, расположенные на погребенной почве или в яме, будем именовать склепами (по аналогии с каменными); в степи их нет. Деревянные сооружения без оформленного входа типологически соответствуют ящикам, однако удобнее называть их гробницами.

На исследуемой территории с разной степенью достоверности зафиксировано 18 деревянных гробниц VII—IV вв. до н. э. Конструкция их не всегда ясна, в ряде случаев классификация предположительна. В степи нами выделено три типа с вариантами, отражающими особенности устройства стенок (табл. IV).

Гробницы I типа характеризуются плотной однослойной деревянной облицовкой; таких гробниц 9. В варианте 1 бревна или брусья лежат горизонтально срубом или «ящиком»; таких гробниц 6 (Подгородное, Показовое, Самбросовка, Кичкас). Их чаще устраивали в яме, иногда на древней дневной поверхности (Показовое). Размеры колеблются от 2,02x1,62 м до 3,15x2,05 м, возможны и большие (Показовое?). Гробницы занимают всю яму, деревянные стенки соприкасаются с грунтовыми. Перекрытые обычно однослойное, реже — двух- и трехслойное, лежит оно на древней дневной поверхности, иногда на заплечиках (табл. XVI, 4). Деревянный пол из плах отмечен в двух гробницах (Подгородное, Кичкас). Две наземные гробницы у с. Показовое имели радиальную, возможно, шатрообразную обкладку, диаметр которой значительно превышал размеры гробниц.

К варианту 2 типа I относятся три гробницы, исследованные у с. Подгородное, на о-ве Березань и у хут. Бревин*. Все они сооружены в ямах глубиной 0,79—2,8 м, площадью 3,28—3,5x1,86—2,5 м. Стенки ям обставлены бревнами или брусьями диаметром до 0,12 м, образующими сплошной частокол. В березанской гробнице поверхности стенок

* Датировка VI в. до н. э. [Шрамко, 1962. С. 170] вызывает сомнения: возможна значительно более ранняя дата.

обмазаны глиной *. Перекрытия двухслойные из массивных — 0,24—0,6 м в диаметре — бревен. Гробница у с. Подгородное поверх перекрытия была накрыта многоярусной шатрообразной (?) конструкцией диаметром 14,5 м из уложенных радиально толстых стволов (табл. XVI, 1, 2). Поверх конструкции лежали камни.

Гробницы II типа — каркасные; несущими конструкциями здесь являются 4—9 столбов, вкопанных вертикально и образующих контур гробницы. Деревянная облицовка отсутствует либо она легкая — из плетня, плашек, иногда с глиняной обмазкой. Горизонтальное перекрытие в некоторых гробницах поддерживал столб, установленный в центре. Зафиксировано две гробницы варианта 1 (6—9 столбов). Одна из них, в кургане у с. Медеро (табл. XVI, 5), была сооружена на древней дневной поверхности, имела деревянный пол, легкую облицовку и радиальную деревянную обкладку (?). Гробница кургана 1/1892 Пастака, устроенная в глубокой яме 2,82x2,3x4,7 м, имела деревянное перекрытие, уложенное на заплечиках. Шесть столбиков, установленных в углах и у длинных стенок, служили для крепления войлочной облицовки (?) стенок и потолка. Покойник помещался в вырытом у одной из стенок «ложе» глубиной 0,44 м.

К варианту 2 относится гробница из к. 121 Елизаветовского могильника со столбами по углам и в центре. Недавно подобное же сооружение, имевшее легкую тростниковую облицовку стенок, открыто и в к. 125 того же могильника [Копылов, 1984; Он же, 1986]. Не исключено, что некоторые из редких ям варианта 1А типа II (табл. VIII, 4, 5) в действительности являлись четырехстолбовыми деревянными гробницами, но доказать это невозможно.

К III типу относится одна гробница (с. Великая Знаменка). Она характеризуется плотной деревянной облицовкой стен, которая поддерживалась установленными в углах столбами.

Классификация оставшихся пяти гробниц невозможна вследствие их разрушения и отсутствия данных для реконструкции.

Итак, из 18 деревянных гробниц 12 было сооружено в ямах, 4 — на Древнем горизонте, 2 — неясно как; 4—5 — имели радиальную обкладку; 7 гробниц было сожжено, еще 3 имели следы огня на стенках, полу или перекрытии. Примечательно, что сожжены или обожжены все гробницы с радиальной деревянной обкладкой.

Все три типа гробниц существовали у скифов степного Причерноморья с рубежа VII—VI вв. до н. э. включительно. Распределяются они во времена следующим образом: VII—V вв. до н. э. — 12 гробниц (66,6%), рубеж V—IV и IV вв. до н. э. — 6 гробниц. Из ранних гробниц сожжено или обожжено 8 (66,6%), из поздних — 2 (33,3%). Очевидно, что обычай сооружения деревянных гробниц и их последующего сожжения постепенно отмирает. С рубежа V—IV вв. до н. э. гробницы сооружаются только в ямах, радиальные обкладки не используются. В Крыму их всего две, а основная масса сосредоточена в северных степных районах [Ольховский, 1978. С. 85].

Погребение 371 с о-ва Березань описано нечетко, возможно, здесь был сруб [Капошина, 1956. С. 220].

и V типов [Мандельштам, 1968. С. 24, 41, 138]. Катакомбы VIII и I типов могли образоваться и из вытянутых в плане, колоколовидных в разрезе ям, редких в могильниках эпохи бронзы, переходного и позднесарматского времен [Гребенников, Елисеев, Ключинцев, 1984. С. 44. Рис. 4, /; Скрипкин, 1981. С. 74. Рис. 1, 5]. Их узкое круглое устье обычно закрыто каменными плитами, оно напоминает горловину колодца или зерновой ямы. Стенки ямы ниже устья резко расширяются, входное отверстие — лаз — при этом оказывается в центре свода или у стенки skleпообразной камеры, являясь одновременно и упрощенной входной ямой (обычно без ступенек). Катакомбы VIII типа отличаются от колоколовидных ям лишь входным отверстием, смещенным к стенке. В стенке полностью или частично формируется дно лаза — входной ямы в виде одной или нескольких полукруглых ступенек. Однако, как отмечалось выше, вполне вероятно формирование катакомб VIII типа из I типа.

Деревянные гробницы — погребальные сооружения, основной объем которых создается жестким деревянным каркасом. В основу классификации положено устройство деревянных стен. Признак этот выбран потому, что другой и более важный — наличие либо отсутствие входа — в степных причерноморских гробницах пока ни разу не отмечен. Деревянные погребальные сооружения со специально оформленным входом, расположенные на погребенной почве или в яме, будем именовать склепами (по аналогии с каменными); в степи их нет. Деревянные сооружения без оформленного входа типологически соответствуют ящикам, однако удобнее называть их гробницами.

На исследуемой территории с разной степенью достоверности зафиксировано 18 деревянных гробниц VII—IV вв. до н. э. Конструкция их не всегда ясна, в ряде случаев классификация предположительна. В степи нами выделено три типа с вариантами, отражающими особенности устройства стенок (табл. IV).

Гробницы I типа характеризуются плотной однослойной деревянной облицовкой; таких гробниц 9. В варианте 1 бревна или боусья лежат горизонтально срубом или «ящиком»; таких гробниц 6 (Подгородное, Показовое, Самбросовка, Кичкас). Их чаще устраивали в яме, иногда на древней дневной поверхности (Показовое). Размеры колеблются от 2,02×1,62 м до 3.15×2,05 м, возможны и большие (Показовое?). Гробницы занимают всю яму, деревянные стенки соприкасаются с грунтовыми. Перекрытие обычно однослойное, реже — двух- и трехслойное, лежит оно на древней дневной поверхности, иногда на заплечиках (табл. XVI, 4). Деревянный пол из плах отмечен в двух гробницах (Подгородное, Кичкас). Две наземные гробницы у с. Показовое имели радиальную, возможно, шатрообразную обкладку, диаметр которой значительно превышал размеры гробниц.

К варианту 2 типа I относятся три гробницы, исследованные у с. Подгородное, на о-ве Березань и у хут. Бревин*. Все они сооружены в ямах глубиной 0,79—2,8 м, площадью 3,28—3,5×1,86—2,5 м. Стенки ям обставлены бревнами или брусьями диаметром до 0,12 м, образующими сплошной частокол. В березанской гробнице поверхности стенок

* Датировка VI в. до н. э. [Шрамко, 1962. С. 170] вызывает сомнения: возможна значительно более ранняя дата.

обмазаны глиной *. Перекрытия двухслойные из массивных — 0,24—0,6 м в диаметре — бревен. Гробница у с. Подгородное поверх перекрытия была накрыта многорядной шатрообразной (?) конструкцией диаметром 14,5 м из уложенных радиально толстых стволов (табл. XVI, 1, 2). Поверх конструкции лежали камни.

Гробницы II типа — каркасные; несущими конструкциями здесь являются 4—9 столбов, вкопанных вертикально и образующих контур гробницы. Деревянная облицовка отсутствует либо она легкая — из плетня, плашек, иногда с глиняной обмазкой. Горизонтальное перекрытие в некоторых гробницах поддерживал столб, установленный в центре. Зафиксировано две гробницы варианта 1 (6—9 столбов). Одна из них, в кургане у с. Медерово (табл. XVI, 3), была сооружена на древней дневной поверхности, имела деревянный пол, легкую облицовку и радиальную деревянную обкладку (?). Гробница кургана 1/1892 Пастака, устроенная в глубокой яме 2,82x2,3x4,7 м, имела деревянное перекрытие, уложенное на заплечиках. Шесть столбиков, установленных в углах и у длинных стенок, служили для крепления войлочной облицовки (?) стенок и потолка. Покойник помещался в вырытом у одной из стенок «ложе» глубиной 0,44 м.

К варианту 2 относится гробница из к. 121 Елизаветовского могильника со столбами по углам и в центре. Недавно подобное же сооружение, имевшее легкую тростниковую облицовку стенок, открыто и в к. 125 того же могильника [Копылов, 1984; Он же, 1986]. Не исключено, что некоторые из редких ям варианта 1А типа II (табл. VIII, 4, 5) в действительности являлись четырехстолбовыми деревянными гробницами, но доказать это невозможно.

К III типу относится одна гробница (с. Великая Знаменка). Она характеризуется плотной деревянной облицовкой стен, которая поддерживалась установленными в углах столбами.

Классификация оставшихся пяти гробниц невозможна вследствие их разрушения и отсутствия данных для реконструкции.

Итак, из 18 деревянных гробниц 12 было сооружено в ямах, 4 — на древнем горизонте, 2 — неясно как; 4—5 — имели радиальную обкладку; 7 гробниц было сожжено, еще 3 имели следы огня на стенках, полу или перекрытии. Примечательно, что сожжены или обожжены все гробницы с радиальной деревянной обкладкой.

Все три типа гробниц существовали у скифов степного Причерноморья с рубежа VII—VI вв. до н. э. включительно. Распределяются они во времени следующим образом: VII—V вв. до н. э. — 12 гробниц (66,6%), рубеж V—IV вв. до н. э. — 6 гробниц. Из ранних гробниц сожжено или обожжено 8 (66,6%), из поздних — 2 (33,3%). Очевидно, что обычай сооружения деревянных гробниц и их последующего сожжения постепенно отмирает. С рубежа V—IV вв. до н. э. гробницы сооружаются только в ямах, радиальные обкладки не используются. В Крыму их всего две, а основная масса сосредоточена в северных степных районах [Ольховский, 1978. С. 85].

* Погребение 371 с о-ва Березань описано нечетко, возможно, здесь был сруб [Капошина, 1956. С. 220].

В VII—IV вв. до н. э. деревянные погребальные сооружения широко применялись в погребальных обрядах многих культур евразийской степи и лесостепи: в Казахстане, Туве, на Алтае, в Семиречье, низовьях Сырдарьи, в Волго-Камье, Южном Приуралье, на Кавказе, в Прикубанье [Ольховский, 1978а. С. 88]; шатрообразные обкладки встречаются значительно реже [ОАК за 1897 г. С. 11]. Многие из этих культур входят в число «скифоидных» или «скифообразных», носители которых в большинстве своем были ираноязычными. Столь широкий ареал деревянных гробниц, включающий и степное Причерноморье, обусловлен не только универсальностью некоторых элементов погребальной обрядности, но и общей этнокультурной традицией, восходящей по крайней мере к срубно-андроновскому времени. В Северном Причерноморье и Подонье первые каркасные четырехстолбовые гробницы относятся к эпохе ранней бронзы [Савченко, Казакова, 1981]. В культуре многоваликовой керамики деревянные гробницы нередки [Волковой. Ковалева и др., 1977], отмечена глиняная обмазка деревянных стен [Клюшинцев, 1980] и обожжение гробницы [Ковалева, 1981. С. 78]. Гробницы всех трех типов хорошо известны в погребениях всех этапов срубной культуры. Сожжение деревянного перекрытия фиксируется с эпохой ранней бронзы [Марина, 1981. С. 68]. В срубной культуре сожжение гробниц и кремация погребаемых уже нередки [Отрощенко, 1976; Салий, 1981. С. 45; Смирнов К. Ф., 1957], отмечены и радиальные обкладки склонов кургана деревом [Алихова, 1955. С. 92].

Особый интерес представляют непосредственно предшествующие скифским памятникам VIII — I-й пол. VII в. до н. э., нередко связываемые с киммерийцами. Так, деревянные гробницы I типа обнаружены в Высокой Могиле, II типа — в курганах у с. Зольное и с. Софиевка, III типа — у с. Березки [Тереножкин, 1976. С. 29, 44, 61, 36]. Деревянное сооружение Птичатой могилы под Белогородцем было полусожжено [Тереножкин, 1976. С. 34], в кургане у с. Ольшана обожжено [Ковпаненко, 1985], а разрушенное погребение кургана у с. Квитки имело шатровую обкладку [Ковпаненко, Гупало, 1984]. В восточноевропейской лесостепи деревянные гробницы известны в чернолесских погребениях, есть среди них и сожженные [Тереножкин, 1954. С. 107].

Синхронны и территориально наиболее близки деревянным гробницам степных скифов погребальные сооружения населения восточно-европейской лесостепи VII—IV вв. до н. э. В лесостепи подобные гробницы распространены широко. В бассейне р. Тясмин, например, их в VII—VI вв. до н. э. около 45% [Ольховский, 1978а. С. 87], около трети сожжено, а некоторые имели радиальную деревянную обкладку. Нередко применялась радиальная обкладка погребального сооружения по наружному склону материкового выкида; диаметр основания такого бревенчатого «шатра» достигал 20—28 м [Ковпаненко, 1984. С. 113]. Сожжение гробниц более характерно для VII—V вв. до н. э., в это время оно известно и в других районах Евразии [Ольховский, 1978а. С. 88]; в IV—III вв. до н. э. обычай сожжения наземной деревянной гробницы почти исчезает.

Гробницы в лесостепных могильниках представлены теми же типами, что и в степных, при некотором преобладании II и III. Гробницы в

степных могильниках проще и меньше: В них нет деревянных склепов, тогда как каркасные и срубно-каркасные склепы обычны в могильниках Восточноевропейской лесостепи, в степных и лесостепных районах от Зауралья до Южной Сибири. Нет в степи сложных многостенных, устроенных по принципу «матрешки» гробниц и склепов с коридорами по периметру основной камеры [Манзура, 1982; Ильинская, 1968. Рис. 14]. Нет многостолбовых гробниц без деревянной облицовки, известных в Прикубанье и Воронежских курганах [Либеров, 1965. С. 41. Табл. 1; ОАК за 1912 г. С. 52]. Неизвестен в степи и прием оставления в яме, где сооружалась гробница, свободного места, куда обычно укладывали туши лошадей [ОАК за 1904 г. С. 86. Рис. 134; ОАК за 1912 г. С. 59. Рис. 85]. Таким образом, при наличии ряда общеевразийских элементов скифские деревянные гробницы Причерноморья достаточно своеобразны; наиболее близки им — вплоть до полных аналогий — синхронные гробницы поднепровской лесостепи, особенно правобережной. Сходство степных и лесостепных гробниц очевидно.

Относительно того, проникли деревянные гробницы в степь из лесостепи или наоборот, заметим следующее. В обоих регионах деревянные гробницы сооружались с эпохи бронзы, но лишь в лесостепи количество их в VII—VI вв. до н. э. резко возрастает. Наиболее вероятное объяснение этого — появление среди лесостепного населения скифского этнического компонента. Где бы ни была прародина скифов, появиться в лесостепи, минуя степь, они не могли*. Принесенная ими в лесостепь традиция деревянных погребальных сооружений, взаимодействуя с подобной, бытующей у автохтонов [Берестнев, 1985], и кремацией погребенных [Ромашко, 1984], несколько видоизменилась и в измененном виде широко распространилась. Позже, во 2-й пол. VI и особенно в V в. до н. э., можно предположить передвижение некоторого количества населения из лесостепи в степь. Так как половина ранних степных деревянных гробниц относится к V в. до н. э., логично связать их с этой миграцией или — в более широком смысле — с лесостепным влиянием. Данная гипотеза объясняет сходства степных и лесостепных гробниц, особенности их размещения** и хронологию.

Каменные ящики — погребальные сооружения в виде замкнутых прямоугольников (изредка овалов), основной объем которых создается конструкциями из камня. В основу классификации положены особенности устройства стен и сводов (табл. III). По материалу для кладки стен ящики разделены на два типа. I тип: стенки сложены из необработанных плит, установленных на ребро, или плитняка, уложенного в кладку плашмя; II тип: стенки сложены из обработанных плит-квадров. По конструкции перекрытий типы делятся на варианты: признаки вариантов общие для типов. В варианте 1 перекрытие плоское из одной-пяти плит; во 2 — уступчатое; в 3 — плоский накат из дерева. Локализация сооружения — на поверхности или в яме — в классификации не учитывается.

Каменные ящики составляют 5.5% (99 из 1788) погребальных соору-

* Возможно, этими мигрантами были скифы, захороненные в древнейших гробницах — Мельгуиовской и др.

** Нельзя недооценивать и недостаток дерева в степи. Мельгуиовская гробница. Рис. 134.

жений. Их подавляющее большинство — 95% — относится к I типу. Как правило, ящики прямоугольны, иногда овальные и трапециевидны. Квадратные ящики отмечены всего 4 раза (Елизаветовский могильник — 2, бывшее имение Пастака и Рыбное — по 1). Длина ящиков 4,9—1,3 м, ширина — 4—0,7 м, высота 1,4—0,3 м; средние размеры 2×1×0,7 м. Большинство ящиков сложены из плит, поставленных на ребро и укрепленных мелкими камнями в неглубоких (0,1—0,3 м) канавках. Длинные стенки ящиков обычно состоят из одной-двух, редко трех-пяти плит, короткие — из одной-двух плит (табл. XVII, 1, 2). Плиты плотно подгонялись с помощью грубой подтески. Значительные промежутки, особенно по верхней грани стенок, закладывались мелкими кусками плитняка.

Нередко стенки ящиков складывали из плитняка. Так устроены все ящики Елизаветовского могильника; подобные им ящики есть в Восточном, Северо-Западном, и предгорном Крыму. Их дата IV—III вв. до н. э. Иногда три стенки ящика составляли из цельных плит, укрепленных на ребре, а четвертую складывали из плитняка. Изредка плитняк укладывали поверх плит, стоявших на ребре. Плитняковые кладки достигали 10—15 рядов в высоту [Яковенко, 1970. С. 120. Рис. 7]. Щели между камнями забивали щепнем. В шести случаях камни скреплены глиняным раствором (Елизаветовский могильник — 3; Ильичево, бывшие имения Талаевой и Пастака — по 1); еще в пяти — глиной промазаны щели или ящики оштукатурены изнутри (Астанино, Золотое, Талаевский курган). В стенки одного из ящиков Елизаветовского могильника были вмазаны деревянные плахи*: бревна лежали вдоль стенок ящика кургана 2/1892 группы Дорт-Оба [ОАК за 1892 г. С. 10, 11]. Толщина стенок ящиков составляет 0,1—0,7 м.

Внутреннее пространство ящика обычно едино. Однако ящик 3/1958 у д. Рыбное каменной перегородкой разделен на две секции [Кругликова, 1973. С. 163]. Двухкамерным был ящик кургана 50 у с. Нововасильевка [Мелюкова, 1979. С. 169].

Дно ящиков — выровненная грунтовая площадка; в 11 ящиках оно полностью или частично вымощено плитняком толщиной 0,05—0,1 м (Елизаветовский могильник, Золотое, Приветное, Крыловка и др.).

Каменные ящики сооружались либо на дневной поверхности, либо в ямах глубиной 0,2—1,5 м; стенки ящиков, установленных в ямах, всегда вертикальны, а плиты длинных стенок ящиков, установленных на поверхности, иногда наклонены внутрь (Колоски, Ромашкино и др.). Около ящиков, сооруженных на дневной поверхности и в неглубоких ямах, иногда устраивали круглые или овальные оградки из каменных плит, установленных на ребре с наклоном к ящику, в один или несколько рядов; пространство между ящиком и оградкой закладывали камнем (табл. XVII, 2). Диаметр таких оградок 2,5—6,5 м [Ольховский, 1982. С. 65. Рис. 4]. Оградки зафиксированы у 21 ящика. Большинство из них (18) находилось в бескурганых могильниках Рыбное и Золотое. Вне Крыма подобная (?) оградка отмечена в упоминавшемся кургане 50 у с. Нововасильевка.

* Группа «Пять братьев», к. 9, п. 1.

Каменные ящики II типа, сложенные из квадров без раствора, редки. Все 5 ящиков прямоугольны, сооружены в ямах, датируются IV—III вв. до н. э. и локализуются в Крыму (Джург-Оба, Трехбратные курганы, Партизанское; табл. XVII, 3, 4); 4 ящика находятся в восточной части Керченского полуострова. Размеры их соответствуют средним размерам ящиков I типа. Примечателен ящик из Второго Трехбратного кургана, в стенку которого изнутри были вбиты три железных гвоздя; этот ящик имел каменный пол (табл. XVII, 3). В Джург-Обе дно ящика посыпано ракушками (табл. XVII, 4).

Перекрытия ящиков имеют три варианта. Вариант 1: плоское каменное из одной-пяти плит. Большинство перекрытий разрушено, но не стоит сомневаться в их широкой распространенности. Подобные перекрытия имели 80—90% ящиков, в том числе все ящики II типа. Щели между плитами перекрытия закладывали щебнем или плитняком. Иногда перекрытия заваливали камнями. Вариант 2: перекрытие уступчатое. Нижний ряд плит укладывали на верхнюю грань стенок горизонтально с нависанием, частично перекрывая ящик по периметру. Следующие плиты уже полностью перекрывали ящик. Подобные перекрытия трижды встречены в Крыму. Появляются они в V в. до н. э. (Приветное), используются и позже (Астанино, Ромашкино). Вариант 3: бревенчатый накат в один ряд. Отмечен у 7 ящиков IV—III вв. до н. э.: в Елизаветовском могильнике (5), в бывших имениях Талаевой и Пастака. Поверх перекрытий ящиков Елизаветовского могильника настился чакан; в трех ящиках обнаружено по 40—70 железных кованых гвоздей. По мнению исследователей, гвозди использовались в конструкции перекрытий.

Территориально и хронологически каменные ящики распространены весьма неравномерно. Появляясь в Причерноморье и в Крыму в VI в. до н. э., лишь в Крыму они получают широкое распространение — 27% погребальных сооружений IV—III вв. до н. э. (в Причерноморье — менее 15%). Только в Крыму отмечены ящики II типа и варианта 2 типа I; только крымские ящики имеют наклоненные внутрь длинные стенки, нередки у них и кольцевые оградки. Двумя последними признаками они сближаются с каменными ящиками нескифского населения горного и предгорного Крыма — создателями «крымской мегалитической» (таврской), кизил-кобинской культуры [Ольховский, 1982. С. 72; Лесков, 1965. С. 50—90]. Вполне вероятно, что широкое применение с V в. до н. э. скифами каменных ящиков I типа — результат взаимодействия с аборигенами Крыма. Не следует недооценивать обилие легко добываемого известняка. Скифы до появления в Крыму использовали каменные ящики, однако в новой обстановке каменные погребальные сооружения получили более широкое распространение.

И в Причерноморье и в Крыму корни этой традиции уходят в эпоху бронзы. Каменные ящики I типа есть в могильниках кеми-обинской культуры, культуры многовальной керамики и срубной всех этапов [Шапошникова, Фоменко, Балушкин, 1977. С. 130; Братченко, 1977. С. 12; Шарафутдинова И. Н., 1982. С. 57, 67, 81]. Щели между плитами в ящиках срубной культуры иногда закладывали мелкими камнями [Утрощенко, Савовский, Томашевский, 1977. С. 57, 59]. В переходное

время ящики в Причерноморье встречаются очень редко [Тереножкин, 1976. С. 64, 65]. В эпоху поздней бронзы и раннего железа каменные ящики обычны в могильниках населения Кавказа [Техов, 1977. С. 63—69; Дмитриев, 1974; Козенкова, 1977. С. 72, 73], ряда районов Центральной Азии. В Крыму и Южной Сибири вокруг ящиков нередко оградки из плит на ребре [Грач, 1980. С. 233—246; Кызласов, 1979. С. 43].

Каменные ящики II типа, несомненно, связаны с греческим влиянием. Квадровая кладка широко применялась населением эллинских колоний Причерноморья [Античные государства Северного Причерноморья, 1984. С. 276]. Не исключено, что строителями большинства ящиков, содержащих захоронения скифской эллинизированной знати, были греческие мастера.

Каменный склеп — погребальное сооружение, основной объем которого создан каменными конструкциями; обязательными элементами склепа являются камера, устроенный в одной из стенок вход и заклад. Нередко к входу в камеру примыкает горизонтальный или наклонный дромос. Каменные склепы в погребениях скифов редки — 2,5% сооружений (табл. 2). По тем же признакам, что и каменные ящики, они разделены на два типа с вариантами (табл. III).

К I типу относятся 28 из 46 склепов. Устройство стенок такое же, как у каменных ящиков; лишь склеп Елизаветовского могильника (табл. XVII, 7) уникален своей панцирной кладкой. Преобладают же кладки из плитняка в 6—15 рядов, нередко в комбинации с плитами на ребре (табл. XVII, 5). В четырех случаях отмечены связующие растворы (Зыбины, Зеленый Яр, Ильичево), в пяти — забивка щелей изнутри глиной или землей. В стенки склепа кургана 8 Елизаветовского могильника были вбиты крюки для погребальных одежд и вмазаны бревна для придания прочности панцирной кладке (табл. XVII, 7). Изредка стенки наклонены к центру (Колоски, к. 10; Тавель, к. 1/1897). Длинные стенки из грубообработанных плит на ребре иногда имеют пазы для скрепления с плитами коротких стенок (табл. XVII, 6). Устье входа в камеру устраивалось в короткой стенке. Высота его равна высоте свода камеры либо меньше его, ширина в 1,5—2,5 раза меньше ширины стенки. В плитах, фланкирующих вход, иногда устраивали вертикальные пазы, а нижнюю плиту устья оформляли порогом. В склепах, стоящих на древней поверхности, порог невысок, у склепов, углубленных в грунт, он выше, изредка имеет вид выреза в торцевой плите-стенке (табл. XVII, 6).

Склепов II типа 18. Стенки их сложены насухо из квадров или блоков известняка, обработанных со всех сторон; иногда необработанным оставлялся наружный фас блока (Белогорск, Ромашкино). Стенки вертикальны, лишь в Белогорском склепе они наклонены к центру. Элементами, присущими исключительно склепам II типа, являются лежанки, тайники, драпировки. Лежанка — каменное прямоугольное возвышение у стенки (Колоски, к. 11; Огоньки, к. 1, п. 1) либо в центре камеры (курганы 2-й Змеиный, Кекуватского). В первом случае на лежанку помещали умерших, во втором — саркофаг. Одна из лежанок снабжена каменным подголовником [Кирилин, 1968. С. 181]. Тайник под иолом склепа Куль-Обы, судя по размерам (2,1x0,7x0,7 м), мог содержать не

только погребальный инвентарь, но и тело слуги-охранника. В этом же склепе, а также в склепе 2-го Змеинового кургана обнаружены вбитые в стены железные гвозди. Предназначались они, очевидно, для оружия, сбруи, одежды; подобным же образом использовались гвозди в скифских катакомбах и каменных ящиках. В Старшем Трехбратнем кургане стенки каменного склепа (погребение 1) до половины высоты были выкрашены серой краской. В этом же склепе [Кирилин, 1968. С. 178—188] и в Куль-Обе зафиксированы, вероятно, остатки полога или балдахина. В Трехбратнем кургане он был матерчатым, обшитым бронзовыми позолоченными веточками лавра; в Куль-Обе имел вид деревянного потолка, обрушившегося, «когда сгнили подпиравшие его бревна» [ДБК, 1854. С. XVIII]; не исключена обтяжка деревянных конструкций тканью.

Перекрытие склепов имеет три варианта. К варианту 1 относятся почти все склепы I типа с сохранившимся перекрытием и 50% склепов II типа. Плоские каменные перекрытия из одной-пяти плит не отличаются от перекрытий ящиков варианта 1 типа I. К варианту 2 принадлежат 9 склепов с уступчатым (до семи рядов нависающей кладки) и полуциркульным сводом (2-й Змеиный курган); все они относятся ко II типу, как и склеп центрального погребения Огуза, входящий в состав комбинированной гробницы. Единственный склеп варианта 3 типа I (табл. XVII, 7) перекрыт дубовым накатом и слоем камыша. На перекрытия склепов вариантов 1 и 2 иногда наваливали камни.

В 9 склепах пол был выложен плитняком или плитами. Возможно, полы мостили камнем чаще, однако сведений об этом нет. Ясно, что каменные полы более свойственны квадратным склепам (II тип).

Закладные плиты при ограблении склепа разрушали в первую очередь. Сохранившиеся экземпляры прямоугольны, хорошо обработаны, толщиной 0,1—0,2 м. Как правило, устье входа в камеру закладывалось одной плитой, иногда с пазами.

Каменные склепы сооружались на дневной поверхности и в ямах. В зависимости от глубины склеп либо целиком оказывался в яме, либо стенки его возвышались над дневной поверхностью. Преобладают склепы, сооруженные в ямах, их 25. По три склепа устроено на дневной поверхности и в небольших углублениях (0,2—0,5 м). Пространство между стенками ямы и склепа забутовывали камнями; наружную каменную обкладку имеют некоторые склепы, выстроенные на древнем горизонте. Стенки склепа иногда устанавливали в неглубоких — 0,1—0,5 м — траншеях (Елизаветовский могильник, Колоски, Ромашкино).

От локализации склепа зависело и устройство дромоса. У склепа в яме дромос имел вид грунтового пандуса. У устья входа в камеру стенки пандуса нередко укреплены двумя-тремя плитами на ребре, перекрытыми еще одной плитой; таким образом формировался портал. За порталом дромос обычно расширялся; стенки пандуса укрепляли плитами или кладкой, частично перекрывали плитами (табл. XVII, 5, 6). Ширина дромосов 0,8—1,5 м, длина 0,6—3,3 м. Склепы, устроенные на дневной поверхности, имеют длинные — до 15 м — горизонтальные дромосы. Дромосы склепов варианта 3 типа II (с уступчатым перекрытием) сложены из квадров, в том числе рустованных (Баксинский курган), и

в прилегающей к камере части также имеют уступчатый свод (курганы 2-й Змеиный, Кекуватского и др.). Дромос каменного склада Елизаветовского могильника уникален использованием бревен в кладке стен, плоским деревянным перекрытием, каменными перемышками, делящими дромос на отсеки (табл. XVII, 7). Характерной чертой дромосов склепов I типа является их примыкание к восточной стенке камеры — в 24 случаях. Третьи они примыкают к северо-восточной и юго-восточной стенкам и лишь дважды — к южной (Тавель, III—I вв. до н. э.). Данных по склепам II типа мало; дважды дромосы примыкают к западной стенке, по разу — к северной и восточной.

Склеп обычно использовали для неоднократных захоронений. Дромос облегчал отыскание склепа при подзахоронениях. Он же позволял вести отделочные работы внутри склепа параллельно с насыпкой кургана.

Камера — главный элемент склепа. Они обычно прямоугольны, однако в 6 случаях квадратны или подквадратны (Куль-Оба, Баксы, Тавель, Марфовка, Мамай, Елизаветовский могильник). Размеры прямоугольных камер • — 2,2—5×0,85—3,5 м (в среднем 2,5×1,2 м), высота 0,8—4 м. Квадратные камеры обширней — до 6,5×6,4 м (в среднем 3,5×3,5 м) при высоте 1,8—5 м. Большинство крупных и все высокие камеры принадлежат квадратным склепам II типа с уступчатым перекрытием (табл. XVII).

Территориально и хронологически каменные склепы распределены крайне неравномерно. На рассматриваемой территории ранее начала IV в. до н. э. они неизвестны. Почти все склепы IV—III вв. до н. э. обнаружены в Крыму, особенно на Керченском полуострове. Там сосредоточено подавляющее большинство склепов II типа (15 из 18), в том числе все склепы варианта 2 — с уступчатым перекрытием. Вне Крыма каменные склепы единичны. Помимо склепа Елизаветовского могильника, в Причерноморье обнаружено два склепа II типа, являющиеся частями комбинированных гробниц (Желкокаменка, Огуз).

Квадратные каменные склепы известны в погребениях VII в. до н. э., связываемых со скифами, на Ставрополье [Петренко, 1983. С. 44, 45]. Их деревянные перекрытия поддерживались деревянными и каменными столбами, застилалась камышом. На Тамани и в Прикубанье также известны каменные склепы V—III вв. до н. э. с деревянными и каменными перекрытиями, свидетельствующие уже о сильном античном влиянии на погребальную архитектуру местного варварского населения, прежде всего знати (Семибратние и Елизаветинские курганы, Карагодеуашх и др.) [ОАК за 1913—1915 гг. С. 149—155; Цветаева, 1968. С. 90—101]. Изредка в них устраивались пологи или балдахины, а в стены вбивались железные гвозди (Султан-гора) [ОАК за 1882—1888 гг. С. XXVIII]. Вследствие значительного хронологического разрыва констатировать прямую связь ранних предкавказских и крымских склепов трудно, хотя сходства очевидны.

Подавляющее большинство крымских склепов I типа отличается от синхронных скифских каменных ящиков из тех же могильников лишь наличием входа. Очевидно, что склеп I типа есть трансформированный каменный ящик. Склепы II типа, сконцентрированные в Восточном Кры-

му, обычно неподалеку от эллинских городов, демонстрируют значительное сходство — вплоть до полных аналогий — с каменными погребальными сооружениями греков. Квадровая кладка, в том числе с рустом, полуциркульные и уступчатые перекрытия, длинные дромосы широко представлены в склепах некрополей Азиатского и Европейского Боспора, Ольвии и других городов Причерноморья конца V в. до н. э. — II в. н. э. [Античные государства Северного Причерноморья, 1984. С. 276, 285, 286; Кауфман, 1947; Блаватский, 1955; Цветаева, 1968. С. 36—90; Савостина, 1984; Абрамова, 1982. С. 82]. Каменные лежанки с подголовниками также встречаются в эллинистических склепах Боспора [Сокольский, 1972]. Итак, есть все основания признать греков строителями большинства склепов II типа, в их числе всех склепов 2 варианта. Факт, что эти склепы содержали захоронения эллинизированной скифской знати, не противоречит данному выводу.

Не удалось классифицировать 10 каменных погребальных сооружений V—III вв. до н. э. (табл. 3). Можно предположить, что входящие в это число три крымские гробницы V в. до н. э. являются каменными ящиками, ибо каменные склепы этого времени в Крыму не известны.

Сырцовая гробница — погребальное сооружение, основной объем которого образуют стенки из сырцового кирпича или блоков. Сырцовая гробница в виде замкнутого прямоугольника может быть названа ящиком, а со специальным входом — склепом. Сырцовые гробницы не типичны для скифских погребальных сооружений; известна лишь одна V в. до н. э. — из кургана 32 некрополя Нимфея [Силантьева, 1959. С. 86]. Описание ее очень кратко; наиболее вероятно, что это сырцовый ящик, сооруженный в яме. Сырцовые гробницы известны в некрополях VI—V вв. до н. э. Пантикапея и Кеп, в некрополе V в. до н. э. Фанагории [Античные государства Северного Причерноморья, 1984. С. 62, 80, 85], встречаются во многих некрополях IV—III вв. до н. э. Европейского и Азиатского Боспора [Сорокина, 1961. С. 50; Кастанаян, 1959. С. 279, 283], Северо-Западного Крыма [Щеглов, 1978. С. 46], а также в могильниках V—IV вв. до н. э. варварского населения Прикубанья и Северного Кавказа [Цветаева, 1968. С. 90—92; Марковин, 1965. С. 162]. Несомненно влияние греческих строительных приемов на погребальную архитектуру варваров.

Грунтовой склеп — погребальное сооружение в виде ямы, имеющей перекрытие и специальный вход, прикрытый закладом. Известно единственное такое сооружение из Восточного Крыма, датируемое IV—III вв. до н. э. [Яковенко, Черненко, Корпусова, 1970. С. 158]. Камера склепа — яма — перекрыта каменными плитами; в ее короткой стенке сделан вход — лаз, закрытый плитами, стоящими на ребре (табл. XVII,

Погребальные сооружения, напоминающие описанное, — ямы с деревянным перекрытием, входом и пандусом — использовались савромато-сарматами Поволжья и Приуралья [Смирнов К. Ф., 1964. С. 84; Он Же, 1978; Мошкова, 1974. С. 43], Нижнего Дона [Смирнов К. Ф., 1984. С. 45; Максименко, Смирнов К. Ф., Горбенко, Лукьяшко, 1984; Максименко, Смирнов К. Ф., Косяненко, 1984], саками Приаралья [Вишневская, Итина, 1971. С. 199], населением восточноевропейской лесостепи

скифского времени [Ковпаненко, 1977; Петренко, 1967. С. 15, 16]. Ямы со специальным входом отмечены в южнотаджикистанском Тулхарском могильнике IX—VIII вв. до н. э. [Мандельштам, 1968. С. 109, 138]. Четыре ямы со входами и пандусами (кон. IX—VII вв. до н. э.) исследованы в степном Поднепровье [Ковалева, Мухопад, 1982. С. 91, 92; Ромашко, 1979. С. 106] и в низовьях Дона [Лунин, 1940. С. 14—16]. Приведенные примеры демонстрируют общность принципа устройства входов в яму; в деталях они различаются и вряд ли как-либо связаны с рассматриваемым скифским погребальным сооружением. Грунтовый склеп из Восточного Крыма скорее всего является трансформацией каменного склепа варианта 1 типа I, от которого его отличает только отсутствие каменной обкладки. Появление его связано с необходимостью совершать подзахоронения в одно погребальное сооружение.

Комбинированная гробница — соединение некоторых уже известных видов погребальных сооружений. Такая сложная конструкция сохраняет основное назначение составивших ее сооружений.

На территории степного Северного Причерноморья известно пять комбинированных гробниц V—III вв. до н. э. (табл. V). Они делятся на типы в зависимости от сочетания видов составляющих их погребальных сооружений.

Тип I: «яма + катакомба». Известны две гробницы — у с. Буторы [Мелюкова, 1974. С. 86] и с. Мироновка [Ястребов, 1889. С. 106]. Несмотря на разделяющее их большое расстояние гробницы очень похожи. Ямы имели размеры 3,2X1,8 и 2,8x2,8 м; на дне в обоих случаях находились парные захоронения. В мироновской гробнице погребенные лежали в корытообразных «ложах» на подстилках, в буторском — на настилах или носилках (табл. XVIII, 1). В западных стенках ям, выше дна (что совершенно не типично для катакомб) было вырыто по длинной камере; в каждой находилось одиночное захоронение. Вход в мироновскую камеру закрывали дубовые плахи; в буторской камере имелась ниша. В обоих случаях захоронения в камерах были богаче захоронений в ямах. Описанные сооружения нельзя называть ни катакомбами, ни ямами. Отдаленно напоминают их две комбинированные гробницы, исследованные на Маныче и в низовьях Дона. Хотя одна из них относится к катакомбной культуре [Федорова-Давыдова, 1983. С. 67. Рис. 6], а другая к савроматской V в. до н. э. [Максименко, 1983. С. 168. Рис. 14, 1], они удивительно схожи, представляя собой прямоугольные ямы с расположенными по периметру дна пятью нишами-камерами. Подквадратные ямы с глубокой нишей-подбоем в степном Причерноморье отмечены в белозерское время [Субботин, 1980. С. 342]. В переходное время подобные сооружения пока не зафиксированы; лишь одно из них отдаленно напоминает вышеописанные [Черняков, 1977. С. 32. Рис. 2, 6—7]. Такие же усложненные (до трех ниш-подбоев) гробницы изредка встречаются в V—IV вв. до н. э. у савромато-сарматов [Синицын И. В., 1960. С. 33. Рис. 10, 1; Смирнов К. Ф., 1964. С. 325. Рис. 31]. Описанные скифские гробницы отличаются от перечисленных конфигурацией камеры, напоминая в плане катакомбы II, VI и IX типов, а приводимые в качестве дальних аналогий сооружения сближаются с катакомбами I и VIII типов. Не исключено, что комбинированные гробницы типа I — ре-

зультат влияния катакомбной формы на могильную яму I или II типа.

Тип II: «деревянная гробница + катакомба (подбой)». Единственная в степи гробница находилась в I Завадской Могиле (V в. до н. э.). Это каркасная четырехстолбовая деревянная гробница в квадратной яме, под южной стенкой которой устроена ниша-подбой $4,6 \times 1,3$ м [Мозолевский, 1980. С. 99]. На дне основной камеры совершенно захоронение, а ниша использовалась для погребального инвентаря (табл. XVIII, 2). Близкие аналогии известны в Северном Причерноморье начиная со срубного времени [Ольговский, Полин, 1977. С. 42]. В белозерское время, как отмечалось выше, там же встречаются и типологически близкие квадратные ямы с глубоким подбоем под одной из стенок, отличающиеся от описанной гробницы лишь отсутствием угловых столбов. Аналогичны гробнице I Завадской Могилы и некоторые погребальные сооружения IV—III вв. до н. э. курганов под г. Борисполем [Ильинская, 1966], а также, судя по описанию, гробницы курганов у с. Андрусовки и с. Рыжновки в правобережной лесостепи [Петренко, 1967. С. 17]. В кургане 491 у с. Макеевки в устроенной под одной из стен деревянной гробницы нише лежала туша коня [Петренко, 1967. С. 17]. Есть основания признать местное причерноморское («доскифское») происхождение этих комбинированных гробниц.

III тип: «катакомба + каменный склеп». Единственное такое сооружение IV в. до н. э. исследовано у станции Желтокаменка [Мозолевский, 1982]. В камере 3×5 м катакомбы II типа был сооружен каменный склеп II типа с мощеным прямоугольными плитами полом (табл. XVIII, 3). Было ли у склепа перекрытие — неясно. В стенках камеры катакомбы выкопаны три вспомогательные камеры и в стенках дромоса — еще две ниши-подбоя, содержавшие захоронения слуг. Подобные вспомогательные камеры и ниши известны в богатых катакомбах II типа (табл. XI, 6, 8), однако наличие склепа, перекрывающего доступ к вспомогательным камерам, уникально. В склепе найдено 18 крупных железных гвоздей, с помощью которых, возможно, к стенкам крепилась драпировочная ткань. Аналогий найти не удалось; лишь катакомба с каменной обкладкой стенок камеры гетского могильника у с. Зимниче в низовьях Дуная напоминает ее [Никулицэ, 1977. С. 69].

IV тип: «яма + катакомба + каменный склеп». К данному типу относится центральное погребальное сооружение кургана Огуз [ОАК за 1894 г. С. 77—81]. С уровня древней дневной поверхности была выкопана яма $16,3 \times 16,3$ м глубиной 6,4 м (табл. XVIII, 4). У северо-западного угла ямы находился покатый спуск-пандус, которым заканчивалась погребальная дорожка [Болтрик, 1980; Он же. 1981]. В трех стенках ямы устроены камеры для захоронения слуг, в четвертой — устье входа в подземную галерею-дромос длиной около 35 м, завершающуюся входной ямой, как в обычной катакомбе. В центре ямы сооружен каменный склеп с входом на юге. Очевидно, вход в склеп соединялся с дромосом, находившейся на одной оси с ним, каменной четырехметровой галереей, перекрытой деревом или камнем. Основное назначение галереи и дромоса — создать доступ в склеп во время сооружения насыпи. Таким образом, оборудование интерьера склепа, засыпка камнем ямы, в которой находился склеп, и сооружение насыпи могло вестись одновре-

менно. Впоследствии дромос мог быть использован для совершения погребений.

Склеп, сложенный из квадров на растворе, площадью 6,4Х6,4 м имел уступчатое перекрытие (II тип, 2 вариант) и мощный плитами пол, подобные известным в некоторых склепах скифской знати с территории Европейского Боспора. Для скрепления каменных плит использовались железные, залитые свинцом связи, известные античным мастерам Северного Причерноморья. Вполне вероятно участие греческих архитекторов в строительстве этого склепа.

Погребальное сооружение Огуза в причерноморской степи уникально. Принципиальной аналогией ему являются лишь три гробницы, исследованные Н. И. Веселовским у станицы Елисаветинской [ОАК за 1913—1915 гг. С. 149—154]. Как и в Огузе, там сочетаются большая квадратная яма (в кургане III она почти равна яме Огуза — 16×16 м) со сравнительно небольшим квадратным склепом с деревянным, а не каменным перекрытием. С юга в яму вел длинный пандус, в кургане III перекрытый деревом и превращенный в подземную галерею-дромос (в Огузе пандус шел с запада, дромос—с юга). В северной стенке ямы кургана II, как и в Огузе, была сделана прямоугольная камера для сопровождающего захоронения, а на пандусе в Огузе, связанном с погребальной дорожкой, совершены захоронения коней. В погребальных обрядах иных культур аналогий гробнице Огуза найти не удалось. В целом же, как отмечалось выше, выкопанные в виде наклонного пандуса (открытого сверху либо перекрытого деревом и камнем) входы в грунтовые, деревянные и каменные склепы в степном Причерноморье встречаются в киммерийское время (Александровка), в восточноевропейской лесостепи — в VII—IV вв. до н. э. (Матусов, Медвин, Берестяги, Бобрица, Студенцы, Журовка, Средний Дон и др.), на Нижнем Дону — в VIII—VII, IV—III вв. до н. э. (Ростов-на-Дону, Шолоховский, Сладковский, Кашеевка), в Прикубанье — в V—IV вв. до н. э. (Елисаветинская, Марьевская), на Кавказе — в V в. до н. э. (Гойты), в Поволжье, Приуралье и Казахстане — в VII—V вв. до н. э. (Мечетсай, Прохоровский и Новокумакский могильники, Чиликта и др.), в Приаралье — с V в. до н. э. (Тагискен, Уйгарак). Принадлежа различным, но близким культурам (скифов, савроматов, саков и др.), указанный элемент погребальных конструкций может свидетельствовать о сходстве некоторой части их религиозных представлений. Заслуживает внимания почти полное отсутствие погребальных сооружений со входом-пандусом в степях Причерноморья на протяжении всего скифского периода. Отсутствие пандусов и многостолбовых гробниц в ямах (с облицовкой стенок и без нее), редкость деревянных гробниц — особенности, резко отличающие погребальные памятники скифов степного Причерноморья от синхронных памятников лесостепи, Прикубанья и Предкавказья.

Возникновение комбинированных гробниц «яма + катакомба (подбой)», как указывалось, относится к катакомбному, а сооружений «деревянная гробница + катакомба (подбой)» — к белозерскому времени. Несколько позже, в переходный период, появляется и комбинированное сооружение «каменный ящик + деревянная гробница» [Тереножкин, 1976. С. 65. Рис. 34], не получившее распространение в степи позже. Со-

детальные каменных и деревянных конструкций характерно и для некоторых погребальных сооружений VII—VI вв. до н. э., исследованных на Ставрополье [Петренко, 1983. С. 45]. Отмеченный в ставропольских и келермесских гробницах принцип крепления перекрытий установленными в центральной части сооружения несколькими столбами позже встречается в ямах, каменных, деревянных и грунтовых склепах V—III вв. до н. э. в Прикубанье и на Среднем Дону (Елисаветинская, Марьевская; Мاستюгино, Русская Тростянка, Частые курганы)*, изредка в VI—V вв. до н. э. и в поднепровской лесостепи (Матусов). Весьма вероятна связь такого крепления перекрытия со строительными приемами, используемыми при сооружении наземных и углубленных жилых построек**. Вполне допустимы также этнокультурные контакты населения, свидетельством чего является сходство погребальных сооружений.

Итак, рассмотренные нами скифские погребальные сооружения относились к восьми видам. В 53 случаях вид сооружения установить не удалось, еще в 16 оно вообще отсутствовало (см. табл. 3). Захоронения без погребального сооружения делятся на четыре группы.

К первой относятся 4 захоронения у Михайловки: бескурганные, на древней дневной поверхности, перекрытые каменной вымосткой в виде овала или круга диаметром 3—5 м [Лагодовская, Сыманович, 1973]. Ко второй принадлежит одно захоронение у Ковалевки: бедное, на древнем горизонте, но перекрытое курганной насыпью [Ковпаненко, Бунятян, Гаврилюк, 1978. С. 146]. К третьей группе относятся вспомогательные захоронения зависимых людей, совершенные на подкурганной поверхности неподалеку от главного погребального сооружения и вместе перекрытые курганной насыпью (всего три: Островное, Двугорбая Могила, Елизаветовский могильник). К самой многочисленной, четвертой группе относится восемь кенотафов. Обычно это небольшое скопление оружия, гончарной и лепной керамики и др., лежащее на погребенной почве или в углублении (до 0,4 м). В семи случаях такие скопления перекрывались курганной насыпью (Ковалевка***, Семеновка, Башмачка, Елизаветовский могильник, Колоски-Великое. Приветное), в одном—каменной вымосткой диаметром 3 м (Кичкас, гр. I, п. 10)****. Эти кено-

* Одиночные столбы, поддерживающие перекрытие могилы, известны с эпохи поздней бронзы [Вагазина, Васильев и др., 1977. С. 134; Смирнов К. Ф., 1957. С. 211]. Примечательно, что ямки, напоминающие столбовые, иногда выкапывались не в центре ямы и явно не использовались под столб [Смирнов К. Ф., 1957. С. 212]. Центральный столб применялся в деревянных каркасных склепах V—III вв. до н. э. на Среднем Дону и в лесостепном Поднепровье, причем в некоторых случаях круглая ямка в центре гробницы использовалась как ритуальный «бофр» [Либеров, 1965. С. 13, 15; Петренко, 1967. С. 113], свидетельствуя об архаичности и постепенном отмирании обычая установки центрального столба. Очень редко столб встречается и в савроматских ямах [Смирнов К. Ф., 1964. С. 85].

* Подобные постройки известны на поселениях эпохи поздней бронзы Северного Причерноморья [Лесков, 1971. С. 413; Шарафутдинова И. Н., 1982. С. 22, 23], на Каменском, Вельском и других городищах скифского времени [Граков, 1954. С. 60; Шрамко, 1973. С. 107].

* Ковалевка II, к. 4; скопление перекрыто вымосткой, а затем невысокой насыпью [Ковпаненко, Бунятян, Гаврилюк, 1978. С. 63].

** Вещи под вымосткой не было, к скифскому времени она отнесена по аналогии с сооружениями того же могильника.

тафы, возможно, являлись и поминальными комплексами. Так, в кургане 2 у с. Приветное на погребенной почве находилась большая плоская известняковая плита, вокруг которой лежало не менее 800 фрагментов амфор и других сосудов [Ольховский, 1981а. С. 294], а в кургане 20 у с. Северновка среди скопления сбруи и обломков копий был вбит острием вверх акинак [Субботин, Охотников, 1981. С. 109].

Таким образом, без погребального сооружения захоранивали обычно представителей беднейших слоев населения и, вероятно, рабов (первые три группы), о чем свидетельствует бедность сопровождающего инвентаря, расположение погребаемых рядом с главным погребальным сооружением, скорченность погребенных (Ковалевка, Островное). Курганы без погребальных сооружений и захоронений людей — кенотафы-поминальники (четвертая группа).

Захоронения без погребального сооружения, в том числе кенотафы, на исследуемой территории известны с V в. до н. э. (Ковалевка, Михайловка)*. Подобные захоронения, относящиеся к эпохе бронзы, в Причерноморье не зафиксированы. Очень редко они встречаются у савроматов [Смирнов К. Ф., 1964. С. 82], возможно, у саков [Вишневская, Итина, 1971. С. 197]. Захоронение «рабыни» рядом с деревянной гробницей «мелось в кургане V в. до н. э. у с. Гойты в Чечено-Ингушетии [Марковин, 1965. С. 166].

Рассмотрение погребальных сооружений населения степной Скифии показало, что видов и типов, присущих только скифам, очень мало. К ним относятся комбинированная гробница III типа и большинство сложных катакомб. Многие виды и типы сооружений находят аналогии в культурах степного пояса и лесостепи Евразии, Азово-Каспийского ме-

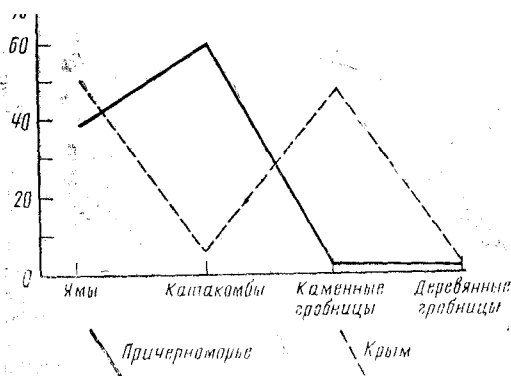

Рис. 5. Распространенность основных видов погребальных сооружений скифов в степном Причерноморье и в Крыму (VII—III вв. до н. э.)

дурья и Кавказа. Вместе с тем большинство видов погребальных сооружений, аналогичных скифским, нередки в погребальных комплексах культур Евразии эпохи бронзы, в особенности срубной культурно-исторической общности, а также переходного времени. Это сходство, взятое изолированно, не может служить доказательством генетической преемственности этносов и культур, но рост типологического сходства погребальных сооружений в позднесрубное и раннескифское время игнорировать нельзя.

* Вероятно, нечетко описанное и потому миновавшее нашу сводку скорченное безынварное захоронение на выкиде (?) из основного сооружения кургана Бабы [Эварницкий, 1901. С. 720] можно включить в эту группу.

Как отмечалось, распространенность видов погребальных сооружений в могильниках Причерноморья и Крыма на протяжении VII—III вв. оказалась весьма различной; на рис. 5 она показана графически (по регионам, в % к числу сооружений с установленным видом). Так, в Крыму встречаются комбинированные гробницы, очень редки ямы II типа и катакомбы. В Причерноморье нет сырцовых гробниц и грунтовых склепов, очень редки каменные гробницы. Представляется целесообразным дальнейшее рассмотрение погребальной обрядности скифов отдельно по Крыму и Причерноморью для выявления их своеобразия и сходства.

ГЛАВА III

ПОГРЕБАЛЬНЫЕ ПАМЯТНИКИ СКИФОВ СТЕПНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ VII—V ВВ. ДО Н. Э.

I. ПАМЯТНИКИ VII—VI и VI—V ВВ. ДО Н. Э.

В исследуемом массиве к сер. VII — рубежу VII—VI вв. до н. э. относится 6, к VI в. — 21, к рубежу VI—V или суммарно к VI—V вв. до н. э. — 12 погребений; всего 39. Датировка большинства сомнений не вызывает, однако в семи случаях уверенности в дате нет*. Поэтому главные выводы основаны на изучении лишь надежно датированных погребений. Здесь и далее анализируются группы элементов погребального памятника, структура которого представлена в табл. 2 и развернута в прил. 1.

Погребальные сооружения. По имеющимся данным во 2-й пол. VII—на рубеже VII—VI вв. до н. э. скифы степей Причерноморья использовали деревянные гробницы, ямы и каменные ящики (табл. 10). Одна из

Таблица 10. Погребальные сооружения скифов степного Причерноморья VII—VI - V вв. до н. э.³

Погребальное сооружение	Век до н. э.		
	VII—VI	VI	VI-V
Ямы	1 [†] (1?)	13+0?)	3+(3?)
Деревянные гробницы	3		
Каменные ящики	1	2+0?)	
Хатакомбы		3	
Неясно		1	5+(1?)

* С скобках со знаком "?" — погребения с вероятной датой.

деревянных гробниц (табл. XVI, 4) относится к I типу, в остальных случаях можно предполагать каркасную конструкцию (Криворожье, Литая Могила). Все ранние деревянные гробницы сожжены или обожжены. Ямы относятся к варианту 1 типа I и очень редкому варианту 2А типа II (табл. VIII, б), Конструкция каменного ящика I типа (?) неясна.

В VI в. до н. э. картина несколько меняется: традиция использования деревянных гробниц ослабевает, лишь одна гробница обожжена

Холмское, к. 2, п. 3; Бревин; Ступки; Обиточное, к. 2, п. 1; Балабаны, к. V; Буторы I, к. 8, яма № 2; Белозерка, к. 23.

(Березань). Резко возрастает распространенность ям варианта 1 типа I с деревянными перекрытиями. Появляются ямы варианта 1 типа II, причем круглые в плане, и катакомбы простейших вариантов 1 и 2 типа I с деревянными и каменными закладами. Привлечение погребений, датируемых VI—V вв. до н. э., выводов не меняет, косвенно подтверждая бытование в раннее время ям вариантов 1А и 2А типа II — с угловыми ямками, конструктивно приближающихся к каркасным четырехстолбовым деревянным гробницам.

Среди оанных погребальных сооружений (табл. 11) много основных (33—50%): помимо большинства курганных, имеются и грунтовые VI в. до н. э. (Верхнетарасовка, Березань, Ольвия). Остальные, в том числе все катакомбы, впущены в курганы эпохи бронзы. Грунтовые захоронения, очевидно, не имели широкого распространения в VII—VI вв. до н. э., однако следует учитывать трудность их обнаружения.

Все погребальные сооружения являются главными. Следы действия огня, помимо четырех деревянных гробниц VII—VI и VI вв. до н. э., отмечены и в яме II типа (табл. VIII, б), где было сожжено деревянное перекрытие. Дважды отмечено применение глины для обмазки или подсыпки дна погребального сооружения (Холмское, Березань). Примечательно отсутствие ниш и ямок-тайников.

Останки погребенных. В ранних погребениях захоронены преимущественно мужчины-воины. Детских захоронений нет. Можно говорить лишь о 5 женских захоронениях (Ростов, Аджигол I, Анновка, Рожновский курган, Березань).

В погребениях VII—VI вв. до н. э. сравнительно широко распространен обычай кремации умершего вместе с деревянной гробницей. Однако уже с VI в. он начинает исчезать: этим временем датируется лишь обожженная гробница с частичной кремацией погребенной на Березани. К сожалению, неясна конструкция недавно опубликованного погребального сооружения погребения 12 кургана 1 у с. Шандровка в Приорелье. Оно было заполнено грунтом, смешанным с кусочками угля и обгоревшего дерева. Родосско-ионийской амфорой погребение датируется VI в. до н. э. [Ковалева, Андросова, Мухопад, Шалобудов, 1985. С 16].

Все ранние захоронения являются одиночными (прил. 1); парные, коллективные и асинхронные достоверно не зафиксированы. Позу след-

Т а б л и ц а 11. Спецификация погребальных сооружений
скифов степного Причерноморья VII—VI — V вв. до н. э. *

Спецификация	Век до н. э.		
	VII-VI	VI	VI-V
Основные	3	6+(1?)	3+(1?)
Впускные	1+(1?)	12+(1?)	3+(2?)
Неясно	1	1	2+(P)

В скобках со знаком "?" — погребения с вероятной датой.

ствии разрушения или сожжения погребального сооружения удалось установить лишь в 21 погребении. Заметно преобладают вытянутые на спине. — их 15; остальные погребенные лежали на боку вытянуто или со слегка подогнутыми ногами. Сильная скорченность не зафиксирована. В погребении 12 кургана 5 группы Серко скелет лежал ничком, вероятно, уложенное на левый бок тело опрокинулось. На левом боку лежали погребенные в двух захоронениях, еще в двух случаях отмечено положение на правый бок; кисти одной или обеих рук обычно находятся в области таза. Подобное положение рук зафиксировано и у двух погребенных, уложенных вытянуто на спине (Константиновка, Райское), у трех захороненных на спине одна рука была согнута в локте, кисть ее находилась у подбородка или плеча (Константиновка, Холмское, Ступки). Отмечена и скрещенность ног (Райское).

Удалось установить ориентировку 21 погребенного; она разнообразна, не встречается только юго-восточная. Преобладает ориентировка головой на запад — 8 и восток — 5 случаев. С учетом сезонных отклонений на запад (северо-запад, юго-запад) ориентировано 11, а на восток (северо-восток) — 8 погребенных. По одному разу погребенные ориентированы на север и юг. Нет различий в ориентировке погребений вытянутых на спине и скорченных. Таким образом, с сер. VII до рубежа VI—V вв. до н. э. преобладает вытянутое на спине положение умерших, нередко встречается и положение на боку (до 28%). Господствует широтная ориентировка: головой на запад (с отклонениями) в 52%, на восток (с отклонениями) — в 38% захоронений.

Погребаемых, как правило, укладывали на грунтовое дно погребальных сооружений, в одном случае — на поперечные плахи пола деревянной гробницы (Подгородное), в трех ямах Аджигольского могильника — на досчатый настил, в яме кургана 9 в с. Огородное — на подстилку из коры. В погребении кургана 3 в с. Подгородное отмечено деревянное изголовье; в Литой Могиле, где обнаружено 23 железных гвоздя, могло быть деревянное ложе.

Погребальный инвентарь. К данной группе элементов погребального памятника отнесены все предметы искусственного и естественного происхождения из органических и неорганических материалов, преднамеренное помещение которых в погребальное сооружение сомнений не вызывает. В захоронениях раннего времени зафиксировано около 60 категорий предметов, из которых более 40 встречены два и более раз. Однако необходимо учитывать ограбленность и неполноту половины раннескифских комплексов.

Орудия труда и инструменты в комплексах встречаются редко. Это железные ножи с деревянными ручками (сведений о костяных накладках на ручках нет) — в 4 погребениях, свинцовое и глиняное пряслица (2) *, литейные формочки (1), железное орудие в форме стригиля (1), «рало» (?) из оленьего рога. Необъяснима редкость каменных оселков (1).

Оружие найдено не менее чем в 60% погребений. Чаще всего (рис. 6)

* Здесь и далее в круглых скобках указано число погребений, содержащих предметы названной категории. . . .

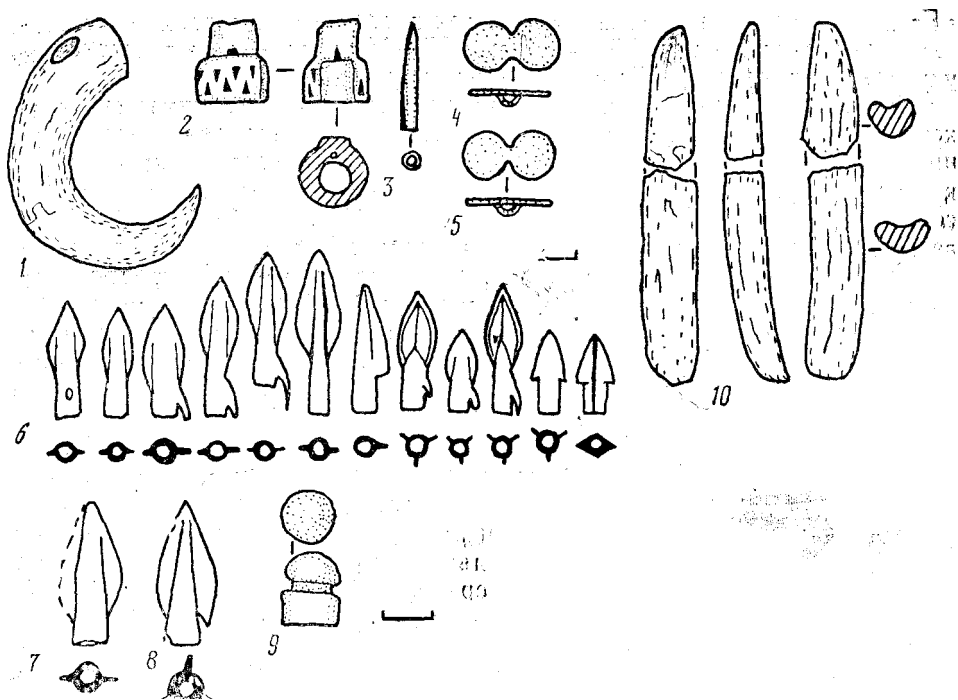

Рис. 6. Инвентарь погребений VII—VI вв. до н. э.

1—6 — с. Подгорное, гр. VIII, к. 3, п. 4; 7—10 с. Новоалексеевка, к. 17, п. 1.

встречаются бронзовые и костяные, изредка железные наконечники стрел (18), детали горитов и колчанов: грибовидные костяные «столбики» (4), бронзовые и костяные застёжки (5) и металлические украшения налучий, костяные детали луков (3). Подобные же детали колчанов и луков известны в погребениях кон. VII—VI в. до н. э. восточноевропейской лесостепи, Подонья, Предкавказья, Кавказа, Крыма [Клочко, 1977; Черненко, 1981. С. 15, 35—39]. Железные акинаки отмечены в пяти погребениях, еще в одном найдены ножны. Следует предполагать, что в архаический период меч, относительно редкое и ценное оружие скифа-гиппотоксота, не всегда оставляли с умершим; иногда его заменяли ножами (Константиновск-на-Дону).

Примечательна редкость в раннее время копий (2) и защитного вооружения — набора панциря (1), шлема (1?). Широкое использование скифами панцирей трудно доказывать, ибо их, вероятно, делали из кожи и других плохо сохраняющихся материалов. Импортные греческие и литые «кубанские» шлемы пока не зафиксированы. В трех захоронениях обнаружены гальки, которые могли быть пращевыми камнями.

Редко встречаются и украшения: золотые, сердоликовые, глиняные бусы, серьги, подвески, обнаруженные на Березани и в Рожновском кургане. Оба захоронения принадлежали женщинам, однако в них находилось оружие — наконечники стрел, а в погребении 371 на Березани —

еще и меч. Зеркала найдены в четырех погребениях; в трех — импортные, ионийские 2-й пол. VI — рубежа VI—V вв. до н. э., а в погребении у г. Константиновск-на-Дону — «сибирского» типа.

Керамика, к сожалению, нередко описывается в публикациях кратко, без указания, лепная она или гончарная, что затрудняет исследование. Лепные сосуды находились в шести-девяти погребениях; это горшки, миска (?), корчага, кувшин. Лощеным с резным орнаментом был сосуд из кургана у с. Первоконстантиновка [Лесков, 1981. С. 112]. Он весьма близок посуде кизил-кобинцев предгорного Крыма. Наличие орнаментированных, возможно, подлощенных сосудов можно предполагать еще в трех погребениях с неуточненной датой (Белозерский могильник, Бревин. Ступки). «Обгорелый сосуд» упомянут среди инвентаря погребения 371 на Березани; возможно, это чернолощенный сосуд с резным орнаментом. Подобная керамика хорошо известна в архаических слоях Березанского поселения и Ольвии [Марченко, 1976]. Импортная посуда изредка встречается в комплексах рубежа VII—VI вв. до н. э. (Криворожье). Со 2-й пол. VI в. до н. э. в скифских погребениях районов, прилегающих к эллинским колониям, возрастает количество греческой керамики — киликов, кувшинов (5) и амфор (5). Амфоры помещаются в захоронения в количестве не более двух. В кургане 23 Белозерского могильника одна из амфор стояла вверх дном [Скадовский, 1897, С. 135]. Бронзовые черпак и сито встречены лишь в погребении 16 Аджигольского могильника (рубеж VI—V вв. до н. э.). Фрагменты ассирийских табуретов отмечены дважды (Криворожье, Литая Могила). Единичны находки остатков головного убора, нашивные бляшки от одежды (Березань) и ворворки.

Особый интерес представляют предметы, обычно связываемые со скифской культовой практикой. Так, краска куском или в порошке находилась в шести погребениях, причем в двух (Городнее, Обиточное, к. 2) ею были окрашены кости скелетов. В трех погребениях встречен мел куском или в виде порошка, которым посыпано дно погребального сооружения (Березань). Угольки находились во входной яме одной катакомбы (Серко) и на плоской глиняной чаше-курильнице в раннем (?) захоронении у XVI. Бревин. Пара бронзовых ритуальных ножей найдена в кургане 16 у Аджигола. Подобные орнаментированные ножи известны в лесостепных захоронениях VI в. до н. э., изредка встречаются там и в V в. до н. э. [Ильинская, Мозолевский, Тереножкин, 1980. С. 50; Ильинская, 1968. С. 154]. Остатки жертвенной пищи находились в 10 погребениях (кости коня, барана, коровы (?); возможно, они встречались чаще, но не сохранились или не были зафиксированы).

Овальные каменные блюда найдены в четырех захоронениях. Обломки подпрямоугольного блюда находились и в ровике кургана у г. Константиновск-на-Дону. В случаях хорошей сохранности комплексов с блюдами (Березань, Ростов-на-Дону) очевидна их принадлежность погребенным женщинам; другие захоронения с блюдами (Николаевка, Широкое II) определить трудно из-за почти полного ограбления. В кургане 16 Аджигольского могильника под погребенной лежал продолговатый плоский камень, по назначению, очевидно, соответствовавший блюду. Возможно, подобные плитки имел в виду Геродот, сообщая, что скиф-

окне женщины «растирают на шероховатом камне куски кипариса, кедра и ладанного дерева» [Нег., IV, 75] для приготовления косметической мази. Таким образом, в архаических скифских погребениях, по имеющимся данным, зеркала (4), пряслица (2) и каменные блюда (4—5) встречаются только в женских захоронениях; около 30—50% женских погребений содержали оружие. Изредка в женских погребениях помещались деревянные ларцы (Ростов-на-Дону, Аджигол, к. 11).

Конская сбруя отмечена в четырех погребениях. Пока не установлено назначение изредка находимых в погребениях крестовидных бронзовых блях (Гусарка, Ольвия). Возможно, они крепились к налучью или использовались в качестве налобников.

Характернейший «этнический индикатор» скифских погребений — изделия в зверином стиле — встречены восемь раз (20% погребений). Это наконечники луков, сбруя, крестовидные предметы, форма для отливки бляшек, костяная пластина-накладка.

Скелеты коней ни в погребениях, ни около них найдены не были. Лишь в двух захоронениях (Подгородное, Новоалексевка) череп коня был положен на перекрытие и после его обрушения попал в погребальное сооружение. Два конских черепа обнаружены в ровике, окружавшем курган у г. Константиновск-на-Дону [Ильинская, Тереножкин, 1983. С. 91].

Итак, инвентарь архаических скифских погребений второй половины VII — рубежа VI—V вв. до н. э., небогатый по набору, характеризуется сравнительной распространенностью оружия и жертвенной пищи. Нередки также изделия звериного стиля, краска, лепная и импортная гончарная керамика, сбруя. Примечательно отсутствие бронзовых котлов и наверший, деревянных блюд, ритуальных сосудов, гривн, а также захоронений коней, характерных для скифских погребений VII—V вв. до н. э. в других районах и более позднего времени.

Намогильные сооружения и следы ритуальных действий. Намогильное сооружение — конструкция из органических или неорганических материалов (грунта, камня, дерева, кирпича) — изолирует погребальное сооружение, выполняет определенную религиозно-идеологическую функцию и обозначает место захоронения; это частый, но не обязательный элемент погребального памятника. Погребения, не имеющие выраженного намогильного сооружения, обычно называют грунтовыми или бескурганными.

Грунтовые (бескурганные) погребальные комплексы все же отмечались небольшими насыпями, каменными выкладками или кольцами, деревянными столбами, камнями-менгирами или надгробиями*, но они, как правило, не сохраняются к моменту раскопок.

Среди архаических захоронений бескурганных три (Ольвия, п. 12/1910; Березань, п. 371; Верхнетарасовка, урочище Парк, п. II). Сведений о каких-либо обозначениях захоронений нет.

Курганная насыпь — достаточно устойчивая к воздействию времени и стихии преимущественно грунтовая конструкция, наиболее целесообразная к использованию в степи. На ровной безлесной местности курган

* За исключением случаев, когда надо скрыть захоронение и уберечь от ограбления.

виден хорошо и издалека, служа не только надгробным памятником, но и ориентиром. Для создания простейшей насыпи, кроме грунта верхнего почвенного слоя, ничего не требовалось. Об изначальном понимании скифами предназначения курганов свидетельствует как использование древних насыпей для впускных захоронений, так и сооружение новых курганов. Вполне понятно, что сохранившиеся насыпи деформированы природой и человеком. Первоначально они были выше, но меньше в диаметре. Первоначальный диаметр, устанавливаемый по профилям, редко указывается в публикациях или отчетах, поэтому приводимые ниже размеры отражают современное состояние насыпей.

Архаические скифские погребения впускали в курганы эпохи бронзы разной высоты; можно предполагать, что предпочтение отдавали высоким насыпям. Не позднее VI в. до н. э. скифы начинают досыпать древние насыпи после впускного захоронения (Широкое II, к. 37). Досыпка увеличивала насыпь, маскировала захоронение и, возможно, символизировала превращение древнего кургана в скифский.

Перед досыпкой, во время и после нее совершали тризну — погребально-поминальный ритуал, включающий трапезу и ряд других археологически не фиксируемых действий, существование которых у многих древних народов подтверждают письменные данные и этнография (соствязания и пр.). Следы погребальной трапезы — фрагменты амфор и лепных сосудов, кости животных — отмечены в курганной насыпи при одном впускном захоронении (Широкое II, к. 37).

Основные захоронения архаического времени встречаются реже впускных. Помимо грунта, в конструкции насыпей начинает применяться камень (Криворожье); иногда им засыпано перекрытие погребального сооружения (Константиновск-на-Дону). Насыпи преимущественно невысокие, крупнейшая к моменту раскопок имела 3, 2 м (Литая Могила). Нет каменных колец-крепид и панцирных обкладок, покрывающих всю насыпь. Следы погребального пира встречены в кургане 1U у Аджигола. Связь тризны с захоронением VI в. до н. э. в кургане 2 у д. Семеновки не бесспорна. В насыпях 1U и 1G у Аджигола обнаружено по одному-два козских скелета, но и здесь связь их со скифскими погребениями не доказана.

Не позднее рубежа VII—VI вв. до н. э. скифы начинают использовать жертвенные сооружения — конструкции из грунта или камня, предназначенные для размещения погребального инвентаря вне погребального сооружения. Небольшие размеры жертвенного сооружения, устроенного в насыпи при отсыпке, удаленность от погребального сооружения обычно обеспечивали его сохранность. Единственное известное на данной территории жертвенное сооружение архаического периода представляло собой, очевидно, каменный ящик, сооруженный на глубине 2 м к западу от вершины Литой Могилы и содержавший предметы знаменитого «Мельгуновского клада».

Обычай установки на вершине кургана антропоморфного изваяния, вероятно, был известен скифам издревле. К сожалению, ни одно скифское изваяние, включая и поздние IV—III вв. до н. э., не сохранилось *in situ*. Стоявшие же на вершинах некоторых курганов IV в. до н. э. (Чертомлык и др.) изваяния, без сомнения, принадлежали кочевникам

XI—XIII вв. Большинство известных к настоящему времени ранних изваяний найдено случайно, связь их с определенными погребальными комплексами не документирована. Часть их (из Станищина, Грушевки, Эрделевки и др.) большинством исследователей датируется VI—V вв. до н. э. по изображенным на них мечам. Однако акинаки с брусковидным навершием характерны и для VI, и для V вв. до н. э. Наиболее архаичным выглядит изваяние из с. Грушевки на Днепропетровщине [Шульц, 1967. С. 229. Рис. 4], сближающееся с изваянием из Сибиоары в Добрудже; отнесение указанных изваяний к VI в. до н. э. вполне возможно. В. П. Белозор датирует их VII — началом VI в. до н. э. [Белозор, 1986. С. 61].

Однако было бы преждевременно отрицать наличие у скифов в VII в. до н. э. монументальной изобразительной традиции на основании отсутствия на данной территории находок явно антропоморфных изваяний. Следует предполагать, что идея, воплощаемая с нач. VI или рубежа VII—VI вв. до н. э. изваянием в форме стоящей мужской фигуры, в предшествующее время реализовалась в иной изобразительной манере, в частности в форме каменного столба с признаками антропоморфности. Подобная стела обнаружена в кургане 8 у хут. Красное Знамя на Ставрополье (2-я пол. VII в. до н. э.) [Петренко, 1983. С. 47. Рис. 39].

Подкурганные сооружения и следы ритуальных действий. Данная группа объединяет элементы погребальных комплексов — результаты ритуально практической деятельности на дневной поверхности в границах будущей насыпи (прил. 1). Следует предполагать, что совершение погребального обряда предполагало такую последовательность действий: 1) выбор места, подготовка его к захоронению (выравнивание, очистка от травы и т. д.); 2) создание погребального сооружения; 3) создание вспомогательных сооружений вне главного погребального (жертвенных сооружений, захоронений коней, слуг и т. д.) и выполнение ритуальных акций (тризна); 4) помещение тела (тел) и инвентаря в главном и вспомогательных погребальных сооружениях, закрытие погребального сооружения.

Есть основания предполагать, что в IV—III вв. до н. э. по крайней мере в некоторых случаях курган предварительно размечали, определяли границы будущей насыпи и круглую подкурганную площадку. Для архаических скифских захоронений подобных данных нет, однако следует учитывать трудность фиксации древней дневной поверхности в отсутствие явных следов деятельности человека: материкового выкида, остатков погребального пира и др. Характеристики подкурганных поверхностей архаических курганов в публикациях очень кратки либо вообще отсутствуют. Так, неизвестны приемы оформления материкового выкида, неизбежно образующегося при устройстве заглубленного погребального сооружения. Лишь в кургане V у с. Балабаны, датированном по аналогии VI—V вв. до н. э., на уровне древнего горизонта сохранилось несколько фрагментов амфор — остатки погребального пира [Чеботаренко, 1973. С. 113].

Внекурганные сооружения и следы ритуальных действий. Данная группа включает элементы погребального памятника, которые после

насыпки кургана в соответствии с их предназначением оставались вне насыпи. Характерный элемент — ровик, опоясывающий насыпь по периметру. Отмечен он лишь у двух курганов (Балабаны, Константиновск-на-Дону). Еще в двух случаях ровики окружали курганы эпохи бронзы со впускными архаическими (?) скифскими захоронениями (Райское, Ступки). Связь этих ровиков с захоронениями скифов не доказана. Ровик кургана V у с. Балабаны имел глубину 0,6 м, ширину 1 м. Диаметр ровика всегда превышает диаметр первоначальной насыпи; к моменту раскопок ровики обычно перекрыты расплывшейся насыпью. В сечении ровики полуовальные или трапециевидны, ко дну сужаются. Ровик разрушенного кургана у г. Константиновск-на-Дону интересен двумя симметричными грунтовыми перемычками шириной около 1 м, делаящими его на дуговидные отрезки. Грунтовые перемычки открывали доступ на подкурганную поверхность с северо-запада и юго-востока; ритуальная значимость их несомненна. Не исключено, что сооружение или по крайней мере разметка ровиков проводилась до насыпки кургана. На дне ровика константиновского кургана, у северо-западной перемычки, отмечено скопление костей животных, в их числе два лошадиных черепа [Кияшко, Кореняко, 1976], что подчеркивает исключительную роль перемычек, особенно западной. Другие элементы из группы внекурганых (прил. 1) в архаических погребениях Причерноморья пока не отмечены.

Метйструктура погребального комплекса. Эти элементы позволяют оценить роль и место погребального памятника в системе погребальной группы и охарактеризовать саму погребальную группу как совокупность погребальных комплексов. Строго говоря, элементы VII группы не входят в структуру собственно погребения или погребального комплекса. Они проявляются лишь в ходе сравнительного анализа группы захоронений.

Полноценному анализу метаструктуры архаических погребений препятствует почти полное отсутствие в степи погребальных групп VII—VI вв. до н. э. Известна лишь одна погребальная группа рубежа VI—V вв. до н. э. — три курганных захоронения Аджигольского могильника. Подавляющее большинство архаических погребений находятся в группах, сформировавшихся в эпоху бронзы; иногда они располагаются изолированно. С древнейшего времени скифы входили в состав населения античных колоний, о чем свидетельствуют скифские бескурганые захоронения в некрополях Ольвии и Березани. Принадлежат эти погребения свободным и зажиточным скифам.

Итак, рассмотрение скифских погребальных комплексов VII—VI и рубежа VI—V вв. до н. э. причерноморских степей севернее Перекопа показало, что в это время уже существуют многие основные элементы, присущие скифским погребальным памятникам на протяжении VII—III вв. до н. э.: курган как намогильное сооружение, ингумация и преимущественно западная ориентировка погребенных, погребальные сооружения в виде ям, деревянных гробниц, катакомб и т. д. В целом погребальный обряд характеризуется четкой структурностью, многоэтапностью и последовательностью. Социальное неравенство, хорошо прослеживаемое при анализе погребений, влияло на весь погребальный ри-

туал, не приводя, однако, к появлению роскошных погребальных комплексов ранга «царских». Так, в степях севернее Перекопа почти нет архаических скифских курганов высотой более 3—4 м, нет очень богатых захоронений с гетакомбами, сопровождающих (вспомогательных) захоронений слуг, остатков погребального кортежа (повозок, наверхий) *. Особенностями архаических скифских комплексов степного Причерноморья следует признать: отсутствие каменных крепид, окружающих насыпь по периметру, и кромlexов; отсутствие (до начала VI в. до н. э.?) каменных явно антропоморфных изваяний; относительную распространенность деревянных гробниц и их кремаций на рубеже VII—VI в. до н. э.; ямы варианта 2А типа II, заметную долю — до 38% — восточной (г отклонением) ориентировки погребенных и позы «на боку» (до 28%); в инвентаре — краску, отсутствие ритуальных керамических и металлических сосудов.

2. ПАМЯТНИКИ V В. ДО Н. Э.

Это 120 погребений степной зоны к северу от Перекопа. Датировка их, за редкими исключениями**, сомнений не вызывает. В целом же V в. до н. э. характеризуется более чем трехкратным увеличением числа скифских погребений.

Погребальные сооружения — ямы, катакомбы, деревянные и комбинированные гробницы. Появляются и захоронения без погребального сооружения (табл. 3, 4). Больше всего ям — 78,3% погребальных сооружений (83,2% сооружений с установленным видом). Преобладает I тип — 66% ям с установленным типом. Помимо и ранее широко распространенного варианта 1, появляются ямы вариантов 2, 3, 5, Б. Только в V в. до н. э. встречается вариант б (с возвышающейся центральной частью и канавкой по периметру) и нередко используются 3-й и 5-й. Много ям II типа — квадратных и круглых в плане (до 25%, как и в VII—VI вв. до н. э.; табл. VIII, 2, 3). Примечательно, что позже V в. до н. э. ямы варианта 1А типа II не встречаются (табл. VIII, 4, 5). Появляются длинные ямы III типа; все они открыты в Елизаветовском могильнике в дельте Дона.

Количество деревянных гробниц всех трех типов продолжает уменьшаться, они составляют только 4,4% погребальных сооружений с установленным видом. Большинство их — четыре из пяти — сожжено или обожжено, радиальная деревянная обкладка отмечена в четырех случаях (Медерово, Подгородное, Показовое; табл. XVI, 1—3). Гробницы устраиваются и на дневной поверхности, и в ямах. Материал немногочислен и фрагментарен, но он все же позволяет констатировать тесную связь деревянных гробниц этого времени с более древними — рубежа VII—VI вв. до н. э. Связь деревянных гробниц V в. до н. э. с сожжением и радиальными обкладками, менее четко выраженная в степи в VI в. до н. э., вновь усиливается. Возможное объяснение этому, как указывалось выше, — приток населения из лесостепи.

* В архаических скифских комплексах соседних регионов есть почти все перечисленные элементы.

** Станишвно, к. 1/1883, осн., и к. 2/1887; Кут, к. 24, п. 1; Раскопана Могила,,

Катакомб становится больше (табл. 3), однако они составляют лишь около 8% погребальных сооружений*. По-прежнему они представлены только I типом при господстве варианта 1. Появляются катакомбы варианта 3Б (двухкамерные; табл. IX, 8). Устройство второй камеры в короткой стенке входной ямы свидетельствует о зарождении катакомб типа II, которое в V в. до н. э. не завершилось. В камерах катакомб начинают устраиваться неглубокие ниши и ямки-тайники.

Единственная комбинированная гробница этого времени относится ко II типу (деревянная гробница + катакомба I типа; табл. XVIII, 2).

Новой чертой погребального обряда скифов-степняков являются захоронения без погребального сооружения. Это три бедных бескурган-ных захоронения под каменными вымостками (Михайловка, п. 6—8) и курганный кенотаф с каменной вымосткой над мелким углублением (Ковалевка II, к. 4). Последний можно признать погребально-поминаль-ным комплексом.

Погребальные сооружения V в. до н. э. заметно отличаются от пред-шествующих явным преобладанием основных захоронений (77%), уст-ройством нескольких основных погребальных сооружений под одной на-сыпью (Перещепино) и впускных захоронений не только в курганах эпохи бронзы, но и в скифских. Решительно преобладают курганные захоронения, бескурганные отмечены семь раз. Погребальные сооруже-ния в бескурганных захоронениях — ямы I типа, в некоторых — погреб-альных сооружений нет. Все погребальные сооружения являлись глав-ными; вспомогательные захоронения пока не отмечены.

Четыре деревянных гробницы сожжены или обожжены, следы дей-ствия огня отмечены на деревянных и камышовых перекрытиях шести ям, причем три из них относятся ко II типу. Перекрытие такой ямы в кургане у с. Мироновки было радиальным. Подобное перекрытие без признаков сожжения имела и яма II типа кургана «в 90 саженях к се-веру от кургана Абертасова» у с. Станишино; зола и уголь, однако, были обнаружены в верхней части насыпи [Ястребов, 1889. С. 115—117]. Так чаще перекрывали деревянные гробницы, а ямы — крайне редко. При-мечательно размещение захоронений с обожженными перекрытиями на| периферии рассматриваемой территории (Мироновка, Щеглово, Под-городное, Елизаветовский могильник). В ямах, как и камерах катакомб, начинают устраиваться ниши и тайники в виде ямок (Александровка, к. 6, п. 1).

Останки погребенных. Как и в VI в. до н. э., преобладающим видом захоронения остается труположение. Кремация погребаемого вместе с деревянной гробницей отмечена трижды (Показовое, Медерово); кро-ме этого, недавно опубликованы сведения о кремации погребенных в одной-двух ямах V в. до н. э. могильника Чауш в Подунавье [Суничук, 1985. С. 38].

Как и ранее, абсолютно преобладают одиночные захоронения. С до-| статочной уверенностью в четырех случаях фиксируются парные захо-ронения (Щеглово, Днепропрудное, Новогригорьевка, Ногайск); это

* Нередко погребальные сооружения кургана Бабы, Раскопаной Могилы, к. 6 у Ма-риуполя считают катакомбами I типа. Нами сооружения первого и второго курга-нов отнесены к числу неясных, третьего — к ямам варианта 2 типа I.

новая черта обряда. Почти все парные захоронения разрушены, что затрудняет их половозрастную характеристику; лишь один раз установлено одновременное захоронение мужчины и женщины [Мурзин, 1977. С. 60—67]. Асинхронных захоронений в это время не устраивали. Кенотафами могли быть четыре курганных захоронения: в кургане 4 у с. Ковалевки и три — в Елизаветовском могильнике; однако полной уверенности в елизаветовских кенотафах нет, так как кости здесь сохраняются плохо.

Преобладает положение умерших вытянуто на спине, отклонения крайне редки. В двух захоронениях (Ковалевка, Елизаветовский могильник) кости ног раскинуты «ромбом». Характерно почти полное отсутствие известных ранее особенностей позы: кисти рук на тазе (отмечено один раз) и скрещенность ног (не отмечено). Средняя степень скорченности при положении «на боку» отмечена дважды: в скифской могиле некрополя Ольвии (п. 6/1909) и в к. 24 у с. Кут (скорченник, обнаруженный «на выкиде» из погребального сооружения кургана Бабы, в сводку не включен). Ничком лежал скелет в погребении кургана 13 у с. Шолохово, но, по мнению исследователей, это результат перемещения погребенного при ограблении [Волкобой, Лихачев, Шалобудов, 1979. С. 50].

Ориентировка установлена в 58 захоронениях. Она разнообразна, отмечены восемь основных направлений. Господствует западная (26) и восточная (12); нередко юго-западная (8), а также ориентировка головой на юго-восток, северо-восток и северо-запад (по 3). С учетом сезонных отклонений на запад (северо-запад, юго-запад) ориентировано 63,7% погребенных, на восток (юго-восток, северо-восток) — 31%. Общая тенденция на протяжении VII—V вв. до н. э. выражена ясно: уменьшение доли восточной ориентировки при соответствующем росте западной.

Как и в предшествующее время, в большинстве случаев умершего укладывали прямо на грунтовое дно погребального сооружения. В восьми ямах дно полностью или частично закрыто плотным досчатым настилом (табл. XVIII, 2), изредка прикрыто корой или известняковой обмазкой (Ольвия, п. 6/1909). Дважды зафиксированы решетчатые настилы из жердей или плах, прикрытые камышом либо ивовыми прутьями. Дно ямы кургана 2 у д. Шпаковки (табл. VII, 8) было устлано камышом. О новом способе помещения останков свидетельствуют четыре захоронения в деревянных саркофагах и гробовишах-колодах. Дубовое гробовище из погребения 1 кургана 6 у с. Александровки (табл. VII, 1) имело форму сильно вытянутой трапеции $2,65 \times 0,85 - 0,38 \times 0,2$ м и закрывалось крышкой [Ковалева, Мухопад, 1982. С. 92]. Гробовище (или носилки) с бортиком размером $1,7 \times 0,65$ м находилось и в недавно опубликованном погребении 1 кургана 3 у с. Богдановки на Херсонщине [Битковский, Полин, 1987. С. 77]. Подробным описанием гробовища из впускного погребения 2 Малой Цимбалки и саркофага (?) из кургана 17 у Аджигола мы не располагаем. Саркофаг* из кургана 11 группы Подгородное V имел вид прямоугольного ящика $3 \times 1,2 - 0,9$ м, соору-

«сенного из досок шириной 0,3 м и толщиной 0,1 м [Ковалева, Мухопад, 1979. С. 111]. Все четыре захоронения в гробовищах и саркофагах принадлежали знатым войнам.

Погребальный инвентарь характеризуется некоторым расширением ассортимента (более 75 категорий). Погребений без инвентаря не зафиксировано. Подсчет распространенности категорий предметов проводился, как и в предыдущем параграфе, по числу погребений с предметами независимо от числа предметов данной категории в конкретном захоронении. Вследствие неполноты большинства комплексов из-за ограблений приводимые данные следует рассматривать как приблизительные. Очевидно, наиболее близка истинной частота встречаемости малоценных предметов; пряслиц, ножей, стрел, лепной керамики, краски и т. д. Встречаемость других категорий предметов, особенно из драгоценных металлов, в действительности была, очевидно, выше. Вместе с тем полученные при подсчетах данные в определенной степени отражают реальную картину распространенности основных категорий инвентаря.

Выбор предметов, помещаемых с умершим, зависел от пола, возраста, социального и ряда других факторов.

Орудия труда, как и в архаический период, встречаются редко. Единичны находки тесла, *шила*, веретена, встречаются железные проколки (2), керамические пряслица (4). Оселки обнаружены в 9 погребениях; не исключена культовая роль этих предметов [Грязнов, 1961]. Весьма широкое распространение получили железные ножи, в том числе с костяными накладками на черешке (22% погребений). Известны случаи помещения в погребальное сооружение двух ножей, при этом один обычно находится неподалеку от остатков колчана. В V в. до н. э. утверждается обычай помещать нож на жертвенном мясе. В 14 из 27 погребений ножи обнаружены среди костей жертвенных животных (рис. 7).

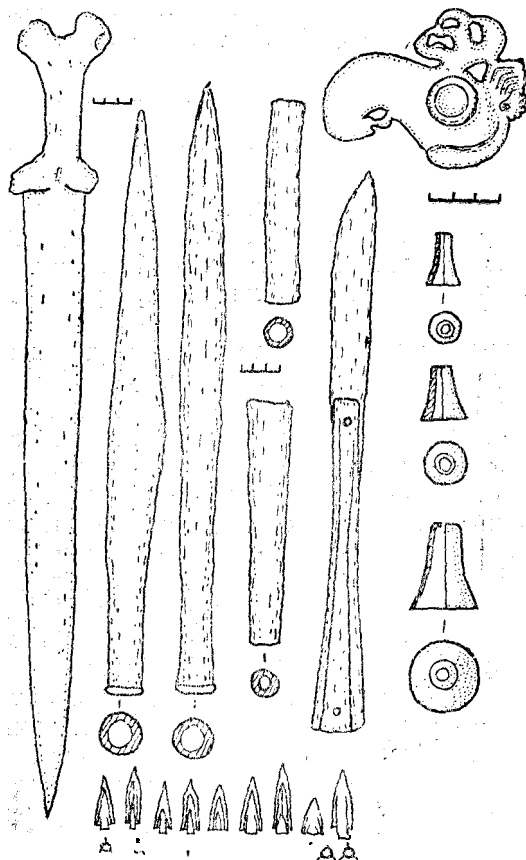

Рис. 7. Инвентарь погребения V в. до н. э. (с. Новорозановка, к. 1, п. 1)

Оружие по-прежнему остается самой массовой категорией предметов в погребениях.

Распространенность его даже несколько возрастает по срав-

нению с предшествующим периодом: оно обнаружено в 71,7% погребений. Часто встречаются бронзовые, реже — железные, костяные и деревянные наконечники стрел (в 78 из 120 погребений); прослежена окраска древков некоторых стрел в голубой и красный цвет. В захоронении обычно 5—30 стрел, лишь в пяти случаях их от 100 до 300. Стрелы изредка разбрасывали по дну погребального сооружения, но чаще помещали компактно, в колчанах. Из-за почти полного разрушения органических материалов лишь в четырех-пяти случаях наличие колчана или горита не вызывает сомнения. Украшением колчана (горита) считаются бронзовые бляхи в виде головы лося или оленя, найденные в курганах у Новорозановки и Мариуполя [Черненко Е. В., 1981. С. 47. Рис. 28]. Они весьма специфичны; аналогичные из причерноморской лесостепи и степного Крыма датируются не позднее кон. V в. до н. э. Изменением конструкции горитов и колчанов объясняется отсутствие в степных погребениях V в. до н. э. характерных колчаных застежек и костяных «столбиков»; в восточноевропейской лесостепи, по сведениям Е. В. Черненко, застежки в V в. до н. э. изредка встречаются [Черненко, 1981. С. 39, 40] Находку костяных накладок на лук можно предполагать лишь в одном-двух погребениях. Редкая встречаемость луков, возможно, объясняется обычаем передачи их по наследству [Черненко, 1981. С. 17].

Массовой категорией оружия становятся копья. Их железные наконечники обнаружены в 33 погребениях, при этом в семи случаях копья имели железные втуки. В четырех захоронениях обнаружены только втуки (наконечники унесены грабителями). В семи погребениях находилось по два копья, в одном — три, а в кургане 9 у с. Нововасильевки — восемь (семь из них, вероятно, использовались при сооружении двускатного каменного перекрытия ямы). Копья помещались в погребальное сооружение как целыми, так и со сломанными древками, справа или слева от погребенного, острием к его голове (исключения редки).

Весьма многочисленны мечи и длинные кинжалы. Они найдены в 37 захоронениях; возможно их наличие еще в шести, где обнаружены фрагменты крупных железных предметов. В двух захоронениях имелось по два меча. При выяснении, где именно помещали меч, установлено, что слева от погребенного он находился в шести, справа — в четырех (в одном случае воткнут вертикально), на тазе острием к левому бедру или колену — в 10, в тайнике — в одном, неясно где — в 16 погребениях. Положение меча на скелете и около определялось местом его крепления к ПОЯСНОМУ ремню, что подтверждается изображениями на каменных изваяниях V в. до н. э.

Рассматриваемый период характеризуется резким увеличением встречаемости в погребениях защитного вооружения, прежде всего наборных панцирей. Крайне редкие на рубеже VI—V вв. до н. э. (1 экз.) они отмечены в 29 степных захоронениях V в. до н. э. Следует заметить, что в других регионах, в частности в лесостепи, панцири появляются и распространяются несколько раньше [Черненко, 1968. С. 10]. Иногда панцири дополнялись наборными набедренниками, наголенниками. Чешуйчатые шлемы, известные в степи с конца VI в. до н. э., заметного распространения позже не получили (2). Начинают применяться цельно-

металлические греческие шлемы (2) и поножи (1). Новый элемент скифской панοπлии — наборные (из бронзовых и железных пластинок на кожаной основе) боевые портупейные пояса для меча и других предметов, а также для защиты воина. Они отмечены в шести-семи захоронениях, причем трижды пояса сопровождали наборные панцири. В восточноевропейской лесостепи пластинчатые пояса появляются в VI в. до н. э. или даже чуть раньше [Черненко, 1968. С. 71]. Отметим, что бесспорных доказательств появления подобных поясов в лесостепи ранее конца VI в. до н. э. пока нет; в это время и в V в. до н. э. они весьма редки.

В конце архаического периода наборный доспех помещали рядом с погребенным (табл. VI, /). В V в. до н. э. картина существенно меняется: рядом с погребенными — в двух, на погребенном — в одном, неясно где — в 20 погребениях. В шести случаях погребенный лежал на расстеленном доспехе (табл. VII, /; VIII, 3), что позволяет признать подобное размещение доспеха характерным для V в. до н. э. Подобный обычай зафиксирован и в лесостепи [Минжулин, 1988]. Ранее не известные в степи наборные пластинчатые щиты в рассматриваемый период отмечены дважды, «пращевые камни» — четыре раза.

Украшения из бронзы, стекла, железа и драгоценных металлов в нашей выборке погребений V в. до н. э. встречаются сравнительно редко: бусы — в девяти, браслеты — в восьми, перстни и кольца — в пяти, подвески и височные кольца — в семи погребениях и т. д.; появляются в степи и золотые гривны (3).

Среди предметов туалета встречаются бронзовые зеркала, однако они редки (5); появляются туалетные сосудики — лекифы, флаконы, алабастры (6). Заметно возрастает встречаемость импортной гончарной красно- и сероглиняной (15), столовой чернолаковой посуды (21) и особенно амфор (в 47 погребениях). В двух случаях амфоры были вкопаны в дно погребального сооружения. Лепная нелощеная посуда отмечена в 18 случаях, лошенная — трижды. Лощеные сосуды нетипичны для скифской керамики, им находят аналогии в комплексах сопредельных культур (меотской и др.).

Металлическая посуда в погребениях V в. до н. э. представлена бронзовыми черпаками-киафами (4) и другой импортной бронзовой посудой (в семи погребениях). Появляются бронзовые котлы (найжены в четырех погребениях). Судя по костям животных, пропитанным окисью меди, котлы были еще в трех погребениях. В котлах всегда находилось мясо жертвенных животных. Распространенность котлов может быть выше: и грабители нередко забирали котел. В одном из погребений (Мариуполь, к. 6) был, вероятно, железный котел. Достоверно зафиксировано использование овального деревянного блюда-подноса для жертвенного мяса. К числу редких находок относится костяная ложка из Елизаветовского могильника (к. 5/1911). В двух погребениях находились светильники — бронзовый греческий и глиняный лепной. Резко возрастает встречаемость (27) ворворок — бронзовых, железных, серебряных; количество их в одном захоронении достигает трех-пяти. Ворворки использовались в конструкции панцирей, колчанов, сбри, одежды, чехлов для наконечников копий и т. д.

Одежды, как правило, не сохраняются. В захоронениях IV—III вв. до н. э. их остатками считают золотые нашивные бляшки с зоо- и антропоморфными изображениями. Возможно, однако, что бляшками украшали и погребальные покрывала. В степных захоронениях V в. до н. э. золотые тисненные бляшки отмечены лишь дважды (Бабы, Владимировка), однажды зафиксированы золотые украшения головного убора (Днепрорудное). Таким образом, в рассматриваемый период, как и в VI в. до н. э., не имел широкого распространения обычай украшать погребальные одежды нашивными бляшками и использовать украшенные бляшками и накладками головные уборы. В восточноевропейской лесостепи подобные головные уборы носили в VI в. до н. э., но находки их сравнительно редки [Іллінська, 1971; Мирошина, 1977].

Для рассматриваемого времени характерны большие золотые ворворкообразные предметы с отверстием в плоском круглом дне (Арпиз, Острая Томаковская Могила, Александровка). Встречаются они и в степном Крыму (Ильичево), в поднепровской лесостепи (Журовка), на Ставрополье (Казинское). Высказанное В. Г. Петренко [Петренко, 1967. С. 44] и поддержанное Е. В. Черненко [Черненко, 1981. С. 62] предположение о связи указанных предметов с горитами пока не получило надежного подтверждения.

Трижды в степных комплексах обнаружены кабаньи клыки. В двух случаях (Медерово; Ольвия, п. 6/1911) они помещены в погребальное сооружение; в кургане 24 у с. Кут в остатках тризны на древней дневной поверхности (?) найдено шесть неорнаментированных кабаньих клыков с отверстиями у оснований. Подобные клыки и их имитации в бронзе из лесостепных поднепровских [Яковенко, 1969] и савроматских поволжско-приуральских памятников [Смирнов К. Ф., 1976. С. 82, 83] датируются 2-й пол. VI — нач. V в. до н. э. Предназначались они, вероятно, для украшения конской узды.

Изредка, как и в захоронениях VI в. до н. э., встречаются остатки деревянных ларцов (Подгородное X, к. 7); костяная шкатулка обнаружена в погребении Малого Чертомлыка [Мозолевский, 1987].

Находки, связываемые преимущественно с культовыми представлениями скифов, продолжают встречаться и в V в. до н. э. Овальные тщательно сделанные песчаниковые блюда сменяются плоскими, иногда грубообработанными в форме блюд плитками (6). Выше говорилось о возможном использовании блюд и плиток в качестве косметических палеток. Подобные блюда есть в погребениях преимущественно VI. реке — V в. до н. э., из восточноевропейской лесостепи, нижнего Дона, Прикубанья и Предкавказья [Ильинская, 1968. С. 150 и др.]. Поднепровские блюда образуют самостоятельную группу [Смирнов К. Ф., 1964. С. 165, 166]; они заметно отличаются от блюд из Казахстана, где известны с конца бронзового века [Маргулан, Акишев и др., 1966. С. 278], Поволжья, Приуралья, низовьев Сырдарьи. Аналогичные известным у скифов степи с VI в. до н. э. каменные плитки есть в погребениях скифского времени лесостепи, Северного Кавказа, у савроматов, саков, меотов, ананьинцев и т. д. [Анфимов, 1949. С. 251; Смирнов К. Ф., 1964. Рис. НА; Он же, 1975. С. 57; Збруева, 1952. С. 117; Вишневская, 1973. Табл. X, XI]. Подобная плитка обнаружена и в степном погребении, от-

носимом к числу «киммерийских» [Тереножкин, 1976. С. 53], а также в Таджикистане, в могильнике нач. I тысячелетия до н. э. [Мандельштам, 1968. С. 24, 41]. Не исключено «переплетение» бытовой и ритуальной функций блюд и плиток, о чем может свидетельствовать широкий ареал этих предметов в раннем железном веке.

Двоющим могло быть и использование красящих веществ, в особенности красной краски. Кусочки краски обнаружены в девяти погребениях V в. до н. э.; случаи посыпания ею умершего в отличие от VI в. до н. э. не зафиксированы. Мел встречен в четырех захоронениях; дважды — куском и дважды — в виде порошка, которым посыпано дно погребального сооружения. В кургане 7 у Мариуполя найдены кусочки и розовой и желтой краски. В Малом Чертомлыке оранжевый минерал лежал возле шкатулки [Мозолевский, 1970. С. 70]. Достоверно сера отмечена в одном погребении (Ольвия), кусочки древесного угля — в пяти*.

Примечательно отсутствие в степных захоронениях VI и V вв. до н. э. бронзовых наверший, известных в синхронных погребениях лесостепи и Прикубанья. Наличие навершия можно предполагать лишь в погребении кургана у с. Владимировки, где обнаружен бронзовый колокольчик — деталь навершия [Яценко, 1956. С. 164. Рис. 7] или конского убора. Интересен культовый жезл в виде головы хищной птицы из кургана 25 Кичкаского могильника, аналогии которому известны и в степи (случайная находка) и в лесостепи [Ильинская, 1965].

Для V в. до н. э. характерно употребление деревянных сосудов, украшенных золотыми накладками с изображениями животных либо частей их тел и изредка с геометрическим орнаментом. Культовое назначение сосудов предполагали многие исследователи [Маицевич, 1966]. Обычно в погребение помещали один сосуд, очень редко — два-пять. Корреляция деревянных сосудов с видом погребального сооружения закономерности не выявила: они есть в ямах I и II типов, катакомбах и деревянных гробницах, перекрытых насыпями высотой от 0,2 до 7,1 м. Деревянные чаши с золотыми накладками характерны для степных погребений именно V в. до н. э.; этим же временем датируется и подавляющее большинство подобных предметов из восточноевропейской лесостепи. Прием украшения деревянных сосудов золотыми, серебряными и бронзовыми накладками был известен многим племенам степного пояса Евразии, в частности еавроматам, населению Таманского полуострова и др. [Смирнов К. Ф., 1964. С. 16; Коровина, 1957]. Вполне вероятно употребление деревянных чаш не только в V, но и в VI в. до н. э., однако отсутствие на ранних чашах металлических накладок делает их фиксацию крайне трудной.

Весьма характерным для скифской культовой практики предметом был ритон. Роговые ритоны в степных погребениях VI и V вв. до н. э. не обнаружены, однако существование их в V в. до н. э. сомнений не вызывает**. Так, фрагменты металлического (электрового) ритона об-

* В двух погребениях сохранились следы небольших костров, не затронувших останков.

** В V в. до н. э. скифы, очевидно, использовали и деревянные ритоны [Отрошенко,

наружены в кургане 10 у с. Показовое [Бокий, 1971: С. 155]. Редкость ритонов в захоронениях объясняется скорее всего плохой сохранностью рога: Известная в степных и лесостепных захоронениях IV—III вв. до н. э. ритуальная посуда из драгоценных металлов в погребениях V в. до н. э. достоверно не зафиксирована. Однако обнаружение в пяти богатых захоронениях греческих бронзовых полусферических чаш и блюдец позволяет предположить использования в V в. до н. э. в культовых целях, помимо ритонов и деревянных сосудов, бронзовой посуды. Эти серийные изделия греческих мастерских не предназначались специально скифам.

Изредка находимые в погребениях предметы, не похожие на украшения, возможно, являлись амулетами. Это кремни, раковины, челюсти домашних животных, нанизанные на ремень. Найденные в кургане 4 у с. Ковалевки две бронзовые монеты, вероятно, также были амулетами; связь с «оболом Харона» в данном случае (кенотаф) усмотреть трудно.

Изделия в зверином стиле по сравнению с предшествующим периодом встречаются чаще; они найдены в 32—36 погребениях. То же можно сказать и о жертвенной пище, обнаруженной в 55 погребениях (46%). Жертвенным животным обычно был конь, реже — овца, бык, корова (?), коза, вепрь. Мясо — грудина с лопаткой и плечевой костью — вместе с железным ножом на деревянном блюде или в котле помещали на дно погребального сооружения.

Сбруя обнаружена в 12 погребениях (10%), т. е. встречаемость ее несколько падает по сравнению с VI в. до н. э. К данной группе отнесено, и погребение с крестовидной бляхой* из некрополя Ольвии (п. 66/1911), датируемое 1-й пол. V в. до н. э. Подобные предметы из Причерноморья, Приазовья и других районов датируются 2-й пол. VI—1-й пол. V в. до н. э. [Траков, 1947а. С. 35; Хоредт, 1960; Мурзин, 1977. С. 58, 59; Копылов, 1986а], в V в. до н. э. сбруя богаче, чем в VI в.; входят в употребление пластинчатые ромбовидные налобники и нащечники из драгоценных металлов, неизвестные ранее «замочки». К остаткам погребального кортежа следует относить сбрую, одиночные скелеты коней со сбруей, обнаруженных в главных погребальных сооружениях рядом с погребенным (Медерово; Подгородное, V, к. П. п. 1), и собак (Малая Цимбалка); лишь в захоронении у с. Станишино находилось два скелета собаки.

Приведенные данные, как отмечалось, отражают действительную распространенность преимущественно малоценных предметов погребального инвентаря. Так как 68% погребений повреждено огнем или грабителями, допустима коррекция распространенности ряда категорий предметов в сторону увеличения. Так, распространенность мечей по всей выборке 31—36%. Из 82 поврежденных погребений мечи найдены в 16 (с учетом железных фрагментов в 22), что составляет 20 (26%), а из 38 неограбленных — в 21, т. е. в 55% погребений. Вероятно, примерно 50—55% погребений V в. до н. э. содержали мечи.

Из-за отсутствия антропологических данных пол погребенных определяют по видам. В исследованной выборке (без учета парных погребений

ний) бесспорно мужских — 64, бесспорно женских — 11 погребений. В двух случаях (Елизаветовский могильник) инвентарь женских погребений, помимо пряслиц, украшений и зеркала, включал мечи, копыя, стрелы. Возможно, к числу женских относятся еще три погребения с оружием. В одном из них (Новокиевка, к. 2) найдено примитивное каменное блюдо, в VI в. до н. э. характерное только для женских погребений; не исключено, однако, что данное захоронение является мужским [Евдокимов, Мурзин, 1984]. Примечательно обнаружение в явно мужском захоронении кургана 6, у Мариуполя (два меча, два копыя, паноплия, ритуальный сосуд и др.) бронзового зеркала, положенного не у головы. Таким образом, только в мужских захоронениях в V в. до н. э. встречаются большие золотые ворворковидные предметы, гривны, сбруи, бронзовые черпаки и котлы, деревянные ритуальные сосуды, ворворки (?). Для женских погребений характерны украшения, пряслица, зеркала, лепная керамика. И в мужских, и в женских встречаются бусы, браслеты, лепная и гончарная керамика, оружие (кроме защитного), жертвенная пища, изредка мел и т. д.

В целом рассматриваемый период характеризуется резким преобладанием захоронений МУЖЧИН-ВОИНОВ, сравнительно редкими женскими захоронениями (18—30% из них с оружием) и отсутствием детских. Указанными чертами степные погребения сближаются с «дружинными» некрополями восточноевропейской лесостепи, в частности Посулья.

Намогильные сооружения и следы ритуальных действий. Как и в предшествующее время, в подавляющем большинстве скифские захоронения имели намогильные сооружения — курганные насыпи. Известно лишь семь бескурганых захоронений (Ольвия, Михайловка — по три; остров Дубовый); все они, за исключением ольвийских, на поверхности отмечены невысокими округлыми каменными выкладками.

В 109 курганах находилось 113 погребений. При сохранении обычая совершать впускные захоронения в насыпи эпохи бронзы, нередко достигавшие высоты 3—6 м, до 77% погребений совершено под насыпями или в насыпях скифских курганов. Однако, если только один из степных скифских курганов эпохи архаики к моменту раскопок имел насыпь высотой 3,2 м (Литая Могила), то теперь высоты 3 и более метров достигают 14 курганов с основными захоронениями, причем высота двух насыпей составляла 7—7,1 м (Новогригорьевка, к. III; Великая Знаменка, к. 1884 г.). Диаметры курганов весьма различны, к моменту раскопок они достигали 10—50 м. Насыпи сооружались из грунта, а также из вальков дерна (I Завадская Могила, Чабанцова Могила). Вальковые насыпи были, вероятно, распространены шире, но зафиксировать их не удалось. При совершении впускного захоронения в курган эпохи бронзы насыпь его иногда досыпали (VII Испанова Могила), как и в предшествующее время. Тринадцать насыпей были насыщены камнем, а четыре облицованы камнем по всей поверхности (Станишино, Мариуполь и др.).

Распространяется новый элемент оформления насыпи — каменные креpidы. Креpidой назовем кольцо из диких камней или плитняка, укрепляющее основание насыпи по периметру и препятствующее оплыванию. Вместе с тем кольцо-креpidа имело определенное эстетическое и

религиозно-семантическое значение. Крепиды следует отличать от кромлехов — ритуальных каменных колец, устроенных на древней дневной поверхности в центральной части подкурбанной площадки либо вне ее. Крепиды устраивали на последнем этапе сооружения кургана. Это наброс из камней разной величины от основания по склонам насыпи. В нижней части крепиды толще, ближе к вершине она выклинивается, ширина ее 1—6 м.

Крепиды зафиксированы у 21 насыпи V в. до н. э. и у шести насыпей эпохи бронзы со впускными погребениями V в. до н. э. В четырех из шести курганов эпохи бронзы крепиды сооружены скифами. Итак, для превращения древнего кургана в скифский его не только досыпали, но и окружали каменной крепидой. Крепиды имелись, таким образом, почти у 25% курганов со скифскими захоронениями V в. до н. э. Они надежно фиксируют диаметр насыпи в момент завершения сооружения кургана. Отмечены два случая двухэтапного сооружения насыпи кургана с единственным погребением. Курган у с. Владимировка [Яценко, 1956. С. 163] имел два каменных кромлеха — на уровне дневного горизонта и метром выше; отсутствие подробного описания не позволяет надежно интерпретировать остатки. Один из курганов Никопольского поля имел два концентрических рва, фиксирующих сооружение насыпи в два приема при отсутствии впускного захоронения [Граков, 1962. С. 70]. Сейчас невозможно установить хронологический разрыв между сооружением первого и второго ровика (и колец) кургана у Владимировки. Сооружение второго ровика может быть связано с устройством впускного захоронения, которое не сохранилось, либо с совершением поминальной акции — укреплением и подновлением насыпи. С течением времени насыпь подвергалась естественной деформации: оплывающий грунт закрывал крепиду, камни осыпались в кольцевой ровик. Ровик нередко окружает курганы с крепидами, однако есть курганы только с крепидами или только с ровиками.

При исследовании насыпи нередко фиксируются следы погребальной трапезы. Фрагменты лепной керамики, амфор, кости животных, изредка наконечники стрел отмечены в насыпях (13—15), в каменных крепиде (8), а также и в насыпи, и в крепиде (1). Таким образом, следы тризны имелись в 20—22% насыпей. В двух курганах в насыпи и в засыпи погребального сооружения обнаружены конские черепа. В трех насыпях сохранились кострища (Станишино, Новорозановка).

Редко встречаются в насыпях остатки погребального кортежа. Части сбруи обнаружены в трех насыпях. Скелеты коня и собаки находились в насыпи Раскопаной Могилы*.

В пяти курганах V в. до н. э. обнаружены каменные антропоморфные изваяния. Найдены они в насыпи, в засыпи погребального сооружения или во рву, но нет сомнения, что они стояли на вершине. К сожалению, первоначальную форму насыпи крайне трудно реконструировать. Можно предположить, что насыпь с изваянием была усеченно-конической с небольшой круглой площадкой на вершине. Конструкции, дер-

* Вещевой комплекс Раскопаной Могилы включает предметы V и IV вв. до н. э., возможно, из двух разновременных погребений. Если же погребение было единственным, курган следует относить к 1-й пол. IV в. до н. э.

жавшие вертикально установленные изваяния, не зафиксированы, однако использование их можно предполагать. Так, нижняя часть изваяния кургана 5 у с. Дупарево (Лиманы) [Петренко, 1973] имела массивный шип, который можно было укрепить в прямоугольном отверстии плоской плиты-базы.

Судя по имеющимся данным, методика сооружения насыпи во многом зависела от размеров кургана. В небольших курганах основной объем создавался, очевидно, после завершения устройства погребального сооружения. В больших курганах погребальное сооружение и насыпь создавали одновременно. В первую очередь дерновыми вальками закладывали площадь между нарастающим кольцевым выкидом и внешней границей насыпи. Погребальное сооружение при этом оказывалось в центре первичной насыпи, имевшей вид усеченного конуса с воронкой в центре [Мозолевский, 1980. С. 88]. Затем воронку закладывали глиной из рва, дерновыми вальками или камнями. Последним сооружалось каменное кольцо-крепида. И наконец, иногда устанавливалось изваяние.

Параллельность в создании погребального сооружения и насыпи ускоряла процесс захоронения в целом. Быстрое возведение и герметизация погребального сооружения перекрытием (закладом) и насыпью с прослойками глины обеспечивали необходимую устойчивость к внешним воздействиям.

Подкурганные сооружения и следы ритуальных действий. Образующийся при создании заглубленного погребального сооружения выкид оформляли по определенной схеме. Иногда его укладывали полосой рядом с погребальным сооружением (II Завадская, III Испанова Могила), иногда в виде двух дуг, оставляющих доступ к погребальному сооружению с запада и востока (Перещепино). Чаще всего выкид образовывал кольцевой вал диаметром 6—12 м, высотой 0,5—2 м и шириной 3,5—4 м. Вал был сердцевинной формирующегося кургана. Иногда с внешней стороны его облицовывали камнем (Бабы, Нововасильевка). Практически в подобной обкладке нет нужды. Возможно, облицованный камнем вал заменял кромлех — ритуальное каменное кольцо. Кромлех можно предполагать в кургане у с. Владимировка, раскопанном Н. И. Веселовским в 1887 г. Изредка выкид обозначал границы будущей насыпи; в соответствии с предварительной разметкой его укладывали кольцом как основу для каменной крепиды (ровик при этом не выкапывали; Башмачка, к. 14).

Следы погребальной трапезы — на подкурганной поверхности встречаются редко (5—6) и почти не образуют крупных скоплений. Явно с ритуальной целью вверх и вниз дном у края выкида в кургане 12 группы шахты № 22 были установлены две амфоры, а в каменной выкладке чад погребением кургана 1 у с. Червоный Яр — лепной узкогорлый сосуд. Так же установлены амфоры в двух погребальных сооружениях V в. до н. э. и в погребении VI—V вв. до н. э.

В трех курганах V в. до н. э. впервые отмечены четыре жертвенные ямы. Они выкопаны с уровня древнего горизонта недалеко от погребения на начальном этапе сооружения кургана. Размеры их от 0,4X0,4 м до 2,5X0,5 м, глубина 0,1—0,8 м. Жертвенные ямы круглые (табл. XXIV, 5), квадратные (I Завадская Могила), прямоугольные (табл.

XXIV, 10), т. е. по форме и пропорциям соответствуют погребальным ямам I—III типов, обычно уступая в размерах. Все жертвенные ямы пусты. Идентификация их проводилась по аналогиям из скифских памятников IV—III вв. до н. э.

В пяти курганах впервые зафиксированы конские могилы, выкопанные с подкурганной поверхности к западу или северо-западу от главного погребального сооружения; в I Завадской Могиле их две. Конские могилы — подпрямоугольные ямы размером $1,65—2,2 \times 0,8—1,7 \times 0,6—1,6$ м. У двух ям зафиксированы перекрытия — деревянные или из каменных плит. Ямы I Завадской Могилы имели невысокие поперечные грунтовые перемычки (табл. XXIII, 1, 2), предназначенные для придания туше коня положения, близкого к естественному. Кони в сбруе лежат в ямах на брюхе либо на боку, головой к главному погребальному сооружению. Изредка в узкой стенке ямы устраивали ступеньку, на которую опиралась голова коня (табл. XXIII, 2).

Внекурганные сооружения и следы ритуальных действий. Внекурганские сооружения V в. до п. э. представлены кольцевыми ровиками. Ровики имели 26 курганов (23,9% общего количества). Хотя семь ровиков окружали курганы эпохи бронзы, несомненно сооружение по крайней мере четырех из них в V в. до н. э. Один из курганов на Никопольском курганном поле имел два концентрических ровика.

Ровики обычно круглые. Иногда они не столь правильны и извилисты (VII Испанова Могила), так как рыли их, вероятно, без предварительной разметки много людей одновременно. Диаметр ровиков на 1—6 м превышает диаметр первичной насыпи. В сечении ровики полуовальные или трапециевидные, ширина их на уровне древней поверхности 1—3,5 м, глубина 0,7—2,3 м. Вынутым грунтом обкладывали склоны насыпи (II Завадская, Чабанцова Могилы) и выжид, а иногда из него делали материковую глиняную «шапку» над погребальным сооружением (I Завадская Могила). Б. Н. Мозолевский в кургане Малый Чертомлык выявил, что чернозем вокруг формируемой насыпи был срыт до материка, а кольцевой ровик выкопан в материке на дне образовавшейся кольцевой ложбины [Мозолевский, 1987. С. 63]. Таким образом, в некоторых случаях, преимущественно при возведении больших курганов, насыпь и ровик сооружались одновременно, до устройства каменной крепицы.

Обычно ширина ровика по всей его длине примерно одинакова, однако изредка он имеет одно-три расширения длиной 3—6 м (Лупарево, г. 10; I Завадская Могила); назначение их не совсем ясно.

Большинство ровиков кольцевые, однако в восьми случаях они разорваны перемычками шириной 1—2 м. Обычно таких перемычек две; располагаются они симметрично по оси запад — восток. Лишь у двух Ровиков было по одной перемычке в западной и восточной части.

Как и ранее, в ровиках 10 курганов отмечены следы погребальной трапеzy: фрагменты амфор, кости животных. В ровике кургана 6 у с. Александровка лежали черепа лошади, быка и вепря. Остеологический и керамический материал концентрируется, как правило, в западной части ровиков, у перемычек, встречается в расширениях ровиков. В ровике Малого Чертомлыка было много окатанных камней и камеи-

ная плита $0,8 \times 0,95 \times 0,3$ м. Два конских черепа и две каменные плиты $0,3 \times 0,4 \times 0,1$ м находились и у перемычек ровика кургана 3 у с. Богдановки на Херсонщине [Битковский, Полин, 1987. С. 74]. Есть основания признать подобные плиты своего рода жертвенниками.

Метаструктура погребальных комплексов. В отличие от архаического времени, V в. до н. э. характеризуется распространением в степи скифских курганных могильников. Они еще сравнительно невелики, насчитывают до десяти курганов (Лупарево, Ковалевка, Подгородное, Новогригорьевка и др.). Лишь Елизаветовский могильник выделяется большим количеством погребений. Отдельные могильники начинают складываться на рубеже VI—V вв. до н. э. (Аджигол) *. В конце V в. до н. э. появляются и бескурганные могильники (Михайловка).

Из-за малочисленности раннескифских погребальных групп и публикаций их планов судить о структуре могильников трудно. Они образуют бессистемные скопления вокруг курганов эпохи бронзы; известны также одиночные погребальные комплексы V в. до н. э. и небольшие чисто скифские группы.

Погребения отражают уровень социальной дифференциации. Характерно отсутствие погребений без вещей и погребений явно зависимых людей. Основная масса захоронений принадлежала хорошо вооруженным, очевидно, свободным скифам. Очень богатые погребения еще весьма редки.

Изучение скифских погребальных памятников V в. до н. э. позволяет сделать следующие выводы.

Отмечается рост численности скифского населения. Наблюдается дальнейшее развитие погребальной обрядности, ее усложнение. Становятся разнообразнее погребальные сооружения. Абсолютно преобладают вытянутые труположения, крайне редко встречаются скорченные и трупосожжения; возрастает процент западной ориентировки при соответствующем уменьшении восточной. Инвентарь становится разнообразнее; появляются наборные пояса и щиты, золотые ворворковидные предметы, гривны, деревянные с золотыми накладками ритуальные сосуды, бронзовые котлы; обычны предметы, оформленные в зверином стиле, жертвенная пища, оружие. Впервые фиксируются конские захоронения в отдельных ямах и жертвенные ямы. Усложняется конструкция намогильных сооружений. Начинают применять каменные и глиняные обкладки основания насыпи, получают распространение каменные антропоморфные изваяния. Следы погребальной трапезы в насыпи, крепице, на дневной поверхности или в кольцевом ровике отмечены у 37—40 курганов из 109 (34—37%).

Впервые фиксируются действия, которые можно признать поминальными. Это досыпка отдельных насыпей при сооружении второй крепицы или второго ровика, но без впускного захоронения. Возможно, следами

* Датировка некоторых аджигольских погребений вызывает разногласия. Нами к рубежу VI—V вв. или суммарно к VI—V вв. до н. э. отнесены захоронения $1J$, $1U$, $1G$, содержащие отдельные предметы VI в. до н. э. Погребения V в. до н. э. отличаются от ранних вещами и тем, что нет щитов-лож.

поминальной трапезы являются изредка фиксируемые в ровике, выше его дна, фрагменты амфор (Лупарево, к. 10), почти синхронных основному погребению. Поминки, очевидно, устраивались через некоторое время после захоронения; ровик к этому моменту на 0,1—0,15 м запылав грунтом расплывшейся насыпи.

Устойчивыми особенностями скифских погребений V в. до н. э. следует признать амфоры, вкопанные в дно погребального сооружения или в дневную поверхность рядом с погребением, положение умершего на расстеленный доспех, положение меча на поясе острием к левому бедру или колену. Третий и, возможно, первый обычаи появляются в степи на рубеже VI—V вв. до н. э., а все три изредка фиксируются и в погребениях IV в. до н. э.

ГЛАВА IV

ПОГРЕБАЛЬНЫЕ ПАМЯТНИКИ СКИФОВ СТЕПНОГО И ПРЕДГОРНОГО КРЫМА VII—V ВВ. ДО Н. Э.

Анализ распространенности видов погребальных сооружений в степях севернее и южнее Перекопа выявил существенные различия (См. главу II), что послужило одной из причин отдельного рассмотрения погребальной обрядности скифского населения Крыма и остальной части степного Северного Причерноморья.

Относительная географическая обособленность обусловила своеобразие культуры нескифского населения Крыма, родственного обитателям Кавказа, Предкавказья и степного Причерноморья. Наличие в Крыму нескифского варварского населения — тавров и др. — подтверждается письменными свидетельствами [Ольховский, 1981. С. 53], данными палеотопонимии. Береговая полоса Крыма в V—III вв. до н. э. оказалась насыщенной греческими поселениями и усадьбами, часть которых возникла еще в VI в. до н. э. Несомненно достаточно активные торгово-экономические и политические связи, установившиеся между пришедшими в Крым скифами и автохтонным варварским, а также пришлым эллинским населением. Подобные связи, зафиксированные и письменными источниками, должны были оказать существенное воздействие на все стороны материальной и духовной культуры скифов. Именно поэтому в Крыму — зоне активных этнических контактов — следует предполагать деформацию скифской погребальной обрядности.

Таким образом, предопределяются некоторые различия погребальной обрядности скифов Крыма и остальной части степного Северного Причерноморья, причем чисто скифской следует признать погребально-доминантную обрядность населения степей севернее Перекопа.

1. ПАМЯТНИКИ VII—VI ВВ. ДО Н. Э.

Из рассматриваемой совокупности крымских погребений (341; прил. 2), VII, VII—VI или VI вв. до н. э. датируются 22. Еще 11 из-за невыразительности вещей и отсутствия опубликованных иллюстраций отнесено суммарно к VI—V вв. до н. э. или к рубежу VI—V вв. до н. э.

В I главе отмечался разнородность в этнокультурной атрибуции ряда крымских захоронений и целых могильников VII—V вв. до н. э. Особенно дискуссионен вопрос об этносе, использовавшем лепную лощеную керамику с резным и гребенчатым орнаментом. Подобную керамику считали скифской, кизил-кобинской, таврской, позднекимерийской и т. п.

Погребения с лощеной керамикой рассматриваются ниже в общей сводке с захоронениями без нее; в каталоге (прил. 2) первые зафиксированы в графе «КК», вторые — в графе «С». Это позволяет сопоставлять группы захоронений с лощеной керамикой и без нее по основным

элементам погребального комплекса. В выборке захоронений VII—VI и рубежа VI—V вв. до н. э. лепная лощеная керамика есть в 19 погребениях; в остальных 14 ее нет.

Погребальные сооружения. В крымских архаических комплексах погребальные сооружения представлены лишь двумя видами: ямами и каменными ящиками (табл. 3 и 4). Абсолютно преобладают ямы (88%), представленные исключительно простейшим 1 вариантом I типа; известна яма 2 варианта. Ямы средних и небольших размеров, лишь одна имеет площадь 4X3 м (Темир-гора, п. 81). До 48% ям было завалено камнями или обозначено каменными кладками. Деревянное перекрытие можно предполагать лишь в одном случае, причем сверху оно было забутовано. В двух случаях захоронения были совершены точно над более ранними, в каменной засыпи ям (Колоски, к. 5, п. 4; Бахчи-Эли, к. 3, п. 1).

Каменные ящики (всего три) относятся к I типу. Стенки их образованы четырьмя и более плитами, укрепленными на ребре; перекрытия, очевидно, были каменными. Один из ящиков, сооруженный на древней поверхности и не перекрытый насыпью, имел кольцевую каменную обкладку (Золотое, п. 4/1977). Лепная лощеная керамика встречена и в каменном ящике (1), и в ямах (8).

Сравнительно редки основные погребения — 24,3%, преобладают впускные: в курганы эпохи бронзы — 63,6%, в архаические скифские — 9,1% (неясно — 3%). Все захоронения главные. Лишь два описанных погребения в каменных засыпях ям могут принадлежать социально зависимым людям; однако доказать это невозможно. Все погребальные сооружения, за исключением двух, подкурганые.

Останки погребенных. Все захоронения совершены по обряду трупоположения. Преобладают одиночные захоронения, парные отмечены дважды, причем в обоих случаях (Белоглинка; Колоски, к. 5) мужские скелеты были вытянуты, а женские — полускорчены. Оба захоронения, а также единственный кенотаф (?) содержали лощеную керамику с резным орнаментом.

Умерших, как правило, укладывали на спине, вытянуто. Лишь в шести погребениях отмечено положение на боку с подогнутыми ногами (18%); лощеная керамика при этом находилась в четырех захоронениях. Хотя в остальных двух подобной керамики не было, комплексом других признаков они не отличались от захоронений с лощеной керамикой.

Положение «на спине коленями вверх» отмечено один раз, скрещенность ног — один, кисть (кисти) руки в области таза — четыре раза; при этом все умершие сопровождалась лощеной керамикой.

Ориентировка погребенных разнообразна при абсолютном преобладании западной (61,5%). С учетом сезонных отклонений на запад (северо-запад, юго-запад) ориентированы скелеты в 77%, на восток (северо-восток, юго-восток) — в 19,2% погребений. Ориентировка скорченных и других погребенных с лощеной керамикой (в дальнейшем — группа «КК») не отличается от ориентировки погребенных в остальных, в том числе бесспорно скифских захоронениях (в дальнейшем — группа «С»).

В большинстве случаев умершего укладывали прямо на грунтовое дно погребального сооружения. Один лежал на слое мелкой речной гальки [Ольховский, 1982. С. 68. Рис. 7а]. В кургане у с. Березовка под головой умершего находился довольно большой камень. Небольшое количество морской травы-камки отмечено в погребении 3, кургана 1 у с. Аркадьевка (Такиль).

Таким образом, группы крымских погребений с лощеной керамикой («КК») и без нее («С») объединяются господством западной ориентировки, а различаются скорченностью и положением кистей рук на таз в группе «КК». В отличие от архаических захоронений из могильников севернее Перекопа в Крыму отмечены погребения не только взрослых, но детей и подростков, относящиеся почти исключительно к группе «КК».

Погребальный инвентарь. Он представлен почти во всех захоронениях, однако ассортимент его невелик и насчитывает около 25 категорий.

Орудия труда представлены глиняными и свинцовыми пряслицами (3), железным ножом (1) и каменными оселками с отверстием для подвешивания (3). Оружие отмечено в 45% погребений. Наиболее часто встречаются бронзовые наконечники стрел (10), реже — железные акинаки (4), застежки (3) и костяные «столбики» (2) от колчанов, кремневые наконечники стрел (2), пращевые камни (1) и части лука (1). Копья и оборонительный доспех не отмечены.

Украшения весьма редки: бронзовые браслеты (2), стеклянные бусы (5), серьги и подвески (2). К предметам туалета относится импортное зеркало.

Гончарная посуда греческая редка (3—4), особенно выразительны ойнохой с Темир-горы и из Филатовки. Амфор и металлической посуды нет. Лепная лощеная посуда обычно с геометрическим орнаментом обнаружена в 19 захоронениях (рис. 8, 3—13; 9, 2, 3, 8). Во многих захоронениях группы «КК», кроме лепной лощеной посуды, представленной одним-двумя сосудами, нет других предметов. Еще в четырех погребениях обнаружена лепная нелощеная посуда (горшки, кувшин).

К числу редких находок относятся астрагал (1), орнаментированный кабаньей клык (1), кремневые отщепы или скребки (2), каменная терка (1). Изделия в зверином стиле встречены дважды; это украшения лука и кабаньей клык.

Предметы и вещества, имеющие отношение к культовой практике, немногочисленны. В одном погребении возле сосуда обнаружено некоторое количество угля, в другом — каменная плитка, по назначению близкая каменным блюдам [Ольховский, 1982. С. 62. Рис. 1в] *. Жертвенная пища зафиксирована в 30% погребений; обычно это мясо барана, реже — быка. Кусочки красной краски находились в двух погребениях; еще в двух, судя по окрашенности скелетов, использован порошок охры и реальгара.

Сопоставление инвентаря погребений групп «КК» и «С» показало, что в первых найдены почти все изделия из кремня, пряслица, браслеты, бусы, а также краска куском, уголь. Оружие встречается в них срав-

* Возможно, каменная плитка находилась и под головой погребенного в к. 1 у с. Березовка.

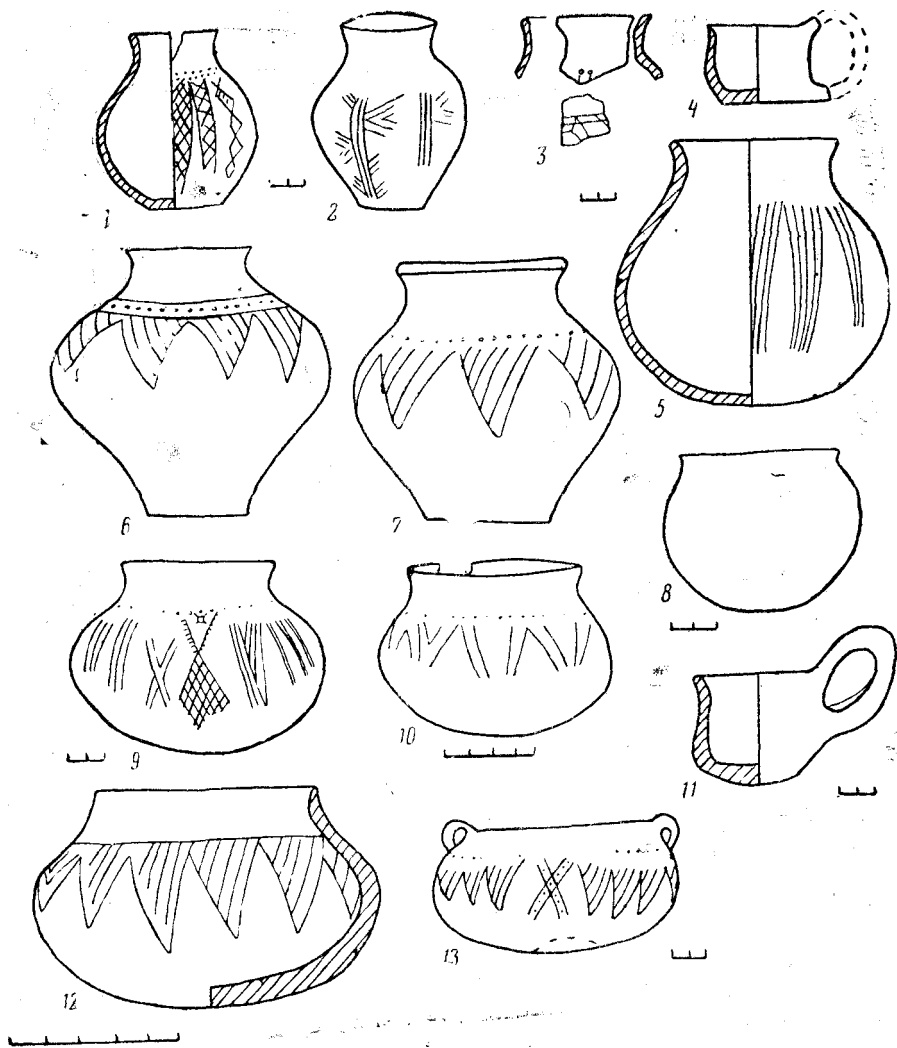

Рис. 8. Лошенная и подлошенная лепная керамика из погребений VII—V вв. до н. э. предгорного Крыма

1 — с. Грушевое (бывш. имение Талаевой), к. 1/1895, п. 3; 2 — бывш. имение Бобовича, к. 1/1895; 3—5 — с. Белоглинка; 6—13 — с. Марьино — с. Лозовое (Симферопольское водохранилище); 6 — к. 77, п. 1; 7, 8 — к. 5, п. 2а; 9 — к. 14; 10 — к. 4, п. 2; 11 — к. 2, п. 1; 12 — к. 6, п. 3; 13 — к. 12, п. 4 (?)

нительно редко (26,3%), однако три из четырех мечей найдены в них. В группе «С» значительно чаще встречается оружие (около 70%), оселки, импортная керамика, колчаные застёжки. Только в них найдены костяные «столбики», украшения лука, изделия звериного стиля. Жерт-

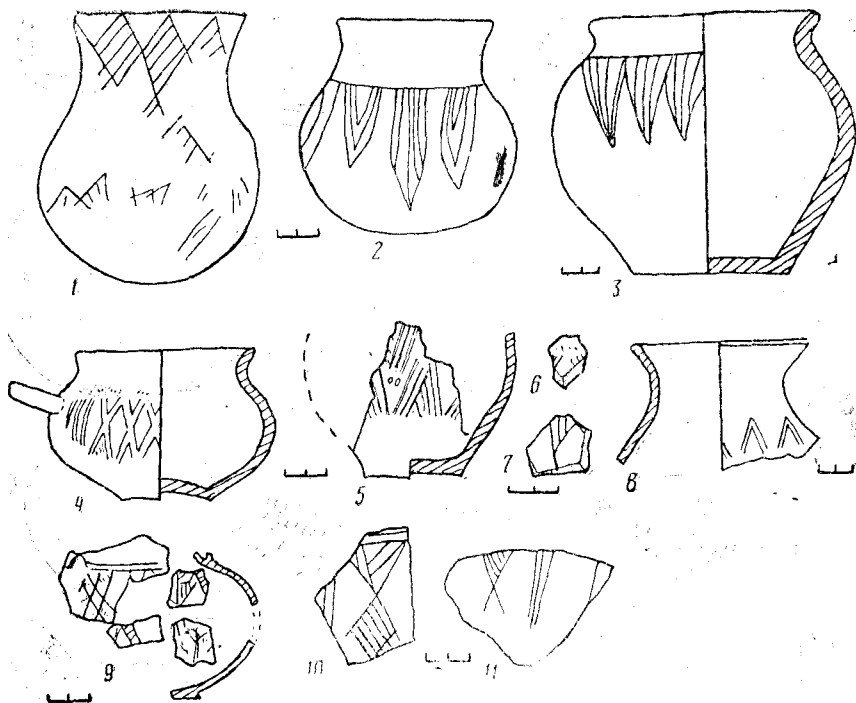

Рис. 9. Лощеная и подлощенная лепная керамика из погребений VI—IV вв. до н. э. степного Крыма

1 — с. Фронтовое I, п. 17; 2 — пос. Аршинцево; 3 — с. Астанино, к. 9, п. 1; 4 — с. Колоски, к. 5, п. 5; 5, 6 — с. Колоски, к. 1, п. 1; 7 — с. Колоски, к. 4; 8 — с. Золотое, п. 4/1977; 9 — с-з им. Калинина; 10, 11 — с. Золотое, п. 5/1973

венная пища распределена в погребениях обеих групп примерно одинаково.

Итак, анализ погребального инвентаря показал, что по этой группе элементов погребального комплекса захоронения группы «С» значительно ближе архаическим скифским погребениям степного Причерноморья, чем захоронения группы «КК». Только в крымских комплексах встречаются наконечники стрел и скребки из кремня, округлые каменные терки-предметы, хорошо известные здесь с эпохи поздней бронзы до эллинизма, нередкие на поселениях тавров или кизил-кобинцев. В целом крымские захоронения беднее синхронных, расположенных к северу от Перекопа. Примечательно, что лишь одно захоронение с оружием (меч и стрелы) содержало предметы, обычные в женских погребениях (четыре бусины); данное погребение (Аркадьевка, к. 1, п. 3), вероятно, является мужским.

Намогильные сооружения и следы ритуальных действий. Подавляющее большинство захоронений совершено в курганах, бескурганых — лишь два. Одно обнаружено на территории поселения эпохи поздней бронзы (Кирово, п. 2), другое представляло собой каменный ящик, со-

оруженный на древней поверхности и окруженный обкладкой из плит на ребре (Золотое, п. 4/1977). Возможно, пространство между обкладкой и стенками ящика первоначально было забутовано, и погребальное сооружение выглядело невысоким округлым каменным скоплением диаметром около 4,5 м.

Захоронения находились в 25 курганах, из которых 18 насыпано в эпоху бронзы, шесть — в VII—VI вв. до н. э., один — неясно когда. Насыпи обычно невысокие — 0,5—2 м, лишь две превышали 4 м; самую высокую — 8 м — имел курган на Темир-горе. Насыпи грунтовые, одна (эпоха бронзы) имела следы досыпки. Характерно широкое использование камня в оформлении курганов. Восемь насыпей эпохи бронзы со впускными захоронениями VII—VI вв. до н. э. были покрыты панцирной обкладкой из камней в один-три слоя. К какому времени относится сооружение обкладок — неясно. Четыре-пять насыпей имели кольцевую каменную крепиду из массивных плит; две насыпи, несомненно, относятся к VII—VI вв. до н. э., прочие — к эпохе бронзы. Следы погребального пира — кости животных, фрагменты керамики, в том числе одной амфоры — отмечены в трех насыпях архаического скифского времени.

Рассмотренные элементы почти одинаковы для оформления курганов с захоронениями групп «КК» и «С», но для первых панцирные обкладки обычнее.

Подкурганые сооружения и следы ритуальных действий. Данная группа элементов погребальных комплексов Крыма плохо фиксируется и по этой причине почти не отражена в публикациях. Основные захоронения, составляющие не более четверти, совершали обычно в ямах, при рытье которых возникал небольшой выкид. Выкид, как правило, плохо различим, так как очень редко состоит из материковой глины.

Единственным не погребальным сооружением, выкопанным с подкурганной поверхности, является жертвенная яма в кургане 3 у бывшей д. Бахчи-Эли. Яма 1,67X1,5x0,9 м (табл. XXIV, 8) находилась к югу от могилы и была пуста. Следы погребального пира на древней дневной поверхности не отмечены.

Внекурганые сооружения (ровики и т. п.) у крымских курганов VII—VI вв. до н. э., судя по публикациям и отчетам, также не зафиксированы.

Метаструктура погребальных комплексов. Погребения рассеяны на значительной территории, почти не образуя компактных могильников (рис. 1). Подобное размещение особенно характерно для группы «С». Погребения группы «КК» образуют довольно большое скопление в курганной группе эпохи бронзы у сел Марьино и Лозовое; в предгорьях они вообще встречаются значительно чаще. Какой-либо закономерности в расположении погребений в могильнике не наблюдается. Погребальные комплексы незначительно различаются количеством и богатством инвентаря. Богатых захоронений практически нет.

Итак, погребения VII—VI вв. до н. э. из степного и предгорного Крыма достаточно четко делятся на две группы — с лошеной лепной керамикой («КК») и без нее («С»), Группа «КК» по ряду черт выглядит

более бедной и архаичной. В ней значительно чаще фиксируется скорченность погребенных, встречаются изделия из кремня, редки импортные вещи и оружие. Указанными чертами погребения группы «КК» сближаются с исследованными в предгорном и горном Крыму погребальными памятниками тавров или кизил-кобинцев [Лесков, 1965; Колотухин, 1985], отличаясь от них почти полным отсутствием весьма характерных «таврских» украшений и бытовых предметов: бронзовых серег, подвесок, бляшек, булавок, раковин каури и т. п. [Колотухин, 1987]. Группа «С» богаче оружием, в ней больше категорий инвентаря, распространенных в степях к северу от Перекопа, включая предметы звериного стиля. В целом она не отличается от скифских архаических погребений, рассмотренных в предыдущей главе. Вместе с тем захоронения групп «С» и «КК» не отличаются друг от друга погребальными сооружениями, ориентировкой погребенных, распространенностью жертвенной пищи, встречаемостью оружия одинаковых (скифских) типов. Это подтверждает предположение, что население, оставившее погребения группы «КК», издавна находилось в контакте со скифами, испытывало сильное влияние их культуры и в значительной мере слилось с ними в смешанный скифо-аборигенный (скифо-кизил-кобинский) этнос [Ольховский, 1982. С. 76—79]. Ему и принадлежит большинство захоронений группы «КК». Заслуживает внимания и полное отсутствие в крымских комплексах VII—VI вв. до н. э. конских захоронений и сбури.

2. ПАМЯТНИКИ V В. ДО Н. Э.

Эти погребения встречаются в Крыму чаще захоронений VII—VI вв. до н. э., но по сравнению со скифскими захоронениями севернее Перекопа возрастание это незначительно. Второй особенностью крымских захоронений V в. до н. э. является резкое уменьшение группы «КК». Из 48 погребений V в. до н. э. лощеная керамика встречена лишь в шести. Третья особенность связана с предыдущей: захоронения группы «КК» не обособляются в скопления, а в небольшом числе входят в скифские могильники. Очевидно ослабление этнокультурной специфики группы «КК», сближение ее с группой «С».

Погребальные сооружения. Набор видов и типов погребальных сооружений при господстве ям (55,5%) и каменных ящиков (31%) становится разнообразнее (табл. 3). Появляются единичные, хорошо известные в поднепровских степях катакомбы I типа, деревянные, а также сырцовые гробницы. Ямы (табл. 4) представлены в основном вариантом I типа I, но известен и очень редкий вариант б. Появляются единичные ямы II и III типов. Прослежены перекрытия восьми ям: каменные из плит (3) и мелкого плитняка (2), деревянные (3).

Каменные ящики (14) по-прежнему сооружаются из крупных необработанных плит, укрепленных на ребре (I тип); иногда они имеют полностью или частично мощеное плитняком дно (5), каменный навал (3), кольцевую каменную ограду (4; ящики устраивались на дневной поверхности или в неглубокой яме). Отмечено "применение простейшего уступчатого перекрытия (Приветное, к. 22, п. 2),

К сожалению, почти ничего нельзя сказать о деревянной гробнице

(?), сооруженной в яме площадью 53 м² и затем сожженной (Темир-гопа, п. 83).

Захоронения с лошенной керамикой совершались, как и в архаический период, в ямах (5) и каменных ящиках (1).

Для V в. до н. э. характерно возрастание числа бескурганых захоронений, их 13. Они представлены каменными ящиками (Золотое, Рыбное) и грунтовыми ямами (Фронтное I). Из 35 курганных захоронений * основными являются 14 (40%), впускными в курганы эпохи бронзы — 19 (54%), впускными в курганы VII—VI вв. до н. э. — 2. Почти все захоронения главные. Известно и одно вспомогательное, расположенное рядом с главным в кургане 1 у с. Колоски [Ольховский, 1982. С. 62. Рис. 1а] и содержащее останки социально зависимого человека с лощенным сосудом (рис. 8, 5—6).

Итак, в V в. до н. э. при сохранении преобладания ям растет распространность каменных ящиков, появляются новые виды сооружений, связанных со степным скифским (катакомба, деревянная гробница) и греческим (сырцовая гробница) влиянием.

Останки погребенных. Абсолютно преобладают труположения. Трупосожжение отмечено в погребении 83 на Темир-горе **. Характер захоронения установлен в 37 погребальных сооружениях. По-прежнему преобладают одиночные ингумации — 27 (73%), парные (двое взрослых) редки — 3 (8%). Принципиально новой чертой следует признать появление и распространение асинхронных (повторных) захоронений, составляющих в V в. до н. э. 19% ***. Асинхронные захоронения совершались в бескурганых каменных ящиках (Золотое) и грунтовых ямах (Фронтное I): перекрытие разбиралось, кости ранее погребенных отодвигались к одной из стенок либо укладывались кучкой на погребяемого. Такое захоронение требовало малых затрат, ибо использовало готовое погребальное сооружение, которое было заложено камнями или грунтом, но не перекрыто насыпью.

Умерших захоранивают, как правило, на спине с вытянутыми вдоль тела конечностями. Известны положение кистей рук на таз (2) и захоронения на спине с поднятыми вверх коленями, при которых ноги падали на одну (1), либо на обе стороны (1). Поза на боку со значительной скорченностью отмечена дважды; погребенные лежали на правом или левом боку с согнутыми в локтях руками, головой на восток или юго-восток.

Ориентировка погребенных установлена в 32 сооружениях; она исключительно широтная при преобладании западной (47%). В целом ориентировка на запад (юго-запад, северо-запад) отмечена в 23 захоронениях (72,9%), на восток (северо-восток, юго-восток) — в девяти (28,1%). Наблюдается уменьшение доли западной ориентировки при

* Два погребения, обнаруженные в некрополе Нимфея в 1868 г., к числу курганных отнесены предположительно [Черненко, 1970].

** Недавно зафиксировано трупосожжение и в к. 3 у с. Чкалово в Присивашье [Нечитайло, Бунытян, 1984. С. 20].

*** Действительная распространенность, очевидно, около 15%, так как 11 захоронений, характер которых не установлен, по ряду признаков являются одиночными или парными, но не асинхронными.

соответствующем росте восточной (за счет скифских захоронений некрополя Нимфея).

По-прежнему умершего кладут чаще всего прямо на грунтовое дно сооружения, однако трижды отмечены подстилки, а также дощатый настил (Золотой курган). Новой чертой, связанной с греческим влиянием, является применение деревянных гробов (2) и деревянных, изредка инкрустированных саркофагов (4); обнаружены они в скифских захоронениях некрополя Нимфея.

Погребальный инвентарь. Для крымских погребений V в. до н. э. характерно резкое увеличение ассортимента погребального инвентаря, включающего уже не менее 55 категорий. Безынвентарных захоронений нет.

Из орудий труда чаще всего встречаются железные ножи с деревянными ручками (9). Как и в захоронениях севернее Перекопа, они лежат на остатках жертвенного мяса и при истлевших колчанах. Каменные оселки с отверстием встречаются реже (5), как и железные шилья и проколки (3). Единичны ложила, иглы, веретена; известны и глиняные пряслица (4).

Очень широко представлено оружие, бывшее в 40 погребениях (83 3%). Чаще всего встречаются бронзовые, изредка железные и костяные наконечники стрел (37) в количестве от двух до 200, а также железные акинаки и кинжалы (27). Столь широкая распространенность мечей — в 56% погребений — подтверждает высказанное (глава III, § 2) предположение о наличии акинаков примерно в каждом втором раннескифском северопричерноморском погребении. В некоторых скифских погребениях некрополя находилось по два-четыре меча и кинжала. Известны находки ножен (3).

Анализ 17 непо потревоженных погребений выявил размещение акинаков, идентичное установленному для степей севернее Перекопа: справа от погребенного — четыре, слева — три, воткнут вертикально — один, на поясе острием к левому бедру — девять. Подтверждается этнохронологическая значимость обычая носить меч на поясе спереди.

Значительно реже встречаются железные наконечники копий (5), колчаны и гориты (4), колчаные крюки (1), топоры (1). Оборонительное вооружение представлено цельнометаллическими импортными шлемами (4), поножами (2), наборными панцирями (8) и щитом (1). Точное положение панциря зафиксировано лишь дважды; раз он был надет на погребенном, а в другой раз — расстелен под ним. В Золотом кургане, по сообщению А. Стевена, погребенный лежал на пластинчатом щите. Такое использование щита нигде более не отмечено; эта находка единственная в Крыму (если это действительно щит). Данный обычай перекликается с характерным для скифов степного Причерноморья V в. до н. э. помещением погребяемого на расстеленный панцирь.

Украшения в погребениях V в. до н. э. встречаются значительно реже оружия. Золотые, бронзовые, железные кольца и перстни отмечены шесть раз, серьги и бусы также по шесть раз. Менее распространены височные кольца и подвески (3), браслеты (4). Для богатых захоронений характерны золотые гривны (5).

Предметы туалета представлены бронзовыми зеркалами (4), костя-

ной коробочкой (1), лекифами, алабастрами и бронзовым сосудиком (6). Детальями погребальных одежд или покрывал, как отмечалось, являются золотые штампованные бляшки с зоо- и антропоморфными изображениями, обнаруженные в пяти богатых погребениях. Известны пряжки и украшения ремней (4). Сложные женские головные уборы пока не обнаружены.

По сравнению с предшествующим периодом чаще используют расписные столовые сосуды (8), импортную кухонную посуду (3) и амфоры (целые в четырех погребениях, обломки — еще в трех). Лепная лощеная посуда с геометрическим орнаментом представлена главным образом кубками (6) (рис. 9, /, 5, 6, 9—11). Известна и нелощеная лепная керамика (4). Вся металлическая посуда импортная. Особенно характерны встречаемые обычно вместе киафы (5) и сита (4) (рис. 10, 3, 6), редки ойнохи (2) и гидрии (1).

Уникален бронзовый канделябр из одного нимфейского погребения. Бронзовые ворворки довольно обычны (9); в кургане 24 того же могильника найден «золотой колпачок» (ворворка) с отверстием в дне. Известны и астрагалы (2). Конская сбруя в виде отдельных предметов или наборов найдена в восьми захоронениях.

Находки, определенно или предположительно имеющие отношение к культовой практике, продолжают встречаться в захоронениях. Жертвенная пища — мясо барана, иногда быка и коня — имела в 27% погребений; распространенность ее, таким образом, в VII—V вв. до н. э. не меняется. Отмечены единичные случаи помещения с умершим орехов и птичьих (куриных?) яиц, головы лошади. Каменные плитки редки, известна одна из Акташского могильника [Бессонова, Скорый, 1986]; она лежала под головой умершего (мужчины). Красная краска зафиксирована трижды: раз — куском и дважды — в виде порошка, которым полностью или частично был посыпан умерший (Фронтное I, Мирное). Однажды отмечен мел (?).

Хорошо известные в причерноморских степях деревянные культовые сосуды с золотыми накладками обнаружены и в двух крымских погребениях — у с. Каштановка (рис. 10, 1, 2) и в Акташском могильнике. Возможно, в культовых целях начинают использоваться и металлические сосуды характерных форм, известные и в более поздних КУЛЬТОВЫХ наборах; это бронзовые чаша и блюдо, а также серебряная фиала из погребений некрополя Нимфея. Использование металлических сосудов, в том числе в ритуальных целях, в захоронениях именно данного пайона — закономерное отражение прямых греко-скифских контактов. Характерно отсутствие металлических и роговых ритонов.

Ритуальный бронзовый скипетр из погребения 3 кургана 2/1895 у с. Долинного находит аналогии в синхронных памятниках поднепровской лесостепи [Ильинская, 1965. С. 210. Рис. 3]. Золотые ворвопковидные предметы с отверстием в дне, известные в степных комплексах V в. до н. э., есть и в Крыму (п. 6, к. 1 у с. Ильичево).

Украшения звероного стиля (без учета наверший и перекрестий мечей) найдены в 16,7% крымских погребений. Среди них особенно интересны характерные только для V в. до н. э. бронзовые бляхи в виде головы лося или оленя, используемые для украшения ножен, горитов и

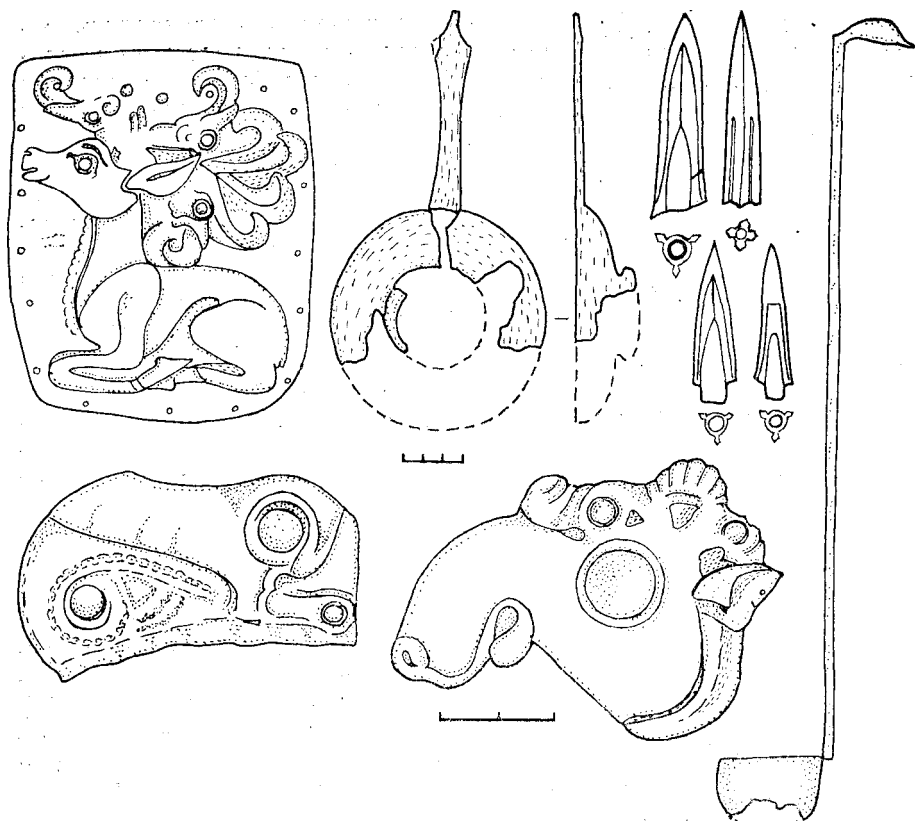

Рис. 10. Инвентарь погребения V в. до н. э. (с. Каштановка — бывш. Кара-Меркит к. 1, п. 1)

панцирей; они найдены в пяти погребениях (Нимфей, Колоски, Каштановка; рис. 10, 5).

Рассмотрение инвентаря крымских захоронений V в. до н. э. позволяет сделать следующие выводы.

При общем увеличении ассортимента категорий предметов появление новых и исчезновение известных в архаическое время полностью подчиняется закономерностям, выявленным при изучении погребальных комплексов степей севернее Перекопа. Очевидно возросшее (вплоть до тождества) сходство вещевых наборов скифских погребений Крыма и остального Причерноморья. Оно проявляется наличием редких ритуальных жезлов, деревянных сосудов, золотых ворворковидных предметов и т. п. (кроме котлов) и в размещении некоторых вещей в погребении (панцирь под погребенным, меч на поясе).

Редкие захоронения с лошадьми, украшенными геометрическим орнаментом сосудами уже не отличаются другим инвентарем (а также погребальными сооружениями, позой и ориентировкой погребенных) от

массы раннескифских погребений Крыма. Обнаружение в погребении 3 кургана 1/1895-у с. Грушевое лошеного сосуда (рис. 8, 1) при погребенном, лежащем на расстеленном панцире с акинаком на поясе, надежно доказывает использование в V в. до н. э. подобной керамики скифами, а также, возможно, ассимиляцию скифами к концу V в. до н. э. значительной части автохтонного населения степного и предгорного Крыма.

Погребальный инвентарь свидетельствует о продолжении социально-го расслоения скифов в Крыму. Выделяются захоронения знати, связанной определенными отношениями с античными центрами. Характерно абсолютное преобладание захоронений вооруженных мужчин; подобная картина выявлена и для степей севернее Перекопа. Заслуживает внимания наличие в двух захоронениях некрополя Нимфея, кроме полных наборов паноплии, зеркал и других предметов, характерных для женских погребений. В кургане 7/1895 у с. Мирное при погребенной (?) находились меч, стрелы, бусы и три браслета. Таким образом, известные в степях с архаического времени захоронения вооруженных женщин встречаются в Крыму и вне его и в V в. до н. э., причем процент их весьма велик: из семи женских захоронений Крыма оружие было в трех.

Погребальный инвентарь свидетельствует о существовании постоянных и весьма прочных связей скифов Крыма со скифами степей к северу от Перекопа и населением эллинских колоний.

Намогильные сооружения и следы ритуальных действий. Как указывалось, 35 крымских захоронений V в. до н. э. были перекрыты насыпями и находились в 32 курганах. Сооружение 17 насыпей относится к эпохе бронзы, остальных — к архаическому (2) и раннескифскому (13) времени.

Высота семи грунтовых насыпей к моменту раскопок превышала 3 м; три из них относились к эпохе бронзы. Высота двух скифских насыпей составляла 8—8,4 м (5-й Ак-Бурунский, Темир-гора). Традиция окружать насыпи крепидами из крупных плит, уложенных на склоны, или камней средней величины, образующих наброс шириной 2—4 м по периметру основания, продолжает существовать и в V в. до н. э. Пять насыпей имели крепиды раннескифского времени и пять — эпохи бронзы, причем крепиды двух курганов эпохи бронзы, судя по остаткам погребальной трапезы, сооружены скифами. Панцирные обкладки всей поверхности насыпей почти исчезают; известна лишь одна (Мирное, к. 7/1895).

Следы погребального пира — фрагменты античной керамики и кости животных — зафиксированы в четырех насыпях раннескифского времени и в двух — эпохи бронзы, что составляет около 19% насыпей. Остатки погребального кортежа представлены конским скелетом со сбруей из насыпи к. 1, а также, возможно, лошадиным скелетом без сбруи из насыпи к. 24 некрополя Нимфея.

Редкие антропоморфные изваяния V в. до н. э., известные в Крыму, являются главным образом случайными находками, кроме изваяния из к. 1 у с. Колоски [Яценко, Ольховский, 1977. С. 395].

Подкурганные сооружения и следы ритуальных действий. Данная группа элементов погребальных памятников в публикациях почти не отражена. Сведений о размещении материкового выкида, о следах по-

гребального пира нет. В юго-восточной поле кургана 7 у с. Колоски находилась пустая яма 0,9X0,85x0,35 м; не исключено, что это жертвенное сооружение.

Новой, не известной ранее в Крыму чертой погребальной обрядности являются, конские захоронения в ямах, устроенные возле или вокруг главного погребального сооружения; они отмечены в пяти курганах у Нимфея и Ак-Буруна. Ямы в количестве одной-четырех выкапывались с уровня подкурганной поверхности и отличались незначительной глубиной. Число коней, захороненных в одном кургане, в среднем составляло два-четыре, достигая восьми. За редким исключением, кони имели сбрую. Таким образом, все шесть конских захоронений (включая одно-два в насыпи) находились в курганах скифской знати, расположенных в Восточном Крыму.

Внекурганнне сооружения представлены только замкнутыми кольцевыми ровиками. Ровики имелись в одном раннескифском и в двух курганах эпохи бронзы, причем у одного из курганов эпохи бронзы ровик был сооружен (или подновлен) скифами после впускного захоронения, о чем свидетельствуют следы погребальной трапезы в ровике. У двух курганов из трех имелась крепида.

Метаструктура погребальных комплексов. Раннескифское время в Крыму, как отмечалось, характеризуется преобладанием курганных захоронений. Однако, если в предшествующий период они почти не образуют компактных скоплений, то теперь их большая часть образует небольшие (Долинное, Мартыновка, Танковое, Ильичеве, Колоски) либо более крупные (Нимфей) могильники. Вероятно, небольшие могильники отмечают места обычных скифских кочевков. Расположение их цепочкой, тянущейся в Восточный и Центральный Крым с Перекопа (рис. 1), соответствует маршрутам передвижений. Появление сравнительно большого могильника скифской знати на территории некрополя Нимфея свидетельствует о постоянном пребывании в городе или его окрестностях скифской верхушки и ее окружения. О длительности и прочности греко-скифских контактов свидетельствуют наборы вещей скифских захоронений некрополя Нимфея, а также, возможно, восточная ориентировка погребенных в нем.

Раннескифское время характеризуется формированием и первых грунтовых могильников (Фронтное, Золотое). Возникновение их свидетельствует о переходе части скифов к оседлости, котоый сопровождается активной ассимиляцией нескифского населения. Подтверждением является лощеная керамика с геометрическим орнаментом, характерная для кизил-кобинского населения Крыма, обнаруженная в обоих могильниках, и акинаки, по скифскому обычаю помещенные на пояс.

Итак, скифские погребальные памятники Крыма V в. до н. э. по большинству групп элементов демонстрируют значительно возросшее сходство с синхронными захоронениями степей севернее Перекопа. Появляются еще очень редкие катакомбы и деревянные гробницы, конские захоронения, сбруя, защитное вооружение, золотые штампованные бляшки, ритуальные сосуды и т. п. Появление в богатых погребениях амфор, металлической посуды, деревянных саркофагов, использование для за-

хоронения сырцовой гробницы — свидетельства античного влияния на культуру скифов, включая и погребальную обрядность.

Наблюдается явная унификация погребальной обрядности варварского населения степного и предгорного Крыма. Доминирующая в VII—VI вв. до н. э. группа захоронений с лощеной керамикой, принадлежавшая в основном смешанному скифоидному населению, почти теряет свою специфику, растворяясь в массе скифских погребений. В V в. до н. э. несомненно использование лощеной керамики и скифами. Широкая распространенность у скифов Крыма каменных ящиков, характерных для варварского нескифского населения полуострова, свидетельствуют о далеко зашедшем сложении смешанной скифо-кизил-кобинской общности. О частичном переходе скифского и скифоидного населения к оседлости свидетельствует появление грунтовых могильников с асинхронными захоронениями.

ГЛАВА V

ПОГРЕБАЛЬНЫЕ ПАМЯТНИКИ СКИФОВ СТЕПНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ IV—III вв. до н. э.

Начиная с рубежа V—IV вв. до н. э. количество скифских погребальных памятников в степях Северного Причерноморья возрастает по сравнению с V в. до н. э. в 10—11 раз (табл. 1). Если в IV в. до н. э. они встречаются почти повсеместно в степи между Доном и Дунаем (рис. 2), то в III в. до н. э. концентрируются лишь в Поднестровье и Поднепровье.

Охарактеризуем погребальные памятники IV—III вв. до н. э.

Погребальные сооружения. Все виды погребальных сооружений, известные в степи в предшествующее время, существуют в IV—III вв. до н. э., однако встречаемость их заметно меняется. Не известные ранее сооружения представлены каменными склепами, большинством типов катакомб и комбинированных гробниц.

Ямы, доминирующие среди погребальных сооружений VII—V вв. до н. э., в IV—III вв. до н. э. используются реже; они составляют 32,7% всех погребальных сооружений (33,5% сооружений с установленным видом; табл. 3). По-прежнему господствует I тип ям (91,6% ям с установленным типом) при абсолютном преобладании варианта 1. Появляются и неизвестные ранее и очень редкие ямы варианта 1А — с двумя-четырьмя угловыми ямками (табл. VII, 3, 4). Следов дерева в ямках отмечено не было; возможно, в них помещали ножки легких носилок либо использовали в иных ритуальных целях (бофры). Следует отметить, что появление ям варианта 1А типа I совпадает с полным исчезновением типологически близких ям варианта 1А типа II. Редкие ямы вариантов 2, 3 и 5 типа I в IV—III вв. до н. э. встречаются реже, чем в V в. до н. э. Появляются ямы 5 варианта (с запличиками). Резко уменьшается встречаемость подквадратных ям (II тип), они составляют только 3,4% ям с установленным типом против 25—25,6% в VII—V вв. до н. э. Столь же редки ямы III типа, встречаемость по сравнению с V в. до н. э. сокращается вдвое.

Для IV—III вв. до н. э. более характерны каменные — из плит или мелких камней — перекрытия и завалы (19,3% ям; табл. 5); деревянные перекрытия в виде наката или пирамидальной клетки встречаются реже — 7,3%. По сравнению с VII—V вв. до н. э. распространенность каменных закладов немного увеличивается, а деревянных — более чем в 3 раза падает.

Катакомбы, очень редкие в VI—V вв., в IV—III вв. до н. э. широко распространяются. Они известны на всей рассматриваемой территории, составляя 64,8% погребальных сооружений с установленным видом (табл. 3). Господствует самый древний I тип катакомб. В первой половине — середине IV в. до н. э. появляются катакомбы II—IX типов в

большинстве их вариантов. Применяются каменные, деревянные, комбинированные и грунтовые заклады; очень редки заклады из амфор. В III в. до н. э. продолжают существовать I—III, V, возможно, и другие типы катакомб, появляется (с конца IV в. до н. э.?) X тип, сырцовые заклады. Богатые захоронения, как выяснено выше (глава II), совершались в катакомбах I—VII типов, но чаще — в катакомбах IV, VI и VII типов (табл. 9).

Деревянные гробницы почти исчезают. Из пяти гробниц две (Табурище, Кичкас) точно не датируются и отнесены к V—IV вв. до н. э. Обе сохранили следы сожжения или обожжения, что весьма характерно для V в. до н. э. Если они действительно раннескифские, это лишь подтверждает отмирание обычая устройства деревянных погребальных сооружений в IV в. до н. э. Из оставшихся трех (Самбросовка, Елизаветовский могильник) заслуживает внимания очень редкое для Елизаветовского могильника сооружение из кургана 121/1981 со столбовыми ямками по углам и в центре [Копылов, 1983. С. 120]. Ближайшие аналогии ему есть в синхронных могильниках Среднего Дона, что позволяет предполагать прямой контакт населения Среднего Дона и дельты. Предположение подкрепляется обнаружением в том же могильнике еще одной гробнице с легкой — из камыша и кольев — облицовкой, столбами по углам и в центре [Копылов, 1984. С. 124]*. Ее квадратная форма характерна для среднедонских гробниц и склепов [Либеров, 1965. Табл. 1—3].

Каменные ящики в IV—III вв. до н. э. очень редки, их всего 10. Большинство их (семь) обнаружено в Елизаветовском могильнике. Все ящики I типа, стенки их в отличие от предшествующего времени сложены из плитняка, реже — из крупных необработанных плит**.

Каменные склепы еще более редки, известен один I типа из Елизаветовского могильника (табл. XVII, 7). Еще два склепа (II тип) входят в состав комбинированных гробниц. Каменные склепы в отличие от каменных ящиков в степном Причерноморье использовались для захоронений только скифской аристократии.

Комбинированные гробницы (их 4) трех неизвестных ранее типов представляют собой сочетание катакомбы с ямой и каменным склепом [табл. XVIII, 1, 3, 4]. Появление подобных гробниц не случайно совпадает с массовым распространением в степи катакомб. Оно отражает переход к использованию (прежде всего в богатых комплексах) катакомб и каменных склепов. Широкого распространения комбинированные сооружения не получили вследствие быстрого и повсеместного перехода к захоронениям в катакомбах. Яму как погребальное сооружение продолжали использовать параллельно с нововведением (катакомбой) для захоронения рядового и беднейшего населения.

Продолжаются и захоронения без погребальных сооружений. Выше (глава II) они были разделены на четыре группы, из которых V в. до н. э. датирован только 1 и 3 (бескурганые с каменной вымосткой и кенотафы). Рубежом V—IV вв. до н. э. датируются по крайней мере четыре из 10 захоронений (Островное, Михайловка), остальные относятся

* Данное погребение (к. 125) в нашу сводку не вошло.

** Очевидно, ящиками были и две каменные гробницы неясной конструкции (табл. 3).

к IV—III вв. до н. э. Захоронения без погребального сооружения являются по преимуществу кенотафами (5). Без погребального сооружения хоронили слуг (3) и беднейших скифов (2).

Итак, погребальная обрядность IV—III вв. до н. э. характеризуется уменьшением распространенности таких видов погребальных сооружений, как ямы и деревянные гробницы, крайне редкой встречаемостью каменных и комбинированных гробниц, широкой распространенностью катакомб. Для подавляющего большинства крупных курганных и бескурганных могильников (Кут, Никопольское поле, Белозерка и др.) характерно одновременное использование ям и катакомб. Ряд могильников IV—III вв. до н. э. полностью или почти полностью состоит из катакомб (Верхнетарасовка, Шевченко, Нагорное и т. д.). Крупные могильники с преобладанием ям встречаются значительно реже (Кичкас, Буторы, Николаевка I, Ковалевка, Елизаветовский могильник).

Рассматриваемый регион весьма обширен, однако исследованные погребения размещены в нем неравномерно, что, пожалуй, нельзя объяснить недостаточной изученностью. Картографирование известных захоронений, топографический анализ с учетом явного тяготения большинства их к рекам позволяют выделить несколько локальных групп погребальных памятников IV—III вв. до н. э. (рис. 11): Придунайскую, Поднестровскую, Северостепную, Приольвийскую, Буго-Ингульскую, Ингулецкую, Ягорлыцко-Каланчакскую, Поднепровскую, Приазовскую и Нижнедонскую. Целесообразно изучение памятников проводить по указанным группам для выяснения их общих и специфических черт. Подобный анализ важен и для решения вопроса о складывании этих групп, причинах и природе их формирования (табл. 12).

По распространенности ям (50—60%) Поднестровская и Северо-

Таблица 12. Погребальные сооружения локальных групп скифских памятников рубежа V—IV — III вв. до н. э. степного Причерноморья

Локальная группа	Б о ружье и	Я	а	И	з	С	К	О	ясн	В
	оружья и	з	а	И	з	С	К	О	ясн	В
Придунайская	1	7	6	—	—	—	—	—	1	15
Поднестровская	1	114	78	3	—	—	—	1	2	196
Северостепная	—	18	8	3	—	1	—	1	2	33
Приольвийская	—	12	39	3	—	1	—	1	—	51
Буго-Ингульская	2	20	32	3	—	—	—	1	3	57
Ингулецкая	1	16	45	2	—	—	—	—	—	63
Ягорлыцко-Каланчакская	—	15	144	1	—	—	1	1	1	160
Поднепровская	3	127	485	1	—	—	1	2	18	638
Приазовская	1	10	15	3	—	1	—	—	3	29
Нижнедонская	2	102	1	3	7	1	—	—	1	115
Итого	10	441	853	3	Ю	1	2	4	31	1357

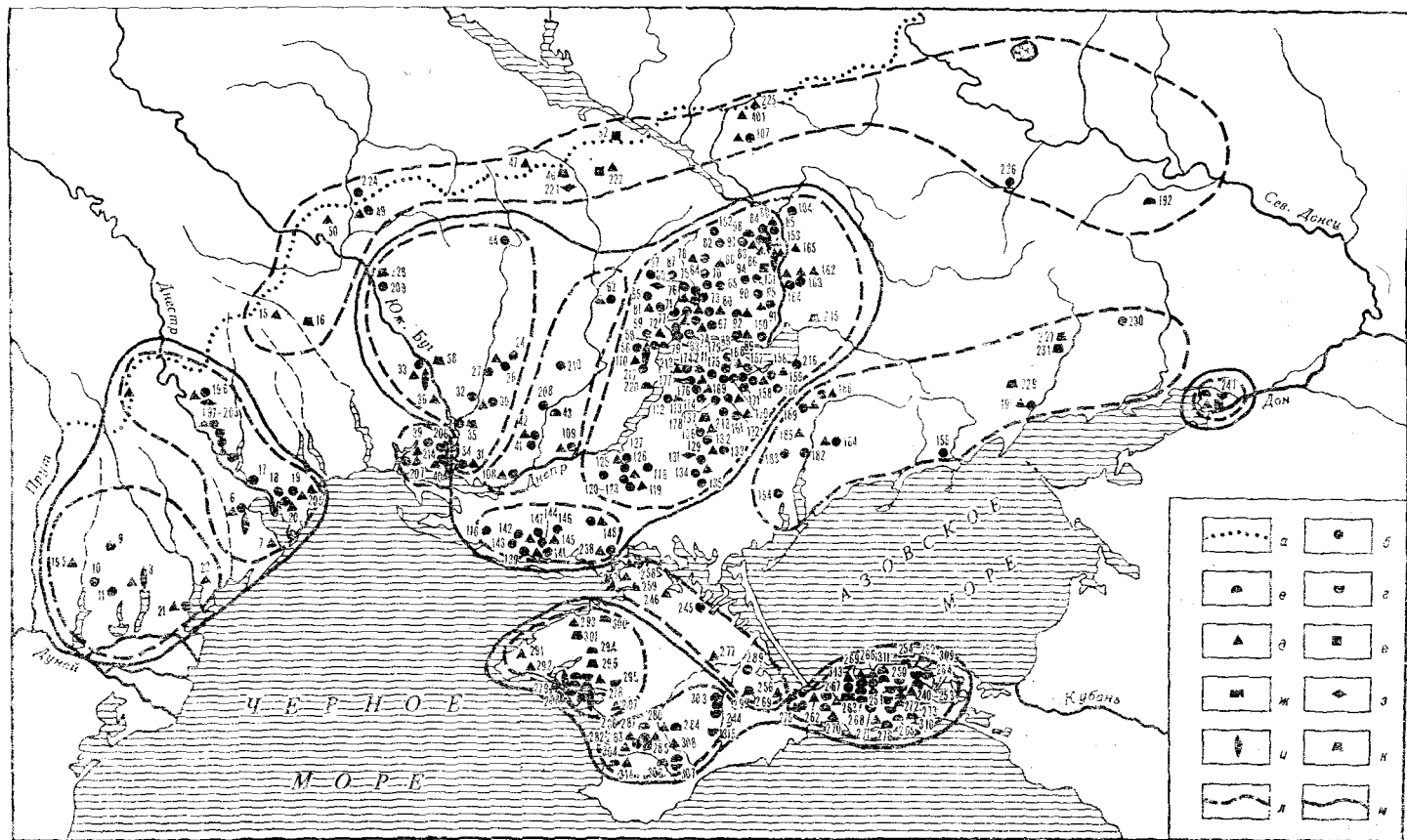

Рис. 11. Локальные группы скифских погребальных памятников, локальные зоны и варианты скифской степной культуры рубежа V—IV—III вв. до н. э.

Условные обозначения те же (а-к), что на рис. 1; л — граница локальных зон; м — граница локальных вариантов

степная группы близки. Представленная в нашей работе выборка погребений Придунайской группы крайне малочисленна и позволяет отметить лишь преобладание ям. В недавно опубликованных могильниках Чауш и Плавни I зафиксировано 42 ямы и 13 катакомб I и II типов рубежа V—IV — IV—III вв. до н. э. [Суничук, 1985; Суничук, Фокеев, 1984; Андрух, Суничук, 1987], что подтверждает наше прежнее наблюдение. Ямы абсолютно преобладают и в Нижнедонской группе — до 87%. В других группах почти в той же мере преобладают катакомбы; особенно многочисленны они в Ягорлыцко-Каланчакской (90%), Ингулецкой и Поднепровской группах (71—78%). Таким образом, при удалении от Днепра распространенность катакомб падает. Северостепная группа интересна сочетанием «степных» (катакомбы) и «лесостепных» (деревянные гробницы) погребальных сооружений, что вполне соответствует ее расположению в зоне контакта степного и лесостепного населения.

Спецификация погребальных сооружений локальных групп весьма различается (табл. 13). Так, бескурганные сооружения (около 7%) заметную долю составляют лишь в Поднестровье (38%, с. Николаевы). В Поднепровской группе небольшие грунтовые могильники исследованы у с. Михайловна и с. Кичкас, на территории некоторых поселений IV—III вв. до н. э. Среди курганных захоронений региона преобладают основные (65,4%); впускных в курганы эпохи бронзы 7,6%, в насыпи скифского времени — 24,4% (неясно — 2,6%). Как правило, под насыпью устраивалось одно основное погребальное сооружение, изредка два-три, причем социальный статус погребенных в них примерно одинаков, т. е. все они являются главными (Капуловка I, к. 13 и др.; табл. XX, 3). В курганах знати встречается по два-шесть основных погребений.

Таблица 13. Спецификация погребальных сооружений локальных групп скифских памятников рубежа V—IV — III вв. до н. э. степного Причерноморья

Локальная группа	число погребений	Курганные				Всего
		осн.	впускные в курганы эпохи бронзы	в насыпи скифского времени	неясно	
Придунайская	12			1	2	15
Поднестровская	94		12	13	2	196
Северостепная	21		4	3	2	33
Приольвийская	46		—	4	—	51
Буго-Ингульская	34		6	13	4	57
Ингулецкая	36		5	22	—	63
Ягорлыцко-Каланчакская	113		8	38	1	160
Поднепровская	350		56	197	18	638
Приазовская	19		4	4	2	29
Нижнедонская	99		1	13	2	115
Всего	824		96	308	33	1357

ний, из которых одно основное главное, а остальные — основные вспомогательные (захоронения слуг, конюхов). В исследуемой выборке вспомогательными являются не менее 25 основных захоронений в отдельных погребальных сооружениях; подавляющее большинство их сосредоточено в Поднепровской группе (Чертомлык, Солоха, Козел, Деев, Толстая и Двугорбая Могилы и т. д.). Основные курганные захоронения обычны в Нижнедонской (86%), Придунайской [Андрух, 1987], Поднепровской (78%) и Приольвийской (92%) группах; реже они встречаются в Поднепровье и на Ингульце (около 57%).

Останки погребенных. В могильниках IV—III вв. до н. э., в отличие от предшествующего времени, нередки захоронения детей и подростков. Абсолютно преобладают труположения; трупосожжения определенно отмечены дважды. Дно каменного ящика кургана 13 у с. Нововасильевки было покрыто толстым слоем угля и жженных костей; в кургане 3 у с. Малая Лепетиха, исследованном Н. И. Веселовским в 1916 г., следы кремации отмечены в южной поле (судя по обломкам расписных ваз, погребение может относиться к V—IV вв. до н. э.). Кремации, очевидно, совершены на стороне. Неясны условия сожжения погребального сооружения в кургане у с. Табурище (V—IV вв. до н. э.). В кургане группы Кичка с I деревянный сруб был опален изнутри, однако погребенный сожжен не был.

Как отмечалось, по характеру захоронения делятся на кенотафы, одиночные, парные, коллективные и асинхронные. Данное деление применимо в основном к труположениям, так как при трупосожжении обычно невозможно определить количество погребенных. Характер захоронений IV—III вв. до н. э. в 10 локальных степных группах отражен в табл. 14.

Кенотафы в степном Причерноморье редки. Трудность выделения усугубляется возможностью спутать их с жертвенно-поминальными комплексами, в которых останки погребенных также отсутствуют. Однако

Т а б л и ц а 14. Характер захоронений локальных групп скифских погребальных памятников рубежа V—IV — III вв. до н. э. степного Причерноморья

Локальная группа	но	2	П	дл	Ас × Ро	Н	С
		Одно	г р е	н	ны		о
Придунайская	1	9			—	5	15
Поднепровская	2	136	8	1	16	33	196
Северостепная		21	5	1	—	6	33
Приольвийская	—	35	5	—	1	10	51
Буго-Ингульская	1	35	4	2	—	15	57
Ингулецкая	—	40	8	2	5	8	63
Ягорлыцко-Каланчакская	—	108	9	2	4	37	160
Поднепровская	7	365	50	22	62	132	638
Приазовская		15	2	3	—	9	29
Нижнедонская	1	90	3	—		21	115
Итого	12	854	94	33	88	276	1357

следует отметить, что кенотафы в силу своей специфики фактически являются не столько погребальными, сколько поминальными памятниками. Из 12 захоронений, относимых к кенотафам, пять являются основными и единственными в курганах, два — бескурганскими. Последние были перекрыты округлыми каменными вымостками, погребальное сооружение при этом либо вообще отсутствовало (Кичкас I, п. 10), либо представляет собой яму I типа (Михайловка, п. 3). Из пяти курганных кенотафов (Лукиевка, к. 2; Башмачка, к. 3/1977; Семеновка, к. 20; Ковалевка VIII, к. 2; Елизаветовский могильник, к. 31/1911) погребальное сооружение (яма I типа) было только в Лукиевке. Немногочисленные предметы — керамика, стрелы и т. п. — при отсутствии погребального сооружения помещали прямо на дневную поверхность или в углубление. Заслуживает внимания сходство кенотафа из Елизаветовского могильника и кенотафа V в. до н. э. кургана 4 группы Ковалевка II; в составе их инвентарей имелись бронзовые наконечники стрел. Очень интересен кенотаф кургана 20 у с. Семеновка, где на погребенной почве между двумя скоплениями фрагментов 11 амфор находились конская сбруя, железные наконечники стрел и копий, стеклянный кубок и воткнутый острием вверх акинак. По мнению авторов публикаций, комплекс представляет собой тризну в честь бога Арея [Субботин, Охотников, 1981. С. 111]. Данное предположение допустимо, однако не менее вероятно трактовка комплекса как погребально-поминального (кенотафа); оружие неоднократно фиксировано воткнутым в дно погребального сооружения.

Последние пять кенотафов являлись основными, но не единственными захоронениями в курганах. Они представляли собой ямы I или II типов, выкопанные в центре подкурганной поверхности неподалеку от других основных погребальных сооружений и перекрытые камнем (Любимовка II, к. 38, п. 2 и к. 45, п. 2; Долинное, к. 100, п. 2; Островное, к. 3) и деревом (Буторы, к. 4/1978, п. 3; табл. XX, 3). Ямы были пусты и не имели следов захоронений; в публикациях они именуются ложными погребениями. Вероятно, данные сооружения по назначению сближаются с жертвенно-поминальными, от которых они отличаются, как правило, большими размерами, соответствующими могильным ямам.

Одиночные захоронения преобладают во всех локальных группах, составляя 62,9% общего числа (79% захоронений с установленным характером; табл. VI, 2, 7, 9, 11; XV, 11—13, 15—17). Парные захоронения — двое взрослых, двое детей или подростков, взрослый и ребенок — составляют 6,9% (8,7% погребений с установленным характером). Встречаются они почти во всех локальных группах, но более характерны для Северостепной, Приольвийской и Поднепровской (10—18% погребений без учета неясных). Большинство парных захоронений принадлежат социально равным людям (табл. XII, 7), однако в некоторых, преимущественно богатых, комплексах очевидна социальная подчиненность одного из погребенных, обычно женщины или подростка. Подчиненность подчеркивается местом захоронения (во входной яме, дромосе, нише, в ногах главного погребенного; табл. IX; 5; XIV, 6), позой и иной ориентировкой (табл. X, 2; XIV, 4).

Коллективными считаются одновременные захоронения трех и более

(до шести-семи) человек в одном погребальном сооружении. Встречаются редко — 2,4% (3,1% без учета неясных) и относительно более обычны для Поднепровской группы. Меньшую их часть составляют небогатые захоронения (трое детей, двое взрослых и ребенок, несколько взрослых, табл. XIII, 6); большую — захоронения знати со свитою: подчиненное положение сопровождающих, как и в парных захоронениях, подчеркивается размещением у ложа главных погребенных, в дромосах, хозяйственных камерах и нишах неподалеку от соответствующего инвентаря, иной ориентировкой, а иногда и позой (табл. IX; 9; XV, 7, 8; XVIII, 3, 4). Коллективные захоронения — новая черта скифской погребальной обрядности, неизвестная в данном регионе в VI—V вв. до н. э. Концентрация их в Поднепровской группе закономерна, так как именно здесь расположено большинство курганов скифской знати.

Асинхронные захоронения не позднее первой половины IV в. до н. э. появляются в степях севернее Перекопа. Встречаются они сравнительно редко (6,5—8,1%), наиболее распространены в Поднепровской, Поднепровской и Ингулецкой группах (8—10% всех погребений). Асинхронные захоронения на Днестре сосредоточены главным образом в бескурганном Николаевском могильнике. При подзахоронении каменный заклад могильной ямы разбирали, умершего укладывали на останки погребенного (иногда «валетом») либо на дно ямы, освобожденное от костей ранее погребенных — их сдвигали к одной из стенок, а изредка складывали на предплечье или грудь вновь погребенного. В остальных локальных группах для подзахоронений использовали катакомбы. При этом обычно сооружалась вторая входная яма, выходящая либо прямо на камеру (табл. X, 6, 9), либо соединяющаяся с ней дромосом (табл. XIX; XI, 7). Останки ранее погребенных, как правило, оставляли нетронуто.

Поза погребенного — важный признак погребальной обрядности — из-за повреждения многих комплексов установлена в 738 случаях. Это, как правило, вытянутое на спине положение. Конечности обычно вытянуты, иногда разведены. В двух случаях (Николаевка I, п. 45; Буторы. к. 3/1972, п. 3) исследователи предполагают связывание ног. Вариациями вытянутого положения является скрещенность ног (в 10 погребениях; табл. XII, 4; XIII, 6; XV, 17), положение кисти (костей) рук на таз или верхнюю часть бедра (в 50; табл. XII, 6; XIV, 4), под таз (в 5). Иногда обе вариации отмечаются у одного погребения.

Поза «на спине коленями вверх» менее распространена (21). встречается обычно в рядовых (табл. X, 2), изредка богатых (табл. XV, 7) погребениях. При распаде тканей ноги чаще падали на одну сторону (15), реже — «ромбом», иногда одна нога лежала согнуто, другая — вытянуто; при этом в четырех случаях рука была помещена на таз.

Столь же редок обычай положения умершего на бок (в 24 погребениях) с различной степенью скорченности — от слабой до сильной. Руки при этом вытянуты, согнуты в локтях перед лицом или у таза (табл. XV, //). Подобная поза отмечена преимущественно в Поднепровской группе; использовалась она при захоронении рядовых скифов, детей, зависимых людей (табл. XV, 7).

Положение умерших лицом вниз использовалось очень редко (5).

Таблица 15. Ориентировка погребенных в локальных группах скифских памятников рубежа V—IV — III вв. до н. э. степного Причерноморья

Локальная группа	Запад	Северо-восток	Восток	Северо-запад	Юго-восток	Юго-запад	Юг	Всего
Придунайская	1	1		1	1	1	1	5
Поднестровская	22	5	3	48	11	7	26	125
Северостепная	9	2	2	1	1	1	1	19
Приольвийская	4	5	3	15	8	2	1	40
Буго-Ингульская	11	4	—	2	2	1	2	22
Ингулецкая	14	9	4	2	—	2	1	33
Ягорлыцко-Каланчакская	38	16	8	3	1	1	4	72
Поднепровская	148	54	36	22	14	9	33	336
Приазовская	4	—	2	2	1	—	1	12
Нижнедонская	53	4	5	3	2	1	4	74
Итого	304	100	63	99	41	25	73	738

В двух случаях это погребения зависимых людей (табл. XIV, 6), в двух — детей, в одном — взрослого со связанными за спиной руками, сопровождаемое только подлощенной корчагой (Шолохово, к. 2, п. 1). Таким образом, ничком хоронили представителей низших слоев населения.

Удалось установить 738 случаев ориентировки погребенных* (табл. 15).

В парных коллективных захоронениях обычны разные ориентировки (табл. XIII, 6; XIV, 4; XV, 7, 8); ориентировка зависимых нередко перпендикулярна ориентировке главных. В IV—III вв. до н. э. распространенность западной (с отклонениями) ориентировки по сравнению с V в. до н. э. почти не меняется (63,2%), доля восточной (северо-восточной, юго-восточной) снижается до 22,4%. Резко — с 5,3% в V в. до н. э. до 14,4% — возрастает распространенность меридиональной, в особенности северной, ориентировки. В большинстве локальных групп преобладает ориентировка погребенных на запад (северо-запад, юго-запад); особенно велика ее доля в Ингулецкой, Ягорлыцко-Каланчакской и Нижнедонской группах (83—86%). Восточная (северо-восточная, юго-восточная) ориентировка абсолютно преобладает в Поднестровской и Приольвийской группах. Примечательно, что восточная ориентировка преобладает в варварских погребениях Приольвийской группы начиная с рубежа VI—V вв. до н. э. (Аджигол); результаты недавних исследований девяти курганов середины V в. до н. э. у с. Матросовки [Гребенни-

В погребальном сооружении несколько погребенных с одинаковой ориентировкой рассматривались как один случай; если погребенные ориентированы по-разному, количество случаев соответствует количеству ориентировок. Данный принцип учета отличается от принятого авторами свода «Погребальные памятники степей Северного Причерноморья», при котором подсчитывается количество погребенных с определенной ориентировкой независимо от числа погребальных сооружений, а не встречаемость ориентировок в погребениях. ...

ков, Фридман, 1986] подтвердили данное наблюдение. Восточная ориентировка доминирует, и в более позднем Петуховском могильнике, демонстрирующем прямое влияние эллинской погребальной обрядности. В Придунайской группе, судя по последним опубликованным данным, господствует западная ориентировка.

Представляет интерес сравнение ориентировок в погребальных сооружениях самых распространенных видов — ямах и катакомбах (табл. 16). Полученные выводы наглядно иллюстрируются схемой (рис. 12).

Таким образом, ориентировка погребенных в ямах, отличаясь от ориентировки погребенных в катакомбах, заметно ближе к ориентировке в захоронениях V в. до н. э.: чаще, чем в катакомбах, в ямах встречается западная и восточная (с отклонениями) ориентировка. Основная масса погребенных, ориентированных на север и юг, находилась в катакомбах. Ориентировки погребенных в катакомбах разных типов различались (табл. 17).

В катакомбах большинства типов, включая редкие IV, VII—X, преобладает западная (с отклонениями) ориентировка. Частота встречаемости ориентировок в пяти самых распространенных типах катакомб представлена схемой (рис. 13). Очевидна близость ориентировок погребенных в катакомбах I и II, III и V типов; ориентировка в катакомбах VI типа занимает промежуточное положение (следует отметить, что VI тип является переходным между II и V). Для катакомб I и II типов характерна широтная ориентировка; ориентировки на северо-запад, юго-запад, юго-восток и северо-восток, очевидно, следует признать отклонениями от широтной, а не от меридиональной (табл. IX). В катакомбах III и V типов господствует меридиональная, в особенности северная ориентировка погребенных; отклонения от нее на северо-восток, северо-запад, юго-восток и юго-запад следует признать вариациями именно меридиональной ориентировки (табл. XII, XIV). Итак, северная и южная ориентировки, доля которых резко увеличивается в степном Причерноморье с IV в. до н. э., связаны главным образом с погребенными в катакомбах III и V типов.

Тело умершего, как правило, размещали в погребальном сооружении. В пяти случаях (исключая пять кенотафов) погребальное сооружение отсутствовало; умерший покоился на дневной поверхности и был на-

Таблица 16. Ориентировка погребенных в катакомбах и ямах (степное Причерноморье, рубеж V—IV — III вв. до н. э.)

Погребальное сооружение	Ориентировка									
	З. зап.	С. запад	Ю. запад	Ю. восток	С. восток	С. восток	С. восток	С. восток	Ю.	В.
Катакомбы	155	78	38	50	20	14	58	25	438	
Ямы и др.*	149	22	25	49	21	11	15	8	300	
Всего	304	100	63	99	41	25	73	33	738	

* В это число включено столь ничтожное число ориентировок в погребальных сооружениях других видов, что заметного влияния на конечный результат оно оказать не может.

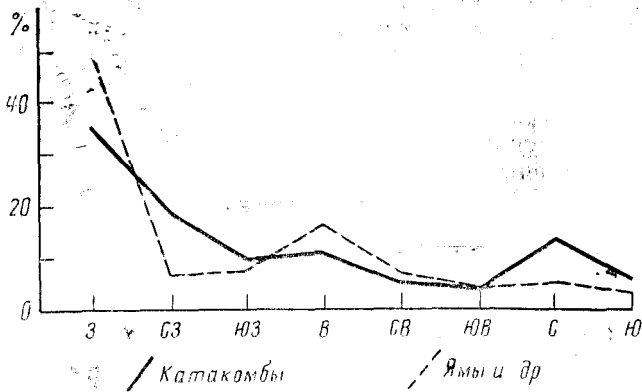

Рис. 12. Ориентировка погребенных в катакомбах и ямах (степное Причерноморье, рубеж V—IV — III вв. до н. э.)

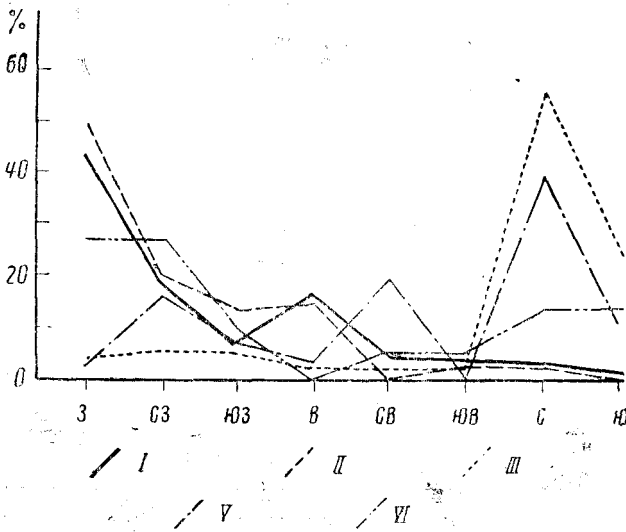

Рис. 13. Ориентировка погребенных в катакомбах I—X типов (степное Причерноморье, рубеж V—IV — III вв. до н. э.)

крыт каменной вымосткой (Михайловка) или курганной насыпью (Ковалевка). Слуги были захоронены на погребенной почве рядом с главным погребальным или жертвенным сооружением (всего три случая: Островное, Двугорбая Могила, Елизаветовский могильник). Таким образом, без погребальных сооружений хоронили беднейших и социально независимых скифов.

При размещении умершего в погребальном сооружении нередко применялись подстилки, следы которых имелись в 125 погребениях. Из-за плохой сохранности в 36 случаях материал определить не удалось. Наиболее распространены были подстилки из камыша (тростника) — 31, Дубовой, березовой коры или луба — 23, травы и рогозника — 21. Заметно реже встречаются подстилки из кожи, войлока, шкур (7), листьев (2), морской и речной травы (2), ткани (2), соломы (1?). Иногда

Таблица 17. Ориентировка погребенных в катакомбах I—X типов (степное Причерноморье, рубеж V—IV — III вв. до н. э.)

Тип	Ч С	С е о з п а	0-за- S=	Во т о	0- еро- в о ток	0-80с-	Сев р	С	о С
I	107	46	18	40	12	10	9	5	247
II	27	И	7	8	I	1	1	I	55
III	2	3	3	1	1	1	30	13	54
IV	2	1	1	—	—	1	1	1	7
V	1	5	2	1	6	J	12	3	30
VI	6	6	2	I	1	1	3	3	22
VII	2	1	1	—	—	I	—	I	4
VIII	4	3	I	—	—	—	—	I	7
IX	4	1	2	—	—	—	2	—	9
X	—	1	2	—	—	—	—	—	3
Итого	155	78	38	50	20	14	58	25	438

подстилки делали двухслойными (камыш + кора, кора + трава), посыпали мелом (8). В девяти случаях удалось установить, что подстилки представляли собой плетеные из камыша или травы циновки, окрашенные в красный и розовый (Широкое II, к. 48, п. 2), красный и синий (Вольная Украина II, к. 14, п. 2) цвета. Плетеная из луба циновка красного цвета находилась на дневной поверхности у погребения 1 кургана 1 группы Дмухайловка XIV.

Выбор материала для подстилок во многом определялся окружающей средой. Так, в Елизаветовском и Верхнетарасовском могильниках, расположенных у рек, преобладают тростниковые подстилки, в Белозерском — из коры, на Никопольском поле — из травы, реже тростника и т. д.

Иногда погребенного накрывали циновкой из травы (1), кусками коры (1), накидками-покрывалами из кожи или войлока (2). Так, размеры накидки из погребения 3 кургана 4 урочища Носаки составляли 1,6X1 м.

Помимо подстилок, в 38 захоронениях среднего и высшего слоя скифского населения отмечено применение деревянных настилов, иногда именуемых ложами, щитами, помостами. Настилы покрывают часть, реже все дно погребального сооружения. Устраивались они из продольных дощечек шириной 3—10 см, иногда скрепленных железными скобами (Нагорное, к. 6; Красный Подол, к. 2, п. 1 и п. 2; Никопольское поле, гр. II, к. 21, п. 1). В южной могиле Бердянского кургана отмечены два решетчатых настила. В шести случаях удалось определить размеры настилов, они колебались в пределах 2,9—1,6X1,5—0,65 (табл. IX. 5; XV, 7). Изредка настилы-ложа устанавливали на подстилку из коры или травы (2), чаще покрывали камышом, травой, камкой или корой (5). Как и в погребениях с подстилками, погребенные на деревянных настилах иногда прикрывались сверху камышовыми циновками (2) и берестой (1).

К числу редко встречаемых предметов относятся подушки из морской травы (3), соломы (1), других органических материалов (1), обнаруживаемые обычно в погребениях с подстилками и настилами. Помещаются они, как правило, под головой погребенного; в боковом погребении Толстой Могилы и в погребении 2 кургана 13 группы БОФ было по две подушки, одна из которых находилась в ногах. В трех погребениях Поднепровской группы под головами зафиксированы деревянные подставки. Подставка из погребения 2 кургана 14 урочища Носаки состояла из двух продольных скрепляющих планок и восьми поперечных; в Толстой Могиле подставка из дерева и алебаstra сопровождалась подушкой. Неясно назначение деревянного столбика высотой 15 см и диаметром 12 см, находившегося у головы в погребении 1 кургана 21 группы II Никопольского поля. Аналогичный столбик обнаружен и в кургане 18 Белозерского могильника.

Несколько реже умерших помещали в погребальное сооружение на носилках, которые представляют собой удлиненную прямоугольную раму с поперечными перекладинами. Сохраняются носилки обычно хуже настилов; отмечены они в 10 захоронениях (в двух погребениях по двое носилок). Изредка носилки имели приподнятый бортик, четыре ножки-опоры и застилались растительным покрывалом.

Еще реже, преимущественно в богатых захоронениях, встречаются деревянные гробы, гробовища, саркофаги. Гробы (10) представляют собой прямоугольные ящики из тонких досок, соединенных шипами или шпунтом. Недавно опубликованное досчатое ладевидное гробовище из кургана 1 группы Первوماевка II скреплялось, помимо деревянных колышков-шпунтов, и веревками [Евдокимов, Фридман, 1987. С. 88]. Лишь изредка (3) применялись железные гвозди, скрепы-заклепки и наугольники. Размеры гробов $2,1—2 \times 1,07—0,75 \times 0,13—0,3$ м. Иногда изнутри гробы выкладывали лубом (1) и посыпали мелом (2). Прослежена окраска гробов в красный (Марьянское II, к. 2, п. 6), голубой, розовый и белый (Шолохово, к. 4, п. 1), розовый, красный и черный (Верхнетарасовка III, к. 82, п. 3) цвета, но не исключено, что в некоторых случаях следы краски принадлежат истлевшим покрывалам или подстилкам.

В шести захоронениях упоминаются гробовища, в том числе колоды (во впускном погребении Гаймановой Могилы было три колоды); некоторые гробовища имели досчатые крышки (табл. XII, 6). В шести-семи богатейших погребениях степной Скифии (Чертомлык, Гайманова Могила, Мелитопольский курган и др.) обнаружены деревянные саркофаги. В оформлении саркофагов использован алебастр, костяные пластинки, краска; вероятно, они, подобно саркофагу из Огуза [Фиалко, 1987], являлись продукцией греческих мастеров.

Погребальный инвентарь. По сравнению с предшествующим периодом ассортимент предметов расширяется, насчитывая около 100 категорий. Распространенность некоторых предметов по локальным группам представлена в табл. 18.

Из орудий труда чаще встречаются железные ножи с костяными, реже — с деревянными накладками на черешок (рис. 14, 12, 13). В погребении нередко было два-четыре ножа, один из которых — на остатках жертвенной пищи, другие — возле погребенного или колчана. Но-

Т а б л и ц а 18. Распространенность некоторых категорий инвентаря в локальных группах погребений степного Причерноморья (рубеж V—IV вв. до н. э.)

Локальная группа	о	Ц я лица	£	о	Г Ц я	З ала	о	Б я	А р°	Ц с да ла вая	По леп	М я
Придунайская (15)	1	2	6	1		2	2	4	1	1	2	5
Поднепровская (196)	71	19	83	43	1	9	—	1	47	35	23	69
Северостепная (33)	7		17	9	1	1	3	—	4	2	2	11
Приольвийская (51)	13	3	15	9	—	1	—	—	17	20	4	3
Буго-Ингульская (57)	13	7	33	10	4	4	2	4	10	5	4	20
Ингулецкая (63)	30	12	32	23	2	8		2	15	13	8	42
Ягорлыцко-Каланчакская (160)	56	16	82	37		6	—	1	15	3	25	51
Поднепровская (638)	245	100	334	222	18	45	26	71	58	66	51	314
Приазовская (29)	4	4	18	6	—	4	6	5	4	4	6	8
Нижнедонская (115)	23	6	68	27	4	14	8	8	63	26	24	54
Итого (1357)	463	169	688	387	30	94	47	96	234	175	149	577

жи встречаются в каждом третьем скифском погребении к северу от Периопа; более обычны они для Ингулецкой и Поднепровской групп. Орудия типа тесел или мотыжек отмечены в пяти погребениях Ягорлыцко-Каланча-кской и Поднепровской групп. Уникальны железный серп, молоток, наконечник почвообрабатывающего орудия (?). Заметное распространение получают железные шилья и проколки с деревянными рукоятками (в 41 погребении), бронзовые и железные иглы (12) по одной-пяти, изредка в игольниках. Есть сведения о находке в одном из погребений Буго-Ингульской группы трех железных спиц.

Каменные оселки отмечены лишь в 22 захоронениях главным образом Поднепровья и Поднепровья. Глиняные, каменные, свинцовые и железные пряслица зафиксированы в 12,5% всех погребений региона*.

Кроме того, еще в пяти погребениях обнаружены свинцовые поделки в виде колесика со спицами, определяемые как пряслица или апотропей. Особенно часто пряслица встречается в Поднепровье (27%) и на Ингульце (19%). Костяные и деревянные веретена найдены в 26 погребениях преимущественно Поднепровья. Каменные, костяные и керамические (из фрагментов амфор) ложила отмечены в шести погребениях, терочки — в трех. В трех погребениях обнаружены металлические рыболовные крючки. Непонятно назначение отмеченных в девяти захоронениях железных и бронзовых гвоздей; встречаются они по 1—4 шт. при отсутствии следов гробовищ или иных деревянных конструкций. Возможно, гвозди использовались для крепления драпировок.

Оружие находилось в каждом втором захоронении. Более обычно оно в Буго-Ингульской, Приазовской и Нижнедонской группах (57—

* Судя по Своду, пряслица обнаружены в 12—15% погребений [Скифские погребения... 1986. С. 352]; в выборке, использованной Н. А. Гаврилюк, пряслица имелись примерно в 20% погребений [Гаврилюк, 1987].

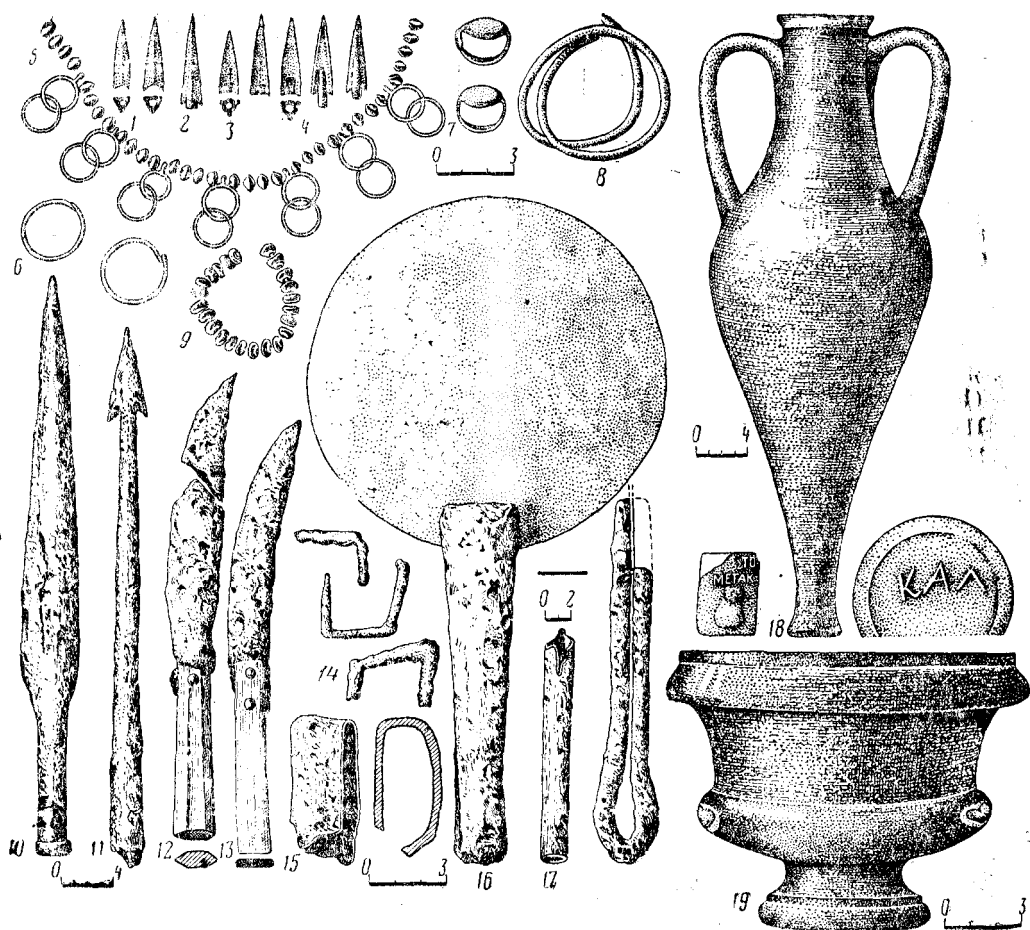

Рис. 14. Инвентарь женского погребения IV в. до н. э. (с Капуловка I, к. 13, п. 1)

62%). Самой распространенной категорией являются стрелы с бронзовыми, железными, костяными и деревянными наконечниками, обнаруженные в 550 из 688 погребений с оружием. Количество стрел в захоронении колеблется от одной до двухсот и более. Помещались они обычно в кожаных или деревянных колчанах и горитах слева от погребенного, иногда их разбрасывали вокруг погребенного и бросали в погребальное сооружение при засыпке. Остатки луков плохой сохранности обнаружены лишь в пяти погребениях*. Остатки колчанов и горитов (некоторые — с металлическими художественными накладками) имелись в 32 захоронениях; следует предполагать, что в действительности встречались они чаще. Деревянные гориты, колчаны и древки стрел нередко раскрашивали; предпочтение отдавалось красной и черной краске. В девяти захоронениях обнаружены крюки, но, вероятно, не все они явля-

* Недавно найден хорошо сохранившийся экземпляр [Куприн, 1987. С. 901].

ются колчанными. Допустимо использование одного-двух для подвески чего-либо над очагом.

Копья и дротики имелись в 258, т. е. в 37,5% погребений с оружием. Обычно в захоронение помещалось одно-два копья, редко — 5—14.

Мечи и кинжалы находились в 99 погребениях и одном святилище (Носаки, к. 7). В богатейших захоронениях встречается по два-четыре меча обычно в ножнах с золотыми накладками. В отличие от предшествующего периода нередко мечи однолезвийные (особенно на западе региона). Распространенность мечей в рассматриваемое время резко падает — с 35% в V в. до н. э. до 7—8% в IV—III вв. до н. э. (без поправки на ограбленность) *. Едва ли это случайность. Так, в целом ряде не ограбленных мужских захоронений при наличии стрел, копий, боевых топоров (Архангельская слобода, к. 5, п. 1; Днепропрудное, к. 6, п. 2; Широкое II, к. 71, п. 4; и др.), доспехов и щита (Кут, к. 24, п. 3; Днепропрудное, курган 1962 г.) мечи отсутствовали.

Вместе с тем сравнение выборок погребений V и IV—III вв. до н. э. демонстрирует абсолютное преобладание в первой захоронений мужчин-воинов, тогда как во второй выборке довольно высок процент захоронений женщин, детей и представителей беднейшего населения. Данное обстоятельство при сравнении выборок может исказить распространенность некоторых видов оружия, в частности мечей. Выявленное резкое уменьшение встречаемости мечей в погребениях IV—III вв. до н. э. по сравнению с V в. до н. э. в пересчете только на мужские погребения указанных выборок не будет столь явным: для V в. до н. э. — до 65%, для IV—III вв. до н. э. — не более 25—30% всех мужских захоронений **.

Анализ размещения мечей в 43 непо потревоженных погребениях выявил следующее: справа от погребенного — 4, слева — 27, поперек таза — 5, поперек бедер — 3, вбиты вертикально — 2, вбиты в стенку камеры — 2. Таким образом, характерный для V в. до н. э. обычай хоронить с мечом на поясе спереди уже в I-й пол. IV в. до н. э. почти исчезает (из пяти захоронений два датируются V—IV вв. до н. э., остальные — I-й пол. IV в. до н. э.); обычай помещения меча на бедрах острием к левому колену распространения не получил. Примечательно, что из восьми захоронений с мечом на тазе и бедрах шесть находилось в Елизаветовском могильнике.

Защитное вооружение представлено главным образом железными чешуйчатыми панцирями и набедренниками (в 54—56 погребениях); редка в захоронении было по два панциря. В большинстве случаев расположение панцирей установить не удалось из-за ограбления. В шести случаях (в том числе в двух V—IV вв. до н. э.) он был расстелен в центре погребального сооружения на полу, настиле или в гробовище под погребенным, трижды лежал в стороне, раз был надет на погребен-

* Действительная распространенность составляла соответственно 50—55% и, очевидно, не более 15% всех погребений.

** Вывод Е. П. Бунятян о наличии мечей в 23,4% рядовых скифских или в 43,5% мужских погребений IV—III вв. до н. э. [Бунятян, 1985. С. 46, 47] вызывает сомнения. Так, 23,4% есть чисто теоретическая норма распределения признака «меч», вычисленная с учетом признака «не определено (наличие или отсутствие меча)». Фактически мечи находились в 35 из 534, т. е. в 6,5% рассмотренных Е. П. Бунятян погребений, что весьма близко нашим 7—8%.

ного. При немногочисленности данных есть основания признать уменьшение популярности известного в V в. до н. э. обычая помещать умершего на расстеленный доспех; так, ни в одном сохранившемся богатом захоронении IV—III вв. до н. э. этого не засвидетельствовано. И ранее редко встречаемые наборные шлемы распространения не получили (1—2). Боевые пластинчатые портупейные пояса, редкие в V в. до н. э., становятся более обычными (42), особенно в Поднепровье. В некоторых погребениях отмечены два-три пояса. Использовались они как дополнение к панцирю и самостоятельно. Деревянные щиты, обтянутые кожей и окрашенные в красный цвет (Кут, к. 24, п. 3), а также покрытые железными пластинами, в погребениях весьма редки (7). Возможно, частью щитов являлись и круглые бронзовые пластины диаметром 43—50 см, обнаруженные в двух захоронениях Елизаветовского могильника. Столь же редки цельнометаллические импортные доспехи — поножи (7) и шлемы (3), отмеченные в Поднепровской, Нижнедонской и Буго-Ингульской группах. Кроме этого, в последних публикациях содержатся сведения о находках цельнометаллических поножей в двух погребениях группы Первомаевка II [Евдокимов, Фридман, 1987. С. 88, 105] и в кургане 6 у с. Водославки [Куприй, 1987] на Херсонщине, у с. Шевченко в Приазовье [Зарайская, 1986. С. 44]. Железные топоры, клевцы и чеканы находились в 10 погребениях, железные и свинцовые булавы — в пяти. В двух захоронениях на Ингульце и Днестре найдены остатки кожаных ремней пращи, в 31 — прашевые камни (от одного-пяти до 75) *. Подавляющее большинство захоронений с прашевыми камнями принадлежало женщинам, как и оба захоронения с пращой.

Заслуживает внимания изредка фиксируемый обычай втыкания оружия в дно или стенку погребального сооружения, известный и Геродоту. В вертикальном положении чаще находятся копья (8), реже — топоры (1), ножи (2); в стену вбивали копья (1), мечи (2). В степи мечи и кинжалы, воткнутые вертикально в дно погребального сооружения, а в лесостепи копья и стрелы в таком же положении фиксируются с V в. до н. э., встречаются и в Крыму; в IV—III вв. до н. э. в подобном положении мечи и колья иногда применялись, кроме погребальных сооружений, в святилищах (Носаки, к. 7) и на жертвенных площадках (Гайманова Могила). Со времени публикации первой сводки воткнутых копий [Ольховский, 1978. С. 96] количество находок оружия, воткнутого вертикально, заметно увеличилось. Большинство их (с использованием неопубликованных) приведено в статье С. С. Бессоновой [Бессонова, 1984. С. 20; 21] **, весьма обоснованно связывающей данный обычай с культом оружия у скифов.

Возможно, прашевыми снарядами являются и железные шарики, обнаруженные в двух погребениях группы Кичкас I.

Некоторые неточности в сводке С. С. Бессоновой: 1) Семеновка, курган 20: не копье, а меч острием вверх; 2) Недвиговский некрополь: погребение не III в. до н. э., а I в. до н. э. — II в. н. э.; 3) Никопольстрой, группа J, курган 2, погребение 17: не упомянуты два воткнутых в дно погребального сооружения копья. Отметим, что «четыре копья, вбитые по углам могилы царя» [Бессонова, 1984. С. 9], в рассказе Геродота не упоминаются. Геродот сообщает, что скифы помещают умершего в могильную яму, «воткнув копья по обеим сторонам трупа» [Нел., IV, 71].

Украшения обнаружены в 36% всех захоронений исследуемого региона. Особенно широко представлены бусы и пронизи — стеклянные, золотые, серебряные, бронзовые, каменные, глиняные, костяные, деревянные (в 387 погребениях). Бусы использовались в ожерельях и браслетах, иногда ими расшивались головные уборы и одежда. Реже встречаются металлические серьги, в том числе с подвесками (130), золотые, серебряные, бронзовые и железные кольца и перстни (96), браслеты (85), височные кольца и подвески (92), геммы (5). Редким, но весьма выразительным украшением являются золотые, серебряные, бронзовые гривны, а также пектораль (30). В богатых захоронениях гривны имели два или три погребенных. Вряд ли стоит сомневаться, что столь ценный предмет при ограблении похищался первым. Распространенность гривен, таким образом, была выше вычисленной (2,2%), но вряд ли превышала 4—5%. Почти все гривны найдены в погребениях Поднепровской, Буго-Ингульской и Нижнедонской групп.

Предметы туалета представлены бронзовыми зеркалами (иногда в деревянных или кожаных футлярах) с металлическими, костяными и деревянными рукоятками и без них (в 94 погребениях), металлическими и костяными гребнями (5), булавками и шпильками (5), фибулами (11), сосудами для благовоний — алабастрами, лекифами, арибаллами, флаконами (38). Туалетные сосуды наиболее распространены в Приольвийской, а также в Ингулецкой, Поднепровской и Нижнедонской группах.

В 24 захоронениях обнаружены каменные, преимущественно сланцевые, песчаниковые и известняковые плитки размером 0,14—0,45×0,1—0,35×0,01—0,05 м, сглаженные с двух сторон. В публикациях они нередко именуются точильными, абразивными, растиральными плитками или зернотерками; последнее предположение маловероятно из-за небольшой толщины плиток. В предыдущих главах такие предметы рассматривались как культовые. Материалы IV—III вв. до н. э. свидетельствуют скорее об утилитарном использовании плиток — в качестве палеток для растирания красок и других косметических веществ. Так, шиферная пластина с углублением, сопровождаемая краской, найдена при погребенной в боковой гробнице Толстой Могилы [Мозолевский, 1979. С. 124. Рис. 106, 5]. С плитками фиксировались также «румяна» (Шевченко III, к. 24, п. 1) и «белила» (Кут, к. 7, п. 3). В погребениях плитки иногда находятся под черепом погребенной (Николаевка I, п. 17), у черепа, на стопе, на плече. В кургане 407 у с. Чобручи на плитке стояла курильница. Лепные курильницы, стоявшие на каменных плитках, отмечены и в двух не вошедших в нашу сводку погребениях могильника Кугурлуй в Подунавье [Андрух, Суничук, 1987. С. 44]. Большинство плиток найдено в женских захоронениях, но встречаются они и в мужских. Подобные же плитки нередко находятся на подкурганной поверхности, в кольцевых ровиках и насыпях курганов (об этом ниже).

Об использовании красной и буро-желтой краски преимущественно в косметических целях, а также для окраски предметов вооружения и одежды свидетельствуют находки в 20 захоронениях, из которых лишь одно, возможно, является мужским. Иногда краски встречаются наборами: красная и желтая (Верхнетарасовка, гр. III, к. 80, п. 2), желтая,

черная и красная (Широкое II, к. 69, п. 1), красная и белая (Белозерский могильник, к. 3). Многие куски краски стертые; иногда краска помещается в костяной пиксиде (1) или в деревянной мисочке (1). Возможно, к косметическим средствам относятся изредка находимые куски смолы (Балтазаровка, к. 4, п. 2) и серы (гр. Солохи, к. 15, п. 3).

Металлическая, деревянная, глиняная, а также стеклянная посуда и тара обычна в скифских погребениях IV—III вв. до н. э.

Бронзовые котлы «местной выделки» [Нег., IV, 61], появляющиеся в степи не позднее V в. до н. э., находились в 47 погребениях и связанных с ними жертвенных сооружениях. Так как грабители в большинстве случаев забирали котел, о наличии его можно судить по отпечатку на дне погребального сооружения и окрашенным костям животных, находившимся в котле, что учитывалось при подсчете. В «царских» захоронениях нередко два-три котла, помещенные в хозяйственные камеры или ниши. Большинство котлов обнаружено в погребениях Нижнедонской, Приазовской и Поднепровской групп.

Известные в V в. до н. э. бронзовые сита почти исчезают (2); черпаки продолжают встречаться (16), причем изготавливаются они не только из бронзы (8), но и из железа (8). Большинство черпаков (10) найдено в Николаевском могильнике на Днестре, а также в Поднепровской (5) и Приольвийской (1) группах. Продолжают встречаться бронзовые чаши (8), блюда, кувшины, ойнохои (6), появляются килики (1), ситулы (2), ковши (2), лутерии и поданиптеры (7), плошки или сковороды (3). Бронзовая посуда, за исключением котлов, встречается только в богатых захоронениях.

Выяснение распространенности керамики затруднено ограбленностью большинства захоронений, при которой в погребальное сооружение могла попасть керамика из тризны. Вместе с тем не вызывает сомнения существование обычая помещать иногда в погребальное сооружение не целый лепной или гончарный сосуд, а его крупную часть (дно, венчик) или просто обломок (Николаевка I, п. 17; Троицкое, к. 2, п. 12; и др.), символизирующий целый сосуд. Приводимые ниже данные в какой-то мере условны, так как учитывают наличие в захоронении даже обломка керамического сосуда. Так, амфоры или их фрагменты найдены в 17,2% погребений (табл. 18). Наиболее обычны они в Елизаветовском могильнике (55%), в Приольвийской, Поднепровской и Ингулецкой группах (23—24%); в то время как в Поднепровской амфоры имелись лишь в 9% захоронений.

Импортная чернолаковая керамика — килики, канфары, кратеры и др. — зафиксирована в 175 (12,9% всех погребений), красно- и сероглиняная гончарная — в 60 (4,4%), лепная — в 149 (11%) погребениях всех локальных групп. В наибольшей — Поднепровской — группе лепная (8%) и чернолаковая (10,4%) керамика встречается несколько реже; в Ягорлыцко-Каланчакской группе импортная посуда вообще очень редка, однако лепная найдена в 15,6% погребений. Приольвийская характеризуется широкой распространенностью чернолаковой керамики (39%) и редкостью лепной (7,8%).

Очень редка стеклянная посуда; чаши, кубки, флаконы обнаружены в шести погребениях. Деревянная посуда чаще всего представлена не-

глубокими овальными блюдами-подносами размером 0,8—0,4×0,6—0,2 м (56). Изготавливались блюда из одного-трех кусков дерева, скрепленных железными скобами; иногда блюда имеют неширокие горизонтальные ручки-бортики [Вязьмітіна и др., 1960. С. 65. Рис. 49]. Блюдо (иногда два) в погребальном сооружении использовалось для жертвенного мяса. Деревянные полусферические чаши (без обивок и накладок), изредка миски, кубки и ковши найдены в 17 погребениях, деревянные сосуды с металлическими накладками — в 19, с накладками и без них — в двух (сосуды с накладками рассматриваются ниже). Деревянные чаши без металлических украшений, изредка скрепленные железными, бронзовыми и золотыми гвоздиками и проволочками, использовались для краски (1), пращевых камней и галек (2).

Предметы хозяйственного обихода представлены неизвестными ранее жаровнями (3), щипцами для мяса (3), «вилочками» — предметами неизвестного назначения (5) [Мелюкова, 1981. С. 98. Рис. 30, 2, 3, 5], серебряными ложками (две — в Чертомлыке). Костяные ложки (3) широкого распространения не получили.

В 11 погребениях преимущественно Поднепровской, а также Приольвийской, Нижнедонской и Поднепровской групп найдены импортные керамические (9) * и бронзовые (2) светильники. Светильники помещали обычно на дно погребального сооружения, дважды они были в засыпи.

Костяные, бронзовые, свинцовые и железные ворворки, использовавшиеся в одежде, доспехах, чехлах и т. д., найдены в 77 погребениях (без учета конских уборов, а также четырех захоронений с бронзовыми предметами, напоминающими мальтийский крест, которые иногда считают ворворками).

Сравнительно редко в погребениях встречаются деревянные и металлические коробочки и шкатулки (5), деревянные и костяные пиксиды (6), кожаные мешочки и сумки (4). Астрагалы, некоторые с отверстием, встречены в 17 бедных и богатых захоронениях от 1 до 40 в каждом; их могли использовать для игр, гаданий и как амулеты. В пяти погребениях найдены бронзовые колокольчики. В одном захоронении отмечен неорнаментированный кабаньей клык. Подобные клыки вместе с красной краской, зубом хищника, астрагалом, амулетом (?) в виде ведерка и панцирем черепахи найдены недавно в погребении рубежа V—IV вв. до н. э. у с. Шевченко в Приазовье [Зарайская, 1986. С. 44].

Одежда в захоронениях фиксируется очень редко. Обычно это остатки кожаных сапог (6—7), иногда украшенных бляшками, головных уборов и налобных украшений: кожаных и войлочных башлыков и шапок, метопид, диадем, стленид, калафов (31) [Клочко, Гребенников, 1982; Мирошина, 1977]. Иные головные уборы богато украшены золотыми бляшками, лентами, подвесками; встречаются они преимущественно в захоронениях знатных скифянок. Некоторое распространение получили железные ременные пряжки (12). Золотые, реже бронзовые тисненные бляшки с зоо- и антропоморфными сюжетами или орнаментом, нашивае-

* Недавно опубликован светильник из кургана 1 группы Первомаевка II [Евдокимов, Фридман, 1987. С. 88].

Таблица 19. Встречаемость мела и угля в погребальных комплексах степного Причерноморья рубежа V—IV — III вв. до н. э.

Предметы и вещества	В насыпи	На дневной поверхности	На перекрытии	В погребении	а преете	а сосудах в погребении	засы	Всего
Мел порошком		—,		27	—	—,	—	27
Мел куском	1	—	—	2	—	2	—	5
Уголь, зола	4	3	,—,	13	—	3	4	27.
Кострище	3	7	6	4	—	—	—	20
Копоть				3	4			7

мые на одежды, накидки или покрывала, встречены в 96 погребениях большинства групп, особенно Поднеэтровской, Нижнедонской и Приазовской.

Характерных для V в. до н. э. золотых ворворковидных предметов с отверстием в плоском круглом дне в погребениях IV—III вв. до н. э. почти нет; лишь в Чертомлыке обнаружен подобный предмет [ДГС, Атлас, 1872. Табл. XXVI, 14]. Весьма вероятно, что он относится к V в. до н. э. Среди случайных находок 1902 г. в Огузе выделяются пять крупных золотых изделий в виде воронки [Спицын, 1906. С. 164. Рис. 22].

Предметы и вещества, связываемые с культовой практикой, есть и в погребениях IV—III вв. до н. э. Распространенность некоторых категорий находок и следов культовых действий в погребальных сооружениях и вне их отражена в табл. 19.

Отмечено, что один раз (Балабаны, к. VI) умершая была посыпана красным порошком, что куски краски, найденные в 20 захоронениях, использовались в быту. Куски мела обнаружили в четырех погребениях, причем в двух это, несомненно, косметические «белила» (находились в пиксидах). Обычно мелом посыпали дно погребального сооружения (27). Чаще всего это фиксировали в могильниках у сел Марьянское (4), Верхнетарасовка и Долинское (5), в группе Солохи (3).

Следы огня в виде некоторого количества угля или золы отмечены в камерах и входных ямах 13 погребальных сооружений, небольшие кострища и копать — в семи; следует признать, что в некоторых случаях эти следы оставлены грабителями. Не вызывает сомнения связь сожжения или обожжения перекрытий шести погребальных сооружений с культом огня. В погребении кургана у с. Суклея находился сосуд с золой. Следы огня имели гальки в двух погребениях у с. Буторы и круглый терочник из погребения в кургане 45 группы Широкое II; не исключено, что гальки были помещены в захоронение в раскаленном состоянии*.

С религиозно-мифологическими представлениями можно связывать находимые в погребальных сооружениях овальные или округлые кам-

Две найденные в могильнике Кугурлуй курильницы заполнены обожженными камешками [Андрух, Суничук, 1987. С. 44].

ни или гальки размером 3—9×4×8 см. Подобные камни в количестве 1—3, редко 5 обнаружены в 17 мужских и женских захоронениях у черепа (4), таза (1), на груди (1); в двух случаях камень был зажат правой кистью. Прокаленные гальки в деревянной миске, найденные в погребении 3 кургана 8/1972 у с. Буторы, позволяют допустить, что семантическим эквивалентом галек могут быть пращевые камни; так, в погребении 1 кургана 2 группы Красный Подол I в деревянной чаше находилось 75 пращевых камней. Предположение о ритуальном значении пращевых камней ранее высказала В. Г. Петренко, указавшая на отдельные обожженные камни в погребениях могильников правобережного лесостепного Поднепровья [Петренко, 1967. С. 36].

В предыдущих главах отмечалась культовая роль деревянных сосудов с металлическими накладками, известных в скифских погребениях V в. до н. э. Использование подобных чаш с золотыми, реже — бронзовыми накладками в погребениях IV—III вв. до н. э. резко сокращается; они найдены в 21 погребении, но лишь в Елизаветовском могильнике встречаемость их высока (6). Большая часть остальных найдена в захоронениях Поднепровской группы, единицы — в Северостепной и Приазовской группах. Не исключено, конечно, что рядовое население в качестве ритуальных использовало деревянные чаши и кубки без металлических накладок.

Вместе с тем появляются и распространяются — преимущественно в тех же локальных группах, где и деревянные сосуды, — золотые и серебряные шаровидные кубки (10), фиалы (4), чаши (6), килики (12), ритоны (5), сосуды редких форм (5). Встречены они в 26 богатых мужских, женских и детских захоронениях, иногда наборами по 4—10 сосудов (включая деревянные сосуды с накладками); помещаются они возле погребенного или в тайниках. Функции сосудов из драгоценных металлов (возможно, также бронзовых чаш и киликов) были идентичны функциям деревянных ритуальных чаш и кубков. Вытеснение же деревянной ритуальной посуды металлической вполне закономерно. Некоторая часть металлической посуды изготовлялась в греческих мастерских по заказу скифов, а часть (бронзовые и серебряные килики) являлась продукцией серийного производства.

Новой чертой скифской погребальной обрядности является использование сосудов-курильниц. Восемь курильниц найдены в захоронениях III—II вв. до н. э. Тираспольщины*. Это лепные толстостенные сосуды с выделенным горлом и расширенным туловом с вертикальными налепами; Э. В. Яковенко относит их к днестровскому варианту курильниц [Яковенко, 1971. С. 89]. К. Ф. Смирнов связал появление подобных курильниц с сарматским влиянием [Смирнов К. Ф., 1984. С. 65]. Однако все курильницы найдены в Поднепровье и Подунавье (Кугурлуй), в зоне вероятных контактов скифов с гето-фракийцами. Уникальна гончарная курильница нач. IV в. до н. э. из кургана VI у с. Балабаны в виде высокого кубка на коническом поддоне и с крышкой. Как отмечает Г. Ф. Чеботаренко, курильница находит аналогии в североболгарской и фракийской керамике [Чеботаренко, 1973. С. 128]. Возможно, примитив-

* Еще две лепные курильницы найдены в упоминавшемся могильнике Кугурлуй.

ными курильницами являются крупные фрагменты лепных горшков с остатками продуктов горения, обнаруженные во входных ямах двух ка-такомб у с. Верхнетарасовка. Есть сведения о находке курильницы и в одном из погребений у с. Вольная Украина [Болдін, Зарайська, 1972. С. 118].

Бронзовые ритуальные ножи, встречаемые обычно парами в степных и лесостепных захоронениях VI—V вв. до н. э., в IV—III вв. до н. э. не употреблялись. Возможно, их заменяли два длинных прямых ножа из погребения 3 Казенной Могилы и три ножа необычной формы из погребения 1 кургана 46 урочища Носаки.

В пяти погребениях Петуховского (Марицынского) могильника встречены ольвийские монеты, лежащие обычно у кисти руки. Так как положение монеты («обола Харона») в рот или в руку — характерная черта греческого ритуала, следы его в Петуховском некрополе свидетельствуют о сильной эллинизации варваров, а возможно, и об ассимиляции. Материалы могильника не противоречат этому. Монета из могильника у с. Буторы использовалась как подвеска [Мелюкова, 1974. С. 81. Рис. 2, 15] *.

Знак власти — бронзовый топорик-скипетр из кургана 18 у с. Львов мог иметь отношение и к культовой практике.

Амулеты-апотропеи известны в ряде захоронений IV—III вв. до н. э.; подсчет затруднен возможностью спутать их с подвесками, в качестве которых они, очевидно, нередко использовались. Как амулеты использовались мелкие кости (фаланги), клыки, фрагменты челюстей собак или волков, клешни крабов, раковины, овальные камешки с отверстием, кусочки кремня. Скорее всего религиозно-мифологическими представлениями объясняется зафиксированное трижды помещение в захоронение оленьих рогов.

Жертвенная пища имела в 43,5% всех захоронений: чаще всего часть туши коня или барана (крайне редко — почти целые туши), реже — быка или коровы, диких животных, птиц. Чаще она встречается в Поднепровской и Ингулецкой группах (49—67%), реже — в Поднестровской, Приольвийской, Ягорлыцко-Каланчакской (табл. 18). Как и в V в. до н. э., мясо обычно вместе с железным ножом помещали на дно погребального сооружения, в котел, на деревянное блюдо, иногда в деревянный сосуд, изредка и только в Поднестровской группе — в глиняную миску. Оставляли все это в изголовье, реже — в ногах и сбоку; лишь в Елизаветовском и I Николаевском могильниках жертвенная пища обычно находится в ногах. Известны погребения с двумя «порциями» мяса.

Изделия звериного стиля (обычно в его эллинской трактовке без учета сильно схематизированных перекрытий и наверший мечей, ручек котлов отмечены в 8—9% погребений. Очевидно уменьшение их распространенности по сравнению с V в. до н. э. Изделий звериного стиля больше в Приазовье (24%), в Поднепровье (12%) и в Елизаветовском могильнике (10,5%).

* Недавно монета Истрии V—IV вв. до н. э. обнаружена и в погребении к. 22 могильника Плавни I в низовьях Дуная [Суничук, Фокеев. 1984. С. 112].

Остатки погребального кортежа встречаются и в захоронениях IV—III вв. до н. э. (табл. 20).

Сбруя в виде отдельных предметов или наборов отмечена в 28 погребальных сооружениях. В шести найдены нагайки, остатками которых считают золотые или бронзовые ленты, обвивавшие некогда деревянную рукоять.

Конские захоронения отмечены при 48 погребениях в 52 позициях (без учета числа коней и их могил); при одном погребальном сооружении они могли находиться как внутри, так и вне сооружения. Характерна отдельная конская могила (31); прочие позиции — в насыпи (1), на древнем горизонте (2), во рву (1) — за исключением главного погребального сооружения (16) — редки. Рассмотрим последнюю позицию (помещение коней в главное погребальное сооружение) подробнее.

Кони сопровождали погребенных в 13 катакомбах и 2 ямах (1 — неясно); почти все имели сбрую, а некоторые и седла. При захоронении в яме кони находились рядом с погребенными; при захоронении в катакомбе — во входной яме (10), в дромосе (2), камере (1). В стенках входной ямы на уровне дна нередко устраивали ниши для коней (табл. XI, 2; XIV, 7); иногда коней помещали в наполовину засыпанную входную яму. Чаще всего в погребении помещали одного коня (8), реже — два (4), три (2) и более (2). В восьми погребальных сооружениях найдены конские черепа и отдельные кости, в том числе конечности. Не исключено использование черепов и конечностей для создания чучел.

В целом же (с учетом всех позиций размещения коней) при погребальном сооружении с человеческими захоронениями чаще погребали одного коня (28 случаев), реже — два (6 случаев), три (5 случаев) и т. д. Наибольшее число коней — до 10—16 — сопровождало главные захоронения Чертомлыка, Огуза, Луговой и Чмыревой Могил.

В 10 погребальных сооружениях обнаружены повозки, на которых умерших доставляли к месту захоронения. В Толстой и Гаймановой Могилах при одном погребальном сооружении находилось две повозки;

Таблица 20. Остатки погребального кортежа в погребальных комплексах степного Причерноморья рубежа V—IV — III вв. до н. э.

Остатки погребального кортежа	Расположение										
	асып	орз	деорсо еице	отде ооф ио	ол с на	п е не еице	зени	рз физо	пер рей	чужо	(сеге
Сбруя	7	13	—	1	1	—	26	2	—	1	51
Кони	1	—	2	28	—	1	14	—	1	1	48
Конские черепа	1	1	1	2	—	—	8	—	19 (ров)	—	31
Повозки	1	2	—	1	—	—	10	—	—	—	14
Навершия	4	4	—	—	—	—	1	—	—	—	9
Собаки	—	—	—	—	—	—	5	—	—	—	5

оба захоронения асинхронны (две входные ямы). Как правило, части специально разобранных повозок (колеса, борта) находились во входных ямах на дне в качестве заслона устья входа в камеру или дромос, реже — в дромосе. Об использовании повозки в скифском погребальном ритуале сообщает и Геродот [Нер., IV, 71—73]. Сведения о большинстве повозок приведены в работе С. С. Бессоновой [Бессонова, 1982].

Навершия найдены в девяти степных курганах IV—III вв. до н. э., обычно в комплексах с конской сбруей либо при захоронениях, сопровождаемых конями и повозками. Однако в погребальных сооружениях они редки; лишь в боковом погребении Бердянского кургана четыре навершия находились в ямке-тайнике, выкопанной в дне камеры катакомбы.

В пяти захоронениях обнаружены скелеты собак — на дне входной ямы (три) или в камере катакомбы. Есть сведения о скелете собаки и в погребении 12 кургана 13 у с. Любимовка. Обычай захоронения собак в степном Причерноморье ранее V в. до н. э. не отмечен; к этому времени, как указывалось, относится два случая захоронения собак в погребальном сооружении.

Подсчет распространенности основных категорий погребального инвентаря, как отмечалось, охватывал все погребения, ограбленные и не потревоженные, вследствие чего результаты в ряде случаев нуждаются в уточнении. В действительности частота встречаемости мечей, изделий из драгоценных металлов (гривен и др.), зеркал, металлической и чернолаковой посуды была выше, распространенность большинства остальных категорий близка вычисленной.

Редкость находок мечей (в 99 из 1357 погребений), лишь отчасти объясняемая ограбленностью, не подтверждает вывод С. С. Бессоновой, что «значение мечей в скифском военном обиходе возрастает с IV—III вв. до н. э.» [Бессонова, 1984. С. 12]. Вывод базировался на заключении Е. П. Бунятян о встречаемости мечей почти в 50% рядовых мужских погребений IV—III вв. до н. э.; наши данные расходятся с ним. Лишь в V в. до н. э. меч был почти обязательной принадлежностью мужского захоронения богатого и рядового. Позже мечи обычны лишь в захоронениях знати и дружинной верхушки. В IV—III вв. до н. э. в вооружении рядовых скифов господствуют лук и копье (дротик), что, вероятно, объясняется изменениями тактики боя.

Набор погребального инвентаря определялся соответственно полу, возрасту и социальному положению. Общими элементами в богатых и бедных, мужских, женских и детских погребениях являются жертвенная пища и железный нож, реже — оружие (стрелы). Рядовое мужское захоронение, кроме того, обычно содержит одно-два копия, иногда импортный сосуд, серьгу, браслет металлический или из трех-девяти бус на правой руке (Архангельская Слобода, к. 5, п. 1; и др.), изредка ожерелье из пяти-восьми бус (Днепропрудное, к. 1962 г.; и др.); в погребении богатого дружинника — обычно еще меч и доспех (панцирь, пояс), перстень, амфора.

Захоронения детей и подростков набором вещей, включая оружие,

копируют взрослые захоронения мужские и женские Никопольское поле, гр. II, к. 20, п. 2; Пески, к. 9, п. 1); детских захоронений без вещей очень мало (Широкое II, к. 48, п. 1; к. 50).

Комплекс женского захоронения включает, помимо жертвенной-; пиши и ножа, ожерелье из 10—30 бус, два-три браслета из бус или металла, пару серег, одно-три пряслица, нередко оружие, зеркало, веретено, сосуд лепной или гончарный, шило или иглу, перстень, изредка краску* (рис. 14).

Богатые мужские и женские захоронения характеризуются большими наборами, где обычны импортные металлические, ритуальные сосуды, котлы, защитное вооружение, амфоры в количестве трех и более, золотые бляшки, остатки погребального кортежа. Гривны встречаются в знатных мужских, женских и детских захоронениях, реже — рядового населения и царских конюхов (Чертомлык, Толстая Могила).

Оружие в скифских женских погребениях не редкость; особенно часты стрелы в количестве 1—12 (до 50—60), копья и дротики (рис. 10), пращевые камни (почти исключительно в женских погребениях, включая и некоторые «царские»). Есть мечи (Вольная Украина III, к. 22, п. 2; Любимовка II, к. 38, п. 3; Кут, к. 7, п. 9 восточное), возможно, и доспех (Гайманово поле, к. 9; Елизаветовский могильник, к. 7/1908), сбруя (Чобручи, к. 399). Почти везде принадлежность погребения к женским подтверждается зеркалами, а также пряслицами, большим количеством бус и т. д. Выделяются даже небольшие могильники вооруженных женщин: во всех захоронениях четырех курганов группы БОФ были погребены женщины, в двух случаях — с детьми; оружие имелось в четырех захоронениях из пяти. Подсчет распространенности оружия в женских захоронениях затруднен встречаемостью украшений как в мужских, так и в женских погребениях. Группа захоронений с небольшим количеством (1—10) бус при отсутствии пряслиц и других чисто женских предметов определялась обычно как мужская. Ранее проведенные подсчеты показали оружие в 22—25% женских погребений [Ольховский, 1978. С. 15]. По Е. П. Бунятян, оружие было в 37% женских, что равно 25% всех захоронений с оружием [Бунятян, 1978. С. 59, 60]. По нашим данным, из 1357 погребений безусловно женскими с оружием являются 90—100 (еще около 50 сомнительны и не учитывались), что составляет 14,5% захоронений с оружием и 25,8% всех захоронений с бусами (встречаемыми и в мужских погребениях). Учитывая это, а также ограбленность большинства комплексов и подсчеты Е. П. Бунятян по непотревоженным погребениям, приходим к выводу, что не менее 22—25% захоронений с оружием были женскими. Оружие находилось в 28—33% женских погребений всех локальных групп. Погребения убитых стрелами вооруженных женщин (Кичкас I, к. 3; гр. БОФ, к. 13, п. 1) свидетельствуют об их непосредственном участии в боевых действиях.

Большая распространенность импортных вещей в некоторых локаль-

По мнению Е. П. Бунятян, зеркала находились в 21,2% погребений или в 29,8% женских погребений, а пряслица — соответственно в 42,7% и в 68,3%. Однако фактическая встречаемость зеркала и пряслиц в 534 погребениях (без поправки на ограбленность) — соответственно 6,5 и 15,9% [Бунятян, 1985. С. 46, 67, 163, 170], что близко нашим данным по 1357 погребениям — 7 и 12,5%.

ных группах (Поднестровской, Приольвийской, Нижнедонской) в значительной мере объясняется близостью к античным торговым центрам.

Намогильные сооружения и следы ритуальных действий. В IV—III вв. до н. э., как и в предшествующее время, большинство захоронений перекрывали курганом. Бескурганные погребения (всего 96; табл. 13) сосредоточены в основном на Днестре. На поверхности их отмечали небольшими каменными выкладками или изредка кольцами, известными в могильниках у с. Николаевка и с. Михайловка (табл. VII, 2).

Из 892 курганов (табл. 21) 794 насыпаны в скифское время, 75 — в эпоху бронзы, 23 — неясно когда. Высоты трех и более метров к моменту раскопок достигли 50 курганов, а пять возвышались на 15—21 м. При сооружении крупных насыпей использовали приемы, появившиеся в V в. до н. э.: дерновые вальки (Огуз, Хомина Могила, I Мордвинский курган и др.); погребальное сооружение и первичную насыпь возводили одновременно (Желтокаменка и др.). Насыпи состоят из грунта или дерновых вальков, иногда с небольшим количеством камней. Так, насыпи кургана 12 у с. Владимировка, Гаймановой Могилы и Бердянского кургана состояли из вальков, переложенных слоями камыша или камки (Бердянский курган). Три слоя камки отмечены в I Шульговском кургане; в кургане 6 у с. Обиточное толщина слоя камки достигала 1 м. Иногда слоями камки закладывали сверху ямы и многократно перекладывали засыпь входной ямы катакомбы (Бердянский курган, центральное; Мелитопольский курган, п. 2; Обиточное, к. 3). Возможно, камка препятствовала размыванию насыпи и герметизировала погребальное сооружение. Насыпи крупных курганов неоднократно — до 4—5 раз — досыпались; не все досыпки связаны со впускными захоронениями. Низ насыпей после досыпок нередко обкладывали материковой глиной, взятой из рва (табл. XIX). Досыпки увеличивали высоту и диаметр (до 50—70 м) насыпей; при подзахоронениях в большие курганы они обязательны. Отметим, что применение вальков при сооружении насыпей известно и савроматам [Смирнов К. Ф., 1964. С. 138].

Впускали погребальные сооружения через полу кургана. Иногда для этого часть крепиды разбирали (Марьянское II, к. 2; и др.), а затем восстанавливали, маскируя захоронение. В некоторых случаях захоронения или дополнительные входные ямы с дромосом, ведущим к главному погребальному сооружению, сооружались у подножия кургана с расчетом на перекрытие при досыпании кургана (табл. XIX). Очень редко при впускном захоронении вырезали полу насыпи до погребенной почвы (Солоха, Гайманова Могила).

В оформлении насыпей, как и в V в. до н. э., использовали камень. Каменные покрытия всей поверхности сравнительно редки (табл. 21) и в курганах скифского времени, и в курганах эпохи бронзы со впускными скифскими погребениями (17 из 892). Возможно, их было больше, так как многие насыпи сильно разрушены. Обычнее каменные кольца — 13,6% скифских и 21,3% насыпей эпохи бронзы со впускными скифскими погребениями. Господствуют крепиды в виде каменного наброса по периметру (табл. XXI, /; XXII, 1). Появляются кольцевые крепиды, сложенные из плоских каменных блоков (Вольная Украина II,

Таблица 21. Характеристика курганных насыпей степного Причерноморья, содержащих погребения рубежа V—IV — III вв. до н. э.

Локальная группа	Скифское время					Эпоха бронзы					?	Всего
	числ	па	р ^{ев}	а н ^{ко} о ц ^о	ре + о	Х	Хр Хр	р ^{ога}	С ^о	р ^о + о:ольцо		
Придунайская	4	1	3	2	1			1			2	12
Поднестровская	73	2	6	8	1	10	—	—	1	—	2	103
Северостепная	16	1	1	—	3	4	—	—	—	1	2	28
Приольвийская	46	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	46
Буго-Ингульская	11	2	2	19	2	2	—	—	4	—	2	44
Ингулецкая	25	4	1	6	—	4	—	—	1	—	—	40
Ягорлыцко-Каланчакская	82		26	1	—	5	—	3	—	—	—	116
Поднепровская	195	6	82	30	27	22	1	5	9	—	11	388
Приазовская	7	—	—	2	1	1	—	1	—	1	2	15
Нижнедонская	82		8	7	—	1	—	—	—	—	2	100
Итого	541	16	129	74	34	49	1	9	14	2	23	892

к. 29, и др.), иногда на глинистом растворе (Западно-Богдановская гр., к. 2; Елизаветовский могильник, гр. Пять братьев, к. 10 и 11).

При исследовании Чертомлыка выявлены три «крепиды» из уплотненного ила; насыпь окружала и замыкала внешняя крепида в виде кольцевой стенки [Мурзин, 1987]. Изредка делали крепиды из одного-двух рядов вертикально стоящих плит (Малая Лепетиха, к. 3/1915), иногда подпираемых извне другими плитами (Нововасильевка. к. 13). Крепиды из вертикальных плит почти неотличимы от кромлехов, устраиваемых на некотором расстоянии от насыпей (об этом ниже). В трех насыпях — одна эпохи бронзы — отмечено по два каменных кольца-крепиды. Еще в трех случаях (Гайманова, Двугорбая Могила; Малая Лепетиха, к. 2/1915) были крепиды и кромлех. Почти во всех случаях в курганах с двумя крепидами находилось по два-три скифских погребения. Лишь курган 4 группы Показовое I имел одно захоронение: вторая крепида — результат поминального ритуала. Судя по следам трезны, некоторые крепиды вокруг курганов эпохи бронзы устраивали скифы после погребения.

Каменные кольца в степи распространены неравномерно. Их нет в Приольвийской и Ягорлыцко-Каланчакокой группах, они обычны в Буго-Ингульской (56,8% всех курганов), Приазовской (26,7%) и Поднепровской (17%) группах, а на остальной территории редки.

Каменные кольца имели и религиозно-ритуальный смысл, соотносимый с соляным знаком. Подобные кольца, производящие в большинстве впечатление не крепид, а кромлехов, нередки вокруг причерноморских курганов эпохи бронзы; иногда кольца двойные [Шапошникова и др., 1977. С. 120, 121]. сложены как кольцевая стенка [Патокова, 1967.

С. 13]. Они есть в погребальных комплексах кочевников раннего железного века Приуралья, Казахстана, Южной Сибири и т. д. Каменные кольца савроматских курганов [Смирнов К. Ф., 1964. С. 78, 89, 90] почти не отличаются от скифских колец-крепид степных курганов. Очевидна утрата большинством скифских каменных колец ритуальной функции: это прежде всего крепиды. Ритуальные каменные кольца — кромлехи — редки.

В насыпях и среди камней крепид 17,8% рассмотренных курганов находились остатки погребальной трапезы — фрагменты керамики (обычно амфор), «ости животных, отдельные вещи (табл. 22). Остатки трапезы при этом иногда находили в насыпи и в крепиде, в насыпи и на подкурганной поверхности, в насыпи и во рву курганов скифских и эпохи бронзы, что свидетельствует о досыпке курганов скифами после впускных захоронений. Среди предметов, находимых в насыпях, нередко каменные плитки, именуемые точильными плитками или зернотерками (в 13 курганах). Большинство их обнаружено на Никопольском курганном поле (10). Плитки находят обычно в обломках. В пяти насыпях (четыре в гр. II Никопольского поля) найдены пращевые ядра из камня и глины. К числу очень редких находок относится неорнаментированный кабаньих клык (Никопольское поле).

В четырех насыпях обнаружена зола и уголь в небольших количествах, в трех — кострища, в одной — кусок мела (табл. 19).

Погребальный кортеж представлен сбруей (в восьми насыпях), причем в Краснокутском кургане находилось около 80, а в Чертомлыке —

Т а б л и ц а 22. Следы погребального пира в курганных насыпях степного Причерноморья, содержащих погребения рубежа V—IV — III вв. до н. э. *

Локальная группа	Расположение								II гр.
	га м[и]	п о я я р - с	р о	о а п л ь	г а б	г а	т а н а - с	п ь д и е р	
Тридунайская	1	3	1	—	—	—	—	—	5
Лоднестровская	7 + 0)	6	3	—	—	—	—	—	17
Северостепная	6	2	—	—	—	—	—	—	8
Приольвийская	1	—	—	—	—	—	—	—	1
Буго-Ингульская	4	—	2	—	—	7 + (2)	—	1	16
Ингулецкая	15	2	1	—	—	1	—	—	19
Ягорлыцко-Каланчакская	14 + (2)	2	9	1	—	—	—	—	28
Поднепровская	46 + (6)	22	35 + 0)	(1)	10	4 + (1)	—	—	128
Приазовская	2 + (1)	1	1 + 0)	—	—	—	—	—	6
Лижнедонская	30 + (1)	3	1	—	—	2	—	—	37
Всего	137	41	55	2	10	17	—	1	265

* Цифры в скобках — курганы эпохи бронзы.

250 наборов". Коней и повозки в насыпи "оставляли редко — по разу; чаще встречаются наверигия (четыре случая).

Иногда при отсыпке кургана в насыпи устраивали жертвенные сооружения; в Александропольском кургане их было два или три. Жертвенный ящик из четырех плит, перекрытых пятой, содержал сбрую, пять наверхий и др.; в яме «на западной стороне» (очевидно, выше древнего горизонта), заложеной камнями, находилось изображение собаки из известняка. В «южной стороне» кургана (в насыпи или на дневной поверхности) под кучей камней находились три наверхия, украшения сбруи и др. Яма в насыпи кургана 10/1960 Елизаветовского могильника содержала золу, фаланги коня, фрагменты амфор и лепных сосудов. Подобные жертвенные сооружения, в частности ящики, известны в степном Причерноморье с рубежа VII—VI вв. до н. э. (Литая Могила); в V в. до н. э. их нет, однако известны жертвенные ямы, выкопанные с уровня подкурганной поверхности (см. главу III, § 2).

Обычай установки изваяния на вершине кургана в IV—III вв. до н. э. получает незначительное по сравнению с V в. до н. э. развитие. Большинство изваяний IV—III вв. до н. э. найдены случайно и не имеют точной привязки; исключение составляют 12 изваяний и две заготовки. Поврежденные изваяния находятся, как правило, в грабительской воронке, в насыпи погребального сооружения, изредка во рву; заготовки найдены на подкурганной поверхности.

Численно преобладают изваяния стоящего мужчины, с оружием, ритонном и некоторыми другими предметами. Иногда изваяния имеют постамент — каменную плиту с отверстием (Красный Подол, к. 2; Сахова Могила).

К другому типу относятся изваяния, весьма напоминающие бюсты-надгробия «херсонесского типа» [Иванова, 1941; Она же, 1950; и др.]. «Бюсты» найдены в Петуховском (к. 2Г) и Елизаветовском (к. 1 и 2 гр. Пять братьев) могильниках. Врезные изображения на надгробиях указанного типа отсутствуют. Примечательно, что обнаружены они в могильниках, сравнительно недалеко от античных городов (Ольвии, Танаиса).

Оригинально изваяние в виде деревянного столба с контуром человеческого лица на конце. Найдено оно в кургане 1 группы Кичкас I. Находка подтверждает существование у скифов не только каменных, но и деревянных изваяний.

Подкурганные сооружения и следы ритуальных действий. Так как основными погребальными сооружениями в IV—III вв. до н. э. являлись катакомбы, создание их приводило к образованию значительного материкового глиняного выкида. Как и в предшествующее время, выкид укладывали широким кольцом (табл. XXI, 4), подковой (табл. XX, 3) вокруг погребального сооружения или по границе будущего кургана (табл. XIX) в виде двух дуг, напоминающих кольцевой ровик с разрывами на западе и востоке (табл. XXII, /). Выкиды полукруглых или треугольных сечений (табл. XIX), изредка они выложены камнем в один-два ряда (Елизаветовский могильник, гр. Пять братьев, к. 9/1960). Иногда выкид слоем в 3—6 см распределяется по всей подкурганной поверхности (Балабаны, к. VI и X). После герметизации погребально-

го сооружения центр подкурганной поверхности закладывали глиной, вальками или грунтом, иногда выстилали камышом (Казенная Могила; Елизаветовский могильник) или камкой (Бердянский курган?). Эту первичную насыпь значительно увеличивали досыпками. Возможно, обнаруженные на подкурганной поверхности Толстой Могилой два концентрических кромлеха обозначали предполагаемые первичные границы насыпи, а также сакрализовали площадку погребального сооружения.

Уникально кольцо более чем из 25 гераклейских амфор, окружавших большую яму I типа в кургане 1954 группы Пять братьев Елизаветовского могильника [Шилов, 1959а. С. 16, 17]: на древней поверхности два ряда амфор лежали горлами к центру. Два подобных кольца V в. до н. э. из амфор, уложенных горлом наружу, окружали останки кремнированных в некрополе Ольвии [Жозуб, 1974. С. 32, 33], а также, судя по описанию, в Керчи [ОАК за 1962 г. С. XIII].

Остатки погребальной трапезы на подкурганной поверхности, редкие в V в. до н. э., становятся обычными прежде всего в курганах знати (табл. 22). Как правило, они образуют скопления на жертвенных площадках (2×2 м до 12×12 м и более). Площадки в количестве одной-пяти располагаются обычно по периметру, примыкая изнутри к ровикам, особенно часто в западной части, а также в перемычек ровиков. Можно предполагать, что при создании и сразу же по окончании кургана погребальный пир совершался не только на покрываемой курганом поверхности, но и в кольце, ограниченном склоном насыпи и ровиком, куда попадали по перемычке во рву. Позднее располагающаяся насыпь перекрывала площадку, часто и ровик. Жертвенные площадки обычно усыпаны фрагментами амфор и реже — костями животных. Не позднее первой половины V в. до н. э. проявляется редкий обычай: в дневную поверхность на месте кургана вкапывают амфоры горлом вверх (Владимировка, к. 1; Носаки, к. 2; Толстая Могила, Солоха). 60 амфор группами по семь были вкопаны в дневную поверхность вокруг основного (вспомогательного) захоронения в Чертомлыке [Мурзин, 1987]. В кургане 2 группы Широкое III к северу от погребального сооружения находился закопченный горшок с костями крупного животного. Иногда на подкурганной поверхности фиксируются кострища (7) и угли (3), связанные, как правило, с жертвенными площадками (табл. 19). На древней поверхности под курганом Желтокаменка отмечена рабочая площадка, где обрабатывали камни для склепа. В трех случаях на погребенной почве находились каменные блюда (Носаки, к. 9) или их обломки (Выводово, к. 92; I Испанова Могила). Они, очевидно, отличаются от песчанниковых блюд VI в. до н. э., но проверить это нельзя из-за отсутствия публикаций. ТРИЖДЫ на подкурганной поверхности стояли котлы, связанные с жертвенными сооружениями (Нагорное, к. 5). кенотафами (Островное, к. 3/1976) или погребениями (Островное, курган 1972 г.).

. Жертвенные сооружения, выкопанные с дневной поверхности, отмечены в 20 курганах (всего 26 сооружений без «ложных погребений»). В большинстве случаев они имеют вид ям II (11; табл. XIX; XXI. 4; XXIV, 4, 9), реже — I (3; табл. XXIV, 7, 11) и III типа (3; табл. XXIV,

10); форма еще четырех неясна. Следов перекрытия ямы не имели. Шесть ям пусты, в остальных были кости животных, изредка рыбы (8), фрагменты амфор и лепных сосудов (7), зола или кусочки обожженной глины (5), иногда предметы конского убора (Чмырева Могила) и пращевые камни (Ушаковский курган: 73 гальки). В двух ямах находились крупные известняковые камни (табл. XXIV, 4).

Появляются жертвенные сооружения — катакомбы I, VIII и IX типов (табл. XXIV, 1—3, 6). Как и ямы, их выкапывали с дневной поверхности и не использовали для захоронений. Жертвенные катакомбы в кургане 6 у с. Нагорное были пусты (у входной ямы одной стоял котел: табл. XXIV, 3, 6). В катакомбах из Двугорбой Могила были котел, кости коня (включая череп), амфоры, остатки повозки (?); одна из катакомб имела перекрытие. От катакомб-погребений жертвенные отличаются меньшими размерами и очень слабо выраженной (в I тине) камерой без заслона.

Следует подчеркнуть, что жертвенные сооружения, в особенности ямы, были широко распространены. Жертвенные ямы, вырытые с древней подкурганной поверхности, изредка встречаются в древнеямных, усатовских и катакомбных курганах степного Причерноморья [Шапошникова, Фоменко, Балушкин, 1977. С. 120; Патокова, 1987. С. 15; Волковой, 1980]; в срубно-белозерское время они известны в Причерноморье и Поволжье [Латышев, 1926; Мерлерт, 1954. С. 100; Он же. 1958. С. 98]. В раннескифское время они изредка встречаются в восточноевропейской лесостепи [Самоквасов, 1908. С. 82—84]. Жертвенные ямы круглые и в форме траншей известны в савроматских курганах [Смирнов К. Ф., 1975. С. 19, 25, 52, 115]. Жертвенные ямы — фависсы и ботросы — неоднократно фиксировались при исследовании греческих святилищ и некрополей [Марченко, 1963. С. 86; Козуб, 1976. С. 129; Сорокина, 1961. С. 63; Кастанаян, 1950]. Жертвенные каменные ящички менее распространены. Отмечены они, например, в поминальных комплексах ранних кочевников Горного Алтая [Мартынов, Абсалимов, 1979. С. 248].

Неизвестной ранее чертой погребального комплекса является погребальная дорожка, идущая от западной полы на восток к входной яме (Гайманова Могила, Бердянский курган) или пандусу (Огуз) главного погребального сооружения. Дорожку выстилали камкой (2) или тростником (1), иногда по краям укрепляли камнями. Судя по кратким публикациям, ширина дорожек составляла 2—3 м, длина — не менее 16 м; сечение их корытообразно и слоисто, что свидетельствует о неоднократном подновлении. Основное назначение дорожек — доступ к погребальному сооружению, так как одновременно с ним воздвигали первичную насыпь. К моменту, когда умершего доставляли в погребальное сооружение, дорожка представляла собой узкую щель — разрыв в первичной насыпи, имевшей вид усеченного конуса с воронкой в центре. Дорожка завершалась входом в погребальное сооружение. Высота насыпи к этому времени могла составлять уже несколько метров. Вальки, скалывающиеся с крутых бортов, загрязняли и вынуждали подновлять дорожку новыми слоями тростника или камки. Уровень ее постоянно повышался, достигая 0,4—1 м от погребенной почвы. После герметизации

погребального сооружения «воронку» и дорожку закладывали вальками и глиной.

Есть сведения о том, что под насыпью Краснокутского кургана к востоку шел «какой-то проход к самой гробнице, по которому, быть может, и пронесен в нее покойник» [Семенов-Зусер, 1939. С. 67]. По сторонам прохода, т. е. погребальной дорожки, лежали обломки колесницы, сбруя и наверхия.

Остатки погребального кортежа представлены предметами конской сбруи и убора, размещенными на древнем горизонте или на материковом выкиде (15), в жертвенной яме (1).

Конские захоронения в отдельных погребальных сооружениях имелись при 31 погребении (табл. 20). Под курганом иногда находится по две-три конские могилы, относящиеся к одному (табл. XXI, 4; XXII, /) или двум погребениям. Как правило, захоронения коней совершали в прямоугольных или подквадратных ямах (табл. XXIII, 3—5, 7), изредка со входом — пандусом (табл. XXIII, 6'), и отдельных катакомбах (Казенная Могила). Размеры, отчасти и форма могил определялись числом погребаемых животных — от 2,3X0,7 м до 7X3 м; глубина обычно невелика — 0,7—2 м, реже — глубже. Отмеченные несколько раз перекрытия не отличаются конструкцией от перекрытий могил для людей. Чаще они деревянные, иногда покрытые тростником, лубом, камкой или соломой (?), реже — из каменных плит. Как и в V в. до н. э., некоторые могилы на дне имеют грунтовую перемышку и, кроме нее, ступеньку для морды животного (табл. XXIII, 4). Очень редко применялись сырцовые выкладки дна ямы (Солоха, основное) и вертикальные грунтовые перемышки (табл. XXIII, 5).

Известно число коней, захороненных в 34 специальных могилах при 30 погребениях. Чаще всего в яме хоронили одного коня (18), реже — два (3), три и четыре (по 4), пять, шесть и семь (по 1), 10 и 11 (2). Еще в двух случаях кони захоронены возле могил на выкиде. Как правило, кони имели сбрую, изредка и седла. Высказано предположение, что иногда коней погребали в сооружении живыми (Чмырева Могила).

Конские могилы располагались обычно в 2—5 м к западу от главного погребального сооружения, редко к востоку, северо-востоку. В Огузе конское захоронение устроено в яме, вырытой в погребальной дорожке.

Особенностью некоторых крупных курганов являются захоронения одного-трех конюхов в отдельных ямах, расположенные неподалеку от конских могил (Чертюмлык, Толстая Могила). Изредка скелет конюха находится на конском скелете (Вольная Украина II, к. 29) или в углублении стенок конской могилы (Козел, Солоха; табл. XXIII, 5).

Остатки погребальных повозок на древней подкурганной поверхности или выкиде отмечены два раза (Краснокутский, Мелитопольский курганы), наверхия — четыре.

Помимо погребений конюхов, изредка с древней подкурганной поверхности выкапывали могилы для зависимых людей. В Деевом кургане (погребение 3) погребенный лежал в яме на 11 разбитых амфорах («виночерпий»). В кургане 9/1960 Елизаветовского могильника на скелете уложенного ничком человека стоял котел. Погребенных в неглубо-

ких ямах Двугорбой Могилы сопровождали бедные наборы вещей. Известны и сопровождающие (вспомогательные) захоронения слуг на подкурганной поверхности или на выкиде без использования погребального сооружения (Елизаветовский могильник, к. 10/1960; Островное; Двугорбая Могила).

В курганах IV—III вв. до н. э. изредка встречаются алтари-жертвенники. Из-за маловыразительности в публикациях их называют каменными плитами или камнями; не исключено, что по этой причине некоторые алтари-жертвенники вообще не фиксировались исследователями. По конструкции их можно разделить на алтари-монолиты, алтари-кладки и комбинированные (монолит с кладкой); по оформлению верхней плоскости — с отверстием, с углублением, без углублений и отверстий; по плану — на подпрямоугольные и подквадратные. Изготавливали жертвенники из песчаника или известняка; нередко это просто каменная плита. Некоторые плиты считаются жертвенниками предположительно.

Жертвенники находятся на подкурганной поверхности (11), в ровике (1), вне подкурганной поверхности (2), в погребальном сооружении (1). Рассмотрим жертвенники независимо от размещения, классифицировав по оформлению верхней плоскости.

1. Жертвенник с отверстием — 1 экз. (Днепровское, к. 1). Плита (1,38×0,85×0,2—0,1 м) ориентирована широтно, с севера и юга обложена двумя рядами диких камней, увеличившими ширину жертвенника до 1, 2 м. В плите прямоугольное отверстие 0,33×0,38 м [Яценко, 1960]. Возле жертвенника на подкурганной поверхности фрагменты керамики.

2. Жертвенник с углублением — 1 экз. (Белозерский могильник, к. 22). Он использован как камень заклада и, возможно, прямого отношения к скифскому погребальному ритуалу не имеет. Верхняя плоская грань имела углубление в форме окружности диаметром 13,3 см, от которой к краю тянулся прямой желобок той же глубины; в центре окружности находилась круглая выпуклина диаметром 2,2 см.

3. Жертвенники без отверстий и углублений самые многочисленные. Это 10 алтарей-монолитов: каменные плиты с уплощенной поверхностью (1,6—0,55×1,02—0,3×0,3—0,13 м). Один жертвенник состоял из трех лежащих рядом плит, на которых находились фрагменты двух амфор (Кут, к. 18). Как правило, плиты жертвенников не имеют явных следов обработки; исключения составляют прямоугольный «жертвенный столик» (0,7Х0,7Х0,4 м) из кургана у с. Николаевка (табл. XX, 3) и трапезниевидный алтарь (0,55х0,3Х0,13 м) из кургана 14 группы Солоха. В кургане 3 Белозерского могильника жертвенник был сложен из диких камней в виде столбика с основанием 0,75х0,71 м. Возможно, остатками подобного жертвенника являются две группы камней, обнаруженные на древнем горизонте в кургане 14 урочища Носаки (рядом — фрагменты амфор). Устройство жертвенника (?) из кургана 1 группы «на горбах» у с. Николаевка неясно: небольшая дугообразная каменная выкладка, как и в кургане 14 группы Солоха, могла быть частью ограждения жертвенника.

Как правило, жертвенники устраивали на дневной поверхности у края насыпи. Воздвигались они обычно до завершения насыпи. Если скифское погребение впускалось в курган эпохи бронзы, жертвенник

помещали у края древней насыпи и затем засыпали. Высота подавляющего большинства насыпей к моменту раскопок была невелика — 0,2—1 м.

В 6 курганах установлена связь жертвенников с кольцевыми ровиками, а в одном — с каменным кольцом. Плиты жертвенников укладывали на дневную поверхность у западной или восточной перемычки ровика или в самом ровике. В кургане 3 у с. Николаевка (табл. XX, 1) жертвенник находился на жертвенной площадке и примыкал с внешней стороны к каменному кольцу. В кургане 8 у с. Вольноулановское гранитную плиту ($3 \times 1 \times 0,35$ м), лежавшую вне подкурганной поверхности, недалеко от перемычки ровика, подпирали два небольших камня (табл. XXI, 2). Плита эта может быть жертвенником; не исключено использование ее для заклада устья входа в камеру катакомбы.

В курганах с жертвенниками обязательны следы тризн: обломки амфорной тары (13), кости животных (11) и лошадиные черепа (4). Остатки трапезы находятся в непосредственной близости от жертвенников, на них (1) или под ними (3). Рядом с жертвенником в кургане 14 группы Солоха находился пробитый человеческий череп. Четырежды в курганах с жертвенниками обнаруживали костища или золу. Не исключено, что жертвенники некоторое время оставались открытыми и перекрывались насыпью в последнюю очередь.

Жертвенники, близкие рассмотренным, встречаются в памятниках эпохи раннего железа Западной Евразии. Кратко охарактеризуем наиболее близкие аналогии.

Жертвеннику 1 типа (с. Днепроовское) близка плита $1,42 \times 0,98 \times 0,22$ м с отверстием посередине из Ульского кургана [ОАК за 1898 г. С. 31]. Похожие жертвенники обнаружены в центре каменных колец IV в. до н. э. на Керченском полуострове [Масленников, Бердникова, 1977], а также в ряде курганов Европейского и Азиатского Боспора, Северо-Западного Крыма. Как отмечает Е. Г. Кастанян, жертвенники с отверстием использовали в Греции в IX—VIII вв. до н. э. [Кастанян, 1950. С. 130]. Не исключено, что жертвенник кургана 1 у с. Днепроовское, расположенного близ Ольвии, сделан по образцу греческих алтарей. Предкавказские аналогии свидетельствуют о широком ареале таких жертвенников, причиной чему, возможно, являлся их общий древний индоевропейский прототип.

Жертвенник 2 типа (Белозерский могильник, к. 22) не отличается от алтарей, найденных в кромлехах курганов IV—III вв. до н. э. близ поселения Панское I в Северо-Западном Крыму [Щеглов, 1972]. Очень близок указанным и жертвенник из перекрытия входной ямы катакомбы 11 некрополя Кошарского городища (III в. до н. э.) [Диамант, 1975]. Более далекие аналогии — две плиты с углублением из Келермесских курганов [ОАК за 1904 г. С. 87], а также похожие алтари из других районов, включая восточноевропейскую лесостепь [Радзиевская, 1985]. Наиболее вероятны два объяснения сходства: белозерский жертвенник сделан по образцу греческого или греческий использован скифами в качестве закладного камня катакомбы.

Жертвенники 3 типа — плиты с уплощенной поверхностью известны в некрополях греческого и скифоидного населения Крыма, а также в

античных святилищах Северного Причерноморья [Худяк, 1962: С. 47, 52, 54]. Подобные плиты, иногда в каменных оградках, известны и в других регионах. Столь широкий хронологический и территориальный диапазон жертвенников препятствует выявлению их источника в скифском погребальном ритуале. Несомненно существование всех трех типов в степном поясе Евразии, в Крыму и Предкавказье уже в эпоху ранней бронзы.

Внекурганные сооружения и следы ритуальных действий. Наиболее распространенной внекурганной конструкцией являются кольцевые ровики, обнаруженные у 20,5% курганов IV—III вв. до н. э. и у 14,7% курганов эпохи бронзы со впускными скифскими погребениями (табл. 21). Иногда при отсутствии ясно выраженного рва отмечается снятие по периметру насыпи верхнего слоя почвы почти до материка, в результате чего образовывалась широкая кольцевая западина (Двугорбая Могила; Дмухайловка XIV, к. 1). Ровики обычно отстояли от основания насыпи на 0,5—6 м, что приводило к образованию кольцевой площадки соответствующей ширины. Площадки эти, особенно широкие в крупных курганах, как отмечалось, использовались при погребальной трапезе. Деформация кургана приводила к перекрытию площадки и ровика насыпью.

Диаметр ровиков, таким образом, на 1—12 м превышал диаметр насыпей. В курганах знати ширина ровиков на уровне древнего горизонта достигала 2—3 м, глубина — 1—2 м. Сечение ровиков трапециевидное, корытообразное, треугольное (табл. XIX). Вынутый грунт обычно использовали для обкладки склонов насыпи. План ровиков приближается к правильному кругу, изредка к прямоугольнику (табл. XX, 2). В четырех курганах было два концентрических ровика. В трех курганах (Буторы, Никопольское поле, гр. Солоха) сооружение второго ровика и досыпка связаны с впускными захоронениями (табл. XXI, 3). В кургане 22 у с. Семеновка при двух ровиках отмечено лишь одно захоронение. Если впускного погребения не было, то создание второго ровика можно связывать с поминальным обрядом.

Ровики обнаружены в 174 курганах, но форма и устройство установлены лишь у 100. В 40 курганах ровики были замкнутыми (табл. XXI, /), в 23 — имели перемычку, в 35 — две, в двух — четыре. Ширина перемычек 1—2,5 м. У перемычек ровики обычно глубже. Если у ровика одна перемычка, она чаще располагается на западе (12), реже — на востоке (9) и севере (2). Если перемычек две, они располагаются широтно, если четыре — по сторонам горизонта, иногда с небольшим отклонением (табл. XIX; XX, 2—4; табл. XXI, 2). Несомненен сакральный приоритет широтных, особенно западных перемычек.

Весьма интересны редко встречаемые замкнутые подпрямоугольные ответвления от ровиков. В кургане 1 у с. Чкалово подобное ответвление тянулось западнее западной перемычки [Болдин и др., 1979. С. 304], а в Сахновой Могиле — восточнее места, где должна была находиться восточная перемычка [Отрошенко, 1980. С. 138]. Вытянутая площадка, ограниченная сообщаемой с ровиком канавкой, в первом случае соединялась с подкурганной поверхностью перемычкой, во втором — была отрезана нешироким рвом. В обоих курганах в перемычках, проти-

всположных площадкам-ответвлениям, были вырыты ямы, содержавшие одиночные захоронения зависимых людей, как бы охранявших вход на окружающую курган площадку.

Несомненная связь вытянутых площадок с ровиками и перемычками, включение их в территорию захоронения слитой с ровиком канавкой, вероятно, отражает их функцию: увеличить сакральную площадь для поминальных обрядов, так как кольцо между насыпью и ровиком было слишком узким и постоянно сокращалось от расползания насыпи. Размеры вытянутых площадок весьма велики; в Сахновой Могиле — по внешним контурам почти 60X12 м; в кургане 1 у с. Чкалово — 109X11 м, здесь же есть следы тризны.

У западных перемычек кольцевых ровиков изредка находятся крупные камни (табл. XXI, 2) или их скопления. Было высказано предположение о сооружении у западной перемычки кургана 2 урочища Носаки «ворот» из каменных столбов [Бидзиля и др., 1977. С. 65]. В III Испановой могиле у жертвенной площадки возле западной перемычки был вертикально вкопан крупный камень. У перемычек ровиков трех курганов группы II (колхоз «Дружба» Запорожского района), судя по краткой публикации, были установлены «каменные менгиры» [Попандупло, 1984]. Несомненно важна роль камней и «менгиров» в погребально-поминальном ритуале скифов.

Следует предполагать, что в большинстве крупных курганов разметка ровика, а порой и его сооружение проводилось до завершения насыпи и крепиды. Свидетельством этого является размещение выкида из ровика под периферией насыпи и камнями крепиды, геометрическая правильность ровика. В ряде же случаев ровик сооружали после насыпи; он в этом случае извилист, имеет различную глубину и ширину (Носаки, к. 2 и др.). Подобная конфигурация обусловлена сооружением ровика сразу по всему периметру большим числом людей, которые окатывали готовую, не идеально круглую насыпь.

Ровики использовали для помещения остатков погребальной трапезы. Керамика и кости животных обнаружены в ровиках 64 из 163 курганов IV—III вв. до н. э. (39,3%) и в ровиках трех из 11 курганов эпохи бронзы со впускными скифскими погребениями (27,3%). В большинстве случаев остатки трапезы лежат на дне, образуя 5—12 скоплений. Особенно велики скопления у перемычек, в частности у западных. Ровики там забыты костями и фрагментами амфор. В ровиках 19 курганов найдено по 1—11 и более конских черепов: 16 курганов находилось в Поднепровской группе, 2— в Ягорлыцко-Каланчакской и 1 — Ингулецкой. Наибольшее количество конских черепов — до 50 — обнаружено во рву* Толстой Могилы [Мозолевский, 1979. С. 18—21]. Захоронение целых туш коней в ровике отмечено лишь в одном кургане (Желтокаменка). Значительно реже в ровиках среди костных остатков встречаются черепа быка (1), овец или коз (2), кабанов (2), оленей (1). Изредка среди остатков трапезы находятся обломки каменных блюд «ли плиток» (2), пращевые камни (1).

В. И. Бибикова, проанализировавшая остеологический материал, считает, что во рву Толстой Могилы находились останки 35 лошадей [Бибикова, 1973. С. 65—67].

Двуслойность следов тризны — на дне ровика и выше или нахождение их только выше дна свидетельствует о совершении повторных тризн, связанных либо с подзахоронением, либо с поминанием, осуществляемым некоторое время спустя, когда ровик был уже частично заполнен (Толстая Могила; Денисова Могила; Лупарево, к. 10 и др.). Следы погребальной трапезы есть не только в ровике, на подкурганной поверхности или в насыпи, но и за внешней границей ровика или кромлеха (Двугорбая Могила; Шолохове, к. 4; Вольная Украина II, к. 29; и т. д.; табл. XX, 1). Можно признать подобные остатки следами поминаний, совершаемых подле законченного кургана, а иногда и через некоторое время после захоронения.

Кольцевые ровики — широко распространенный элемент оформления кургана уже в эпоху ранней и средней бронзы; есть среди них и ровики с перемычками [Братченко, 1977. С. 122]. Известны ровики и в погребальных комплексах восточных кочевников эпохи раннего железа [Смирнов К. Ф., 1964. С. 76]. Традиция окружать насыпи кольцевыми ровиками объясняется в первую очередь ритуальной необходимостью, связанной с древнейшим пластом общих религиозно-мифологических представлений населения евразийской степи, отчасти и лесостепи.

Весьма редким элементом погребальной архитектуры в отличие от крепид являются ритуальные каменные кольца — кромлехи. Краткость публикаций затрудняет их определение. Помимо упомянутых кромлехов Толстой Могилы, находившихся на подкурганной поверхности, кромлехом является одно из двух каменных колец Гаймановой Могилы и кургана 2/1915 у с. Малая Лепетиха. Сооружались кромлехи нередко и на внекурганной поверхности из установленных на ребро каменных плит. Тройным кромлехом подобного устройства была окружена и Двугорбая Могила, причем расстояние между концентрическими кольцами кромлеха составляло 0,7—1 м, а между средним и внешним кольцом находилась каменная вымостка [Привалова и др., 1982. С. 149, 159]. Итак, общими чертами кромлехов являются: связь с крупными курганами, ограниченными крепидами I типа; сооружение из вертикально установленных плит, расположение преимущественно на внекурганной поверхности на некотором удалении от насыпи (и редко на подкурганной поверхности). Кромлехи окружали курганы стеной из плит, установленных, вероятно, не вплотную друг к другу. Аналогичные каменные кромлехи из вертикальных плит особенно широко представлены в погребальных памятниках раннего железного века Восточной, Южной Сибири и Алтая (Пазырык, Башадар, Салбык и др.). Два концентрических кольца с вымосткой между ними охватывал Башадарский курган № 1 [Руденко, 1960. С. 26]; подобное устройство имел тройной кромлех Двугорбой Могилы.

Еще более редким элементом оформления курганного комплекса являются кольцевые валы, отмеченные у четырех больших курганов (Слоновская и Геремесова Главные Близницы, Огуз, Александропольский). Валы насыпали по внешней стороне ровиков главным образом из грунта, вынутого из ровиков. К моменту раскопок высота и ширина вала вокруг Главной Слоновской Близницы составляли 0,7 и 7 м, высота вала Александропольского кургана равнялась 1 м. Первоначальная

высота вала могла составлять 1,5--2 м. Эта высокая кольцевая стена вокруг насыпи, очевидно, подчеркивала сакральность ограниченной ровиком и связанной с «миром мертвых» площадки. Вряд ли стоит сомневаться, что в кольцевых валах имелось по одному-четыре разрыва, расположенных, вероятно, соответственно перемычкам рва.

Аналогичные кольцевые валы изредка встречаются в причерноморской лесостепи [Іллінська, Тереножкін, 1971. С. 113]. Близки им каменные кольца у некоторых савроматских курганов, диаметром заметно превышающие насыпи; они образуют кольцевые валы из камня [Смиров К. Ф., 1964. С. 77].

Редким, но выразительным элементом погребального комплекса являются каменные гряды, отмеченные у трех крупнейших курганов — Слоновской и Томаковской Главных Близниц и Чертомлыка. Во всех случаях это цепочка крупных камней, примыкающая к восточной поле. В Близницах гряды тянулись «от севера к югу», в Чертомлыке — к востоку. Длина гряды Главной Томаковской Близницы — 200 м, Чертомлыка — 1,5 км. О подобной гряде у кургана Желтокаменка могут свидетельствовать несколько огромных плит (2×1 м), обнаруженных к востоку от насыпи.

Аналогичные гряды, тянущиеся обычно от восточной полы к востоку, иногда встречаются в южносибирских комплексах V—III вв. до н. э. Пазырыка, Башадара, Балыктыюльского курганного поля и др. [Сорокин, 1981. С. 25, 28]. Более далекие аналогии дают «курганы с усами» Центрального Казахстана [Оразбаев, 1969; Маргулан и др., 1966. С. 309]. Наиболее вероятна связь каменных гряд (и «усов») с совершением поминальных обрядов.

Метаструктура погребальных комплексов. Подавляющее большинство рассмотренных погребений входило в состав курганных или бескурганных могильников; одиночно расположенные курганы или грунтовые могилы редки.

Бескурганные могильники немногочисленны, что, возможно, объясняется трудностью их обнаружения. Большинство их располагалось близ рек — Днепра (Кичкас, Михайловка, Федоровка), Днестра (Николаевка) и др. Несомненна связь грунтового Николаевского могильника с находящимся рядом поселением, причем погребения образуют «гнезда» [Мелюкова, 1975. С. 66], отражая, вероятно, семейные связи погребенных.

Группы насчитывают от двух-трех до 100 и более курганов. В большинстве случаев скифский могильник формировался вокруг кургана (курганов) эпохи бронзы; чисто скифские могильники встречаются реже (группа Три кургана у с. Беленькое; Капуловка I и др.). Курганные группы располагаются обычно на возвышенных местах и водораздельных гребнях. Возможно, рельефом отчасти объясняется тип организации курганных комплексов в группу. Преобладают прямые или изогнутые цепочки, зависящие от рельефа (Капуловка II, гр. Толстой Могилы у с. Беленькое, Нагорное и др.). Длина цепочек достигает 2—3 км, ширина — нескольких сот метров (два-четыре ряда курганов). Нередко курганы образуют скопления (Никопольское поле, гр. II), группируясь у более крупной насыпи (Капуловка I); порой скопления соединяются

с цепочками (гр. Шахты 22; Никопольское поле, гр. Серко; и т. д.). Как правило, в группе выделяются одна-три крупные насыпи, их окружают или к ним пристраиваются цепочкой меньшие насыпи. К сожалению, пока неясна точная хронология расположенных вдоль древних дорог попарно и образующих своеобразные «аллеи» курганов, зафиксированных у с. Ботиево и с. Строгановки в Приазовье [Болтрик, Фиалко, 1987. С. 42]. Наиболее вероятное время формирования данных групп — V—IV вв. до н. э., ибо так датируется единственный раскопанный курган «аллеи» [Болтрик, Буйских, 1987].

Интересен смешанный курганно-грунтовый могильник у станции Хировка (с. Богдановка). Там между курганами обнаружены бедные грунтовые захоронения. Важность исследования межкурганного пространства очевидна, но до сей поры не осознана.

Небольшие группы грунтовых погребений обнаружены и на территории скифских поселений (Знаменский могильник; Нижний Рогачик).

Впервые в курганных группах фиксируются святилища. В качестве святилищ использовались курганы эпохи бронзы. В перемычку — вал между курганами 6 и 8 в уроч. Носаки, специально досыпанную в скифское время (курган 7), был воткнут акинак V в. до н. э. Следов скифского погребения в образовавшемся «длинном» кургане не найдено [Бидзиля и др., 1977. С. 120. Рис. 22]. Есть основания признать это сооружение святилищем Арея [Болтрик, 1978]. Возможно, подобное святилище исследовано и у с. Изобильное, где в насыпи кургана эпохи бронзы под небольшой кучкой костей животных был вбит железный акинак [Мозолевский, 1981. С. 285]. Вероятно, святилищем являлся и курган 14 (эпохи бронзы) у с. Водославки на Херсонщине, судя по фрагментам амфор, обнесенный рвом в скифское время, но не использованный для захоронения [Куприй, 1987]. По имеющимся данным, курганные святилища, связанные в первую очередь с длинными насыпями, состоящими из двух насыпей с перемычкой-валом, в степном Причерноморье существуют уже в сабатиновское время. «Скифы сознательно устраивали курганы своих вождей рядом с древними святилищами, используя последние при погребальных церемониях. Не случайно на длинных курганах часто встречаются фрагменты античной амфорной тары (остатки тризны) при отсутствии скифских погребений в этих курганах» [Отрошенко, 1982. С. 16]. Огромные алтари Арея из хвороста, описанные Геродотом [Her., IV, 62], зафиксировать археологически вряд ли удастся; к тому же в почти безлесной степи создать такое сооружение было трудно. Более вероятно использование подобных алтарей на лесостепном пограничье, в Гилее и других районах, сравнительно богатых лесом.

Не позднее IV в. до н. э. скифы начинают использовать святилища в виде окруженных кольцевым валом площадок. Подобное исследовано в курганной группе V у с. Первомаевки на Херсонщине. В центре обвалованной овальной площадки 5,7×4,5 м лицевой гранью на северо-запад было вкопано антропоморфное изваяние. Связывать появление таких святилищ у скифов с влиянием греческих ритуалов [Ляшко, Фридман, 1987. С. 79] не следует. Почти аналогичные квадратные и прямоугольные жертвенно-поминальные комплексы («ограды») исследованы

в Приаралье; датируются они VI—V вв. до н. э. [Итина, 1984]. Подобные прямоугольные и округлые сооружения, иногда сохраняющие следы огня, мелкие фрагменты керамики и кости животных использовали в первые века нашей эры сарматы Южного Приуралья [Смирнов, Попов, 1969; Мошкова, 1984], пришлое кочевое население Устюрта [Раппопорт, Трудновская, 1979]. Использование сходных ритуальных сооружений разными этнокультурными общностями длительное время и на значительной территории можно объяснять единством религиозных представлений, входящих в древний культурно-мифологический «пласт».

Рассмотрение погребальных комплексов IV—III вв. до н. э. степей севернее Перекопа позволяет сделать следующие основные выводы.

1. Господствующим видом погребального сооружения становится кактакомба, для захоронения рядового населения нередко используют ямы.

2. Абсолютно преобладает вытянутое на спине положение умерших, нередко отмечается положение рук на таз (6,8% погребений с установленной позой), скрещенность ног, а также поза «на боку» (3%) и «на спине коленями вверх» (2,7%).

3. При господстве западной (с отклонениями) ориентировки заметно возрастает доля меридиональной, связанной скорее всего с лесостепным влиянием; процент восточной ориентировки неуклонно снижается в течение VII—III вв. до н. э. Нельзя согласиться с мнением, что «восточная ориентировка, характерна для IV—III вв. до н. э., в первые широко начинает применяться с V в. до н. э.» [Мурзин, 1982. С. 53].

4. Появление коллективных и асинхронных захоронений отражает социальные сдвиги, укрепление семейных связей.

5. Инвентарь погребений становится разнообразнее, свидетельствуя об усилении социальной дифференциации и развитии торговли с эллинистскими колониями, населением отдаленных районов.

6. Дальнейшее развитие обрядности отразилось в появлении погребальных дорожек, жертвенников, кольцевых валов, каменных гряд, усложненных ровиков, вспомогательных захоронений слуг в отдельных сооружениях, повозок, святилищ и т. д.

7. Следы погребальной трапезы отмечены в насыпях, ровиках, на подкурганной поверхности и за пределами насыпей и ровиков у 31,2% курганов скифского времени и в 22,6% курганов эпохи бронзы со впускными скифскими погребениями. Стратиграфический анализ остатков тризны доказывает существование поминальных обрядов, осуществляемых через определенный промежуток времени после захоронения. О несомненном почитании кургана как погребального памятника свидетельствует обнаружение следов тризны IV—III вв. до н. э. у курганов со скифскими захоронениями только V в. до н. э. (Лупарево, к. 11; Ковалевка II, к. 2 и 3). Этим же или использованием насыпей в качестве святилищ объясняются остатки погребальной трапезы у курганов эпохи бронзы без впускных скифских погребений. Некоторые курганы эпохи бронзы, без сомнения, использовались скифами как святилища Арея.

8. Неравномерность распределения различных элементов погребаль-

ного комплекса на изучаемой территории может свидетельствовать о локальных вариантах скифской степной культуры.

9. Выделенные 10 локальных групп IV—III вв. до н. э. отчетливо специфичны при определенной степени сходства. Более других близки Буго-Ингульская, Ингулецкая, Ягорлыцко-Каланчакская и Поднепровская группы. Придунайская и Приазовская своеобразнее, хотя отличия их от перечисленных не очень велики. Остальные локальные группы более специфичны; особенно это касается Приольвийской и Северостепной.

10 Несомненно дальнейшее развитие и усложнение скифской погребально-поминальной обрядности в IV—III вв. до н. э. Однако очевидна значительная близость, прямая связь ее с обрядностью V в. до н. э. Между погребальными ритуалами VI и V вв. до н. э. сходства меньше, чем между обрядностью V и IV—III вв. до н. э.

**ПОГРЕБАЛЬНЫЕ ПАМЯТНИКИ СКИФОВ
СТЕПНОГО И ПРЕДГОРНОГО КРЫМА IV—III ВВ. ДО Н. Э.**

В рассматриваемый период увеличивается число скифских захоронений в степном и предгорном Крыму, но не столь существенно, как севернее Перекопа (табл. 1).

В выборке 260 погребений, из которых 10 асинхронных относятся к III—I вв. до н. э., а 21 нельзя датировать точнее, чем скифским временем в целом. Для удобства обработки и выявления возможных различий погребальные памятники были разделены на четыре локальные группы (рис. 11): Западнокрымскую (Северо-Западный Крым), Присивашскую (Северо-Восточный Крым), Предгорную и Восточнокрымскую (Керченский полуостров). Рассмотрим погребальные памятники IV—III вв. до н. э. по составляющим их группам элементов.

Погребальные сооружения. Набор видов погребальных сооружений по сравнению с крымским раннескифским несколько изменяется: исчезают редкие сырцовые гробницы, появляются каменные и грунтовые склепы, захоронения без погребального сооружения (табл. 3). Преобладавшие в V в. до н. э. ямы (52%) теперь встречаются реже (44%). Преобладают ямы I типа (табл. 4). Помимо ранее широко распространенного варианта 1 типа I, изредка встречаются ямы 1А варианта (с угловыми ямками), 2 и 5 вариантов. Ямы II типа почти исчезают. Примечательна группа удлиненных ям III типа, отмеченная только в могильнике Фронтное I. Как и в памятниках севернее Перекопа, в некоторых крымских ямах есть ямки-тайники (1) и небольшие ниши (табл. VI, 7). Абсолютно преобладают каменные перекрытия из плит или плитняка (табл. VI, 2); деревянные перекрытия редки.

Количество катакомб в Крыму возрастает, в нашей выборке их 16 (6,1%). Еще две-три катакомбы, исследованные недавно у с. Чкалово и с. Филатовка, в сводку не вошли. Это простейшие варианты главным образом I, а также II и IX типов (табл. IX, 4). Находятся они в курганных могильниках, но известны и в грунтовом у с. Фронтное.

Каменные гробницы получают в IV—III вв. до н. э. широкое распространение (46,5%). Преобладают ящики (71 экз.), стенки которых сложены либо из плит на ребре (как в предшествующее время), либо из уложенного горизонтально плитняка (табл. XVII, /, 2). Лишь пять ящиков сложены из хорошо отесанных квадров (II тип; табл. XVII, 3, 4). Большинство каменных ящиков I типа, не перекрытых курганной насыпью (Рыбное, Золотое, мыс Такиль), а также некоторые подкурганные (Колоски) имели кольцевую оградку из крупных камней или плит. Перекрывались ящики каменными плитами, в двух случаях перекрытия были деревянными.

Таблица 23. Погребальные сооружения локальных групп скифских памятников Крыма рубежа V—IV — III вв. до н. э.

Локальная группа	Безоружия	Ямы	Катакомбы	Еврейские ящики	Каменные гробницы	Каменные гробницы	Каменные гробницы	Каменные гробницы	Каменные гробницы	Всего
Западнокрымская	2	14	2	—	10	4	1	—	2	35
Присивашская	1	—	4	—	—	—	1	—	1	14
Предгорная	—	И	5	1	13	5	1	—	—	36
Восточнокрымская	—	81	5	—	48	36	3	1	1	175
Итого	2	115	16	1	71	45	5	1	4	260

Каменные склепы ранее IV в. до н. э. в Крыму не отмечены. Большинство их относится к I типу — стенки сложены из диких камней (27 экз.; табл. XVII, 5), реже встречаются склепы из тесаного камня, сооруженные, как правило, греками* для скифской знати (18 экз.). Особенно характерны девять склепов с уступчатым, редко полуциркульным перекрытием (табл. XVII, 8) из Восточного Крыма.

Крайне редкие деревянные гробницы в исследуемый период в Крыму почти исчезают; известна каркасная гробница из кургана 1/1892 у с. Мирное. Уникален грунтовый склеп кургана 9 у п.г.т. Ленино (табл. XVII, 10). Захоронения без погребального сооружения — два кенотафа из Северо-Западного Крыма (Колоски, к. 9; Приветное, к. 2). Таким образом, в IV—III вв. до н. э. в Крыму использовали почти все виды погребальных сооружений (за исключением комбинированных), известные и севернее Перекопа, однако распространенность их начиная с архаического времени различна (рис. 5).

В изучаемый период выявляется неравномерность распределения видов погребальных сооружений в Крыму (табл. 23). Так, в Западнокрымской группе преобладают ямы (40%), каменные гробницы-ящики и склепы (43%), в Восточнокрымской — ямы (46%), каменные гробницы (50%), в Предгорной — каменные гробницы (53%) и ямы (30,5%). Присивашская группа резко отличается преобладанием ям (64%) и распространенностью катакомб (29%), в то время как частота встречаемости катакомб в остальных группах составляет соответственно 5,7; 14 и 3%**. Через Присивашье, как и в VI—V вв. до н. э., в Крым проникала большая часть скифов; этим объясняется значительный процент чисто скифских погребальных сооружений — катакомб, весьма редких в других районах Крыма. Размещение же подавляющего большинства каменных ящиков и склепов II типа на Керченском полуострове

* Скифы обладали навыками обработки камня: небольшие склепы из тесаных плит типа астинского (табл. XVII, 6) сооружены, очевидно, скифами

** Отличия эти отчасти могут быть объяснены природными условиями: здесь нет выходов камня. Каменные гробницы в Присивашье почти не известны и в эпоху бронзы [Щепинский, Черепанова, 1969].

Таблица 24. Спецификация погребальных сооружений: скифов Крыма рубежа V—IV — III вв. до н. э.

Локальная группа	Бескурган- ные	Основные курган- ные	Впускные в скифские курганы	Впускные в курганы эпохи бронзы	Неясно	Всего
Заподнокрымская	—	12	6	13	4	35
Присивашская	—	1	1	11	1	14
Предгорная	—	16	—	19	1	36
Восточнокрымская	73	63	13	26	—	175
Итого	73	92	20	69	6	260

ве, в том числе и на территории, контролируемой Боспором, отражает греко-скифские связи.

Спецификация погребальных сооружений по локальным группам Крыма также различается (табл. 24). Бескурган-ные сооружения известны пока только в Восточнокрымской группе, где они составляют 28%. Из оставшихся 187 курганных погребальных сооружений 49,2% являются основными, 10% — впускными в скифские курганы, 36,9 — впускными в насыпи эпохи бронзы (3,3% — неясно). Присивашская и Предгорная группы выделяются широкой распространенностью захоронений, впускенных в курганы эпохи бронзы — 78,6 и 52,8% соответственно; более редки они на Керченском полуострове (25,5%) и в Западном Крыму (37%). Таким образом, в Крыму скифские захоронения IV—III вв. до н. э. впускались в курганы эпохи бронзы в 4—5 раз чаще, а в курганы скифского времени — в два раза реже, чем в степях севернее Перекопа (табл. 13). Примечательно, что все основные захоронения являлись главными.

Абсолютное преобладание в Присивашской группе впускных захоронений подтверждает вывод об отсутствии постоянного скифского населения, в то время как погребения Керченского полуострова свидетельствуют о его сравнительно большой плотности. Значительная часть скифов здесь переходит к оседлости.

Останки погребенных. Как и в VII—V вв. до н. э., господствующим видом захоронения оставалось труположение. Кремация отмечена лишь в погребении 82 на Темир-горе.

По характеру крымские захоронения IV—III вв. до н. э. распределяются следующим образом (табл. 25).

Кенотафы очень редки и маловыразительны. В курганах с кенотафами (Колоски, Приветное) следов погребальных сооружений и человеческих костей не обнаружено. Преобладают одиночные захоронения (55,4% погребений с установленным характером); особенно характерны они для Присивашской группы, реже всего встречаются в Восточном Крыму. Парные и коллективные захоронения редки; некоторые коллективные захоронения принадлежали социально неравным индивидам (табл. XVII, 8). Значительно распространены асинхронные захоронения, особенно характерные для Керченского полуострова (45,5%), а

Т а б л и ц а 25. Характер скифских захоронений Крыма рубежа V—IV — III вв. до н. э.

Локальная группа	Кенотафы	Одиночные	Парные	Коллективные	Асинхронные	Неясно	Всего
Западнокрымская	2	19	2	1	6	5	35
Присивашская	—	11	1	1	—	1	14 f
Предгорная	—	16	—	—	9	11	36 1
Восточнокрымская	—	72	5	1	67	30	175 3
Всего	2	118	8	3	82	47	260

также предгорий (36%). Процент их мог быть выше, так как к группе захоронений неясного характера отнесены ограбленные погребения с останками двух-пяти человек, которые скорее являлись асинхронными, чем коллективными. Значительно реже асинхронные захоронения встречаются в Северо-Западном Крыму (20%), в Присивашье их почти нет. Асинхронные захоронения в катакомбах исследованы совсем недавно у с. Филатовка и с. Чкалово [Нечитайло, Бунятян, 1984. С. 14; Бессонова, Черных, Куприй, 1984. С. 45]. Как и в предшествующее время, асинхронные захоронения совершались в ямах, каменных ящиках, каменных склепах и катакомбах. Часть костей ранее погребенных при этом иногда удаляли, остальные сдвигали к стенке. В некоторых каменных гробницах предгорий захоронения совершали с III по I в. до н. э., в результате чего их заполняли останками 100—170 умерших (к. 1/1895 Пастака; к. 2/1895 Черкеса; Тавель, к. 1 и 2/1897).

Господствует вытянутое на спине труположение. В 15 случаях кисти рук были уложены на таз или бедро; в двух погребениях вторая рука лежала на грудной клетке. Такое положение рук особенно характерно для Восточнокрымской группы, причем восемь из 11 случаев зафиксированы в могильнике Фронтовое I.

Скрещенность ног в голених отмечена пять раз преимущественно на Керченском полуострове. Трижды ноги лежали сильно вытянутым ромбом; первоначально ли эта позиция, уточнить невозможно. В восьми захоронениях (семь — в могильнике Фронтовое I) погребенные лежали на спине коленями вверх (табл. VI, 9).

На бок умершие были уложены в восьми погребениях Присивашья, предгорий и Керченского полуострова (табл. VI, 4). Ориентировка их неустойчива. В коллективных и асинхронных захоронениях скорченные погребенные соседствовали с вытянутыми.

Таким образом, крымским захоронениям IV—III вв. до н. э. свойственна распространенность обычая укладывать кисти рук на таз (9,7% погребений с установленной позой и ориентировкой). Позы на спине коленями вверх и на боку редки — по 5,2%.

Установлено 155 случаев ориентировок захороненных в IV—III вв. до н. э.; иногда погребенные в одном погребальном сооружении ориентированы по-разному. Территориально ориентировки распределяются следующим образом (табл. 26). При господстве западной (47,2%) и за-

Таблица 26. Ориентировка погребенных в локальных группах Крыма рубежа V—IV — III вв. до н. в.

Локальная группа	Запад	Северо-запад	Юго-запад	Восток	Северо-восток	Юго-восток	Север	Юг	Всего
Западнокрымская	5	2	6	2	3	—	1	1	19
Присивашская	4	2	2	2	1	—	—	—	12
Предгорная	7	—	1	3	—	—	—	—	11
Восточнокрымская	78	5	19	5	—	2	2	2	113
Итого	94	9	28	12	4	2	3	3	155

падной с отклонением (84,5%) ориентировки доля восточной (7,7%) и восточной с отклонениями весьма значительная (11,6%). Очень редка меридиональная (3,8%). Западная с отклонениями ориентировка особенно распространена в Восточнокрымокой группе (90%), реже встречается в Присивашье (66,6%) и Западном Крыму (68,4%). Распределение ориентировок погребенных в ямах и каменных гробницах примерно одинаково, однако в гробницах II типа она менее устойчива.

Умерших в большинстве случаев укладывали на дно погребального сооружения, при этом дно изредка подсыпали песком (1), ракушками (3), обмазывали глиной (1). В шести захоронениях зафиксированы остатки органических подстилок; в двух случаях это морская трава. В двух каменных склепах погребенные покоились на каменных лежанках.

Для богатых захоронений Восточного Крыма характерны резные деревянные саркофаги на ножках или колесиках, иногда украшенные позолоченными вставками, костяной и янтарной инкрустацией (6). Саркофаги бесспорно греческой работы (табл. XVII, 3). Дважды отмечены остатки деревянных гробов. В конструкции саркофагов (1) и гробов (1) изредка использовались бронзовые гвоздики. Судя по находке бронзовых и железных гвоздей на месте кремации, саркофаг мог находиться и в погребении 82 Темир-горы.

Деревянное ложе 2,8X2,8 м, возможно, с балдахином находилось в склепе Куль-Обы (табл. XVII, 8). Остатки балдахина отмечены в Ак-Бурунском кургане 1875 г. и в погребении 1 кургана 1 v с. Огоньки; в последнем он был обшит веточками лавра из бронзы. Судя по расположению четырех ямок в полу камеры катакомбы кургана 2/1897 бывшего имения Чотты, образовывавших прямоугольник 1,42X1,5 м, они могли использоваться для ножек носилок или саркофага. В саркофаге погребения 3 кургана 2 у с. Огоньки (табл. XVII, 3) на дне лежала роговая подстилка и в изголовье — подушка.

Погребальный инвентарь. Инвентарь — распространенный, но не обязательный элемент погребальных памятников Крыма IV—III вв. до н. э. Не имело вещей 35% захоронений могильника Фронтное I.

Ассортимент предметов насчитывает около 65 категорий. Среди орудий труда встречены железное тесло или **МОТЫЖКА**, а также веретено.

Т а б л и ц а 27. Распространенность некоторых категорий инвентаря в локальных группах скифских погребений Крыма рубежа V—IV — III вв. до н. 9.

Локальная группа	Ножи	Прясли	Огужи	Бусы	Гривны	Зеркал	Котлы	Б	Амфоры	Поделка	Посуд.; лепная	Мско
Западнокрымская (35)	5	4	9	8	1	—	—	3	5	5	1	6
Присивашская (14)	6	3	8	4		1	—	1	3	1	4	8
Предгорная (36)	13	3	23	14	1	7	—	4	13	7	14	10
Восточнокрымская (175)	30	18	58	39	2	14	2	5	33	30	18	36
Всего (260)	54	28	98	65	4	22	2	12	54	43	37	60

Керамические и свинцовые пряслица, иногда группами по 2—4 экз., отмечены в 28 погребениях (11%) всех локальных групп, железные шилья — в девяти, металлические и костяные иглы и проколки — в пяти, оселки — в 13 (главным образом в могильниках предгорий). Наиболее часто встречаются железные ножи, в том числе с костяными ручками (20,8%).

Оружие имелось в 37,7% погребений Крыма (табл. 27), причем в предгорьях и Присивашье оно встречается чаще (57—64%). Наиболее распространенная категория оружия — стрелы, находившиеся в 90% погребений с оружием. Реже (в 24 погребениях) встречаются копья и дротики по 1—6 экз. Единичны находки лука, секиры, пращевое камня, колчанной застежки, редки части горитов (3).

Железные мечи находились в 15 погребениях (5,8% всех или 15% захоронений с оружием); в непо потревоженных комплексах мечи лежали у левого бедра. Наборные панцири, зафиксированные в 16 погребениях (большинство ограблено), находились возле погребенного (2), на нем (1), под ногами (1; V—IV вв. до н. э.). Наборные шлемы достоверно не зафиксированы; возможны остатки такого шлема лишь в п. 2 к. 1 у с. Чистополье. Пластинчатые портупейные пояса редки (4). Цельнометаллический импортный доспех — шлемы (4) и кнемиды (3) — отмечен в четырех захоронениях преимущественно Керченского полуострова. Там же находилось большинство захоронений с мечами (11 из 15) и панцирями (девять из 16). Для Предгорной группы характерна некоторая распространенность панцирей (6) при редкости мечей (1). В Присивашье мечи*, панцири и портупейные пояса IV—III вв. до н. э. пока не найдены. Характерно отсутствие среди предметов вооружения щитов, булав и клевцов. Бесспорно женские захоронения с оружием — копьями, стрелами — обнаружены во всех локальных группах погребений Крыма, кроме Западнокрымской. Количество их невелико: 8% захоронений с оружием.

Из украшений наиболее распространены бусы и пронизи (25% погребений). Реже встречаются металлические браслеты (9%), перстни

* Меч недавно найден в погребении у с. Чкалово [Нечитайло, Бунятыя, 1984. С. 32].

и кольца (15,4%), височные кольца и подвески (8,5%), серьги (9,6%) • Гривны редки, отмечены в четырех погребениях.

Предметы туалета представлены зеркалами (в 8,5% погребений), щипчиками (2), гребнем (1), булавками-шпильками (3), туалетными сосудами (в 6% захоронений). В четырех захоронениях Керченского полуострова отмечены бронзовая и костяные пиксиды. Бронзовые стригили зафиксированы также четыре раза. Фибулы находились только в семи погребениях Предгорного и Восточного Крыма.

Небольшие песчаниковые плитки найдены в трех крымских захоронениях IV—III вв. до н. э.: в женском на плитке имелись следы краски (Виноградное, к. 2), в двух мужских на плитках лежало оружие или жертвенная пища. Уникальна находка каменного блюда в погребении неуточненного времени в кургане 3/1897 бывшего имения Чотты. Куски красной краски обнаружены в девяти захоронениях Предгорной и Восточнокрымской групп; не исключено использование ее не только в косметических, но и ритуальных целях.

Металлическая посуда представлена бронзовыми котлами (2), черпаками (3); еще в трех захоронениях найдены бронзовые гидрии, амфоры, блюда. Почти все погребения с металлической посудой сосредоточены в Восточном Крыму.

Керамика представлена амфорами (21% погребений), красноглиняными греческими гончарными сосудами (9%), черно- и буролоаковой столовой посудой (16,5%). Лепная керамика встречена в 14,2% захоронений, в трех случаях она темнолощенная без орнамента. Лепная керамика, в том числе все лощеные экземпляры, а также амфоры значительно чаще встречаются в предгорьях (39—36%; табл. 27), чем в других группах. Стекланные сосуды редки (3).

Хозяйственный инвентарь и предметы быта представлены деревянным блюдом-подносом (1), керамическими светильниками (в четырех погребениях Восточного Крыма), металлическими и костяными ворворками (11), шкатулками и коробками (2), астрагалами (2), колокольчиками (1). Одежды обычно не сохраняются; дважды зафиксирована кожаная обувь, в том числе расшитая золотыми бляшками. Богатые головные уборы и украшения обнаружены в трех захоронениях скифской аллинизированной знати на территории Керченского полуострова. Дважды отмечены золотые венки, аналогичные найденным в некоторых богатых боспорских захоронениях. Золотые и бронзовые бляшки для расшивания одежд и погребальных покрывал обнаружены в 12 погребениях. Пряжки различной конструкции зафиксированы. 5—6 раз.

К числу редких находок относятся неорнаментированный кабаний клык (1), нагайки (1—2).

Предметы и вещества, связанные прямо или косвенно с культом, продолжают встречаться. Особенно выразительны лепные курильницы (6 экз.), находившиеся в четырех погребениях IV—III и III—I вв. до н. э. Пять из них относятся к выделенному Э. В. Яковенко крымскому варианту скифских курильниц [Яковенко, 1971] и характеризуются шаровидным туловом, темным лощением. Одна из курильниц из кургана 2/1895 бывшего имения Черкеса была наполнена камешками. Другая курильница из того же погребения — полусферическая чаша на трех

ножках, украшенная геометрическим орнаментом. Аналогий ей в Крыму нет; внешне она близка северокавказским курильницам сарматского времени [Анфимов, 1955. С. 31]. Курильницы крымского варианта встречаются в погребениях и на поселениях позднескифского населения Крыма (Неаполь, Беляус и др.).

Остатки ритуальных деревянных чаш с золотыми накладками найдены в двух захоронениях предгорного Крыма. Они ничем не отличаются от сосудов из Поднепровья. Найденные в двух курганах Северо-Западного Крыма тонкие бронзовые скрепы могут относиться к деревянным сосудам, ножам и другим предметам. В четырех богатых захоронениях, главным образом Керченского полуострова, найдены ритуальные сосуды из золота, серебра, электра и рога, в том числе шаровидные кубки (2), ритоны (2) и т. д. Наиболее полный комплект подобных сосудов происходит из Куль-Обы.

Бронзовые, реже — золотые греческие монеты найдены в семи захоронениях IV—III и III—I вв. до н. э. Есть сведения о находке двух монет в каменном ящике кургана 12 Акташского могильника [Бессонова, 1981. С. 231]. В трех случаях монеты использовались как подвески в ожерельях, в остальных, очевидно, в качестве «оболы Харона». Захоронения с монетами сосредоточены (за одним исключением) в Восточном Крыму, причем бесспорные «оболы Харона» встречены в трех захоронениях эллинизированной скифской знати (Ак-Бурун, 1875 г.; Патиниотти; Огоньки, к. 1, п. 1).

О возможной ритуальной функции небольших камней-галек говорилось в V главе. Три камня находились за головой захороненного в одном из погребений могильника Фронтное I. Амулеты из клыков хищников, ракушек, клешней крабов отмечены в некоторых захоронениях. Возможно, амулетами являлись кремневые отщепы я скребки, найденные в пяти погребениях Северо-Западной и Предгорной групп вместе с обычным инвентарем.

Изделия, оформленные в зверином стиле, редки (4,2% погребений). Чаще они встречаются в Предгорной группе (13,9%), отмечены и на Керченском полуострове (2,8%); в других группах их почти нет.

Жертвенная пища — мясо быка, мелкого рогатого скота или коня — имела в 23% погребений, чаще она встречается в Присивашье (57%), реже — в Восточном и Северо-Западном Крыму (17—21%; табл. 27). В захоронении кургана 6 у с. Кураевка находился череп овцы.

Распространенность вещей, имеющих отношение к культовой практике, показана в табл. 28.

Частичное посыпание умершего красной краской прослежено лишь в четырех захоронениях могильника Фронтное I; там же в пяти могилах были кусочки краски. Известняковая посыпка дна зафиксирована дважды; примечательно полное отсутствие кусков мела в погребениях. Изредка в захоронениях встречаются угольки и кострища. Лишь в одном случае в кострище находились останки кремированного покойника (Темир-гора, п. 82). В Ак-Бурунском кургане 1875 г. скелет погребенного лежал на толстом слое угля, но сожжен не был.

Остатки погребального кортежа в крымских погребениях IV—III вв. до н. э. не столь многочисленны. Сбруя чаще в виде отдельных пред-

Таблица 28. Краска, уголь и мел в скифских погребальных комплексах Крыма рубежа V—IV — III вв. до н. э.

Вещества и предметы	Расположение				Всего
	на дневной поверхности	в погребении	на скелете	на предмете	
Краска куском		9			9
Краска в порошке			4	1	5
Мел в порошке		2			2
Уголь, зола		1	1		2
Кострище	2	2			4

метов находилась всего лишь в восьми погребальных сооружениях всех локальных групп. Три конских скелета со сбруей находилось в камере Баксинского кургана; еще в трех захоронениях отмечены конские черепа (табл. VI, 4). Скелеты собак отмечены в склепах 2-го Змеинового кургана и кургана 7 у с. Ильичеве. Погребальные повозки ни в погребальных сооружениях, ни вне их в Крыму не зафиксированы. Известно единственное бронзовое навершие из района с. Водославовки [Черепанова, Шепинский, 1966. С. 75], аналогичное навершиям из Краснокутского кургана.

Итак, набор вещей скифских захоронений Крыма беднее и однообразнее, чем в захоронениях севернее Перекопа, однако данное наблюдение касается главным образом малораспространенных категорий предметов. В крымских погребениях IV—III вв. до н. э. пока не встречены щиты, колчаные крюки, клевцы, булавы, предметы в виде «мальтийского креста», свинцовые «колесики», жаровни, щипцы, костяные ложки, «вилочки», ложила и некоторые другие вещи. Только в Крыму отмечены стригили, золотые венки. В основном набор вещей скифских захоронений севернее и южнее Перекопа совпадает. Вместе с тем в Крыму меньше оружия, железных ножей и жертвенной пищи — самых распространенных категорий скифского погребального инвентаря. Менее распространены и женские захоронения с оружием. Наборы мужских, женских и детских захоронений соответствуют эталонам, выделенным по скифским погребениям Поднепровья.

Почти полное исчезновение лощеной крамики, унификация погребальных комплексов в большей части Крыма свидетельствует о завершении ассимиляции скифами варварского населения предгорий и части степи — кизил-кобинцев. Вместе с тем различия в распространенности ряда категорий предметов (и видов погребальных сооружений) в четырех локальных группах Крыма подтверждает правомерность их выделения. Особое внимание привлекает Присивашская группа, которая небогатым набором вещей в наибольшей степени сближается с синхронными скифскими погребениями степей севернее Перекопа. Свообразием отличаются наборы предметов погребений Керченского полуострова,

что во многом объясняется близостью боспорских центров и оседлостью значительной части скифов.

Намогильные сооружения и следы ритуальных действий. Как указывалось (табл. 24), 28% крымских захоронений не было перекрыто насыпями. Если погребальное сооружение представляло собой каменный ящик, его окружали каменным кольцом или обкладывали камнем (Золотое, Рыбное). Грунтовые ямы и катакомбы I типа на дневной поверхности, очевидно, выделялись небольшим каменным скоплением или плитами перекрытия (Фронтное I).

Остальные 187 погребений находились под 148 насыпями, характеристика которых дана в табл. 29.

Сооружение большинства курганов относится к IV—III вв. до н. э. (63%). Насыпи их сложены из грунта, иногда с небольшим количеством камней. Известен случай сооружения первичной насыпи из вальков илистого чернозема с камкой; примечательно, что отмечен он в Присизашской группе [Бессонова, Черных, Куприй, 1984. С. 47]. Изредка первичная насыпь формировалась из камня (табл. XXII, 2). Отдельные скифские курганы Присивашья демонстрируют использование приема одновременного создания погребального сооружения и насыпи (Филатовка, Чкалово). Высота большинства насыпей, обычно сильно распаханных, составляла 0,5—1,5 м. Лишь 12 курганов к моменту раскопок достигали высоты от 3 до 11 м; располагались они в предгорьях и на Керченском полуострове. Крупнейшими являлись насыпи Куль-Обы и Баксинского кургана.

33% насыпей с впускными скифскими захоронениями сооружены в эпоху бронзы. Их оформление ничем не отличалось от скифских. Каменные «панцири» (8) более свойственны курганам эпохи бронзы. Каменные кольца-крепиды обычно в виде наброса по периметру насыпи встречаются чаще — з 30% курганов, причем крепиды более свойственны скифским насыпям (табл. 29). Отмечена крепида в виде цоколя из установленных наклонно плит, облицовывающих основание насыпи (табл. XXII, 2). Уникальна крепида Баксинского кургана, сооруженная из тесаного камня в виде шести стенок, укреплявших насыпь с севера. Крепиды в виде кольцевой стенки из квадров есть у некоторых греческих

Т а б л и ц а 29. Характеристика курганных насыпей Крыма, содержащих скифские погребения рубежа V—IV — III вв. до н. э.

Локальная группа	Скифское время					Эпоха бронзы					Всего	
	Насыпи	Рыбы	Каменные кольца	Крепиды	Цоколя	Насыпи	Рыбы	Каменные кольца	Крепиды	Цоколя		
Западнокрымская	4	1	5	2	1	2	1	1	4	1	4	25
Присивашская	1	—	—	—	—	8	—	2	—	—	1	12
Предгорная	10	3	2	—	1	12	4	—	1	—	1	34
Восточнокрымская	40	1	20	2	—	10	1	—	4	—	—	77
Итого	55	5	27	4	2	32	5	2	9	1	6	148

курганов Крыма и Ольвии. В курганах Присивашья каменных конструкций нет.

Следы скифской тризны в курганах эпохи бронзы подтверждают вывод, сделанный на комплексах V в. до н. э.: при совершении впускных скифских захоронений в курганах эпохи бронзы курганы досыпали, сооружали каменные крепиды и кольцевые ровики. Остатки погребального пира (табл. 30) зафиксированы в 31% курганов, чаще они встречаются в скифских курганах, чем в насыпях предшествующего периода со скифскими погребениями. Чаще всего следы тризны отмечаются в насыпях и крепидях. Обычны они прежде всего в курганах Северо-Западного Крыма. Известен случай сооружения в насыпи над захоронением жертвенной площадки, мощеной камнем (Зеленный Яр, к. 6). Иногда в насыпях встречаются фрагменты точильных плиток (3), пращевые камни (1).

Жертвенные сооружения в насыпях устраивали редко. Известна жертвенная яма, выкопанная в насыпи кургана 7 у с. Филатовка и заполненная костями животных и фрагментами амфоры [Бессонова, Черных, Куприй, 1984. С. 43]. Неясно назначение и датировка очажков, обнаруженных в насыпях кургана 4 у с. Рисовое и кургана 6 у с. Кураевка.

Обломки либо целые экземпляры надгробных изваяний обнаружены в шести курганах IV—III вв. до н. э., однако датировка их в двух случаях неясна (Виноградное, Долинское). Антропоморфные изваяния из Северо-Западного Крыма (Колоски, к. 4 и 10; Приветное, к. 2) соответствуют наиболее распространенному скифскому канону — воспроизводят стоящую мужскую фигуру с оружием. Вероятно изготовление высокохудожественных изваяний греческими скульпторами по заказам скифов. Некоторые крымские изваяния имели базы — плиты с отверстием (Колоски, к. 4), аналогичные обнаруженным в отдельных курганах Поднепровья.

Надгробный рельеф — стела из кургана 1 у с. Огоньки ничего общего со скифскими изваяниями не имеет [Бессонова, Кирилин, 1977].

Т а б л и ц а 30. Следы погребального пира в курганных насыпях Крыма, содержащих скифские погребения рубежа V—IV — III вв. до н. э. *

Локальная группа	Расположение следов погребального пира						о г а
	насыпь	н а с ы п ь	к р е п и д ы	п л и т к и	+	к р е п и д ы	
Западнокрымская	2+(7)	3	(1)	2	1	2	18
Присивашская	1+(2)	—	—	—	—	—	3
Предгорная	3+(1)	—	—	1	—	—	5
Восточнокрымская	4+(2)	3	—	8+0)	1	—	19
Итого		6	1	11+(1)	2	2	45

скобках — данные о курганах эпохи бронзы с впускными скифскими погребениями.

Он изготовлен греческим мастером. Присутствие его в Старшем Трехбратнем кургане с захоронениями эллинизированной скифской аристократии вполне закономерно. Исследователи допускают, что на площадке рядом с рельефом был и каменный жертвенник.

Подкурганные сооружения и следы ритуальных действий. Материковый выкид очень редко фиксируется при раскопах небольших крымских курганов. Однако в Присивашье, геоморфологически напоминающем юг Херсонщины, выкид размещали кольцом или полукольцом вокруг погребального сооружения (Филатовка, Чкалово). Большие выкиды связаны с сооружением больших катакомб.

На подкурганной поверхности иногда сохраняются следы погребальной трапезы (табл. 30), отмечены и кострища (табл. 28). Остатки тризны в крупных курганах Восточного Крыма (Баксинский, Ак-Бурунский 1875 г. и др.) представлены фрагментами амфор и лепных сосудов, но изредка включают обломки дорогих расписных сосудов.

; С подкурганной поверхности неподалеку от погребальных сооружений иногда выкапывали жертвенные ямы. Во 2-м Змеином кургане таких ямок-ботросов было две, они содержали обломки чернолаковых сосудов. Жертвенная яма размером $0,9 \times 1 \times 1,3$ м, наполненная конскими костями, обнаружена и в кургане 7 у с. Филатовка.

Каменный жертвенник-плита $1,65 \times 1,2 \times 0,3$ м находился на погребенной почве в юго-восточной поле кургана 2 у с. Приветное. Рядом с плитой обнаружены фрагменты 10—11 амфор, четырех-шести красноглиняных и лепных сосудов. Жертвенником, возможно, была и плита правильной треугольной формы со стороной $0,45—0,5$ м, толщиной 0,1 м, найденная в ровике кургана 4 у с. Колоски.

Остатки погребального кортежа представлены тремя (?) конскими захоронениями, в том числе со сбруей, в Трехбратних курганах у с. Огоньки. Так, в кургане 1 конь лежал на глиняной площадке в 3 м от входа в склеп. Конское захоронение в отдельной яме к западу от погребального сооружения исследовано и в кургане 2 у с. Чкалово в Присивашье [Нечитайло, Бунятян, 1984. С. 17]. Оно не отличается от синхронных захоронений Поднепровья.

Внекурганные сооружения и следы ритуальных действий. Данная группа элементов структуры погребального памятника в Крыму мало представительна. Продолжается сооружение кольцевых ровиков как вокруг курганов IV—III вв. до н. э., так и вокруг насыпей эпохи бронзы со впускными скифскими погребениями (табл. 29). У курганов эпохи бронзы имеются ровики с одной и четырьмя перемычками, но связь их со скифскими захоронениями не бесспорна. Кольцевые ровики в Крыму встречаются значительно реже (лишь в 6% насыпей), чем в синхронных комплексах севернее Перекопа. Сооружение ровиков обычно сопровождалось устройством каменной крепиды или «панциря».

Вокруг насыпи начинают сооружать кольцевые выемки, достигавшие ширины 3—5 м при глубине — $0,3—0,6$ м от уровня погребенной почвы (Колоски, к. 10; Ромашкино, к. 3; Филатовка, к. 7); вынутый грунт шел в насыпь. Выемка, дно которой достигало материка, превращалась в широкую кольцевую ярко-желтую ложбину, оттенявшую насыпь.

В ровиках и кольцевых выемках изредка встречаются остатки погреб-

бальной трапезы (табл. 30), отмечены жертвенник (?), жертвенная яма с золой (Филатовка, к. 7). На дне ровика кургана 4 у с. Колоски выявлены два детских захоронения без вещей, относящихся скорее всего к IV—III вв. до н. э. Кольцевые валы, радиальные гряды, остатки погребального кортежа на внекурганной поверхности не зафиксированы.

Метаструктура погребальных комплексов. Характерная черта курганных и бескурганных могильников Крыма IV—III вв. до н. э. — их значительное увеличение. Нередки могильники в 20—60 и более насыпей или грунтовых могил. Грунтовые захоронения размещаются чаще беспорядочно, но иногда образуют небольшие скопления и ряды [Корпусова, 1972. С. 42. Рис. 1]. Курганы в зависимости от рельефа группируются гнездами либо образуют цепочки по водораздельным гребням. Для курганного могильника в степной зоне, как правило, выбирали достаточно ровное возвышенное место. Скифская курганная группа обычно формировалась вокруг курганов эпохи бронзы. Известны и могильники, начавшие формироваться в V в. до н. э. (Фронтное, Золотое). Появляются смешанные курганно-грунтовые могильники (Акташ). В центре Акташского могильника зафиксированы остатки каменной культовой постройки [Бессонова, Бунятян, Гаврилюк, 1988. С. 12].

Рассмотрение скифских погребальных памятников Крыма IV—III вв. до н. э. позволяет сделать следующие выводы.

1. Несомненна преемственность погребальной обрядности V и IV—III вв. до н. э., общность основных элементов погребального памятника; новое — каменные склепы, каменные гробницы II типа и т. д.

2. Ряд закономерностей, характерных для захоронений скифов степей севернее Перекопа, оказался присущим и скифам Крыма: уменьшение доли восточной ориентировки погребенных; рост распространенности катакомб; уменьшение встречаемости предметов звериного стиля; исчезновение обычая захоранивать с мечом на поясе спереди; распространение асинхронных захоронений, появление крупных грунтовых могильников и т. д.

3. Особенности скифских погребальных памятников Крыма: широкое распространение каменных гробниц; редкость катакомб и конских захоронений; распространенность погребений, впущенных в курганы эпохи бронзы и асинхронных; преобладание западной (с отклонениями) ориентировки при крайней редкости меридиональной и восточной; относительная распространенность обычая укладывать руки на таз и т. д.

4. Локальные группы скифских погребений при определенном сходстве все же достаточно специфичны. Наиболее своеобразна Присивашская группа, отличающаяся от ближайших групп вне Крыма (Ягорлыцко-Каланчакской, Поднепровской, Приазовской) лишь бедностью погребального инвентаря. Остальные три крымские группы весьма близки, только восточнокрымская выделяется большей распространенностью каменных гробниц (особенно II типа), асинхронных захоронений, грунтовых могильников. Памятники Западного и предгорного Крыма по комплексу элементов занимают промежуточное положение между керченскими и присивашскими.

5. Различия захоронений с лощеной керамикой и без нее, существен-

ные в VII—VI вв., сглаживаются в V в. до н. э., а в IV—III вв. до н. э. почти исчезают, что, возможно, свидетельствует о слиянии скифского и нескифского (в первую очередь кизил-кобинского) населения степного и предгорного Крыма в единую этническую общность. При этом преобладает скифский этнокультурный компонент. С нескифским компонентом, вероятно, связаны скорченные захоронения, применение краски, темлошенная керамика. Схема этнокультурных взаимосвязей варварского населения Крыма в скифское время, учитывающая своеобразие погребений с темлошеной керамикой [Ольховский, 1982], в последнее время получает некоторую поддержку. Исследователи Акташского могильника в Восточном Крыму, выделяя в его керамическом комплексе сосуды скифского, кизил-кобинского и сарматского облика [Гаврилюк, 1984], считают, что «можно ставить вопрос об ассимиляции скифами местного населения» [Бессонова, Бунятян, Гаврилюк, 1988. С. 101]. Иные точки зрения на этнокультурные процессы в Крыму выявляются при интерпретации могильника Фронтное I, который одни считают скифским [Яковенко, 1982], другие — принадлежащим местному нескифскому населению неясного этноса [Корпусова, 1972. С. 46] или восточной группе тавров, испытавшей скифское влияние [Масленников, 1981. С. 22]. Близко последнему заключение, что в могильниках Фронтное I, Золотое и некоторых других под нивелирующим флёром греческих и скифских присутствуют этнические элементы, связанные с доскифским населением Крыма [Зышко, 1986. С. 31]. Вычисленные В. Н. Зинько коэффициенты сходства могильников могут интерпретироваться как подтверждение нескифского субстрата крымского населения V—III вв. до н. э.

По наблюдениям антропологов, черепа могильника Фронтное ближе всего напоминают «серию из Золотого или сборную серию таврских черепов, отличаясь от них большей высотой...» [Герасимова, Рудь, Яблонский. 1987. С. 30]. Таким образом, рассмотрение варварских памятников Восточного Крыма на широком фоне культур эпохи раннего железа с привлечением данных антропологии свидетельствует не о поверхностной скифизации аборигенов, а о глубоком и длительном взаимопроникновении культур, результатом которого явилось этнически смешанное население, известное в эпоху позднего эллинизма как тавро-скифы (скифо-тавры).

6. Топография погребальных памятников свидетельствует о наибольшей плотности скифского и смешанного скифо-аборигенного населения в Восточном Крыму; не вызывает сомнения оседлость значительной его части, в основном мирные отношения с греками Боспора, о чем свидетельствует незначительное количество оружия в захоронениях. Складывается впечатление, что в Присивашье, через которое осуществлялась связь скифов Подкепровья и Приазовья с населением Восточного Крыма и, очевидно, предгорий, скифы постоянно не жили.

7. Социальная дифференциация, дальнейшее развитие семейно-брачных отношений, частичный переход к оседлости оказали существенное воздействие на погребальную обрядность скифов Крыма и других территорий (распространение асинхронных захоронений, грунтовых могильников и т. д.).

ГЕНЕЗИС И ЭВОЛЮЦИЯ ПОГРЕБАЛЬНО-ПОМИНАЛЬНОЙ ОБРЯДНОСТИ СКИФОВ СЕВЕРОПРИЧЕРНОМОРСКИХ СТЕПЕЙ

1. ГЕНЕЗИС И ЭВОЛЮЦИЯ ЭЛЕМЕНТОВ СКИФСКОГО ПОГРЕБАЛЬНОГО ПАМЯТНИКА

Анализ скифских погребальных памятников степного Причерноморья продемонстрировал их разнообразие, сложность структуры. Различия между ранними и поздними свидетельствуют об эволюции погребально-поминальной обрядности. Частичные, а порой резкие изменения обрядности любой древней этнической группы вызываются рядом факторов. Основными, влияющими на погребально-поминальную обрядность (ее практическую и идеологическую сферы), являются социальный, экономический, экологический, общего религиозно-мифологического фона, этнотрадиционный, физиологический (биологический, половозрастной), индивидуальности, обстоятельств смерти, внешних влияний [Ольховский, 1986]. Установить, каким фактором определялась та или иная акция обряда, без письменных или устных источников крайне трудно; предпочтительным кажется комплексное воздействие на обряд сразу нескольких факторов.

Выяснение эволюции элементов погребального комплекса в конечном итоге направлено и на выявление их генезиса. Подчеркнем, что выявление генезиса элементов погребального памятника и черт ритуала не равнозначно решению проблемы происхождения культуры.

Подобное исследование предполагает широкое использование аналогий, при этом их круг может быть очень широк. Мы отдавали предпочтение прямым (абсолютным) или очень близким аналогиям из памятников культур эпох бронзы и раннего железа степной и лесостепной зон Евразии.

Наиболее перспективно обращение к аналогиям из погребальных памятников стадильно и хронологически близких культур. Аналогии же эпохи бронзы и переходного времени требуют осторожности. При этом очевидна прямая связь некоторых элементов погребальных памятников эпохи бронзы и раннего железа как отражение стадильной, а в некоторых случаях и этнической преемственности.

Погребальные сооружения. Данная группа элементов весьма важна и нередко используется в качестве этнокультурного индикатора. Скифы применяли погребальные сооружения восьми видов; они так распределяются во времени (табл. 3). VII — нач. VI в. до н. э.: преобладают ямы и деревянные гробницы; VI в. до н. э.: преобладают ямы, деревянные гробницы встречаются значительно реже, появляются катакомбы и каменные ящики; V в. до н. э.: преобладают ямы, растет число ката-

комб и каменных ящиков (в Крыму), деревянных гробниц становится еще меньше, появляются единичные комбинированные гробницы; IV—III вв. до н. э.: преобладают катакомбы и ямы, распространяются (главным образом в Крыму) каменные ящики, комбинированные и деревянные гробницы крайне редки, появляются каменные склепы; грунтовые склепы распространения не получают.

Аналогии погребальным сооружениям скифов приведены в главе II. Суммируя «X», приходим к следующим выводам.

Ямы варианта I типа I — самые распространенные во всех культурах эпох поздней бронзы и раннего железа Евразии; очевидна их изначальность и древность у скифов. Значительно более редки ямы 2—6 вариантов I типа, аналогичные погребальным сооружениям ряда культур II—I тысячелетий до н. э.; наиболее вероятно связь с древними «доскифскими» прототипами. Ямы II типа, значительно более свойственные архаическим и раннескифским комплексам, в IV—III вв. до н. э. использовались крайне редко (табл. 4). Аналогичные ямы, в том числе с угловыми ямками (подвариант 1A), известны в могильниках евразийских степей (и отчасти лесостепи) эпох поздней бронзы и раннего железа. Этот тип ям с четко выраженной тенденцией к исчезновению — яркое свидетельство «доскифского» вклада в погребальную обрядность скифов. Ямы III типа, сконцентрированные главным образом в Елизаветовском могильнике, близки савромато-сарматским ямам Поволжья и Пр'Уралья. Они отражают савроматское влияние, особенно отчетливое на нижнем Дону, на скифо-савромато-меотском пограничье.

Каменные и плоские деревянные перекрытия многих могильных ям VII—III вв. до н. э. (табл. 5), в степном Причерноморье и в соседних районах Евразии фиксируемые уже в эпоху ранней бронзы, широко распространены и позже. Очень редки перекрытия 5 варианта, сложенные из бревен в виде конического многоугольного сруба. Они скорее всего заимствованы с востока, так как известны в погребальных сооружениях савроматов, прохоровцев и дандыбай-бегазинцев. То же можно сказать и о камышовых перекрытиях ям из Елизаветовского могильника; аналогичные нередки в савроматских и раннесакских захоронениях. Крайне редкие перекрытия из сырцового кирпича или черепицы заимствованы из погребального ритуала греческого населения Крыма.

Катакомбы — самые распространенные погребальные сооружения степных могильников IV—III вв. до н. э. — появляются у скифов не позднее нач. VI в. до н. э., но до кон. V в. до н. э. используются редко. Происхождение их, вероятно, связано с аналогичными погребальными сооружениями предскифского населения степного Причерноморья — белозерцев и «киммерийцев», погребальные обряды которых близки. Однако катакомбы, существовавшие в степи с эпохи средней бронзы, на рубеже VII—VI вв. до н. э. получают новое развитие не только в степях Причерноморья, но и восточнее Волги. Катакомбы X типа, а также сырцовые и амфорные заклады катакомб I типа отражают греческое влияние на погребальную обрядность скифов, живших близ греческих городов.

Деревянные гробницы трех выделенных типов, характерные для VII—V вв. до н. э. и позже почти исчезающие, конструктивно и обрядом

(шатровая облицовка, сожжение) связываются с синхронными из восточноевропейской лесостепи, Предкавказья, Прикубанья; прослеживаются аналогии с гробницами из могильников Заволжья. Прототипы деревянных гробниц скифов угадываются в погребальных сооружениях степного и лесостепного населения эпохи поздней бронзы и переходного времени; однако обширность ареала не позволяет утверждать, где находится «прародина» деревянных гробниц.

Каменные ящики и склепы характерны для Крыма и в меньшей степени для Елизаветовского могильника. Строительство гробниц из камня начинается в эпоху бронзы в Причерноморье, Крыму, Предкавказье, в обширном регионе от Волги до Хакасско-Минусинской котловины и далее. Распространенность каменных гробниц в Крыму объясняется не только природными условиями, но и прочностью традиций местного населения, издревле использовавшего каменные ящики. Появление у скифов каменных склепов обусловлено развитием скифского общества, прежде всего укреплением брачно-семейных уз и переходом к оседлости. Каменные ящики и склепы II типа, сосредоточенные на территории, контролируемой Боспором, свидетельствуют о непосредственном участии греков в их проектировании и строительстве. Греческим архитектором был спроектирован и склеп Огуза. Однако его ориентировка, другие детали погребального комплекса свидетельствуют, что руководил строительством скиф, знакомый с погребальной практикой варварского населения Прикубанья или видевший гробницы у ст. Елизаветинской.

Из греческого погребального ритуала заимствована и единственная сырцовая гробница. Грунтовые склепы не типичны для скифов степного Причерноморья. Это тем более интересно, что единственный подобный склеп из Восточного Крыма, представляющий собой трансформацию каменного, заметен отличается от грунтовых склепов савроматов, саков, населения восточноевропейской лесостепи и «киммерийцев».

Комбинированные гробницы — в большинстве сооружения уникальные. Если I тип прямых аналогий не находит и скорее всего есть сочетание могильной ямы и катакомбы II типа, возникающее не ранее IV в. до н. э., то II тип (табл. XVII, 2) аналогичен некоторым погребальным сооружениям нач. V—IV вв. до н. э. из поднепровской лесостепи. Их прототипы известны в степных белозерских комплексах. Комбинированная гробница III типа уникальна, ее появление именно в IV в. до н. э. отражает переход к захоронению знати в сооружениях относительно новых видов — катакомбах и каменных склепах. Гробница IV типа из Огуза (табл. XVIII, 4) наиболее близка некоторым комплексам V—IV вв. до н. э. Елизаветинского могильника, что может свидетельствовать о контактах между населением Прикубанья и Поднепровья.

Редки, как и у скифов, захоронения без погребального сооружения у савроматов, возможно, у саков и скифоидного населения Северного Кавказа.

Останки погребенных. Господствующим видом захоронения скифов на протяжении VII—III вв. до н. э. оставалось труположение, характерное почти для всех культур эпохи раннего железа степного евразийского пояса. Однако в архаических и раннескифских комплексах отмечены кремации останков вместе с деревянной гробницей, зафиксирован-

ные и в синхронных могильниках восточноевропейской лесостепи, Прикубанья, у саков, савроматов, населения Южной Сибири и Алтая и т. д. [Ольховский, 1978а, С. 88]. В этих районах обычай сожжения гробниц, как и в степном Причерноморье, к IV в. до н. э. почти исчезает. Несомненно общая подоснова традиции, восходящей к срубно-андроновскому времени, существующей в белозерский и переходный периоды. Она хронологически и территориально смыкается с памятниками скифов. Установить ее непосредственные истоки в скифском погребальном обряде трудно; очевидно, она отражает какие-то общие региональные представления древнего населения Евразии. Две кремации V и IV вв. до н. э. с Темир-горы (погребения 82 и 83) могут быть связаны с греческим влиянием, естественным на собственно боспорской территории. Своеобразно захоронение в Ак-Бурунском кургане 1875 г., где погребенный лежал на толстом слое угля, но сожжен не был. Наиболее близкие аналогии дают савроматские и прохоровские комплексы VII—V вв. до н. э. [Смирнов К. Ф., 1964. С. 46, 50, 96]. Высказывалось предположение, что в Ак-Бурунском кургане погребен сармат [Цветева, 1968. С. 52]; однако сходный обычай был известен и скифоидному населению днепровского лесостепного правобережья [Петренко, 1967. С. 19, 53].

Характер захоронения определялся в первую очередь социально-экономическим развитием, степенью социальной дифференциации, формой семейно-брачных отношений и т. д.; заимствования здесь маловероятны. Так, в VII—VI вв. до н. э. отмечаются одиночные и крайне редкие парные захоронения; в V в. до н. э., кроме одиночных, встречаются парные и кенотафы, а в Крыму — асинхронные; в IV—III вв. до н. э., кроме одиночных, парных и кенотафов, распространяются коллективные и асинхронные. Парные, коллективные захоронения и кенотафы хорошо известны в могильниках савромато-сарматов, саков, тасмолинцев [Мошкова, 1974. С. 15; Вишневецкая, 1973. С. 126], ананьинцев, тавров [Халиков, 1977. С. 95—101; Лесков, 1965. С. 82] и т. д. Асинхронные захоронения в степном Причерноморье известны уже в катакомбное время, восточнее — в андроновское [Смирнов К. Ф., 1964. С. 207]; есть они у савроматов, ананьинцев [Смирнов К. Ф., 1964. С. 59; Збруева, 1952. С. 115] и др.

Поза погребенного — устойчивый, как правило, признак: положение умершего на спину с вытянутыми вдоль тела конечностями характерно для скифской погребальной обрядности. Вариациями является помещение кисти одной или обеих рук на таз и скрещенность ног в голених; они появляются не позднее VI в. до н. э., в IV—III вв. до н. э. распространенность их несколько возрастает (в степях севернее Перекопа — 6,8 и 1,4% от числа захоронений с установленной позой). В VI—III вв. до н. э. известны они и в Крыму. Указанные вариации положения конечностей обычно связывают с восточным, савромато-сарматским влиянием. Так, у савроматов Поволжья и Приуралья положение кистей рук на таз отмечено в 11,1%, а скрещенность ног — в 6,2% погребений VIII—IV вв. до к. э. [Смирнов К. Ф., 1964. С. 92: Табл. 4]. Влияние савроматов исключить нельзя, однако допустима и универсальность вариаций для культур поздней бронзы и раннего железа Евразии, встречаемых иногда и в погребениях эпохи **бронзы**.

Переходной к скорченной является поза «на спине коленями вверх», при которой ноги погребенного падали на одну либо на две стороны. В скифских захоронениях она появляется в VII—VI вв. до н. э. и существует до IV—III вв. до н. э., распространенность ее очень невелика. Несколь­ко чаще встречается поза «на боку» обычно с подогнутыми, реже — вытянутыми конечностями. В степях севернее Перекопа она отмечена в 28% захоронений VII—VI вв. до н. э. с установленной позой, в Крыму — в 18%. В V в. до н. э. распространенность ее резко падает соответственно до 3,5 и 6%. В IV—III вв. до н. э. скорченники находились в 3,2% захоронений севернее Перекопа и в 5,1% крымских. При общей тенденции к исчезновению обычай укладывать умершего на бок устойчивее в Крыму; там же чаще встречается и поза «на спине коленями вверх». Можно согласиться с мнением исследователей, считающих скорченность и полускорченность пережитком обрядов эпохи поздней бронзы. Подобные позы господствуют в захоронениях всех этапов срубной культуры [Отрощенко, 1977. С. 14]; в переходное время скорченность отмечена в 57% степных причерноморских погребений*. Скорченно хоронились и тавры горного Крыма [Іллінська, Тереножкш, 1971. С. 170. 171], а в VII—III вв. до н. э. — и часть населения восточноевропейской лесостепи [Ильинская, 1975. С. 79; Петренко, 1967. С. 53]. В целом же процесс перехода от скорченных трупоположений к вытянутым в эпоху поздней бронзы и раннего железа — явление общее для евразийской степи и лесостепи; оно, например, хорошо прослеживается в погребальных обрядах савроматов Поволжья и Приуралья [Смирнов К. Ф., 1964. С. 92. Табл. 4], протомеотов [Анфимов, 1971. С. 171—174] и др. Большая устойчивость традиции скорченных захоронений в Крыму объясняется прямым контактом и этническим смешением скифов с местным кизилкобинским населением.

Поза «ничком» изредка встречается в скифских захоронениях VI — III вв. до н. э. Изредка так же хоронили представителей «доскифского» населения Причерноморья [Тереножкин, 1976. С. 38], протомеотов [Анфимов, 1971. С. 172, 174] и т. д.

Ориентировка погребенных в могильниках разнообразна; динамика ее основных направлений (в %) отражена в табл. 31.

Т а б л и ц а 31. Динамика широтной ориентировки погребенных в скифских комплексах степного Причерноморья и Крыма (%)

Регион	Ориентировка	Век до н. э.		
		VII—VI	V	IV—III
Степи севернее Перекопа	3, СЗ, ЮЗ	52,4	63,7	63,2
	В , СВ, ЮВ	38	31	22,4
Степной, предгорный Крым	3, СЗ, ЮЗ	77	72,9	84,5
	В , СВ, ЮВ	19,2	28,1	11,6

Очевиден рост доли западной (с отклонениями) ориентировки, причем в Крыму она распространена шире, чем в степях севернее Перекопа. Одновременно уменьшается распространенность восточной (с отклонениями) ориентировки. Тенденцию несколько нарушает рост восточной ориентировки в крымских захоронениях V в. до н. э., происходящий за счет группы нимфейских захоронений скифской знати.

Восточная ориентировка, характерная для варварской знати, погребенной в некрополе Нимфея, считается следствием глубокой эллинизации аборигенов. Меридиональная ориентировка, в особенности северная, заметно возрастает (до 14,4%) в степях севернее Перекопа в IV—III вв. до н. э. Подобная же ориентировка характерна для погребений VII—III вв. до н. э. большинства районов восточноевропейской лесостепи, при этом северная преобладает на днепровском правобережье [Ольховский, 1977. С. 125]. Это позволяет предположить, что распространение северной ориентировки связано с передвижением части скифского или скифоидного населения лесостепи с правобережья Днепра на юг, в степь. Впрочем, изменение ориентировки можно объяснять и проникновением в степное Причерноморье населения из более восточных районов. Так, распределение ориентировок, наиболее схожее со скифским VII—V вв. до н. э., наблюдается в савроматских погребениях Поволжья, где преобладает западная ориентировка при заметной доле восточной, а с IV в. до н. э. — южной [Смирнов К. Ф., 1964. С. 91. Табл. 3; 1975. С. 161]. Для сравнения отметим, что протомеоты и меоты обычно хоронили головой на юг [Анфимов, 1971. С. 171, 174; 1951. С. 158; Смирнов К. Ф., 1949. С. 91], кочевники Казахстана — на север [Смирнов К. Ф., 1964. С. 287; Мошкова, 1974. С. 39], греки Северного Причерноморья — на восток.

Особый интерес представляют данные по ориентировке погребенных в обрядах предшествующих культур. В погребениях сабатиновского этапа срубной культуры преобладает восточная и северо-восточная ориентировка (есть северная и западная), а белозерского — южная с вариациями [Братченко, 1977. С. 14; Лесков, 1971. С. 414, 419; Кривцова-Гракова, 1955. С. 17]. В переходных («киммерийских») погребениях степного Причерноморья, судя по имеющимся данным, преобладают западная (33,4%) и восточная (22,2%), заметны меридиональная и северо-восточная ориентировки*. Наиболее сходны ориентировкой со скифами в VII—V вв. до н. э. савроматы и причерноморское степное население переходного времени.

Обычай использования при захоронении органических подстилок был известен скифам издревле. Корни его уходят в эпоху бронзы. В Причерноморье подстилки и циновки из тростника, коры, травы, шкур хорошо известны в погребениях ямной, катакомбиой [Шарафутдинова, 1977. С. 84. Рис. 4, 4; Братченко, 1976. С. 21], срубной культуры всех этапов [Отрошенко, 1975. С. 197], в погребениях переходного времени [Тереножкин, 1976. С. 29, 44—46], а также многих культур эпохи раннего железа — савромато-сарматской [Смирнов К. Ф., 1964. С. 84] и др.

Известные в скифских захоронениях деревянные настилы и ложа

встречаются также в срубных, «киммерийских», савромато-сарматских [Тереножкин, 1976. С. 60. Рис. 29; Смирнов К. Ф., 1964. С. 85; 1975. С. 137] погребениях и в захоронениях других культур.

Захоронение в погребальном сооружении на решетчатых носилках, зафиксированное у скифов, появляется в срубной [Рябова, 1983. С. НО. Рис. 5, 1] или даже ямной культуре [Гудкова, Новицкий и др. 1979]. Аналогичные носилки известны в некоторых сакских и раннесарматских погребениях [Вишневецкая, 1973. С. 63; Смирнов К. Ф., 1975. С. 122—124].

Деревянные колоды, реже — ящики-гробы применялись скифами с архаического времени. Подобные появляются в степи не позднее срубного времени [Отрощенко и др., 1977. С. 45]; применяли их и «киммерийцы» [Фіалко, 1986]. Колоды и гробы использовались также савромато-сарматами, населением Алтая и Тувы VII—V вв. до н. э. [Смирнов К. Ф., 1975. С. 88; Мошкова. 1974. С. 11; Грязнов, 1980. С. 18; Руденко, 1953. С. 44; 1960. С. 110]. Резные деревянные саркофаги из некоторых богатых скифских курганов Поднепровья и Восточного Крыма изготовлены в греческих мастерских.

Подушки из травы и соломы (сена?) встречаются в погребениях скифов сравнительно редко. Аналогичные подушки в Причерноморье и Приазовье применяли уже в эпоху ранней и средней бронзы [Шапошникова, Фоменко, Балашкин, 1977. С. 112; Гей, 1983. С. 112; Братченко, 1976. С. 21], как и погребальные покрывала [Братченко, 1976. С. 21]. Известные в отдельных скифских погребениях решетчатые изголовья сходны по назначению с цельнодеревянными подголовниками алтайских захоронений скифского времени [Руденко, 1953. С. 86, 87; 1960. С. 114, 115]. Там же есть настоящие подушки из войлока и оленьего меха [Руденко, 1953. С. 89].

Погребальный инвентарь. Вещевой комплекс скифских захоронений достаточно специфичен. Можно констатировать расширение его ассортимента в течение VII—III вв. до н. э. Причем инвентарь скифских погребений Крыма менее разнообразен, чем в захоронениях к северу от Перекопа. Предметы по происхождению можно разделить на три группы: импортные, широко распространенные, собственно скифские.

Импортные попадали к скифам путем торговли, как дары, военная добыча, либо с их владельцами. Наиболее многочисленны греческие изделия, воспринимаемые обычно как органическая часть скифского комплекса. Это большинство образцов цельнометаллического доспеха, значительная часть украшений и зеркал, стеклянная, гончарная посуда и тара, почти вся металлическая посуда, туалетные сосуды и шкатулки, монеты и г. д.

Значительно менее распространены гето-фракийские вещи. Это в основном изделия торевтики, отдельные уздечные наборы и украшения, изредка керамика. В архаических комплексах встречаются переднеазиатские, ассиро-уруртийские предметы роскоши, оружие. Не исключено переднеазиатское происхождение скифского наборного панцирного доспеха и средств защиты боевого коня [Клочко, Мурзин, 1987. С. 15]. Скорее всего восточными (савромато-сарматскими) являются очень редкие костяные ложки, отдельные образцы керамики, клыки («кочедыки»),

хотя последние встречаются и на Алтае, в Туве, в восточноевропейской лесостепи [Яковенко, 1969]. Не исключено прямое использование скифами керамики кизил-кобинского (Крым) и меото-сарматского (Елизаветовский могильник) производства.

Значительна и группа предметов, типологически сходных с бытующими во многих культурах раннего железа евразийской степи, а отчасти и лесостепи. При этом очевидна связь некоторых категорий с аналогичными предметами эпохи бронзы.

Каменные оселки с отверстием в VII—III вв. до н. э. распространены в степи и восточноевропейской лесостепи, в Прикубанье, Предкавказье, на Кавказе, в захоронениях многих культур «скифоидного облика» востока степного и лесостепного пояса. Оселки с отверстием и без него есть в захоронениях белозерского и переходного времени Причерноморья и Приазовья [Тереножкин, 1976. С. 156]; при этом часть оселков, вероятно, использовалась как декоративно-ритуальная деталь мужского костюма [Кубышев, Полин, Черняков, 1985. С. 150].

Изредка находимые в скифских погребениях гвозди использовались не для сколачивания гробов, а для крепления тканевой драпировки к стенкам катакомбы, деревянного или каменного склепа. Так же использовались бронзовые гвозди и деревянные колышки, например, в «скифских» курганах Алтая [Руденко, 1953. С. 49].

На огромной территории распространено оружие скифских типов. Типологически наиболее близко степному вооружению VII—III вв. до н. э. из восточноевропейской лесостепи. Широкий ареал у некоторых категорий украшений, в частности у гривен, являющихся также и знаком знатности. Так использовали гривны савромато-сарматы и другие этноплеменные группы VII—III вв. до н. э. на востоке евразийских степей, древние персы и т. д. Почти столь же широко, как в причерноморской степи, в лесостепи, Предкавказье и восточнее Волги были распространены бронзовые котлы, ворворки, каменные блюда, шилья и иглы, пряслица, наверхия, конская сбруя и др.

С доскифскими культурами Причерноморья и Поволжья, возможно, связано происхождение ряда категорий предметов из скифских погребений. В этом отношении примечательны деревянные блюда — овальные подносы для жертвенного мяса. В степном Причерноморье аналогичные блюда встречаются в катакомбных и срубных [Шапошникова, Фоменко, Балушкин, 1977. С. 108; Братченко, 1976. С. 82. Рис. 41; Моруженко и др., 1979], а также «переходных» погребениях [Тереножкин, 1976. С. 47; Дубовская, 1985]. Отмечены они у савроматов [Смирнов К. Ф., 1964. С. 137], саков [Акишев, 1978. С. 23, 31], тагарцев [Вадецкая, 1975. С. 169]; но здесь они обычно прямоугольные. Овальные и прямоугольные блюда со съемными ножками использовали и кочевники Алтая скифского времени [Руденко, 1960. Табл. LV]. Не позднее переходного периода появляются и каменные плитки, заменявшие каменные блюда. Они встречаются в погребениях скифского и скифоидного населения лесостепи, савромато-сарматов, саков, меотов, ананьинцев и т. д. [Петренко, 1967. Табл. 25; Анфимов, 1949. С. 251; Смирнов К. Ф., 1964. Рис. 11А; Збруева, 1952. С. 117; Вишневецкая, 1973. Табл. X, XI].

Ритуальные ножи из бронзы и железа редки в степных скифских по-

гребениях. Есть они в могильниках восточноевропейской лесостепи [Ильинская, 1975. С. 155; Галанина, 1977. Табл. 18, 1; 12, 6]. В качестве ритуальных железные ножи, иногда парные, использовались савромато-сарматами, ананьинцами, саками [Смирнов К. Ф., 1964. С. 106, 107; Гущина, Попова, 1970. С. 84; Ильинская, 1968. С. 155]. Прототипы таких ножей на рубеже II—I тысячелетий до н. э. были распространены в Сибири и Средней Азии [Ильинская, 1975. С. 155], откуда они, вероятно, попали в Причерноморье.

Дважды в степных погребениях отмечены ритуальные жезлы и раз—ритуальный топорик. Жезлы, как и их аналогии из лесостепи, скорее всего «восходят к конноголовым скипетрам предскифского времени, известны в памятниках фрако-киммерийской культуры и ранних кочевников группы новочеркасского клада» [Ильинская, 1975. С. 156]. Возможно, прототипами жезлов являются каменные топоры-молотки [ср.: Іллінська, 1961а. С. 52]; некоторые из них оформлялись в виде головы хищной птицы [Анфимов, 1971. С. 176; Марковин, 1958. С. 161] и использовались как жезлы. Ритуальный топорик из кургана 18 у с. Львово точных аналогий не имеет. Судя по всему, прототипами подобных топориков являлись бронзовые секиры, украшенные протомой животного и служившие знаком власти. Подобные секиры известны в памятниках переходного и архаического скифского времени в Центральной Европе, Предкавказье, Среднем Поволжье и восточноевропейской лесостепи [Ильинская, 1965. С. 207, 210].

Почитаемые скифами деревянные чаши, нередко украшенные металлическими накладками, значительно чаще встречаются в раннескифских погребениях. Деревянные сосуды полусферической или баночной формы появляются в погребениях ямной и катакомбной культур, но лишь в эпоху поздней бронзы их начинают украшать металлическими накладками. Деревянные миски и чаши, в том числе украшенные накладками, встречаются в погребениях культур многоваликовой керамики, срубной, абашевской [Пярых, 1984; Отрошенко, 1984б]. Деревянные сосуды с накладками были хорошо известны белозерцам и «киммерийцам» степного Причерноморья [Отрошенко и др., 1977. С. 55; Бидзиля и др., 1977. С. 127]; их накладки крепились так же, как у скифских чаш. Вполне возможна преемственность между белозерско-«киммерийскими» и скифскими деревянными ритуальными сосудами. Но подобные чаши и ковши с накладками известны и у савроматов Поволжья и Приуралья [Смирнов К. Ф., 1964. Рис. 16], кочевников Алтая [Руденко, 1960. С. 117], где они, возможно, являются андроновским «наследием».

К ритуальной практике имеет отношение и ритон. Судя по изображениям на изваяниях, ритоны у скифов распространяются не позднее нач. V в. до н. э., однако из-за плохой сохранности рога и дерева они фиксируются редко. Ритоны в металлической оправе, а также цельнометаллические встречаются не только в степном Причерноморье, но и в синхронных погребениях лесостепи, Предкавказья, Прикубанья. Наиболее вероятно связь ритонов именно с Предкавказьем или Кавказом, откуда они проникают к скифам.

Астрагалы и овальные камешки-гальки, известные в степных скифских захоронениях, начинают оставлять в погребениях еще в эпоху брон-

зы [Шапошникова, Ребедайло, 1977. С. /2; Шарафутдинова И. Н., 1977 С. 88, 95; Лесков, 1971. С. 412; Мандельштам, 1968. С. 125], известны они в переходное время [Тереножкин, 1976. С. 31, 58], а также в захоронениях савромато-сарматов, протомеотов и меотов, скифоидного населения лесостепи, ананьинцев, саков и т. д. [Анфимов, 1971. С. 172, 175; Он же, 1951. С. 158; Смирнов К. Ф., 1949. С. 91; 1964 . С. 48—50, 100, 255; Вишневецкая, 1973. С. 30, 51]. Примечательно, что у скифов, савроматов и населения восточноевропейской лесостепи гальки иногда предварительно обжигались. Округлые камни найдены и в культовых комплексах Ольвии и Нимфея VI—V вв. до н. э. [Козуб, 1976. С. 126; Худяк, 1962. С. 23, 28]. К. Ф. Смирнов считает гальки из савроматских погребений гадательными камнями [Смирнов К. Ф., 1964. С. 255].

Изделия звериного стиля характерны для раннескифского времени и позже не столь популярны. Ряд иконографических особенностей отличает их от предметов из Прикубанья, Предкавказья, Тамани, степей Заповолжья и Казахстана, Южной Сибири и т. д. Значительная часть изделий звериного стиля производилась в греческих причерноморских мастерских, что приводило к некоторой «эллинизации» стиля. Наиболее близок к «степному» варианту звериного стиля восточноевропейский «лесостепной» вариант.

Корни широко распространенного скифского обычая оставлять в захоронении жертвенную пищу уходят в эпоху бронзы. В степном Причерноморье он известен в срубное, белозерское, переходное время [Отрощенко, 1977. С. 14; Лесков, 1971. С. 407; Тереножкин, 1976. С. 95]. Жертвенную пищу в могилы помещали савромато-сарматы, саки, меоты, ананьинцы и т. д. Наиболее вероятно универсальность этого элемента погребальных комплексов, объясняемая общностью некоторых древних религиозных представлений.

Как отмечалось, обычай класть в погребение красную краску куском или порошком в течение VII—III вв. до н. э. у скифов постепенно отмирает; в Крыму он сохраняется устойчивее. Посыпание умершего краской или помещение в захоронение куска краски характерны для многих культур эпохи бронзы. Отмеченное в сабастиновских и белозерских погребениях применение краски демонстрирует явную тенденцию к отмиранию обычая. В погребениях переходного времени краска куском или в порошке редка [Марина и др., 1982. С. 7; Ромашко, 1978. С. 72]. Красная краска или ее следы имелись в 4,5% савроматских погребений Поволжья и Приуралья [Смирнов К. Ф., 1964. С. 95. Табл. 5]. Известна она и в лесостепных погребениях скифского времени [Петренко, 1967. С. 53; Іллінська, 1962. С. 60]. Посыпание погребяемого краской или помещение куска краски в могилу зафиксированы в некоторых негреческих погребениях раннескифского времени некрополя Ольвии [Капошина, 1946].

Мел куском или в виде порошка изредка встречается в скифских степных захоронениях VI—III вв. до и. э. главным образом севернее Перекопа; в крымских погребениях он редок. Меловые подсыпки в Причерноморье и Волго-Донском междуречье начинают применяться срубниками, затем применяются белозерцами [Мамонтов, 1981. С. 17; Отрощенко В. В. и др., 1977. С. 45; Отрощенко, 1977. С. 13, 14], «киммерий-

цами» [Ковалева и др., 1979а. С. 30; Копылов, 1980. С. 112; Бокий, Горбул, 1985. С. 224]. Мел куском или в порошке иногда встречается в лесостепных погребениях скифского времени [Петренко, 1967. С. 19; Ллинська, 1962. С. 60], но особенно характерен он как подсыпка для савромато-сарматских погребений Поволжья и Приуралья [Смирнов К. Ф., 1964. С. 95, табл. 5; Мошкова, 1974. С. 11]. Возможно, некоторое распространение меловых подсыпок в причерноморских погребениях IV—III вв. до н. э. объясняется «восточным» влиянием, однако корни этого уходят в эпоху бронзы.

Обычай оставлять в погребальном сооружении уголь или разводить небольшой костер, не затрагивающий погребенного, заметного распространения у скифов-степняков не имел. Он отмечен также в восточно-европейской лесостепи [Петренко, 1967. С. 17], у ананьинцев, саков, савроматов [Збруева, 1952. С. 112; Смирнов К. Ф., 1964. С. 96. Табл. 6; Вишневская, 1973. С. 65]. Появляется он в Причерноморье еще в эпоху средней бронзы [Пустовалов, 1982. С. 104, 105].

Повозки, на которых тело умершего доставлялось к месту погребения, встречены только в скифских захоронениях IV—III вв. до н. э. севернее Перекопа; в Крыму их нет. С IV в. до н. э. повозки иногда встречаются в савромато-сарматских погребениях Поволжья и Приуралья, причем их, как и в Причерноморье, перед тем, как поместить в погребальное сооружение, ломали [Смирнов К. Ф., 1964. С. 249. Рис. 42; Кожин, 1969]. Известны они и в варварских погребениях Тамани [Цветева, 1968. С. 101], Алтая [Руденко, 1953. С. 232] и т. д. Традиция помещать в погребальное сооружение повозки, зародившаяся в ямное время, существовала в эпоху средней и поздней бронзы в ряде культур Причерноморья, Кавказа, Поволжья и Сибири [Кузьмина, 1974].

Столь же широко территориально и хронологически распространен обычай захоранивать с умершим коня либо его голову (иногда и конечности). Скифские захоронения с конями в степном Северном Причерноморье достоверно фиксируются с V в. до н. э., но позже широко не распространяются. В Крыму их очень мало. В большинстве случаев коней хоронили не в главном погребальном сооружении, а в специальной яме.

Обычай захоранивать собаку в погребальном сооружении существовал у скифов в V—III вв. до н. э., но распространения не имел. Аналогичный обычай засвидетельствован в савромато-сарматских погребениях [Смирнов К. Ф., 1964. С. 102], на азиатском Боспоре [Цветева, 1968. С. 81] и в ряде других районов [Абетеков, 1978]. Скелеты собак найдены и в отдельных погребениях эпохи бронзы [Шмаглий, Черняков, 1970. С. 100].

Небольшая группа вещей из степных скифских комплексов находит аналогии только в синхронных погребениях лесостепи. Это ножи с гранеными костяными рукоятками, гориты с накладными художественными пластинами, гребни, часть зеркал, шипцы, тесла-мотыжки, металлические шаровидные кубки. Форма кубков и некоторые детали их оформления свидетельствуют, что их прототипы — лепные шаровидные кубки с лощеной поверхностью и геометрическим орнаментом [Ильинская, 1968. С. 164], хорошо известные в белозерских и переходных погребениях степного Причерноморья и восточноевропейской лесостепи [Гаврилюк, 1979].

В лесостепи лепные кубки доживают до конца VI в. до н. э. [Петренко 1967. С. 21].

Итак, в вещевом комплексе скифских погребений степного Причерноморья VII—III вв. до н. э. преобладают предметы, типологически сходные или идентичные вещам, распространенным в эпоху раннего железа на огромной территории степи и отчасти лесостепи Евразии. Почти столь же многочисленны, особенно в погребениях IV—III вв. до н. э., предметы импортные, в первую очередь греческие. Значительно более редки ассирийские, гето-фракийские, савромато-сарматские, кизил-кобинские, меотские вещи и керамика. Единственной категорией, характерной почти исключительно для степных скифов, является лепная керамика оригинальных типов [Гаврилюк, 1981]; в первую очередь этот вывод относится к керамическому комплексу Поднепровской и ближайших локальных групп.

По ассортименту и типологии вещей степные комплексы наиболее близки синхронным из восточноевропейской лесостепи; принципиальных различий нет. Определенное сходство по ассортименту, а не типологии существует между степными скифскими и савромато-сарматскими комплексами, а также некоторыми другими. Отметим, что в VII—III вв. до н. э. набор, включающий жертвенную пищу, оружие, нож, керамику, нередко сбрую и украшения, оказывается характерным для многих евразийских культур кочевников и полукочевников. Но складывается он несколько раньше. Так, инвентарь скифских захоронений архаического времени относительно небогат по сравнению с более поздними. При этом набор составляющих его категорий весьма близок «киммерийскому» IX—VIII — I-й пол. VII вв. до н. э., включающему оружие, жертвенную пищу, лепную керамику, нож бронзовый или железный, украшения, оселок, деревянную посуду (блюда, чаши), конскую сбрую; отмечены иглы, шилья, астрагалы, каменные плитки и терочки, мел порошок, красная краска, налобные украшения, металлическая посуда, бронзовые бляшки-пуговицы, ворворки, кремневые отщепы, а также золотая гривна и лук «скифского» типа [Ковпаненко, 1985; Дубовская, 1985]. Есть основания говорить об использовании сложного лука «скифского» типа уже срубниками [Шишлина, 1986]. Подобное совпадение вряд ли случайно.

Выявленный в скифских степных погребениях обычай втыкать в дно погребального сооружения и подкурганную поверхность оружие отмечен и в восточноевропейской лесостепи. Он подтверждает собственно скифский этнический компонент среди населения лесостепи. Воткнутое копье и меч зафиксированы в двух савроматских могилах; ясно, что этот обычай у савроматов не был распространен [Смирнов К. Ф., 1984. С. 45; Игнатов, Колесник, Мамонтов, 1979. С. 176]. Савромато-сарматы не хоронили умерших с мечом на поясе спереди, подобно скифам. Крайне редко меч помещали на бедрах и голеньях, перпендикулярно им [Смирнов К. Ф., 1984. С. 23. Рис. 4, 9], как и в некоторых погребениях Елизаветовского могильника. Изредка в савроматских погребениях Подонья встречаются и вкопанные горлом вверх амфоры [Смирнов К. Ф., 1984. С. 43].

Намогильные сооружения. Подавляющее большинство скифских

степных погребений перекрыто курганами. Сооружение кургана, продолжающее древнюю традицию III—II тысячелетий до н. э., в эпоху раннего железа было распространено в подавляющем большинстве культур евразийской степи и лесостепи. Характер и структура насыпи в определенной мере зависели от природных условий. Скифские курганы преимущественно грунтовые, в том числе вальковые. Насыпи, насыщенные камнем или покрытые каменным «панцирем», редки и встречаются преимущественно в Крыму; они особенно часты там и в эпоху бронзы [Шульц, Столяр, 1958]. Сооружение насыпей из вальков или брикетов дерна в степном Причерноморье фиксируется уже в эпоху ранней бронзы [Попандопуло, Тихомолова, 1983. С. 308]; известно оно и савроматам [Смирнов К. Ф., 1964. С. 138]. Каменные курганные насыпи нередки у кочевников раннего железного века Поволжья и Приуралья, Казахстана, Южной Сибири, Алтая и т. д. [Смирнов К. Ф., 1964. С. 76—78]. Столь же велик хронологический и территориальный диапазон обычая окружать насыпи каменными кольцами, напоминающими по конструкции крепицы скифских курганов [Ильюков, Ларенок, 1982; Смирнов К. Ф., 1964. С. 78, 89, 90].

К эпохе ранней бронзы восходит обычай досыпать курган после впускного захоронения, широко распространенный в эпоху раннего железа. Жертвенные сооружения в толще скифских курганов устраивались редко; изредка они фиксируются и в курганах эпохи средней бронзы [Евдокимов, 1983. С. 259].

Традиция устанавливать на вершине насыпи антропоморфное изваяние, отмеченная в скифских погребальных комплексах V—III вв. до н. э. причерноморской степи и лесостепи, существует в Причерноморье уже в переходное время [Тереножкш, 1978], но появляется, очевидно, раньше [Отрошенко, 1982]. Установка изваяния, стелы или камня-менгира на погребальных или поминальных комплексах в эпоху раннего железа практикуется населением Предкавказья, Южной Сибири и Монголии; у савроматов этот обычай широкого распространения не имел.

Бескурганные захоронения есть не только в скифских, но и в могильниках синхронных культур. Они известны в эпоху бронзы и переходное время [Тошев, 1981], но появление их у скифов, очевидно, следует связывать с внутренними социально-экономическими причинами.

Подкурганные сооружения и следы ритуальных действий. Укладка выкида в виде кольцевого или подковообразного вала, иногда с камышовым покрытием, встречается в курганах срубной культуры, в том числе на белозерском этапе [Отрошенко, 1975. С. 195; Отрошенко и др., 1977. С. 55, 57]. Сходное оформление выкида известно савроматам, сакам и др. [Смирнов К. Ф., 1964. С. 89; Вишневская, 1973. С. 28—31]. Очевидна универсальность приема.

Жертвенные ямы, выкапывавшиеся неподалеку от главного погребального сооружения и одновременно с ним, являются изначальным элементом структуры скифского погребального памятника. Заметно реже скифы использовали жертвенные катакомбы и каменные ящички. Жертвенные сооружения, в частности ямы, были широко распространены. В степном Причерноморье они отмечены уже в древнеямных [Шапошникова, Фоменко, Балускин, 1977. С. 120], поздне трипольских [Пет-

ренко, 1982. С. 37] курганах. В срубно-белозерское время они известны не только в Причерноморье, но и в Поволжье [Латышев, 1926; Мерперт, 1954. С. 100; 1958. С. 98]. В эпоху раннего железа жертвенные ямы устраивались в курганах восточноевропейской лесостепи [Самоквасов 1908. С. 82—84], савроматов [Смирнов К. Ф., 1975. С. 19, 25, 52, 115] и т. д. Жертвенные ямы — фависсы и ботросы — известны в святилищах и некрополях греческих северопричерноморских городов с VI в. до н. э. Аналогии скифским жертвенным ящикам редки [Мартынов, Абсаламов, 1979; Коновалов, 1971. С. 250], а жертвенные катакомбы пока нигде не отмечены.

Погребальный пир в скифских курганах фиксируется с архаического времени. В V—IV вв. до н. э. заупокойные трапезы на подкурганной поверхности становятся пышнее. Остатки их нередко образуют жертвенные площадки, занятые скоплениями фрагментов керамики и костей животных, иногда вместе с отдельными вещами, каменными жертвенниками, кострищами. Обычай устраивать заупокойный пир, жечь на подкурганной поверхности костры был относительно широко распространен в культурах эпохи бронзы [Черненко, 1980. С. 351; Столяр, Шепинский, 1981. С. 36, 41; Лесков, 1971. С. 407]. В раннем железном веке погребальные трапезы совершали скифы и скифоидное население восточноевропейской лесостепи, савромато-сарматы, меоты, греки и т. д. [Смирнов К. Ф., 1964. С. 97, 100; Кастанаян, 1950; Сокровища..., 1985. С. 70; Житников и др., 1979. С. 125].

Жертвенники в скифских курганах редки. Подобные им каменные плиты с углублением или отверстием изредка встречаются в курганах эпохи бронзы [Патокова, 1967. С. 17; Сеницын И. В., 1948. С. 148. Рис. 9] и раннего железа. Связь единственного жертвенника типа 2 с греческими алтарями несомненна. Широкий ареал жертвенников других типов пока не позволяет решить вопрос, откуда они попали в скифский погребальный ритуал. Однако использование при захоронении каменных плит-жертвенников в степном поясе Евразии восходит по крайней мере к эпохе ранней бронзы.

Погребальные дорожки некоторых крупных скифских курганов, а также менгиры на подкурганной поверхности (III Испанова Могила) близких аналогий в синхронных культурах не находят. Лишь каменная дорожка кургана 2 у с. Бургунка на Херсонщине длиной 4 м и шириной 0,8 м, тянущаяся на восток от кромлеха и заканчивающаяся антропоморфной стелой, имеет отдаленное сходство с погребальными дорожками скифских курганов [Евдокимов, 1983. С. 259]. Однако этот комплекс относится к эпохе ранней бронзы и вряд ли связан со скифскими памятниками, свидетельствуя лишь о древности некоторых религиозно-мифологических представлений этнически пестрого населения Евразии.

Конские захоронения в отдельных ямах, выкопанных с уровня погребенной почвы обычно западнее главного погребального сооружения, являются особенностью скифского ритуала, хотя захоронения коня с умершим для евразийских степных культур эпохи раннего железа явление всеобщее, корни которого — в эпохе поздней бронзы [Смирнов К. Ф., 1957; Генинг, 1977]. Население восточноевропейской лесостепи, Поволжья и Приуралья, Казахстана, Прикубанья, Южной Сибири погребало

коней, как правило, в главном погребальном сооружении, на его пандусе или на дневной поверхности вокруг главного захоронения; изредка — в отдельном кургане. У скифов степного Причерноморья захоронения коней появляются только в V в. до н. э. — позже, чем у соседей, а захоронения «конюхов» — в IV в. до н. э. Захоронения слуг, которых можно считать конюхами, иногда встречаются в савроматских курганах [Смирнов К. Ф., 1964. С. 81].

Внекурганные сооружения и следы ритуальных действий. Наиболее распространенным внекурганным сооружением скифских погребальных комплексов были ровики. В IV—III вв. до н. э. ровики встречаются несколько чаще, чем в предшествующее время. Нередко в них обнаруживаются следы погребального пира. Уже указывалось на распространенность обычая окружать курганы ровиками в культурах евразийских степей эпохи раннего железа. Возникновение традиции относится к эпохе ранней бронзы. Некоторые ровики того времени имели одну-четыре грунтовые перемычки; в некоторых из них сохранились следы погребальной трапезы — кости животных, в том числе черепа лошадей, быка, собаки [Марина, 1981. С. 69]. Сооружение ровиков, в том числе с перемычками, осуществляется и доскифское население степного Причерноморья. В ровике кургана 6 у с. Александровка, имеющем широтно расположенные перемычки, обнаружены кости и черепа лошади, быка, вепря [Ковалева, Мухопад, 1982]. Однако впускное скифское погребение VI—V вв. до н. э. не позволяет безоговорочно относить ровик ко времени насыпки кургана.

Известные в двух скифских курганах IV в. до н. э. площадки-ответвления, ограниченные сообщающейся с кольцевым ровиком канавкой, близких аналогий не имеют. Лишь ровик, образующий прямоугольную замкнутую площадку 4X5 м и расположенный в юго-восточной поле кургана 2 у с. Струмок, отдаленно напоминает скифские площадки-ответвления. Этот ровик точно не датируется, хотя основное захоронение в кургане относится к белозерскому времени [Тошев, 1984. С. 25].

Каменные кольца — кромлехи из установленных вертикально плит в скифских погребальных комплексах редки. Кромлехи подобного устройства появляются в Северном Причерноморье (и в других регионах) в эпоху бронзы [Петренко, 1982а. С. 38, 39; Ильюков, Ларенок, 1982. С. 162; Мещанинов, 1930; Худяков, 1931], однако в скифское время сравнительно широко распространяются в восточной части Евразии, на Алтае и в Южной Сибири; внешне они очень напоминают кромлехи скифских курганов Причерноморья [Руденко, 1960. С. 24, 25, 99]. Редкие в степи и лесостепи кольцевые валы, окружающие курганы IV в. до н. э., очевидно, являются семантическим эквивалентом кромлехов: они могли выполнять ту же функцию — выделения и отграничения сакральной подкурганной площадки. Подтверждением этого можно считать валы из камня вокруг некоторых савроматских курганов [Смирнов К. Ф., 1964. С. 77].

Радиальные каменные гряды отмечены у трех-четырех крупных скифских курганов IV в. до н. э. Они обозначали путь погребальной процессии [Забелин, 1865. С. 78], что не бесспорно. Пять-шесть коротких каменных гряд, лучами отходящие от кромлеха, известны в некоторых по-

гребальных комплексах эпохи поздней бронзы Подонья и Приазовья [Ильюков, Ларенок, 1982; С. 162]. Аналогичные «лучи» отмечены и у некоторых алтайских курганов скифского времени [Руденко, 1953. С. 27]. Нетрудно заметить, что подобные комплексы воспроизводят древнюю солярную эмблему — диск с лучами. Однако скифские курганы имеют только один луч. Точные аналогии им — гряды вкопанных крупных камней у некоторых курганов эпохи раннего железа на Алтае [Руденко 1960. С. 25, 26; Сорокин, 1981. С. 25, 26, 28]. Определенное сходство с грядами имеют и дуги, состоящие из небольших круглых и квадратных оградок, сложенных из плит на ребре, отмеченные близ некоторых алтайских курганов скифского времени [Руденко, 1960. С. 25], а также подобного устройства «усы» некоторых курганов в Казахстане [Маргулан и др., 1966. С. 309]. К сожалению, в скифских курганах пока не удалось достоверно зафиксировать каменных «ворот» — парных столбов, хотя их остатки вполне вероятны у перемычек кольцевых ровиков отдельных курганов [Бидзия и др., 1977. С. 65]. Парные вертикальные плиты («ворота») изредка встречаются на Алтае у курганов эпохи раннего железа и раннего средневековья. Этнографические материалы убедительно свидетельствуют об использовании гряд и дуг при многолюдных поминальных церемониях [Сорокин, 1981. С. 26, 28].

Метаструктура погребальных комплексов. Уже доказано, что курганная группа в степях — основная форма организации погребений эпох бронзы и раннего железа; она наиболее характерна и для скифской культуры. Грунтовые могильники появляются там не позднее эпохи средней бронзы и в срубно-белозерское время уже хорошо известны [Лесков., 1975. С. 21]. Редкость скифских смешанных (курганно-грунтовых) могильников, возможно, объясняется плохой изученностью межкурганного пространства. Курганно-грунтовый могильник V—IV вв. до н. э. исследован, к примеру, в Адыгее [Сокровища..., 1985. С. 38, 70].

Курганные цепочки, гнезда и их комбинации широко представлены в культурах эпохи раннего железа евразийских степей [Чернопицкий, 1980. С. 180]. В последние годы здесь засвидетельствовано существование святилищ в некоторых скифских погребальных группах. Как святилища использовались специально подготовленные курганы эпохи бронзы (Носаки, к. 7; возможно, Изобильное, к. 3), кольцевые оградки из грунта (Первомаевка, V) либо наземные каменные постройки (Акташ). Примечательно, что подобные курганы-святилища скифского времени исследованы в Предкавказье: курган 1 Уляпской группы сооружен в эпоху бронзы, но в IV в. до н. э. был использован как святилище [Сокровища..., 1985. С. 32]. В кургане 5 той же группы святилище имело вид деревянного шатрообразного сооружения [Сокровища..., 1985. С. 36]. Каменное культовое сооружение VII—VI вв. до н. э. находилось и в кургане в с Александровского на Ставрополье [Петренко, Найдено и др., 1984]. Курганы-святилища, другие культовые сооружения (грунтовые или каменные оградки) иногда встречаются в погребальных группах кочевого населения скифского времени Подонья и обширного Дегиона к востоку и юго-востоку от Волги [Чернопицкий, 1980. С. 180. 182]. Столь широкая распространенность культовых сооружений, связываемых с местами захоронений, может свидетельствовать о сходстве неко-

торых религиозно-мифологических представлений населения степей Евразии в раннем железном веке; не исключены и случаи миграций, заимствования идей в результате прямых контактов и этнического смешения.

Итак, рассмотрение основных элементов структуры скифских погребальных памятников VII—III вв. до н. э. приводит к следующим выводам.

1. Наблюдается постепенное развитие и усложнение структуры скифского погребального памятника, достигающее апогея в IV в. до н. э. Памятники VII—V вв. до н. э. заметно отличаются от поздних; более заметны различия памятников VII—VI и V вв. до н. э., чем V и IV—III вв. до н. э.

2. В памятниках VII—V вв. до н. э. отчетлива группа элементов, продолжающих традиции эпохи поздней бронзы и переходного времени. Это свидетельствует о культурной преемственности между скифским и доокифским населением. Однако заметное сходство памятников срубно-андроновской общности, нивелировка евразийских степных культур в переходное время, обусловленная, очевидно, мобильностью населения; затрудняет решение вопроса о непосредственном источнике того или иного элемента скифских погребальных памятников. Некоторые элементы более уверенно связывают с белозерско-«киммерийскими», другие — с памятниками восточных районов.

3. Ряд элементов скифских погребальных комплексов был заимствован в соседних синхронных культурах — савроматов, меотов, кизилкобинцев и т. д. Некоторые погребальные обычаи и предметы, вероятно, принесены в степное Причерноморье мигрантами из других (прежде всего восточных и юго-восточных) районов Евразии.

4. Большая часть элементов скифского погребального памятника универсальна, свойственна многим культурам степной Евразии VII—III вв. до н. э. Универсальные элементы (сожжение деревянных гробниц, меловые подсыпки, каменные блюда и плитки, вариации позы погребенных и т. д.) являются, как отметила М. Г. Мошкова, «общеиранским достоянием и не могут служить для этнических определений» [Смирнов К. Ф., 1984. С 7].

5. Анализ погребальных памятников подтвердил существование тесных связей между степным скифским и лесостепным населением, последовательных миграций населения из степи в лесостепь и обратно. Очевидно, существовала некая связь между скифами степного Причерноморья и населением Предкавказья и Прикубанья. Однако выделение трех регионов — степного причерноморского, лесостепного восточноевропейского и предкавказского — демонстрирует значительное своеобразие (при некотором сходстве) погребальных памятников VII—V вв. до н. э., что приводит к значительным расхождениям в этническом определении населения. В IV—III вв. до н. э. различия несколько сглаживаются, но не исчезают.

Хотя открытых в степи скифских погребений VII—V вв. до н. э. за последнее время стало много больше, числом и богатством они значи-

тельно уступают могильникам сопредельных территорий, относимым к скифским.

Как свидетельствует этнография, культурные различия внутри одного этнического массива во многом определяются природной и этноисторической обстановкой. Контакт скифов с автохтонами превратился во взаимодействие их материальной и духовной культур и этносов. В лесостепи такими автохтонами были, очевидно, поздние чернолесцы, в Предкавказье и Прикубанье — меоты и кавказские племена (кобанцы?), в Крыму — кизил-кобинцы и т. д. При отсутствии явной враждебности и военном превосходстве скифов следует предполагать сближение и ассимиляцию культур. Природные условия, хорошо знакомые автохтонам, способствовали этому. Присутствие скифов в восточноевропейской лесостепи и в Предкавказье сомнений не вызывает, но и не решает вопрос этнической принадлежности многих погребальных памятников этих районов. К точным этническим определениям (если они вообще возможны) без детального анализа погребальной обрядности населения приступать нельзя. Пока же можно лишь приблизительно оценить, насколько погребальные памятники имеют «скифский» или «нескифский» облик.

6. Судя по комплексу признаков, из синхронных памятников наиболее близки степным скифским лесостепные восточноевропейские и савромато-сарматские, а из предшествующих — «киммерийские» захоронения Причерноморья.

2. ПРОБЛЕМА ЛОКАЛЬНЫХ ЗОН И ВАРИАНТОВ СКИФСКОЙ СТЕПНОЙ КУЛЬТУРЫ

Исследование показало неоднородность, относительное разнообразие погребальных памятников: захоронений VII—V вв. до н. э. сравнительно мало, и разбросаны они на обширной территории (рис. 1); выделение локальных групп преждевременно. Выборка погребений IV—III вв. до н. э. значительно представительнее, что увеличивает надежность статистических результатов и позволяет выявить локальные особенности памятников. Деление погребальных памятников IV—III вв. до н. э. на локальные группы проводилось по географическому признаку; результаты показали эффективность такой группировки. Каждой из 14 выделенных локальных групп присущи особенности распространенности прежде всего погребальных сооружений, ориентировки погребенных и сопровождающего инвентаря. Другие группы элементов погребального памятника менее выразительны и дифференцированы, хотя имеют локальные различия. Кратко охарактеризуем локальные группы памятников IV—III вв. до н. э. (рис. 11).

Придунайская группа: преобладают ямы, нередки и катакомбы; захоронения, как правило, основные, одиночные; господствует западная, существенна восточная (с отклонениями) ориентировка; редки ножи и бусы, обычное оружие, котлы.

Поднестровская группа: преобладают ямы, обычны и катакомбы; 38% погребений — грунтовые, из курганных — 21% впускных, 10% захоронений — асинхронные; преобладают восточная (с отклонениями) ориентировка (53%), часта северная (21%). Обычны ножи (36%), амфоры (24%), оружие (42%), жертвенная пища (35%).

Северостепная группа: преобладают ямы, нередко катакомбы, есть деревянные гробницы; около 25% курганных погребений — впускные: Асинхронных захоронений нет, парные и коллективные составляют 22%. Преобладает западная (с отклонениями) ориентировка. Обычно оружие (51%), нередко котлы (9%).

Приольвейская группа: господствуют катакомбы, нередко ямы. Подавляющее большинство захоронений — основные, асинхронных почти нет, парных — 12%. На восток (с отклонениями) ориентировано 62,5% погребенных. Оружие отмечено лишь в 29,5%, амфоры и чернолаковая керамика — в 33—39% погребений.

Буго-Ингульская группа: преобладают катакомбы, обычны ямы; 36% захоронений — впускные. Асинхронные захоронения редки, парные и коллективные составляют 14%. Ориентировка на запад (с отклонениями) в 68%, на север — в 9% захоронений. Часто встречается оружие (58%), реже — жертвенная пища (35%).

Ингулецкая группа: преобладают катакомбы, менее распространены ямы, известны каменные ящики; 43% захоронений — впускные, 9% — асинхронные, 18% — парные и коллективные. Преобладает западная, с отклонениями ориентировка (82%). Обычны ножи (47,6%), оружие (51%), жертвенное мясо (66,7%).

Ягорлыцко-Каланчакская группа: господствуют катакомбы, ямы редки; впускных захоронений — 29%, асинхронных — мало, парных и коллективных — 9%. Преобладает ориентировка на запад, северо-запад и юго-запад (86%). Нередки оружие (51%) и жертвенная пища (32%).

Поднепровская группа: преобладают катакомбы, ямы встречаются реже; известны также каменные, деревянные и комбинированные гробницы. 41% захоронений — впускные, 12% — асинхронные, 14% — парные и коллективные. На запад (с отклонениями) ориентирован 71% погребенных, на север и юг — около 16%. Нередки оружие (52%) и жертвенная пища (49%); пряслиц меньше (15,7%); есть котлы (4%).

Приазовская группа: распространены катакомбы и ямы. Часты впускные захоронения (30%), парные и коллективные (25%). На запад (северо-запад, юго-запад) ориентировано 50, на север и юг — 25% погребенных. Часто встречается оружие (62%) и котлы (20,7%).

Нижнедонская группа: преобладают ямы, известны каменные гробницы и другие виды погребальных сооружений. Впускные захоронения редки (12%). На запад (с отклонениями) ориентировано 84% погребенных. Обычно оружие (59%), амфоры (55%), жертвенная пища (47%); встречаются котлы (7%).

Западнокрымская группа: преобладают ямы и каменные гробницы и склепы), впускные захоронения (61%); асинхронные составляют 20%. Погребенные ориентированы в основном на запад (с отклонениями) — 68%. Примечательны редкость оружия (26%) и жертвенной пищи (17%).

Присивашская группа: преобладают ямы, при значительной распространенности катакомб. Абсолютно преобладают впускные (92%) преимущественно в курганы эпохи бронзы одиночные захоронения и западная (с отклонениями) ориентировка. Обычны оружие и жертвенное мясо (по 57%), ножи (43%).

- Предгорная группа Крыма: преобладают каменные гробницы (53%) при наличии ям и катакомб. Захоронения преимущественно впускные в курганы эпохи бронзы (54%); асинхронных — 36%. Погребенные ориентированы преимущественно на запад (северо-запад, юго-запад) — 72,7%. Обычно оружие (64%), жертвенная пища (28%), лепная керамика (39%) и амфоры (36%).

Восточнокрымская группа: преобладают основные захоронения в каменных гробницах (50%) и ямах (47%). 42% погребений — грунтовые, 46% — асинхронные преимущественно с западной (с отклонениями) ориентировкой (90%).

Итак, локальные группы при некоторых общих чертах весьма специфичны. Для выяснения степени сходства в качестве эталона наиболее целесообразно использовать Поднепровскую группу — самую представительную по числу и выразительности скифских памятников. Поднепровской по комплексу признаков близки Ягорлыцко-Каланчакская, Буго-Ингульская, Иигулецкая, Приазовская группы. Они характеризуются преобладанием катакомб, высоким процентом западной (с отклонениями) ориентировки, широкой распространенностью оружия и жертвенной пищи.

Относительно близки между собой Придунайская и Присивашская группы распространенностью ям и катакомб, почти полным отсутствием асинхронных и преобладанием одиночных захоронений с широтной ориентировкой; однако в Присивашье чаще встречаются впускные захоронения и оружие.

Поднепровская группа отличается от большинства других распространенностью грунтовых погребений, высокой частотой встречаемости северной (21%) и особенно восточной (53%) ориентировки, большим количеством импортной (греческой) гончарной керамики. Данная группа — одна из немногих, продолжающих активное существование в III—II вв. до н. э. Она сближается с Поднепровской распространенностью катакомб III и V типов и северной ориентировки, а с Придунайской — весьма широкой распространенностью ям и, наряду с западной, восточной ориентировки. На скифских поселениях Поднепровья известны находки гето-фракийской керамики [Мелюкова, 1975. С. 45, 53], но скифские погребения не имеют явных следов влияния фракийской погребальной обрядности. Однако анализ краниологической серии из могильников у с. Николаевка показал, что она занимает промежуточное положение между скифами и фракийцами; это позволило кочстатиповать «смешанное, скифо-фракийское происхождение населения Поднепровья в скифское время» [Великанова, 1970]. Скифо-фракийское смешение в Поднепровье вполне реально; будущие исследования конкретизируют представления о нем.

Небольшая Приольвийская группа отличается от остальных преобладанием основных катакомб I и X типов с сырцовыми и амфорными закладками, восточной (с отклонениями) ориентировки, редкостью оружия, широкой распространенностью греческой столовой посуды и амфорной тары, наличием «оболов Харона» — элементами, находящими аналогии в греческих некрополях Причерноморья и свидетельствующими об активнейших греко-варварских контактах. По Геродоту, непод-

леку от Ольвии проживало этнически смешанное население — миксэллины или эллино-скифы.

Северостепная группа своеобразна сочетанием степных и лесостепных черт погребальной обрядности. Нижнедонская группа по комплексу признаков относительно близка Поднепровской, в меньшей степени — Восточнокрымской; помимо чисто скифских, в ней определяются и некоторые черты савромато-сарматской погребальной обрядности. Три из четырех локальных групп Крыма (кроме Присивашской) весьма близки между собой прежде всего погребальными сооружениями, ориентировкой погребенных, распространенностью асинхронных захоронений и греческого импорта.

Локальные группы погребальных памятников, очевидно, отражают этнокультурные различия населения, что дает основание признать занимаемые территории локальными зонами скифской степной культуры IV—III вв. до н. э. и сохранить за ними прежние названия локальных групп. Территориально близкие и в значительной мере сходные локальные зоны образуют локальные варианты скифской культуры. Локальным вариантом может быть признана и крупная (более 100 памятников) локальная зона с ярко выраженным своеобразием. По мере накопления специфического качества отдельная, как правило, небольшая зона может образовывать новый самостоятельный локальный вариант, соединиться с ближайшим локальным вариантом либо выделиться из существующего в самостоятельный локальный вариант.

По указанным признакам в степном Причерноморье можно выделить 4 локальных варианта, объединяющих 10 локальных зон, и 4 самостоятельные локальные зоны скифской степной культуры IV—III вв. до н. э. (рис. 11). Распространенность некоторых наиболее выразительных признаков (элементов) погребальных комплексов четырех локальных вариантов, схематически представленная на рис. 15, наглядно характеризует особенности каждого. Схема, составленная на основе таблиц 12—15, 18, 23—27, демонстрирует встречаемость основных видов погребальных сооружений (ям, катакомб, каменных гробниц — ящиков и склепов), бескурганых и асинхронных* захоронений, широтной и меридиональной ориентировок, а из категорий инвентаря — оружия, амфор и жертвенной пищи (без поправок на ограбленность).

Днепро-Бугский локальный вариант включает Буго-Ингульскую, Ингулецкую, Поднепровскую и Ягорлыцко-Каланчакскую локальные зоны. Он характеризуется преобладанием катакомб, сравнительной редкостью ям, широкой распространенностью западной (с отклонениями) ориентировки. Здесь часто встречается оружие и жертвенная пища, но амфоры (без учета остатков трезны) сравнительно редки. К данному варианту тяготеют, но не входят в него Приазовская и Присивашская зоны, соответствующие выделенным выше группам.

Днестро-Дунайский локальный вариант включает Поднепровскую и Придунайскую локальные зоны. К его особенностям относятся преобладание ям и катакомб простейших вариантов, распространенность бескурганых захоронений, высокий процент восточной (с отклонениями)

* В % от числа погребений с установленным характером.

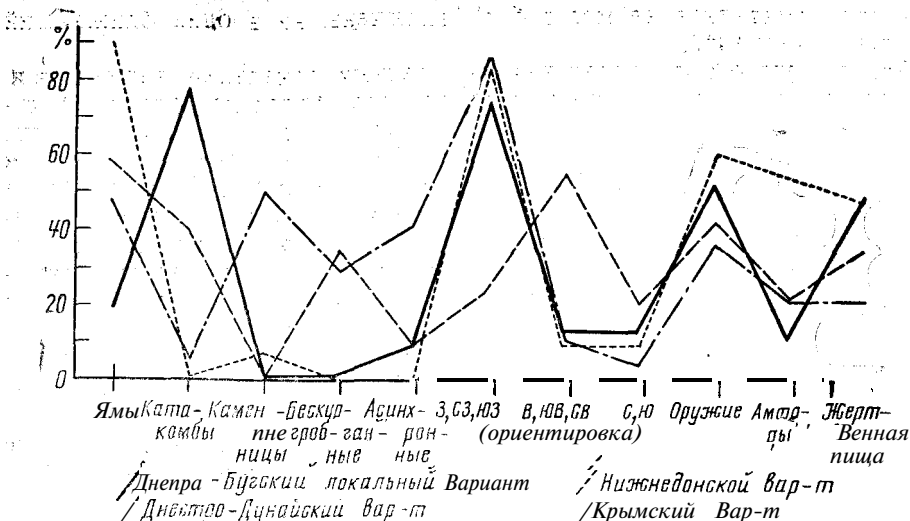

Рис. 15. Встречаемость некоторых элементов погребальных комплексов в локальных вариантах скифской степной культуры рубежа V—IV—III вв. до и. э.

ориентировки при заметной доле меридиональной; амфоры в погребениях встречаются в два раза чаще, чем в захоронениях Днепро-Бугского локального варианта; изредка фиксируется и фракийская керамика. Большинство особенностей связано с оседлостью и полуседлостью значительной части населения (прежде всего в Поднестровье). Вместе с тем из двух слагаемых Придунайская зона ближе «классическому» Днепро-Бугскому локальному варианту, чем Поднестровская. Судя по последним публикациям, в этом локальном варианте следует ожидать уменьшение доли бескурганных скифских захоронений и возрастание распространенности западной ориентировки.

Нижнедонской локальный вариант, образованный памятниками Нижнедонской зоны, своеобразен абсолютным преобладанием ям (в том числе редких типов) при почти полном отсутствии катакомб и асинхронных захоронений, большой частотой встречаемости оружия и амфор.

Крымский локальный вариант включает Западнокрымскую, Предгорную и Восточнокрымскую локальные зоны. Он характеризуется большой распространенностью каменных гробниц (ящиков и склепов), бескурганных и асинхронных захоронений, заметно меньшей — по сравнению с другими вариантами — встречаемостью оружия и жертвенной пищи. Примыкающая к нему Присивашская зона, хотя и находится в Крыму, но своими характеристиками демонстрирует большее сходство с Днепро-Бугским локальным вариантом и Приазовской зоной.

Весьма своеобразны Северостепная и Приольвийская локальные зоны, памятники которых уже проанализированы при характеристике соответствующих локальных групп. Они, а также Присивашская и Приазовская образуют отдельные локальные зоны, которые из-за малочис-

ленности памятников не могут быть включены ни в один ближайший локальный вариант.

Этническую основу населения выделенных локальных вариантов И зон составляли скифы. Данные погребального обряда позволяют с большей долей вероятности предполагать в населении локальных зон и другие этнические компоненты, а также смешанность населения. На нижнем Дону таким компонентом были савромато-сарматы, в Приольвийской зоне — греки (возможно, преобладающий компонент), в Крыму — кизил-кобинцы, позже сарматы, в Северостепной зоне — выходцы из лесостепи, в Поднестровье, возможно, фракийцы. Не исключается нескифское население и в Поднепровье, в частности в Припорожье; ему МОГУТ принадлежать могильники типа Кичкасского. Отметим, что предполагаемый этнический состав населения степной Скифии подтверждается анализом керамического комплекса скифского времени [Гаврилюк, 1981. С. 18, 19], отчасти и данными палеоантропологии.

Возможно, выделенные локальные зоны и варианты отразили не только этноплеменное, но отчасти и политико-административное (номовое) деление степной Скифии. Так, Поднепровская локальная зона, демонстрирующая устойчивый чисто скифский погребальный канон (исключение составляет небольшая группа памятников Припорожья), характеризуется концентрацией подавляющего большинства богатых и «царских» погребений; не исключено обитание здесь господствующих скифов царских и т. п.

3. РЕКОНСТРУКЦИЯ ПРАКТИЧЕСКОЙ СФЕРЫ ПОГРЕБАЛЬНО-ПОМИНАЛЬНОЙ ОБРЯДНОСТИ

Как отмечалось, реконструкция практической сферы погребально-поминальной обрядности — задача трудная, ее не решить без привлечения письменных и других источников. Геродотово описание погребения скифского царя — очень ценный, но не исчерпывающий источник. Геродот, не наблюдавший этого обряда, записал его со слов информатора. Описание похорон царя кажется завершенным, однако нет уверенности, что информатор сообщил, а Геродот воспроизвел все подробности. Малозначительные с точки зрения информатора детали, вероятно, были опущены. Все это осложняет реконструкцию.

Другое обстоятельство, затрудняющее реконструкцию, связано с разнообразием погребальных памятников и, следовательно, вариантностью обряда. Выделяются три уровня различий между памятниками (обрядами).

1-й уровень отражает различия синхронных памятников одного могильника; назовем его этносоциальным. Он есть результат воздействия социально-экономического, общего религиозно-мифологического, физиологического факторов, индивидуальности и обстоятельств смерти. Церемония царских похорон отличалась от похорон рядового общинника, слугу или раба хоронили иначе, чем свободного скифа, детское захоронение отличалось от взрослого и т. д.

2-й уровень отражает различия между синхронными памятниками разных могильников; его можно назвать территориально-экологическим:

в основном обусловлен особенностями природно-климатического воздействия. Так, памятники Крыма, Поднепровья и дельты Дона отличаются деталями. Не исключается воздействие и факторов 1-го уровня, например религиозно-мифологического фона, отражающего возможные различия верований этнических групп.

3-й уровень отражает различия между асинхронными памятниками одного либо разных могильников; его можно назвать хронологическим. Он обусловлен в основном воздействием этнотрадиционного фактора, отражающего консервативность обычаев, обрядов и т. д., и фактора внешних влияний, изменяющего обрядность заимствованиями. Здесь действуют и некоторые факторы 1-го уровня, например экономический, определяющий реальные возможности общества в создании погребального памятника. Экономические возможности менялись, что и отражалось в погребальной обрядности.

Итак, вариантность обрядов любой этнической группы, некоторые различия между ними объясняются главным образом этносоциальными, территориально-экологическими и хронологическими причинами. Различия эти не столь резки. Так, захоронение «царя» отличалось от захоронения рядового скифа целым рядом деталей, но в главном они едины.

Археологический материал свидетельствовал о большей сложности погребального ритуала скифов IV—III вв. до н. э. по сравнению с предшествующим, поэтому предлагаемая реконструкция базируется на поздних памятниках; особенности архаической и раннескифской обрядности отмечаются особо.

Погребально-поминальный обряд как процесс, воплощающий определенную религиозно-мифологическую концепцию, выполнялся в соответствии с определенными предписаниями — процессуальными нормами. Он может быть расчленен на ряд фаз, каждая из которых включает несколько акций. Деление на фазы в целом отражает этапность создания погребального памятника, однако их жесткая последовательность наблюдается не всегда; некоторые акции разных фаз могли осуществляться одновременно. Предлагаемая реконструкция — синтез извлеченного из письменного (Геродот) и археологического источников с учетом некоторых этнографических параллелей.

I фаза: подготовка к захоронению. Следует ожидать, что подготовка тела к захоронению включала целый ряд акций. Одна из них — бальзамирование, в степном Причерноморье археологически не фиксируемое, но безусловно применявшееся [Нег., IV, 71]. Алтайские находки [Руденко, 1953. С. 43; 1960. С. 329—334] подтверждают реальность бальзамирования. Следующей акцией могло быть обряжение к оплакиванию. Важной акцией были собиране и подготовка погребального набора, часть его могли изготавливать специально. Количество и качество предметов инвентаря во многом определял социальный ранг погребаемого. Если в захоронение рядового дружинника помещали копье, иногда простой железный меч в кожаных или деревянных ножнах и кусок жертвенного мяса, то знатному нередко оставляли по несколько копий и мечей (обычно украшенных золотом), две-три порции жертвенного мяса в котле или на деревянном блюде. В захоронениях знати обычны

импортные, в основном греческого изготовления вещи и изделия из драгоценных металлов. Вместе с тем при количественном и качественном разнообразии очевиден традиционный набор вещей, единый почти для всех захоронений, исключая социально неполноценных и неполноправных. Набор включал прежде всего оружие, жертвенную пищу и нож, а также глиняный, деревянный, металлический или кожаный сосуд, импортный или местной выделки. Допускались широкие вариации набора, обусловленные полом, возрастом, социальным статусом и родом занятий погребаемого. Состав традиционного набора определялся и религиозно-мифологической концепцией состояния и деятельности человека после смерти, представлениями о путях и способах перемещения в «мир иной».

Обязательной акцией погребального обряда являлось посмертное путешествие. Тело умершего помещали на повозку; в ту же (либо в другую) повозку помещали погребальный набор. При похоронах монарха или «царя» траурная процессия посещала подвластные племена [Нег., IV, 71], очевидно, для сбора «посмертной дани» и припасов к поминальным торжествам, а также людей, необходимых для создания погребального и надгробного сооружения. Скифы, по племенной территории которых везли тело «царя», «скорбели-», выражая скорбь причиняемыми себе телесными повреждениями. Все увеличивающийся траурный кортеж к прибытию на место захоронения мог насчитывать десятки повозок в сопровождении сотен, а то и тысяч верховых. Отметим, что траурное путешествие, сбор «дани» диктовались не только соображениями престижа, но и тем, что место захоронения знати (по крайней мере, в VI в. до н. э., до и во время похода Дария) находилось весьма далеко [Нег., IV, 127]. Однако пышные процессии, надо полагать, устраивали только при захоронении знатнейших скифов. Подготовка погребения рядового скифа была, очевидно, упрощена: бальзамирование и дальнейшее траурное путешествие не осуществлялись. С умершим прощались только родственники (не обязательно из одного племени), а погребали его неподалеку от мест обитания и кочевков.

II фаза: подготовка места захоронения. Для ускорения подготовку места погребения и умершего к захоронению осуществляли одновременно. Комплекс необходимых работ выполняла, вероятно, группа людей, высылаемая к месту захоронения сразу же после смерти знатного соплеменника или вождя. Можно предположить, что в группу включался жрец или прорицатель, и «архитектор» — мастер, имеющий опыт создания крупных надгробных и погребальных сооружений, — с группой обученных помощников. Существование специалистов (ими могли быть и служители культа) косвенно подтверждается открытием ряда чрезвычайно близких по конструкции больших погребальных сооружений. К тому же устройство больших и глубоких катакомб требовало применения простейших подъемных механизмов и умения работать с ними.

Место захоронения определялось старейшинами, прорицателями или вождем. Предпочтение отдавали уже существующим погребальным группам, расположенным на возвышенностях. На их основе, но иногда и самостоятельно складывались родовые (племенные) курганные группы — «кладбища». При подготовке захоронения знатного лица почти

наверняка проводили предварительную разметку подкурганной поверхности с применением простейших инструментов — «циркуля» (веревка или кожаный ремень, привязанный к кольшку), «мерных реек» (шесть). Возможно, подкурганную поверхность сакрализовали посредством специальных обрядов, сожжения травяного покрова и т. п. Вероятно, в это же время подвозили необходимый материал — лес, камень и т. п.

III фаза: создание погребального, вспомогательных и жертвенных сооружений. Акции этой фазы осуществляли также параллельно подготовке умершего к захоронению. При захоронении знатного это было особенно необходимо, так как большое погребальное сооружение создать за короткий срок трудно; о синхронности фаз сообщает и Геродот [Her., IV, 71]. Выкинутый при рытье погребального сооружения материковый грунт укладывали кольцом или полукольцом, оставляя доступ к погребальному сооружению. Изредка выкидом обозначали границы подкурганной поверхности. Неподалеку от погребального сооружения и одновременно с ним при захоронении аристократа создавали вспомогательные сооружения: могилы коней и слуг, жертвенные ямы, изредка — погребальную дорожку, вторую входную яму и дромос для подзахоронения.

Подготовка места захоронения рядового скифа не требовала много времени. Небольшую катакомбу два-три землекопа, работая одновременно, выкапывали за один-два дня. Вспомогательные и жертвенные сооружения создавали крайне редко.

IV фаза: захоронение умершего. Акции данной фазы осуществлялись после прибытия кортежа. К этому моменту создание погребального и вспомогательных сооружений в основном уже заканчивалось. Привезенные на повозках материалы использовали, вероятно, и для интерьера погребального сооружения (драпировка стен, пола и т. д.). После размещения погребального набора, тела умершего (в гробовище, на ложе), иногда тел сопровождающих слуг в погребальном сооружении, его закрывали закладом или перекрытием. На подкурганную поверхность либо во входную яму помещали части разобранной погребальной повозки. Во вспомогательные захоронения укладывали тела «конохов», «охранников» и коней, а в жертвенные сооружения — части погребального набора. Нередко на подкурганной поверхности устраивали погребальный пир, осуществляли другие ритуальные действия; разводили костер, устанавливали жертвенники, заполняли жертвенные ямы.

V фаза: создание и оформление надгробного сооружения. Обычно это курганная насыпь. В богатых курганах ее нижнюю часть отсыпали одновременно со строительством погребального сооружения. Для создания основного объема насыпи использовали грунт, дерновые вальки, материковую глину, иногда камни, камышовые или камковые прокладки. Глиной из кольцевого ровика обкладывали склоны насыпи до устройства каменной крепи.

Создание надгробной конструкции — наиболее трудоемкая часть V фазы. Очевидна зависимость между социальным положением погребаемого, размерами надгробного и погребального сооружений. По подсчетам Б. Н. Мозолева, объем первичной насыпи Толстой Могилы составил примерно 12000 м³, а затраты труда на ее сооружение — око-

до 12 000 человеко-дней. Такое 1500—3000 человек могли осуществить за четыре-восемь дней [Мозолевский, 1979. С. 167].

При сооружении насыпи нередко устраивали погребально-поминальные трапезы, а в насыпь помещали дары (конская узда, стрелы, части повозок и т. д.).

К сожалению, первоначальный вид насыпи по остаткам периода раскопок установить можно не всегда [Грязнов, 1961а]. Есть основания считать, что не всем скифским курганам придавали форму конуса. Так, вершина Чертомлыка была ровной площадкой диаметром около 15 м, а южный склон, вероятно, не случайно имел значительно большую пологость по сравнению с другими [ОАК за 1862 г. С. XVI]. Подобное намогильное сооружение напоминает святилище Ареса, размеры которого вполне сопоставимы с размерами крупного кургана. По словам Геродота [Нер., IV, 62], такие святилища устраивались в каждом скифском номе. Использование скифами курганов эпохи бронзы в качестве святилищ Ареса позволяет предположить подобное же использование некоторых скифских курганов. Иногда, на вершине кургана устанавливали изваяние, для чего там устраивали небольшую круглую площадку; насыпь при этом приобретала форму усеченного конуса.

VI фаза: создание внекурганного сооружения. Наиболее распространенным внекурганным сооружением был кольцевой ровик, с примыкающей к нему изредка поминальной площадкой, ограниченной замкнутой канавкой. Ровик обычно сооружали одновременно с насыпью, но нередко и после. Иногда с напольной стороны ровика вокруг крупных курганов грунтом, вынутым из ровика, отсыпали кольцевой вал. На некотором расстоянии от ровика или подножия насыпи изредка сооружали один, два или три concentрических кольца каменного кромлеха, а также радиальные каменные гряды. Кольцевая площадка между склоном насыпи и ровиком (особенно у перемычек) использовалась для установки жертвенника и совершения поминального пира после завершения памятника. Не исключено, что возле курганов устраивали небольшие поминальные сооружения в виде каменных оградок, но они, как правило, не сохраняются.

VII фаза: поминальные действия. Скифам был известен обычай периодических поминок. Геродот [Нер., IV, 72] сообщает о поминках через год после похорон скифского «царя», во время которых приносили в жертву по 50 лошадей и слуг. Вполне вероятно, что меньшие поминки устраивали до и после годовых. Как отмечалось, особое значение при поминаниях имели грунтовые перемычки, соединяющие сакрализованную курганную площадку с «внешним миром» и воспринимаемые как вход в «мир мертвых». У перемычек на дне ровиков обычно концентрируется большая часть остатков поминальной трапезы.

Этнографические данные свидетельствуют, что поминальные торжества через полгода или год после похорон у кочевых народов (казахов, бурят и др.) в недавнем прошлом оставались важной общественной акцией. Поминки длились несколько дней, участвовали в них сотни и тысячи человек из разных племен. Примечательно, что кибитки гостей устанавливали цепочкой или несколькими рядами по дуге или прямой. На этих данных базируется вывод о том, что каменные гряды и «усы»

курганов эпохи раннего железа Казахстана и Южной Сибири (камни и кольцевые оградки) использовались при организации поминальных торжеств [Сорокин, 1981. С. 24, 25], они отмечали места распорядителей, участников (повозок или кибиток. — *В. О.*). Возможно, так же использовали и радиальные каменные гряды, изредка фиксируемые у больших скифских курганов. Семантически указанные гряды тождественны цепочкам «балбалов», располагавшимся обычно с восточной стороны алтайских курганов скифского и древнетюркского времени; «балбалы» были каменными коновязями — сэргэ. Количество коновязных столбов, судя по этнографическим данным о погребальных обрядах алтайцев, казахов, якутов и других тюркоязычных народов [Кубарев, 1979. С. 95], определялось социальным положением умершего и соответственно числом участников поминок. Коновязные столбы у небольших скифских курганов могли быть деревянными.

Судя по данным этнографии, важной частью поминок была трапеза дважды в день; ели сваренное в котлах мясо, иногда вареное в жире тесто, пили в большом количестве кумыс и чай. Мясо подавали на деревянных блюдах. Кроме того, устраивали состязания в стрельбе из лука и борьбе, скачки и джигитовку, выступления певцов-сказителей и т. п. [Руденко, 1960. С. 327, 328]. Подобные акции могли быть частями скифского поминального ритуала.

Большое число участников поминок позволяло досыпать курган, ремонтировать крепиды и т. д. Досыпка насыпи при богатом впускном захоронении была обязательной.

Таким образом, курганы воспринимались скифами как погребальные и поминальные памятники, а некоторые — и как святилища. Обнаружение керамики IV—III вв. до н. э. возле курганов V в. до н. э., не содержащих впускных захоронений, свидетельствует о длительности «поминального периода».

При захоронении рядовых скифов все фазы погребально-поминального ритуала соблюдались, но количество акций сводилось к минимуму; церемония не отличалась пышностью. Если захоронение впускали в курган эпохи бронзы, насыпь обычно досыпали, иногда окружали ровиком и крепидой, что символизировало превращение древнего кургана в скифский погребально-поминальный памятник. Впускное захоронение требовало значительно меньше затрат труда, поэтому рядовое население нередко, а беднейшее и неполноправное, как правило, использовали впускные захоронения, не всегда при этом досыпая курган.

Грунтовые погребения сравнительно редки и небогаты у скифов. Захоронение происходило по короткой программе, включавшей первые четыре фазы в упрощенном варианте (V и VI фазы осуществлялись частично) и фазу поминальных действий.

Предложенная реконструкция практической сферы скифской погребально-поминальной обрядности, построенная на материалах IV—III вв. до н. э., вполне применима и для V в. до н. э. Погребальные комплексы VII—VI вв. до н. э. демонстрируют достаточно развитую обрядность,

которая, однако, даже при реализации всех фаз была не столь сложна,

аического времени отличается от более поздней глав-
дующим. Чаше устраивали впускные захоронения (до
ые сооружения с деревянными конструкциями часто
обжигали. Кольцевые ровики и каменные крепиды исполь-

аменных гряд, :
ерноморья пока не отмечены, но они более чем вероятны.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Рассмотрение большой выборки скифских погребальных памятников VII—III вв. до н. э. степного Причерноморья позволило выявить этносоциальные, территориально-экологические и хронологические различия между ними, реконструировать процесс захоронения — практическую сферу погребально-поминальной обрядности. Она сложна, многоэтапна и развивается на протяжении всего периода господства скифов в причерноморских степях.

В обрядности скифов и ряда кочевых и полукочевых этнических общностей степной (отчасти и лесостепной) Евразии эпохи раннего железа, в особенности савромато-сарматов, много общего и родственного. Однако в целом она достаточно своеобразна. Своеобразие это, менее заметное в архаический период, в V—III вв. до н. э. уже достаточно выразительно. Оно обусловлено как своим собственным развитием, так и влиянием материальной и духовной культуры соседей — савромато-сарматов, населения восточноевропейской лесостепи, кизил-кобинцев, греков и др.

Анализ степных памятников VII—V вв. до н. э. позволяет выделить три региона, погребальные памятники которых дают наибольшее число аналогий скифскому погребальному памятнику; это восточноевропейская лесостепь VII—V вв. до н. э., степное Причерноморье VIII—VII вв. до н. э. и Южная Сибирь VII—V вв. до н. э. Определенное сходство демонстрируют и памятники VII—IV вв. до н. э. Предкавказья, Поволжья и Приуралья, Казахстана, Средней Азии, придающие (вместе с памятниками трех названных регионов) «скифообразие» евразийским древностям раннего железного века. Упомянутые памятники свидетельствуют, что точные аналогии архаическим скифским погребальным комплексам в целом вне причерноморской степи и восточноевропейской лесостепи почти не встречаются, хотя ряд очень ярких и выразительных элементов комплекса зафиксирован во многих районах Евразии. Отсюда следует, что собственно скифский погребально-поминальный обряд, т. е. погребально-поминальный обряд населения степного Причерноморья VII—III вв. до н. э., сложился как единое целое именно в Причерноморье. Говорить о его привнесении в готовом виде извне оснований нет.

Подчеркнем, что этот вывод не означает решения проблемы происхождения скифов и скифской культуры; решить ее, изучая только погребальную обрядность, нельзя. Однако он свидетельствует о нетождественности скифской культуры степей Северного Причерноморья и ее основных слагаемых — автохтонной и пришлой, что, в свою очередь, требует использования соответствующей терминологии. Необходимость

унификации употребления таких терминов, как скифы и скифская культура, неоднократно декларировалась; однако использование терминов скифы и собственно скифы, скифоиды, скифо-сибирская общность и т. п. * продолжается. Иногда употреблявшийся ранее термин «протоскифы» [Тереножкин, 1980. С. 120] в некоторых работах последних лет используется для обозначения пришлого, «азиатского» компонента собственно скифского (причерноморского) этноса, что логически вполне оправдано, хотя чрезмерно акцентирует познание на преобладании в скифской культуре восточного, пришлого компонента.

Полученные нами результаты свидетельствуют в пользу мнения многих исследователей о формировании скифской культуры в обширном причерноморско-приазовском регионе в результате сложного культурного и этнического взаимодействия, а потом, возможно, и слияния автохтонного и пришлого компонентов. Таким образом, «в целом скифская культура представляется как новообразование, возникшее в результате многих исторических причин» [Мелюкова, 1980. С. 124, 125]. Пришлый этнический компонент, очевидно, обладал способностью к активному взаимодействию с автохтонами различных регионов в новой для него природной обстановке — степях Причерноморья, Прикубанья, предгорьях Кавказа и т. д. Следует предполагать, что подобное взаимодействие при культурном и военном доминировании пришлого «протоскифского» компонента приводило к формированию скифского населения и культуры, включавших в себя ассимилированное местное население, сохранившееся на захваченных «протоскифами» территориях. Такой процесс закономерно приводил к трансформации погребальной обрядности взаимодействующих этнических групп, выработке новых локальных погребальных традиций при сохранении ряда прежних. Погребальные памятники VII—V вв. до н. э. Предкавказья, лесостепи и других регионов, локальные варианты скифской степной культуры IV—III вв. до н. э. подтверждают оказанное.

Скифская погребально-поминальная обрядность на протяжении изучаемого периода претерпела определенные изменения. Имевший заметное распространение обычай сооружения деревянной гробницы и ее сожжения к кон. V в. до н. э. почти исчез; постоянно увеличивался процент западной ориентировки погребенных. Динамика характера захоронений VII—III вв. до н. э. выражена достаточно определенно: одиночные — парные — коллективные и асинхронные (при сохранении одиночных и парных). Постоянно расширялся ассортимент предметов погребального набора.

Если подавляющее большинство памятников VII — нач. V в. до н. э. демонстрирует относительное социально-экономическое равенство погребенных, то захоронения IV—III вв. до н. э. гораздо более дифференцированы. Во 2-й пол. V — нач. IV в. до н. э. погребальная обрядность скифов степного Причерноморья достигает максимальной сложности и законченности; в памятниках более позднего времени, даже очень богатых, принципиально новых элементов или черт крайне мало.

Природная среда, особенности формирования скифского этноса, торговые и культурные контакты с соседями обусловили своеобразие погре-

бальных памятников Причерноморья и позволили выделить локальные варианты скифской степной культуры IV—III вв. до н. э.

Изучение погребальных памятников позволило надежно обосновать выдвигавшиеся ранее предположения о движении населения из лесостепи в степь, из степи в лесостепь в VI—IV вв. до н. э., из Поднепровья на Днестр в III в. до н. э. [Мелюкова, 1962. С. 162], в Крым через Перекоп на протяжении всего скифского периода. Вместе с тем еще более очевидной становится сравнительная редкость скифского населения в причерноморской степи в сер. VII—сер. V в. до н. э. Возможное объяснение этому — в палеоэкологии и палеоклиматологии Причерноморья, как предполагают некоторые исследователи.

ПРИЛОЖЕНИЕ I

СТРУКТУРА ПОГРЕБАЛЬНОГО ПАМЯТНИКА

(основные элементы)

О. Паспортные данные: 1) географический район; 2) название могильника; 3) номер кургана; 4) номер погребения; 5) дата погребения; 6) культурная принадлежность; 7) исследователь и год раскопок; 8) источник (публикация, архивный материал).

I. Погребальное сооружение. **А. Классификация** (вид, тип, вариант): 1) яма; 2) каменный ящик; 8) каменный склеп; 4) каменная гробница (вид, тип неясен); 5) грунтовый склеп; 6) деревянная гробница; 7) сырцовая гробница; 8) катакомба; 9) комбинированная гробница; 10) сооружение отсутствует; 11) вид и тип сооружения неясен. **Б. Спецификация:** 1) повреждено; 2) неповреждено; 3) основное; 4) одно из основных; 5) впускное в курган эпохи бронзы; 6) впускное в скифский курган; 7) неясно, впускное или основное; 8) главное; 9) вспомогательное; 10) подкурганное; 11) бескурганное (грунтовое). **В. Конструкция:** 1) на древней дневной поверхности; 2) целиком в грунте; 3) наполовину в грунте; 4) сожжено, обожжено сооружение; 5) сожжено, обожжено перекрытие; 6) каменная оградка, кольцо вокруг сооружения; 7) каменный завал сооружения; 8) каменный завал над сооружением; 9) заклад сооружения (вариант); 10) перекрытие сооружения (вариант); 11) ниша в сооружении; 12) тайник в сооружении; 13) драпировка стен циновками, тканью; 14) обмазка дна, стенок глиной; 15) врезной орнамент по стенкам, потолку сооружения; 16) гвозди, крюки в стенках сооружения; 17) подсыпка дна сооружения песком, ракушками, галькой; 18) вторая входная яма, дромос (следы подзахоронений).

II. Останки погребенного. **А. Антропологическая характеристика:** 1) пол; 2) возраст; 3) антропологический тип; 4) физические аномалии; 5) вероятная причина смерти. **Б. Вид захоронения:** 1) труположение; 2) трупосожжение; 3) неполное трупосожжение. **В. Характер захоронения:** 1) кенотаф; 2) одиночное; 3) парное; 4) коллективное; 5) асинхронное. **Г. Поза погребенного:** 1. Вытянуто на спине: *а)* конечности вытянуты; *б)* ноги скрещены; *в)* руки (рука) на тазе. 2. На спине коленями вверх: *а)* ноги набок; *б)* ноги «ромбом». 3. На боку: *а)* вытянут; *б)* полускорчен; *в)* скорчен. 4. Ничком. 5. Кости сдвинуты (при подзахоронении). **Д. Ориентировка погребенного:** 1) головой на запад, северо-запад, восток и т. д.; 2) ориентировка неясна; 3) несколько погребенных с разной ориентировкой (в одном погребальном сооружении). **Е. Способ помещения останков.** 1. Вне (без) погребального сооружения. 2. В погребальном сооружении: *а)* на грунтовом полу; *б)* на циновке, подстилке из травы, листьев, камыша, соломы, шкур, ткани, войлока; *в)* на подсыпке из ракушек, гальки; *г)* на деревянном ложе, настиле; *д)* в гробу, гробовище, колоде; *е)* в саркофаге (каменном, деревянном); *ж)* на носилках; *и)* подставки, подушки, покрывала.

III. Погребальный инвентарь. **А. Орудия труда:** 1) тесло, мотыжка; 2) шило, иголка, игольник; 3) пряслице, веретено, 4) нож; 5) оселок, точильная плитка. **Б. Оружие:** 1) меч, воины; 2) кинжал; 3) стрелы; 4) лук; 5) горит, колчан, их детали; 6) доспех цельнометаллический (шлем, панцирь, поножи); 7) доспех наборный (шлем, панцирь, боевой пояс и т. д.); 8) щит; 9) копье, дротик, подток; 10) топор; 11) кувшину; 12) праща, пращевые ядра. **В. Украшения:** 1) бусы; 2) браслет; 3) перстень, кольцо; 4) подвеска, височное кольцо; 5) серьги; 6) гривна, пектораль. **Г. Предметы туалета:** 1) зеркало; 2) гребень; 3) булава, фибула; 4) пинцет; 5) туалетный сосуд (флаконт, лекиф и т. д.); 6) ложка. **Д. Керамическая посуда и тара:** 1) амфора; 2) гончарная посуда (кувшин, миска и т. д.); 3) чернотелая керамика; 4) лепная керамика нелошаная; 5) лепная керамика лошаная. **Е. Металлическая бытовая посуда:** 1) котел; 2) поданиптер; 3) черпак; 4) прочая

посуда (ойнохоя и т. д.). Ж. *Предметы быта*: 1) жаровня; 2) шипцы; 3) деревянное блюдо, поднос; 4) светильник, канделябр; 5) костяная ложка; 6) шкатулка, пиксида, сумка; 7) металлическая «вилочка»; 8) астарagal, кабаний клык; 9) ворворка; 10) мебель (табурет и т. д.). И. *Одежда и головные уборы*: 1) одежда, ее детали (нашивные бляшки и т. д.); 2) обувь; 3) головной убор, его детали. К. *Предметы культа*: 1) наверхие; 2) курильница; 3) каменное блюдо, плитка (предмет туалета?); 4) терочник (предмет туалета?); 5) краска куском, в порошке; 6) мел куском, в порошке; 7) кострище, уголь в сооружении; 8) жезл; 9) жертвенный нож; 10) деревянные чаша, кубок, их обивка; 11) металлический кубок, фиала, чаша, ритон, килик; 12) амулет (из металла, кости, камня, раковин); 13) монета (украшение?); 14) изделие в зверином стиле; 15) жертвенная пища; 16) золотой венок. Л. *Остатки погребального кортежа* (в погребальном сооружении): 1) конь; 2) сбруя (а — при коня; б — отдельно); 3) повозка, ее детали; 4) скелет собаки; 5) конюх; 6) другие социально зависимые люди.

IV. Намогильное сооружение и следы ритуальных действий. 1. Намогильное сооружение отсутствует. 2. Намогильное сооружение — насыпь: а) грунтовая; б) вальцовая; в) вальцово-грунтовая; г) каменная; д) каменно-грунтовая; е) камка, камыш в насыпи. 3. Следы досыпок. 4. Каменный «панцирь» на насыпи. 5. Материковая (глиняная) обкладка по периметру насыпи. 6. Каменное кольцо, крепида: а) из набросанных камней; б) из плит, установленных наклонно к центру; в) в виде кольцевой кладки — стенки; г) несколько каменных колец. 7. Следы погребального пира: а) в насыпи; б) в каменном кольце, крепиде. 8. Кострище, зола, уголь: а) в насыпи; б) в крепиде. 9. Погребальный инвентарь в насыпи. 10. Жертвенное сооружение в насыпи. 11. Изваяние, надгробие: а) постамент (база) изваяния; б) два изваяния на одной насыпи. 12. Остатки погребального кортежа (в насыпи): а) конь; б) сбруя; в) повозка, ее детали; г) скелет собаки.

V. Подкуранные сооружения и следы ритуальных действий. 1. Материковый выкйд, его оформление: а) кучей (кучами); б) кольцом, полукольцом; в) полосой. 2. Погребальная дорожка. 3. Следы погребального пира. 4. Кострище, уголь, зола. 5. Жертвенник. 6. Жертвенное сооружение (яма, катакомба, каменный ящик). 7. Погребальный инвентарь (на погребенной почве). 8. Каменное кольцо (на погребенной почве). 9. Ложное погребение. 10. Остатки погребального кортежа (на погребенной почве): а) конь; б) конская могила; в) сбруя (при конях, на древнем горизонте; г) повозка; д) захоронение конюха (в отдельной яме; в конской могиле); е) захоронения других социально зависимых людей (на древнем горизонте; в отдельной яме).

VI. Внекуранные сооружения и следы ритуальных действий. 1. Ровик кольцевой: а) с перемычками; б) без перемычек; в) несколько ровиков; г) ровик заполнен камнями; д) захоронения на дне ровика. 2. Вал кольцевой: а) с перемычками; б) без перемычек. 3. Ровик фигурный (замкнутая радиальная канавка). 4. Радиальная каменная гряда. 5. Следы погребального пира: а) вне насыпи на погребенной почве; б) в ровике. 6. Жертвенные ямы вне насыпи. 7. Жертвенники вне насыпи. 8. Остатки погребального кортежа: а) кони (во рву); б) сбруя (во рву).

VII. **Метаструктура** погребального комплекса (погребения). 1) Вид погребальной группы (могильника): а) куранный; б) бескуранный; в) смешанный; г) погребение на поселении. 2. Состав погребальной группы: а) погребения (погребальные комплексы) одной культуры; б) погребения (погребальные комплексы) разных культур. 3. Тип организации погребальных комплексов (погребений) в группу: а) одиночные; б) цепочка; в) гнездо; г) цепочка и гнездо; д) бессистемно. 4. Место погребального комплекса (погребения) в группе (хронология): а) относительно более раннее; б) относительно более позднее; в) синхронное большинству комплексов; г) неясно. 5. Место погребального комплекса (погребения) в группе (топография): а) в центре; б) на периферии. 6. Социальная значимость комплекса (погребения) в группе: а) знатный; б) рядовой; в) бедный. 7. Наличие общегруппового святилища (культового места). 8. Наличие (отсутствие) поселения рядом с погребальной группой.

№ по каталогу	№ по своду	Пункт	Всего погребений**	Века до н. э.				Спецификация		Погребальное сооружение***									
				VII-V	V	I		курганное	грунтово-	а	б	в	г	д	е	ж	з		
1	1	г. Арциз	1	1					1										
2	2	с. Виноградовка	1	1					1			1							
3	3	с. Островное	4						4		1	2						1	
4	Нет	с. Холмское	1	1?					1			1							
5	5	с. Каролино-Бугаз	1						1				1						
6	6	с. Семеновка (Белгород-Днестровский р-н)	15						15		1	10	4						
7	7	с. Шабо	1						1			1							
8	9	с. Маяки	1	1					1			1							
9	10	с. Огородное (Городнее)	2	1					2			1		1					
10	11	с. Жовтневое	1						1				1						
11	16	с. Новокаменка	1						1				1						
12	18	с. Червонный Яр	1	1					1			1							
13	19	с. Шевченково	1	1					1			1							
14	20	с. Владиславовна	1	1					1									1	
15	21	с. Анастасьевка (Настасиевка)	1						1			1							
16	22	с. Исаево	1						1									1	
17	24	с. Ефимовка	1						1				1					1	
18	25	с. Надлиманское	2							2			1					1	
19	26	с. Николаевка I (гр. I—VII)	72						4	68		54	18					1	
20	Нет	с. Николаевка II (гр. „в селе“, „на горбах“, „у вышки“)	13	1					8	5		9	4						
21	31	с. Борисовка	4						4			1	3						

Приложение 4 (продолжение)

№ по каталогу	№ по своду	Пункт	Всего погребений	Века до н. э.				Спецификация		Погребальное сооружение***									
				VII-V	V	I	III	курганное	грунтово-	а	б	в	г	д	е	ж	з	?	
22	33	с. Траповка	1			1			1				1						
23	34	пос. Бугский	1	1					1										
24	35	с. Булгакове (Новогеоргиевка)	1			1			1				1						
25	36	с. Константиновка (Николаевская обл.)	1	1					1			1							
26	37	с. Отрадное	16		2	14			16			3	13						
27	38	с. Пески	2			2			2				2						
28	39	с. Христофоровка	1	1					1				1						
29	44	с. Анновка	1	1					1?										1
30	47	с. Калиновка (Николаевская обл.)	3			3			3			1	2						1
31	48	с. Лупарево	8	4		2		2	8			6	2						
32	49	с. Пересадовка	3			3			3				3						
33	50	с. Ковалевка	25	9	1	14		1	25		3	17	5						
34	53	г. Николаев (пос. Новый Водопой)	1			1			1				1						
35	54	п. г. т. Октябрьское (бывш. посад Еогоявленск)	1					1	1										1
36	55	с. Терноватое (бывш. Дворянка)	5		5				5				5						
37	56	с. Новорозановка	1	1					1			1							
38	(59)	с. Новая Одесса	1					1	1										1
39	60	с. Каменка	3			3			3				3						
40	63	с. Солончаки (бывш. Аджигол)	11	6		2		3	11			9	2						
41	65	с. Александровна	5			5			5				5						
42	66	с. Баратовка	15			15			15			2	13						
43	69	с. Нововасильевка	3	1		2			3			1			2				
44	72	с. Алексеевка (гр. Кргменоватой могилы)	2			2			2				2						

Приложение 2 (продолжение)

Номер по кат. доу.	Н.Чом С.Звод	Пункт	Всего погребений*	Века до и. э.					Спецификация		Погребальное сооружение***.							
				VII-	V-IV	III	I	?	кур-ганице	групповс	а	б	в	г	д	е	ж	з
93	Нет	слобода Тарасовка	1					1	1									1
94	140	Слоновская Близница	1			1			1									
95	141	Томаковокая Близница	1			1			1									
96	142	Острая Томаковская Могила	1	1					1									1
97	144	Краснокутский курган	1			1			1									
98	143	с. Чумаки (Каменная Могила)	1			1			1								1	
99	145	с. Верхняя Маевка, гр. XVIII	1	1					1			1						
00	146	с. Подгородное, гр. V, VIII. X	5	5					5			3		2				
01	147	с. Дмухайловка	2		2				2			2						
02	148	с. Миновка	1	1					1			1						
03	149	с. Пролетарское	1	1					1			1						
104	150	с. Александровка (Днепропетровская обл.)	2	1		1			2			1		1				
105	151	с. Перещеино	2	2					2			2						
106	153	с. Афанасьевка	1			1			1			1						
107	155	с. Новоподкряж	3		3				3			1		2				
108	157	п.г.т. Белозерка	29	1?		28			29			8		21				
09	158	с. Львово	9			9			9			2		7				
110	168	с. Михайловка (Херсонская обл.)	9	3	6				9		4	5						1
11	170	Рожновский (Херсонский) курган	1	1					1									
12	172	с. Малая Лепетиха (хут. Сергеевский)	6			6			6					6				
13	173	с. Малая Лепетиха (гр. Большого кургана)	5			4		1	5			1		2				2
14	175	п.г.т. Верхний Рогачик	2			2			2					2				
15	(177)	с. Первомаевка	1	1					1			1						
16	181	с. Нововладимировка	3			2		1	3			1		2				

Приложение 2 (продолжение)

Номер о каталогу	Номер о Своду	Пункт	Всего погребений	Века до н. э.				Спецификация		Погребальное сооружение***									
				> 1	Т	IV-V	?	у о е	г о	а	б	в	г	д	е	ж	з	?	
235	Нет	д. Щеглово (Щегловка)	1	1?															
236	„	хут. Ступки	1	1?															
237		д. Шпаковка	1	1?															
238	„	с. Бабенково	2			1		1					1	1					
239	„	г. Константиновск-на-Дону	1	1		1							1						
240		г. Ростов-на-Дону	1	1									1						
241		Елизаветовский могильник	140	25	8	8		20	140		2	127	1	1	7	1			1
242	70	с. Тимофеевка (с. Лиманцы)	1	1					1				1						
243	62	с. Парутино (Ольвия)	4	4						4		4							

Приложение 2 (продолжение 3)

о	Хит	№ о Своду	Пункт	Всего погребений**		Века до н. э.				Спецификация		Погребальное сооружение***								
				КК****	КК****	V-VI	> VI	Т	?	К	г	б	8	г	д	е	ж	з	?	
244	245		с. Зыбины	2				2												
245	246		пос. Бережное (бывш. Камкалы)	2				2												
246	247		с. Мартыновка	4				1					4							
247	250		пос. Аджимушкой	1				1					1							
248	251		мыс. Ак-Бурун	2				1					1							
249	252		некрополь Нимфея *	8		8		1			2?		1				1	1	с.г.	1
250	253		2-й Змеиный курган	1				1									1			
251	254		курган Кекуватского	1				1									1			

Приложение 2 (продолжен\е)

№ п/п	№ у*	Пункт	Всего погребений**		Века до н.э.				Спецификация		Погребально-е сооружения***							
					I	II	III	IV	V	русо	а	б	0	г	д	е	ж	з
252	255	курган Куль-Оба	1						1						1			
253	256	курган Патиниотти - •	1						1						1			
254	257	Темир-гора	3		2				3			1	1?					1
255	258	с. Изюмовка	1		1				1									1
256	260	с. Шубино	1						1			1						
257	263	с. Рисовое	3		2				3			3						
258	263	с. Кураевка	2		1				2			1	1					
259	265	с. Танковое	3		2	1			3			3						
260	266	с. Филатовка	1		1				1			1?						
261	267	с. Астанино	18	1	2	1			19			6	2	6	5			
262	268	с. Бранное Поле	5						5			5						
263	269	с. Виноградное	1						1					1				
264	270	Баксиновский курган	1			1			1						1			
265	271	с. Заветное (Джург-Оба)	1						1					1				
>66	272	с. Зеленый Яр	2		1				2			1			1			
67	273	с. Ильичево	18		2	2			18			6		5	6	1		
68	274	с. Кирово	5		1				4	1		1		4				
169	275	п.г.т. Ленино (с/пос. Ленино)	19		1				19			9		1	8			1г.с
170	276	с. Луговое	1						1			1						
271	277	с. Марфовка (бывш. Даут-Эли)	1						1						1			
272	278	с. Михайловка	19		1				1					11	6	2		
273	280	с. Огоньки (Трехбратние курганы)	6						6					3	3			
274	281	с. Семеновка (Акташский мог.)	1		1				1					1				
275	282	с. Фронтное	63	1	7	57			64			61	3					
276	283	с. Яковенково (у г. Опук)	3						3			1		1		1		
77	286	с. Червовое (Нижегородский р-н)	1			1			3			1						

Приложение 2 (продолжение)

Номер каталога	Номер свод	Пункт	Всего погребений**		Века до н. э.					Спецификация		Погребальное сооружение***								
			кк****	г	7	7	7	г	г	г	г	г	г	а	е	жс	з	?		
278		с. Колоски — с. Великое	18	2			14		1	20		1	13			3	2	1		
279		с. Приветное	6			1	4			6		1	2			3		1		
280		с. Аркадьевка (бывш. Такиль)	1	1		1				2			1			1				
281		Золотой курган	1							1			1			1				
282		с. Грушевое (бывш. Кара-Кият, имение Талаевой)	4	2		1	2			6			4			2				
283		с. Мирное (бывш. имение Пастака; гр. Дорт-Оба)	9	2			4	1	2	9		3	1	1		4				
284		г. Симферополь (д. Бахчи-Эли)	4	2			1		1	4			3			1				
285		бывш. имение Бобовича	4			1	1			5			4			1				
286		бывш. имение Крыма	3				1		2	3		1	1		1					
287		бывш. имение Черкеса	1					1		1								1		
288		с. Надежда	1							1			1							
289		с. Черноземное	2				1			2			1							
290		с. Каштановка (бывш. Кара-Меркит)	1							3			2					1		
291		п.г.т. Черноморское (Калос-Лимен)	2				2			2			2							
292		с. Чистополье (бывш. Верх. Кульчук)	1				1			1			1							
293	Нет	с. Славное	1						1	1			1							
294	»	с. Березовка (бывш. Тавкель-Найман)	1			1				2						2				
295	»	пос. Мамай	1				1			1							1			
296	»	с. Баштановка (бывш. Апан-Сарча)	1				1			1										1
297		с. Червоное (Оакский р-н)	1				1			1						1				
298		с. Ромашкино	4				4			4			2			1		1		
299		пос. Советский	1				1			1										1
300		с. Крыловка	2				2			2						2				

Приложение 2 (окончание)

Номер каталога	Номер свод	Пункт	Всего погребений**		Века до н. э.					Спецификация		Погребальное сооружение***									
			кк****	г	7	7	7	г	г	г	г	г	а	б	в	г	д	е	жс	з	?
301	Нет	с. Рылеевка	1							1											1
302	»	с.-з. им. Калинина		1	1					1											1
303	»	с.-з. «Победа» (бывш. имение Чотты)	4				1			4			3		1						
304	»	д. Кояш (Кангил-Кринички)	1							1			1								
305	»	с. Белоглинка		1	1					1			1								
306	»	с. Партизанское (бывш. Саблы)	1					1		1						1					
307	»	с. Краснолесье (бывш. Тавель)	4					2		4						2		2			
308		Симферопольское водохранилище (с. Марьино — с. Лозовое)	4	10	12					14			14								
309		курган Ащика	1				1			1							1				
310		мыс Такиль	1				1			1						1					
311		с. Золотое (гр. к востоку, урочище Стоячий Камень)	15	2	6		5	3		17						17					
312		пос. Аршинцево		1	1					1											
313		д. Рыбное	5		1					5			1				5				
314	243	с. Долинное (р. Альма — р. Кача)	5		3				2	5			3			1					1
315	244	г. Белогорск	1				1			1							1				

* Отсутствие номера в данной графе («Нет») означает, что пункт в Своде не учтен. Номер в скобках показывает, что все учтенные в работе погребения из данного пункта в Своде не упоминаются.

** Без конских могил и жертвенных сооружений.

*** Погребальное сооружение: а — нет; б — яма; в — катакомба; г — деревянная гробница; д — каменный ящик; е — каменный склеп; жс — каменная гробница; з — сырцовая гробница (с. Г.), комбинированная гробница (к. г.), грунтовый склеп (г. с.); ? — неясно.

**** с — погребения без лошенной керамики.

***** кк — погребения с темнолощеной керамикой.

ПРИЛОЖЕНИЕ 3

ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ И ТИПОЛОГИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ К КАТАЛОГУ ПОГРЕБЕНИЙ И КАРТАМ

- Аджигол (совр. Солончаки), с. — 40* (яма I, 1: к.₁T; к.₁R; к.₁G; к.₁U; П. 4, к.₁I; к.₁O; к.₁F; п.₁Q, к.₁P+₁Q; к.₁S₂; кат. I, 1: к.₁N; кат. III, 1Б: п.₁P, к.₁P+₁Q. [Ebert M., 1913]).
- Аджимушкой, пос. (Керчь, г.) — 247 (яма I, 1?: п. 1, к. 4 [Кислый А. Е., 1980]).
- Ак-Бурун, мыс — 248 (к. я. I, 1: п. 5, к. 5/1862 [ОАК за 1862 г., с. XIV; Яковенко Э. В., 1970 а]; яма I, 1: к. 1875 г. [ОАК за 1875 г., с. XXXII; Цветаева Г. А., 1957, с. 240]).
- Аккермень I, гр. (Новофиллиповка, с.) — 184 (яма I, 3: п. 4, к. 20; яма, ?: п. 9, к. 17; кат. I, п. 2, к. 16 [Вязьмитина М. /., Іллінська В. А., Покровська Е. Ф. и др., 1960]).
- Ак-мечетский курган — 290 (см. Каштановка, с; к. 1).
- Акташский мог. (Семеновка, с.) — 247 (кат. I, п. 3, к. 48 [Бессонова С. С., Скорый С. А., 1986]).
- Александровка, с. (совхоз «Прогресс», Снигиревский р-н Николаевской обл.) — 411 (кат. I, 1: п. 2; к. 3; кат. II, 1А: п. 32, к. 1; кат. VI, 1: п. 26, к. 1; кат. VI, 2: и. 1, к. 2; п. 1, к. 3 [Петренко В. Г., Елагина Н. Г., 1968]).
- Александровка, с. (Новомосковский р-н Днепропетровской обл.) — 104 (яма I, п. 1, к. 6; кат. I, 1: к. 15 [Ковалева И. Ф., Волкобой С. С. и др., 1978]).
- Александровка, с. (усадьба И. Мошнарского; Вознесенский р-н Николаевской обл.) — 209 (кат.?, [Фабрициус И. В., 1951, с. 85]).
- Александрополь, с. (Александропольский курган) — 82 (кат. 1, 2 — впускное; кат. IV, 2 — основное [ДГС, 1866]).
- Александропольский курган (Луговая Могила) — 82 (см. Александрополь, с.).
- Алексеевка, с. (гр. Кременоватой Могилы; Бобринецкий р-н Кировоградской обл.) — 44 (кат. II, 1А: южное и северное погребения западного кургана [Ястребов В. И., 1889, с. 105, 106]).
- Алексеевка, пос. (Криворожье, слобода) — 232 (д. г., ? [Маневич А. П., 1958]).
- Альма, р. — Кача, р. (Долинное, с.) — 314 (яма I, 1: п. 3, 5, 6, к. 2; к. я. I, ? — к. 1; ? — п. 5, к. 4 [ОАК за 1895 г., с. 17, 18, 117, 120]).
- Анастасьевка, с. (Настасьевка, с; Николаевский р-н Одесской обл.) — 15 (яма II, 1: п. 1, к. 1 [Алексеева И. Л., 1971, с. 150]).
- Андрусовка, с. — 215 (? — средний курган [Гошкевич В. И., 1903, с. 7]).
- Анновка с (бывший хут Анновка; Веселитовский р-н Николаевской обл.) — 29 (? — курган [ОАК за 1897 г., с. 79]).
- Апан-Сарча, д. (совр. Баштановка, с.) — 296 (? — курган [Дашков Ф., 1895, с. 116]).
- Апостоолово, п. г. т. (Михайлово-Апостоолово, станция) — 55 (кат., ? — Безьянный курган [Эварницкий Д. И., 1901, с. 726]; ? — курган 1901 г. [Раскопки курганов..., 1904, с. 58]); см. также Раскопана Могила, Бабы курган.
- Аркадьевка, с. (бывш. Такиль, д.) — 280 (яма I, 1: п. 3, к. 1; к. я. I, 1: п. 1, к. 1 [Каунар А. О., 1896]).

* Здесь и далее номер после географического названия соответствует номеру памятника по каталогу (прил. 2) и картам (пункты 93, 106, 219 на картах не обозначены). Ссылка дается на первую либо самую подробную публикацию, при ее отсутствии — на рукописный источник.

Принятые сокращения: впуск. — впускное; гр. — группа; д. г. — деревянная гробница; г. с. — грунтовый склеп; к. — курган; кам. г. — каменная гробница; кат. — катакомба; к.г. — комбинированная гробница; к. с. — каменный склеп; к. я. — каменный ящик; мог. — могильник; нет — погребальное сооружение отсутствует; осн. — основное; п. — погребение; п. г. т. — поселок городского типа; пос. — поселок; с. г. — сырцовая гробница; ? — вид, тип, вариант погребального сооружения неясен. Римской цифрой обозначен тип погребального сооружения, арабской — вариант.

- Архангельская Слобода, с. (гр. II Мордвиновского кургана) — 119 (яма I, 1: п. 1, к. 5; кат. I, 1: п. 2, к. 5; кат. VI, 3Б: к. 1 (II Мордвиновский) [Лесков А. М., 1981. с. 137; Лесков А. М., 1972, с. 59; Болдин Д. /., Зарайська Н. П., 1972, с. 114—117]); см. также Мордвиновский I курган.
- Аршин, г. — 1 (? — к. I [Алексеева И. Л., 1973; Мелюкова А. И., 1979, с. 146]).
- Аршинцево, пос. — 312 (яма I, 2: курган 1970 г. [Безонова С. С., 1972]).
- Астанино, с.—261 (яма I, 1: п. 1, к. 16; п. 4, к. 16; п. 1, к. 9; кат. I, 2: п. 2, к. 17; яма, ? — п. 13, к. 23; кат. II, 1А: п. 2, к. 11/1974; кат. X: к. 13/1974; к. я. I, 1; п. 2, к. 10; п. 2, к. И; п. 3, к. 11; п. 3, к. 16; к. 21; к. 24; к. с. I, 1: п. 1, к. 12; п. 1, к. 13; п. 1, к. 14; к. 18; к. с. II, 1: п. 1, к. 11/1974 [Яковенко Э. В., Черненко Е. В., Корпусова В. Н., 1970; Яковенко Э. В., 1982, с. 66, 67; Скифские погребальные памятники..., 1986]).
- Афанасьевка, с. (Синельниковский р-н Днепропетровской обл.) — 106 (яма I, 1. п. 9, к. 1 [Антоненко Б. А., Васильченко С. А. и др., 1977]).
- Ашнка курган — 309 (к. с. II, ? — курган [ДБК, 1854]).
- Бабенково, с. — 238 (яма I, 1: п. 3, к. 5; кат. I, 1: п. 9, к. 4 [Щепинский А. А., Черепанова Е. Н., 1969, с. 109, 112]).
- Бабь курган (Апостолово, п. г. т.; Михайлово-Апостолово, станция) — 53 (? : основное [Эварницкий Д. И., 1901, с. 719—724]).
- Баксинский курган (Глазовка, с.) — 264 (к. с. II, 3 — основное [ОАК за 1882—1888 гг., с. IV—VIII]).
- Балабаны, с. — 195 (яма I, 1: к. VI; яма I, 4: п. 2, к. VII; к. X; яма II, 2А — к. V [Чеботаренко Г. Ф., 1973]).
- Балки, с. (гр. VIII) — 157 (кат. II, 1А — к. 5 [Ильинская В. А., Тереножкин А. И., 1983, с. 174]); см. также Носакн урочище, Гайманово поле, Гайманова Могила.
- Балтазаровка, с. — 148 (яма I, 1: к. 1; кат. I, 2: п. 2, к. 4; кат. IV, 1: п. 3, к. 4; кат. VI, 1; п. 1, к. 4 [Коспаненко Г. Т., Яковенко Э. В., 1973, с. 254—256]).
- Баратовка, с. — 42 (яма I, 1: п. 4, к. 5; п. 1, к. 6; кат. I, 1: п. 1, п. 2, к. 3; п. 2, к. 5; п. 3, к. 6; п. 2, к. 8; кат. II, 1А: п. 3, к. 3; п. 1, к. 8; кат. II, 2А: п. 2, к. 7; кат. II, 2Б: к. 2; кат. V, 2Б: п. 2, к. 6; кат. VI, 1: п. 3, к. 7; кат. VIII, 1: п. 5, п. 6, к. 5 [Петренко В. Г., Елагина Н. Г., 1968]).
- Басанка, д. — 219 (кат. I, 1: курган [Эварницкий Д. И., 1890., с. 57]).
- Бахчи-Эли, д. (совр Симферополь, г.) — 284 (яма I, 1: п. 1, п. 2, к. 3/1924; к. 2/1924 [Троицкая Т. Н., 1951, с. 90, 92]).
- Башмачка, с. (Рясные Могилы) — 83 (яма I, 1: п. «а», к. 3/1897; п. 7, к. 10/1977; яма II, 1: к. 14/1977; нет: к. 3/1977; кат. I, 1: к. 2/1897; к. 4/1897; к. 1/1977; к. 9/1977; кат. II 2А: п. 1, к. 11/1977; кат. III, 1Б: к. 8/1977; п. 1, к. 13/1977; кат. V, 2Б: п. 2, к. 11/1977; кат. VII, 1: к. 6/1897; кат. VIII, 1: п. 2, к. 13/1977 [Спицын А. А., 1901; Волковой С. С., Лихачев В. А. и др., 1981]).
- Баштановка, с. — 296 (см. Апан-Сарча, д.).
- Безымянный курган — 55 (см. Апостолово, п. г. т.).
- Беленькое, с. (гр. Три кургана, гр Толстой Могилы) — 150 (кат. I, 1: к. 4; кат. III, 1А: к. 24; кат. V, 2Б: к. 5; кат. VI, 2: к. 18; кат. VIII, 1: к. 6 [Тереножкин А. И., Ильинская В. А., Черненко Е. В., Мозоловский Б. Н., 1973, с. 181—186]).
- Белоглинка с — 305 (яма I 1: курган [Троицкая Т. Н., 1957 а]).
- Белогорск, г. — 315 (к. с. II, 1: к. 1 [Шульц П. Н., 1949]).
- Белозерка, п. г. т.—108 (яма I, 1: впуск., к. 8; впуск., к. 9; осн., к. 41; впуск., к. 41; к. 44: п. 2, к. 46; п. 3, к. 46; п. 3, к. 23; кат. I, 1: курганы 3, 6, 7, 12, 13, 18, 19, 22, 25, 37, 47; п. 1, к. 8; п. 4, к. 46; п. 1, к. 51; п. 2, к. 51; кат. II, 1А: к. 42; кат. II, 2А: к. 43; кат. III, 1А: к. 40; п. 3, к. 51; кат. IV, 3А: к. 45; кат., ? — к. 11 [Скадовский Г. Л., 1897]).
- Бердянский курган (Нововасильевка, с.) — 155 (кат. IV, 1: южное, восточное; кат. VI 1: центральное [Чередниченко Н. Н., Филалко Е. Е. и др., 1979; Чередниченко Н. //., Филалко Е. Е., 1987]).
- Бережное пос. (бывш. Камкалы, д.) — 245 (кат. II, 1А: п. «б», к. 1; кат. IX, 1А: п. «а», к. 1 [Скорый С. А., 1982]).
- Березань, остров — 234 (д. г. I. 1: п. 371 [Капошина С. И., 1956, с. 220]).
- Березовка, с. (бывш. Тавкель-Найман, д.) — 294 (к. я. I, ? : к. 1; к. 2 [Лашков Ф. Ф., 1895]).
- Близища Геремесова Главная (с. Марьевка) — 152 (кат., ? : осн. [ДГС, 1872, с. 29—33]).

- Близища Слоновская (Томаковка, п. г. т.) — 94 (кат. II, 1Б: оси, [ДГС, 1972; с. 64—66]).
- Близища Томаковская (Томаковка, п. г. т.): — 95 (кат. II, 1Б: осн. [ДГС, 1872, с. «7—69]).
- Бобовича бывш. имение — 285 (яма I, I: п. 1, к. 1; впуск. к. 4; п. 1 к. 2; осн., к. 3; к.я. I, ?; впуск., к. 3 [Кашпар А. О. 1896; ОАК за 1895 г., с. 15, 16]).
- Богдановка, с. (Хировка, станция) — 47 (яма I, I: к. 12; п. 1, к. 27; п. 1, п. 2, к. 29; п. 1, п. 2, к. 34; к. 152; п. 1, п. 2 между к. 27 и 28; п. [3] траншеи у к. 152 [Тереножкин О. /., 1952]).
- Богоявленский посад (совр. Октябрьское, п. г. т.; Николаев, г.) — 35 (? — курган [Фабрициус И. В., 1951, с. 76]).
- Большая Белозерка, с. (Великая Белозерка; гр. к югу от села, совхоз «Октябрь») — 172 (яма I, I: п. 4, к. 29; кат. I, I: и. 3, к. 29; кат. IV, 1: к. 30; кат. VII, 3: п. 2, к. 29 [Отроченко В. В., 1980; Он же, 1984]); см. также Рядовые курганы, Цимбалка Малая и Большая, Орел, Чмырева Могила.
- Большая Знаменка, с. (Великая Знаменка; курган к югу от села) — 173 (д. г., III: курган [Самоковасов Д. Я., 1908, с. 122]).
- Большая Знаменка, с. (Великая Знаменка; гр. созхоза «Знаменский») — 174 (кат., ?; п. 3, к. 2 [Отроченко В. В., 1980]); см. также Демешевы курганы, Солоха, Солохи гр.
- Большого кургана гр. (Малая Лепетиха, с.г) — 113 (яма, ?; к. 2; кат. II, 2А: к. 1; кат. V, 2Б: осн., Большой курган; ? — осн. и впуск., к. 3 [Латышев В. В., 1926, с. 204—206]).
- Большая Цимбалка, гр. Большой Цимбалки (Большая Белозерка, с.) — 169 (см. Цимбалка Большая).
- Борисовка, с. — 21 (яма II, 3: к. 11; кат. I, I: п. 1, п. 2, к. 10; кат. II, 1А: к. 12 [Шмаглий Н. М., Черняков И. Т., 1970]).
- БОФ гр. (Орджоникидзе, г.) — 69 (кат. I, I: к. И; п. 1, к. 13; кат. II, 1А: к. 12; п. 2, к. 13; кат. V, 1: к. 1 [Тереножкин А. И., Ильинская В. А. и др., 1973]).
- Бранное Поле, с. — 262 (яма I, I: п. 1, п. 2, к. 2; п. 1; п. 2, к. 3; к. 4 [Яковенко Э. В., Черняков Е. В., Корпусова В. Н., 1970, с. 136—140]).
- Бревин хут. — 233 (д. г. I, 1: к. NCCLIII [Журнал раскопок..., 1908, с. 163; Шрамко Б. А., 1962, с. 170]).
- Бугский, пос. (Бугское, с. Арбузинский р-н Николаевской обл.) — 23 (? — к. 4 [Ильинская В. А., Тереножкин А. И., 1983, с. 112]).
- Булгаково, с. (Новогеоргиевка, с.; Баштанский р-н Николаевской обл.) — 24 (кат. I, 1: п. 2, к. 5 [Ильинская В. А., Тереножкин А. И., 1983, с. 162]).
- Буторы, с. — 196 (яма I, I: курган с изваянием; к. 15; к. 5; п. 4, к. 2; п. 3 к. (3; п. 1, п. 3, к. 8; п. 2, к. 12; п. 1, п. 2, п. 3, п. 4, к. 7; п. 2, к. 10; к. 11; п. 1, п. 2, п. 3, к. 4; п. 2, п. 4, к. 13; яма II, 1: п. 2, к. 6; яма II, 1А: яма № 2, к. 8; кат. I, 1: п. 3, к. 2; п. 1, к. 12; п. 3, к. 10; п. 3, к. 13; к. г. I: п. 2, к. 8; ?; п. 4, к. 8 [Дергачев В. А., Лапушнян В. Л., Мелюкова А. И., 1971; Мелюкова А. И., 1974, 1974а; Кетрару И. А., Серова Н. Л., 1982]).
- Васильевка; с. (Солонянский р-н Днепропетровской обл.) — 84 (кат. I, I: п. 1, к. 1; кат., ?; п. 1, к. 2 [Крылова Л. П., Блинов И. М., 1975]).
- Великая Белозерка, с. — 168—172 (см. Большая Белозерка, с.).
- Великая Знаменка, с. — 173—177 (см. Большая Знаменка, с.).
- Великий Токмак, п. г. т. (Большой Токмак, п. г. т.) — 188 (яма I, I: п. Б, п. 8, к. 1891 г.; кат. I, I: п. 2, к. 1; кат. III, 1А (?): п. А, к. 1891 г [Веселовский Н. И., 1892; Смирнов К. Ф., 1960, с. 177]).
- Верхнегараховка с (гр. I—III) — 88 (яма I, I: п. 4 к. 57; п. 1, к. 52; яма I ?; п. 1, к. 37; кат. I, 1: п. 1, к. 28; п. I, к. 34; к. 36; п. 2, к. 37; п. 2, к. 40; к. 41; п. 2, к. 42; к. 43; к. 44; п. 1, к. 46; п. 4, к. 48; п. /1, к. 49; п. 4, к. 58; к. 63; к. 64; п. 2, к. 68; п. 4, к. 82; п. 1, п. 2, к. 83; п. 1, п. 2, к. 84; к. 107; к. 109; кат. I, 2: п. 3, к. 80; п. 3 к. 82; кат. II, 1А: к. 20; к. 24: п. 1, к. 27; п. 1, к. 30; п. 1, к. 31; п. 2, к. 34; к. 35; к. 38; к. 39; п. 1, к. 42; к. 45; п. 2, к. 49; к. 56; п. 5, к. 58; к. 72; к. 73; кат. II, 1Б: п. 2, к. 31; к. 33; п. 1, к. 55; кат. II, 2А: к. 21; п. 2, к. 28; к. 29; п. 1, к. 40; кат. II, 2Б: к. 50; п. 1, к. 85; к. 86; кат. III, 1А: к. 66; п. 1, к. 68; п. 2, к. 80; п. 2, к. 85; кат. III 2А: к. 54; к. 71; п. 2, к. 82; кат. III, 2Б: п. 2, к. 81; кат. IV, 1: п. 3, к. 27; п. 3, к. 84; кат. V, 1: п. 3, к. 48; к. 69; кат. V, 2Б: п. 1, к. 81; кат. VI, 1: п. 2, к. 10; п. 1, п. 2,

- к. 32; п. I, к. 48; к. 51; п. I, к. 53; п. I, к. 55; п. 2, к. 58; п. 1, к. 80; кат. VI, 2: п. 4, к. 27; п. 2, к. 53; кат. IX, 1А: п. 2, к. 27; п. 1, п. 3, к. 58; кат. IX 1Б: п. 2, к. 48 [Ильинская В. А., Тереножкин А. И., 1983, с. 165; Бунятян Е. П., Чередищенко Н. Н., Мурзин В. Ю., 1977; Мурзин В. Ю., Евдокимов Г. Л., 1977; Скифские погребальные памятники..., 1986).
- Верхнетарасовка, с. (урочище Парк) — 89 (яма I 1: п. 1; яма, ?; п. II [Бодянский А. В., 1962]).
- Верхние Серогозы, с. — 129 (кат. III, 4А: к. IV; кат. IV, 2: к. I [Браун Ф. 1906 с. 81, 88—90]).
- Верхний Кульчук, с. (совр. Чистополье, с.) — 292 (яма I, 1А: п. 2, к. 1 [ОАК за 1891 г., с. 74, 75]).
- Верхний Рогачик, п. г. т. — 114 (кат. III, 4Б: впуск.; кат. VI, 1: осн. [ОАК за 1913—1915 гг., с. 132—136]).
- Верхняя Маевка, с. (гр. XVIII) — 99 (яма I, 1: п. 3, к. 3 [Ковалева И. Ф., Волкобой С. С., Марина З. П. и др., 1977, с. 67]).
- Виноградное, с. — 263 (к. я. I, 1: п. 1, к. 2 [Яковенко Є. В., 1980, с. 47]).
- Виноградовка, с. — 2 (яма I, 3: п. 1, к. 3 [Скифские погребальные памятники..., 1986]).
- Владимировка, с. (Приазовский р-н Запорожской обл.) — 186 (яма, ? — курган [ОАК за 1882—1888 гг., с. CLXXIII; Яценко И. В., 1956, с. 163]).
- Владимировна, с. (Томаковский р-н Днепропетровской обл.) — 90 (кат. I, 1: п. 1, к. 7; п. 4, к. 12; кат. II, 1А: п. 1, к. 4; к. 11; п. 1, п. 2, к. 12; кат. II, 2А: к. 1; к. 3; кат. III, 1Б: п. 3, к. 4; кат. III, 1А: п. 2, к. 7; кат. III, 2А: п. 2, к. 4; к. 5; к. 6; к. 10; кат. V, 2А: к. 8; кат. VI, 1: к. 9; п. 3, к. 12 [Чередищенко Н. Н., Болдин Я. И., 1977]).
- Владимировка, с. (Рядовые курганы, бывш. имение Бредихина, Хевсонский уезд) — 210 Скат. I, 1: восточный курган [Ястребов В. Н., 1894, с. 161; ОАК за 1891 г., с. 88]).
- Владиславовка, с. (Владиславка, Коминтерновский р-н Одесской обл.) — 14 (? — курган [Синицын М. С., 1950, с. 52]).
- Волшское, с. — 60 (яма I, 1: п. 1, п. 2, к. 1; к. 2 — к. 6 [Маковренко Н. Є., 1911]).
- Волчанское, с. — 154 (кат. I, 1: п. 2, к. 8 [Дорофеев В. В., 1981]).
- Вольная (Вильная), балка (гр.) — 164 (яма I, 1: к. 12; яма, ?; к. 20; кат. I 1: к. 11 [Телегин Д. Я., Круп В. А. и др., 1977, с. 65, 66, 83]).
- Вольная Украина, с. (гр. II) — 120 (яма I, 1: п. 2, к. 14; п. 2, п. 3, к. 29; кат. II, 1А: п. 1, к. 29 [Болдин Д. I., Зарайська Н. П., 1972, с. 117; Лесков А. М., 1981, с. 131, 132]).
- Вольная Украина, с. (гр. III) — 121 Скат. II 1А: п. 1, п. 2, п. 3, к. 22 [Лесков О. М., 1974, с. 83—90; Лесков А. М., 1981, с. 143—154]).
- Вольная Украина, с. (гр. V) — 122 (кат. I, 1: п. 3, к. 2; кат. II, 1А: п. 2, к. 2 [Лесков О. М., 1974, с. 78—83]).
- Вольная Украина, с. (гр. P — ТЛИ) — 123 (кат. I, 1: п. 2, к. 1 [Ильинская В. А., Тереножкин А. И., 1983, с. 176]).
- Вольногрудневское, с. (Вольногрудневка) — 162 (яма I, 1: к. 9 [Телегин Д. Я., Братченко С. И., Смирнов С. В., 1977, с. 116]).
- Вольноуланорское, с. — 163 (яма I, 1: п. 2, к. 1; кат. I, 1: к. 8; кат. II, 1А: п. 1, к. 4 [Телегин Д. Я., Братченко С. И., Смирнов С. В., 1977, с. 86, 90, 95]).
- Выводово, с. — 91 (яма I, 1: п. 4, к. 95; кят. I, 2: п. 4, к. 92; кат. III, 2Б: п. 1, п. 3, к. 92; кат. IV, 2: к. 106; кат. VII, 2Б: п. 2, к. 92 [Скифские погребальные памятники..., 1986]).
- Гайманова Могила (Балки, с.) — 158 (кат. VII, 3: п. 1; кат. ?; п. 2, п. 3, п. 4 [Бізіля В. I., 1971]).
- Гайманово поле (Гаймановой Могила гр.; Балки, с.) — 158 (яма I, 1: п. 1, к. 18; п. 1 к. 26; п. 5, к. 27; п. 2, к. 29; кат. I 1: п. 1, п. 2, к. 1; к. 9; к. 10; к. 17; к. 20; к. 22; к. 24; к. 25; п. 4, к. 27; п. 1, п. 29; п. 1, к. 30; п. 2, к. 31; кат. I, 2: к. 3; п. 3, к. 27; кат. II, 1А: к. 2; к. 4; к. 6; к. 7; к. 11; к. 15; д. 2 к. 18; к. 33; к. 34; кат. III 2А: к. 13; к. 16; п. 2, к. 26; кят. IV, 1: п. 3, к. 26; кят. V, 2А: п. 1—2, к. 27; к. 32; кат. VI, 1: к. 12; кят. IX, 1А: п. 2, к. 30 [Тереножкин А. И., Ильинская В. А., Мозолевский Б. Н., 1977]).
- Гвардейское, п. г. т. (бывш. Сакчи-Кият, д.) — 281 (см. Золотой курган).

- Геремесова Главная Елизавета (Марьевка, с.) — 152 (см. Близница Геремесова Главная).
- Герюевка, пос. — 249 (см. Нимфей, некрополь).
- Глазовка с. — 264 (см. Баксинский курган).
- Глинное, с. (Тираспольщина) — 198 (кат. I, 2; к. 277; кат. V. 2А: курганы 275, 276, 279, 378 [*Мелюкова А. И.*, 1962]).
- Горняцкое, с. — 192 (кам. г., ?; курган [*Фиатов О. П., Черненко Е. В.*, 1972]).
- Грушевка, с. (Апостоловский р-н Днепропетровской обл.) — 56 (яма I, 1: к. 13; кат. I, 1: к. 3; кат. IV, 1: п. 1, к. 12; кат. VIII, 1: к. 11; кат. ? : п. 3, к. 12 [*Березовец Д. Т.*, 1953]).
- Грушевка, хут. (Вольнянский р-н Запорожской обл.) — 193 (?; курган [*Ильинская В. А., Тереножкин А. И.*, 1983, с. 96]).
- Грушевое, с. (бывш. Кара-Кият, Д; имение Талаевой) — 282 (яма I 1: к. 2/1890; выпуск, к. 1/1892; выпуск. п. 1, к. 3/1892; п. 3, к. 1/1895; к. я. I, 2: к. 1/1892; к. я. I, ? : п. 1, к. 1/1895 [*Стивен А. Х.*, 1891; *Каунар А. О.*, 1891, 1892 1896; *Манцевич А. П.*, 1957]).
- Городнее, с. — 9 (см. Огородное, с.).
- Гусарка, с. — 180 (?; курган [*Мурзин В. Ю.*, 1977]).
- Гюневка, с. — 178 (кат. I, 1: п. 2, к. 14; кат. III, 2А: п. 1, к. 14 [*Рябова В. А.*, 1978]).
- Даут-Эли, д. 271 (см. Марфовка, с.).
- Дворянка, д. (Дворянская, д.; совр. Терноватое, с.) — 36 (яма I, 1: к. 1 — к. 4 [*Раскопки Н. Ф. Савицкого, 1901*]; яма, ? : к. 1 [*Фабрициус И. В.*, 1951, с. 82]).
- Двуробкая Могила (Приморское, пос.) — 191 (нет: погребение у ямы I; яма I, 1: ? : п. 1 — п. 5; кат. V, 5Б: осн.; кат. IX, 1Б: катакомба № 1 [*Привалова О. Я., Зарайская Н. П., Привалов А. И.*, 1982]).
- Деев курган — 134 (яма I 4: п. 3; кат. I, 2; п. 1; п. 2 [ОАК за 1891 г., с. 73; ОАК за 1897 г., с. 31—33; *Спицын А. А.*, 1906]).
- Денисова могила — 73 (см. Лисья Могила гр., к. 6).
- Джург-Оба, курган (Заветное, с.) — 265 (к. я. II, 1: осн. [*Марта Ю. Ю.*, 1928, с. 118]).
- Дмухайловка, с. — 101 (яма II, 2: п. 1, к. 1 гр. XIII; п. 1, к. 1 гр. XIV [*Ковалева И. Ф., Ромашко В. А. и др.*, 1981, с. 30, 32]).
- Днепровка, с. (Подольское, с.) — 179 (см. Каменного кургана гр.).
- Днепровское, с. (Очаковский р-н Николаевской обл.) — 206 (кат. I, 1: к. 1 [*Синицын М. С.*, 1962, с. 47; *Яценко И. В.*, 1960, с. 99]).
- Днепрорудное, г. — 159 (яма I, 1: п. 5, п. 7, п. 10; п. 6, к. 18; кат. I, 1: п. 11, к. 2; п. 2, к. 5; п. 1, к. 6; п. 3, п. 4, п. 6, к. 10; п. 2 п. 5, к. 11; п. 5, к. 12; п. 1, к. 15; кат. I, 2: п. 2; к. 6; кат. V, 1: п. 3, к. 6; кат. VIII, 1: п. 3, к. 11; кат. ?, к. 1962 г.; ? : к. 1964 [*Елагина Н. Г.*, 1963; *Мурзин В. Ю.*, 1977; *Пешаяв В. Ф.*, 1966; Скифские погребальные памятники..., 1986]).
- Днепряны, с. — 124 (яма ? : к. 1976 г. [*Мурзин В. Ю., Черненко Е. В.*, 1979]).
- Долинное, с. — 314 (см. Альма, р. — Кача, р.).
- Долинское, с. — 92 (яма II, 1: п. 2, к. 100; кат. III, 2А: п. 1, к. 100 [Скифские погребальные памятники..., 1986]).
- Дорт-Оба, пп. (бывш. имение Пастака л. Сарайлы-Кият; совр. с. Мирное, совхоз «Красный») — 283 (яма I, 1: к. 7/1895; п. 6, к. 1/1895; выпуск, к. 7/1892; кат. I, 1: выпуск, к. 3/1892; д. г. II, 1: осн., к. 1/1892; к. я. I, 1: выпуск, к. 6/1892; к. я. I 2: оси к. 2/1892; к. я. I, ? : п. 2, к. 1/1895; п. 1, к. 5/1895 [*Каунар А. О.*, 1892; 1896; ОАК за 1892 г., с. 6—13; ОАК за 1895 г., с. 10—13]).
- Дубовый, остров — 218 (яма Т. 1: погребение [*Яценко И. В.*, 1959, с. 64]).
- Дудчина, с. (Дудчаны) — 220 (к. я. I, 1: курган [Раскопки кургана..., 1904, с. 59]).
- Ефимовка, с. — 17 (кат. I, 1; п. 16, к. 3 [*Алексеева И. Л.*, 1971, с. 151]).
- Елизаветовский могильник — 241 (яма I 1: 1908 г.: к. 1 — к. 7; 1909 г.: к. 1, 5, 6, 10 12 14, 15, 17 18; 1910 г.: к. 1, 5, 6; 1911 г.: к. 1, 3, 4, 6; выпуск, к. 8; к. 10 11 14 16 17 18, 20—22, 25 27, 28, 34; п. 4, к. 62/1976; яма II, 1: Ушаковский курган; выпуск, к. 9/1909; к. 8/1910; 1911 г.: к. 5, 9, 32, 35; яма III: 1909 г.: к. 2 к. 3; осн., к. 4; к. 7, 8 11, 13; 1911 г.: 7, 12 13, 19, 23, 26, 29; 1912 г.: к. 8 15; яма ? : к. 17/1853; выпуск, к. 4/1909; выпуск, в поле, к. 9/1909; к. 16/1909; 1910 г.: к. 14 16; 1911 г.: к. 15 24, 30 33; 1912 г.: к. 1, 6, 13; выпуск, к. 14/1912; к. 22/1912; нет: к. 31/1911; л. г. III, 1: к. 121/1981; ? : к. 7/1910 [*Леонтьев П. М.*, 1854, с. 516; ОАК за 1909—1910 гг., с. 144—146; ОАК за 1912 г.,

- с. 61—64; Миллер А. А., 1910., 1914; Шилов В. П., 1966а; Брашинский И. Б., Зарецкий Ю. П. и др., 1977; Копылов В. П., 1983).
- Елизаветовский могильник (Пять братьев, гр.) — 241 (яма I, 1: 1954 г.: к 1 2 5, 6, 7; п. 2, п. 3, к. 9/1960; п. 4, к. 10/1960; яма II, 1: к. 4/1954; яма ? : п 'з' к. 13/1960; нет: п. 2, к. 10/1960; к. я. I, 2: к. 3/1954; п. 1 п. 4, к. 9/1960; п. 1 • к. 10/1960; к. 11/1960; п. 2, к. 13/1960; к. 14/1960; к. с. I, 2: к. 8/1959 [Шилов В. П., 1961, 1954, 1959а, 1960]).
- Елизаветовский могильник (группа к востоку от городища) — 241 (яма I, 1: к. 3/1954; к. 5/1954; яма II, 1: к. 7/1954; яма ? : 1954 г., к. 1 2, 4, 6 [Шилов В. П., 1954]).
- Елизаветовский могильник (группа к югу от хут. Городище) — 241 (яма I, 1: к. 23/1966; к. 25/1966; п. 1 — п. 7, к. 27/1966; п. 5, к. 28/1967; п. 1, к. 29/1967; к. 32/1967; к. 33/1969; к. 34/1969; яма III: к. 15/1966; осн., к. 17/1966; к. 21/1966; к. 24/1966; п. 2 — п. 4, к. 28/1967; п. 2, к. 29/1967; п. 2, к. 30/1967; к. 31/1967; яма, ? : 1966 г.: к. 13, 14, 16; впуск., к. 17; к. 18 — к. 20; п. 1, к. 22; 1967 г.: п. 1, к. 28; п. 1, к. 30 [Шилов В. П., 1966; Брашинский И. В., 1967, 1969, 1973; Брашинский И. Б., Демченко А. И., 1969]).
- Жданов, г. — 190 (см. Мариуполь, г.).
- Желтокаменка, станция (Толстая Желтокаменная Могила, курган Драна Кохта) — 57 (кат. III, 2А: п. 4; к. г. III: п. 1 [Мозолевский Б. Н., 1982]).
- Жовтневое, с. (Белградский р-н Одесской обл.) — 10 (кат. I, 1: к. 3 [Мелюкова А. И., 1979, с. 158]).
- Завадских могил гр. (у г. Орджоникидзе) — 70 (кат. I, 1: к. 2; кат., ? : п. I, к. 3; к. г. II: к. 1 [Мозолевский Б. И., 1980]).
- Заветное, с. — 265 (см. Джург-Оба, курган).
- Западно-Богдановского карьера гр. (у г. Орджоникидзе) — 71 (кат. II, 2Б: к. 2; кат. VIII, 1: к. 1 [Мозолевский Б. Н., 1980]).
- Зеленый Лагерь, с. (совр. Семеновка, с.) — 128 (яма I, 1?: п. I, к. 2 [Лесков А. М., 1981, с. 112]).
- Зеленый Яр, с. — 266 (яма I, I: к. II; к. с. I, 1: к. 6 [Яковенко Э. В., Черненко Е. В., Корпусова В. Н., 1970, с. 175—179]).
- Змеиный 2-й курган — 250 (к. с. II, 3: курган [ОАК за 1882—1888 гг., с. 32; ОАК за 1889 г., с. 11, 12]).
- «Знаменский» совхоза гр. — 174 (см. Большая Белозерка, с.).
- Знаменский могильник (Каменское городище) — 211 (яма I, I: п. 1, п. 4 [Погребова Н. #., 1958, с. 129]).
- Золотое, с. (Стоячий Камень, урочище) — 311 (к. я. I, 1: п. 1 — п. 9 [Корпусова В. М., Орлов Р. С., 1978]).
- Золотое, с. (группа к востоку и юго-востоку от села) — 311 (к. я. I, 1: раскоп I: п. 1 — п. 4; раскоп II: п. 1, п. 2; раскоп «А»: п. 7; п. 4/1977 [Масленников А. А., 1978, 1980]).
- Золотой курган (Гвардейское, п. г. т.) — 281 (яма I, 6: п. 1 [Стивен А. Х., 1891]).
- Зыбины, с. — 244 (к. с. I, 1: к. 1, к. 2 [Шепинский А. А., Черепанова Е. Н., 1967]).
- Изюмовка, с. — 255 С?: курган [Скорый С. А., 1977]).
- Ильичево, с. — 267 (яма I, 1: п. 2, к. 3; п. 4; к. 8; п. 4, к. 9; п. 1, п. 2, к. 10; п. 1, к. 4; к. я. I, 1: п. 1, к. 2; п. 1, п. 3, к. 9; п. 1, п. 2, к. 12; к. с. I, 1: п. 3, п. 4, к. 5; к. 6; к. 7; п. 1, п. 3, к. 8; кам. г. I, ? : п. 6, к. 1 [Яковенко Э. В., Черненко Е. В., Корпусова В. И., 1970; Лесков А. М., 1968]).
- Исаево, с. — 16 (? — курган [Фабрициус И. В., 1951, с. 54]).
- Испановы могилы, гр. Су г. Орджоникидзе) — 72 (яма I, 1: п. 2, к. 3; кат. I, 1: к. 1; п. 1, к. 3; п. 3, к. 7; кат., I, 3Б: к. 4 [Мозолевский Б. И., 1980]).
- Казенная Могила (Шмальки, с.) — 160 (кат. IV, 1: п. 2; кат. V, 2Б: п. 1; кат. VI, 2: п. 3 [Бидзиля В. И., 1975]).
- Калинина им., совхоз (Крымская обл.) — 302 (? : курган [Высотская Т. #., Черепанова Е. Н., 1966]).
- Калиновка, с. (Жовтневый р-н Николаевской обл.) — 30 (яма I, 1: п. 1, к. 7; кат. II, 1А: п. 2, к. 7; кат. VI, 2: п. 3, к. 7 [Елагина И. Г., Погребова Н. Н., 1959]).
- Калиновка, с. (Соломянский р-н Днепропетровской обл.) — 85 (кат. VII, 1: п. 3, к. 2 [Крылова Л. П., Блинов И. М., 1975]).
- Калитва, река — 232 (см. Алексеевка, пос.).

- Калос-Лимен, городите (Черноморское, п. г. т.) — 291 (яма I, 5: п. Г К 1; яма, ?; п. 2, к. 1 [Смирнов Г. Д., 1952]).
- Каменка, с. (Очаковский р-н Николаевской обл.) — 39 (кат. I, 1: п. 2, к. 21; кат. I, 2: п. 1, п. 3, к. 21 [Клочко Л. С., Гребенников Ю. С., 1982]).
- Каменная Могила (Чумаки, с.) — 98 (кам. г., ?; осн. [ДГС, 1872, с. 70]).
- Каменного кургана (Днепровка, с. — Подольское, с.) — 179 (кат. III, 5Б: к. 1; ?; к. 3; к. 4 [ОАК за 1909—1910 гг., с. 136, 137]).
- Каменный курган (Днепровка, с. — Подольское, с.) — 179 (см. Каменный кургана гр.; к. 1).
- Каменское городище — 211 (см. Знаменский могильник).
- Камкалы, д. — 245 (см. Бережное, с.).
- Кангил — Кринички, д. — 304 (см. Кояш, д.).
- Капуловка, с. (гр. I, II) — 63 (кат. I, 1: п. 1, п. 2, к. 13; п. 2, к. 1; кат. II, 1А: к. 2; к. 9; п. 1, к. 1; кат. II, 2А: к. 5 [Тереножикин А. И., Ильинская В. А., Черненко Е. В., Мозолевский Б. Н., 1973]).
- Кара-Кият, д. — 282 (см. Грушевое, с.).
- Кара-Меркит, д. — 290 (см. Каштановка, с.).
- Карань, с. — 231 (см. Ласпи, с.).
- Каролино-Бугаз, с. — 5 таТ. I, 1: п. 16, к. 3 [Загинайло А. Г., Черняков И. Т., 1974]).
- Каштановка, с. (бывш. Кара-Меркит, д.) — 290 (яма I, 1: п. 2, п. 3, к. 1; кам. г., ?; п. 1, к. 1 [Раскопки 1835 г. близ Ак-мечетской бухты. 1901]).
- Кекуватского курган — 251 (к. с. II, 3: курган [ДБК, 1854, с. LXVIII]).
- Керчь, г. — 251 (см. Аджимушкый, пос.).
- Кирово, с. (Ленинский р-н Крымской обл.) — 268 (яма I, 1: п. 2; к. я. I, 1: ч. 1, п. 2, к. 1; к. 2; к. 3 [Лесков А. М., 1970, с. 15; Яковенко Э. В., Черненко Е. В., Корпусова В. Н., 1970]).
- Кирово, с. (Никопольский р-н Днепропетровской обл.) — 64 (кат. I, 1: к. 2; к. 6; кат. III, 2А: к. 3; кат. III, 2Б: к. 5; кат. VII, 2А: к. 1 [Черненко Е. В., 1967]).
- Кичкас, с. (гр. I) — 151 (яма I, 1: к. 2 — к. 5; к. 15; к. 17; п. 1, п. 2, к. 19; к. 25; к. 36; к. 44; к. 45; п. 1, к. 46; п. «С». к. 49; яма I, 5: п. 1, к. 29; яма, ?; к. 11; нет: к. 10; д. г. I, 1: к. 1 [Ридинский М. Я., 1929]).
- Кичкас, с. Ср. IV) — 151 (яма I, 1: п. «А» к. 2; к. 3; к. 4; п. «С», к. 6 [Смоличев П. И., 1929]).
- Ковалевка, с. (Николаевский р-н Николаевской обл.) — 33 (яма I, 1: п. 1, к. 2, гр. I: п. 11, к. 3, т. Г; к. 7, гр. I; п. 3, к. 2, гр. II; п. 1, к. 5, гр. II: п. 1, к. 6, гр. II; к. 7, гр. II; п. 2, к. 1, гр. III; п. 1, к. 3, гр. III; п. 1, к. 4, гр. III: п. 3, к. 1, гр. IV: к. 2, гр. IV; п. 4, к. 3, гр. IV; п. 1, к. 7, гр. IV; к. 5, гр. VIII; п. 2, к. 6, гр. VIII: яма II, 1А: п. 1, к. 3, гр. II; кат. I, 1: п. 1, к. 5, гр. IV; п. 1, к. 9, гр. IV; к. 4, гр. VIII: кат. II, 1Б: п. 1, к. 2, гр. V: кат. V, 2А: п. 2, к. 2, гр. V; нет: к. 4, гр. II: ч. 1, к. 5, гр. VII; к. 2, гр. VIII [Кованенко Г. Т., Бунятян Е. П., Гаврилюк И. А., 1978]).
- Козел, курган (Новоалександровка, с.) — 136 (кат. VI, 3Б: оси; яма?: погребение конохов ОАК за 1865 г., с. X XII).
- Козловские курганы — 227 (см. Солнцево, колония).
- Колоски, с. — Велико, с. (Сакский р-н Крымской обл.) — 278 (яма I, 1: п. 1, п. 2, к. 1; п. 4, к. 3; п. 10, к. 4; п. 1—п. 5, к. 5; п. 2, п. 3, к. 7; п. 2, к. 8, п. 2, к. 10; нет: к. 9; к. я. I, 1: п. 9, к. 2; к. я. I, 1 (?): к. 6; п. 3, к. 8; к. г. I, 1: п. 1, к. 10; п. 1, к. И; кам. г. I, 1: п. 1, к. 7 [Яценко И. В., Ольховский В. С., 1977; Ольховский В. С., 1978б; 1980, 1981а, 1982, 1983, 1984]).
- «Коминтерн», совхоз — 43 (см. Нововасильевка, с; Николаевская обл.).
- Константиновка, с. (Мелитопольский р-н Запорожской обл.) — 181 (яма I, 1: п. 3, к. ? Г Л иберов П. Л., 1951)).
- Константиновка, с. (близ Швиричек, Арбузинский р-ч Николаевской обл.) — 223 (?; курган [Ястребов В. И., 1894, с. 147]).
- Константиновка, с. (Баштанский р-п Николаевской обл.) — 25 (яма II, 1: п. 1, к. 14 [Гребенников Ю. С., 1961]).
- Константиновка-Доув, г. — 239 (яма II, 2А — курган [Кияшко В. Я., Кореняко В. А., 1976]).
- Корнеевка, с. — 213 (кат. I, 1: п. ?, к. 2; кат. I, 2: п. 3, к. 2 [Отрощенко В. В., 1983]).
- Короткое, с. (Тираспольщина) — 203 (кат. V, 2А: к. 294 [Мелюкова А. И., 1962]).

- Кояш, д. (Кангил-Кринички, д.) — 304 (яма, ?; выпуск., к. 1874 г. [*Романченко Н.*, 1891]).
- Красное, с. (группа у развилки дорог Красное — Голая Пристань — Скадовск) — 139 (кат. IV, 1А: п. 2, к. 3; кат. VI 1: п. 1, к. 3; кат. VIII, 2: к. 1; п. 2 к 2 [*Ковпаненко Г. Т., Яковенко Э. В.*, 1973]).
- Красный Подол, с. (гр. I) — 125 (кат. 1, 1: п. 1, п. 2, к. 2 [*Полин С. В.*, 1984а]).
- Краснокутский курган (Толстая Могила с. Чумаки) — 97 (кат. VI, 2(?): оси [*Мелюкова А. И.*, 1981]).
- Краснослесье, с. (бывш. Тавель, имение) — 307 (к. я. I, 1: к. 3; к. 4; к. с. I, 1: ф. 1; к. 2 [Протоколы заседаний..., 1898; Протоколы заседаний..., 1901]).
- Красноперекопские курганы — 120—123 (см. Вольная Украина, с).
- Кременевка с. — 228 (яма, ?; п. 5, к. 2 [*Братченко С. П., Гершкович Я. П. и др.*, 1979]).
- Кременоватой Могилы гр. — 44 (см. Алексеевка, с).
- Кривой Рог, г. (гр. ЮГОК-II) — 62 (яма I, 1: к. 3; кат. I, 1: п. 4, к. 1 [*Кривола Л. П.*, 1971]).
- Круглик, урочище — 153 (см. Федоровка, с).
- Крыловка, с. (Крымская обл.) — 300 (к. я. I, 1: п. 1, к. 18; к. я. I, 2: п. 2, к. 18 [*Гаврилов А. В., Шкарбан А. С.*, 1985]).
- Крыма бывш. имение — 286 (яма I, 1: выпуск., к. 1; кат., ?; выпуск., к. 3; к. я. I, ?; п. 1, к. 2 [*Кашпар А. О.*, 1896]).
- Куйбышево, с. (могильник Орлова Могила, гр. II) — 65 (кат., ?; к. 3 [*Бочкарев В. С., Галанина Л. К., Шилов В. П.*, 1970]).
- Куль-Оба, курган — 252 (к. с. II, 3 — осн. [ДБК, 1854, с. X—XVIII]).
- Кураевка, с. — 258 (яма I, 1: п. 40, к. 5; кат. I, 1: п. 10, к. 6 [*Щепинский А. А., Черепанова Е. Н.*, 1969, с. 160, 169]).
- Кут, с. — 58 (яма I, 1: п. 1, к. 2; п. 1 п. 2, п. 3, к. 5; п. 3, к. 6; п. 1, п. 2, к. 8; п. 2 к. 9; п. 3, п. 4, к. 10; п. 2, п. 3, к. 12; п. 1, п. 2, п. 4, к. 13; п. 4, к. 14; п. 2, к. 19; п. 2, к. 21; п. 1, п. 2 п. 3, п. 5, п. 6, п. 8, к. 22; п. 1, п. 3, к. 23; п. 1, к. 24; п. 3, к. 27; п. 1, п. 2, к. 29; п. 4, п. 6, п. 7 к. 30; п. 1, к. 33; яма II, 1: п. 4, к. 1; кат. I, 1: п. 1, п. 3, к. 1; п. 7, к. 3; п. 2, п. 3, п. 8, п. 9 (западное), п. 9 (восточное), к. 7; п. 3, к. 13; п. 1, п. 2, к. 18; к. 20; п. 3, к. 21; п. 4, п. 7, п. 10, к. 22; п. 2, к. 23; п. 7, к. 27; п. 8, к. 30; кат. I, 2: п. 6, к. 23; п. 3 к. 24; кат. II, 1А: п. 5, к. 1; п. 3, к. 2; п. 1, к. 21; п. 5, к. 23; п. 3, к. 29; п. 1; к. 31; кат. II, 1Б: к. 17; п. 4, к. 21; кат. II, 2А: п. 2, к. 1; п. 9, к. 22; кап. III, 1А: п. 11, к. 8; кат. V, 1: п. 4, к. 5; кат. VI, 1: д. 5, к. 5; /кат., ?; п. 2, к. 2; п. 1, к. 9; к. 11 [*Березовец Д. Т.*, 1960]).
- Кучеровка с. — 45 (см. Мельгуновский курган).
- Ласпи, с. (Карань, с.) — 231 (?; курган [*Трефильев Е. П.*, 1907, с. 368]).
- Лемешевы курганы (с. Большая Знаменка) — 175 (яма II, 1: осн., к. 2; кат. III, 2А: осн., к. 1; кат. V, 2Б: выпуск., к. 2; кат., ?; выпуск., к. 1 [ОАК за 1911 г., с. 33—37]).
- Ленино, п. г. т. — 269 (яма I, 1: п. 1, к. 1; п. 2, к. 3; к. 5; п. 2, к. 7; п. 1, п. 2, к. И; к. 13; к. 14; яма I, 2: к. 10; к. я. I, 1 (?): п. 3, к. 3; к. с. I, 1: п. 2, к. 1; п. 1, к. 2; к. 6; п. 1, к. 7; п. 1, к. 8; к. 15; к. 16; к. с. II, 1: к. 12; г. с: к. 9 [*Яковенко Э. В., Черненко Е. В., Корпусова В. Н.*, 1970])..
- Лиманцы, с. — 242 (см. Тимофеевка, с).
- Лисьей Могилы гр. (у г. Орджоникидзе) — 73 (кат. II, 1А: п. 1, к. 1; кат. II, 2А: к. 2; к. 4; кат. II, 2Б: к. 3; кат. III, 1А: п. 3, к. 1; кат. V, 2Б: п. 2, к. 1; кат. VI, 2: к. 6 [*Мозолевский Б. Н.*, 1980]).
- Литая Могила (Кучеровка, с.) — 45 (см. Мельгуновский курган).
- Луговая Могила (Александропольский курган) — 82 (см. Александрополь, с).
- Луговое, с. (Крымская обл.) — 270 (яма I, 1: п. 1, к. 1 [*Бессонова С. С.*, 1971]).
- Лукиевка, с. — 66 (яма I, 1: п. 1, к. 2 [*Бондарь Н. Н.*, 1980]).
- Лупарево, с. (Николаевская обл.) — 31 (яма I, 1: п. 1, к. 5; п. I, к. 6; п. 2, к. 7; п. 1, п. 2, к. 10; к. 11; кат. I, 1: п. 2, к. 8; кат. V, 1: п. 1, к. 8 [*Петренко В. Г., Елагина Н. Г.*, 1969]).
- Львово, с. — 109 (яма I 1: п. 5, к. 18; п. 1, к. 19; кат. I, 1: п. 7, к. 11; п. 1 — п. 3, к. 18; п. 2, к. 19; кат. II, 2А: п. 2, к. 11; п. 4, к. 18 [*Ильинская В. А., Тереножкин А. И.* 1983, с. 180; *Кубышев А. И., Николова А. В., Полин С. В.*, 1982]).

- Любимовка, с. (Солонянский р-н Днепропетровской обл.) — 86 (яма I, 1: к. 1; к. 2 [Волковой С. С., Лихачев В. А. и др., 1981, с. 52]).
- Любимовка, с. (гр. I; Каховский р-н лерсонской оол.) — 126 (кат. I, 1: п. 6, к. 2 [Лесков А. М., 1972, с. 54; 1981, с. 129]).
- Любимовка, с. (гр. II; Каховский р-н Херсонской обл.) — 127 (яма I, 1: п. 2, к. 38; п. 2, к. 45; кат. I, 1: п. 3, к. 38; п. 1, к. 45; кат. I, 3А: п. 3 к' 48; к. я. I, 2: п. 3, к. 14 [Лесков О. М., 1974, с. 54, 62, 63; Болтрик Ю. В.' Зарайская П. П., 19/1, с. 9; Лесков А. М., 1981, с. 112]).
- Малая Лепетиха, с. (хут. Сергеевский) — 112 (кат. I, 1: п. 3, п. 4, к. 2; центральное, северное, южное, к. 3; кат. IV, 3Б: и. 1—2, к. 2 [ОАК за 1913—1915 гг., с. 136—140]); см. также Большого кургана гр.
- Малая Цимбалка, курган (с. Большая Белозерка) — 169 (см. Цимбалка Малая).
- Малый Огуз, курган (Нижние Серогозы, п. г. т.) — 132 (кат. II, 4 (А?): курган [Спицын А. А., 1906, с. 167]).
- Марицыно, с. — 214 (см. Петуховка, с.).
- Мамай, пос. — 295 (к. с. 1. ? : курган [Черепанова Е. Н., Щепинский А. А., 1968, с. 190]).
- Мариуполь, г. — 190 (яма I, 1: впуск. к. 7; яма I, 2: к. 6 [Черненко Е. В. 1970а]).
- Мартыновка, с. — 246 (яма I, 1: п. 2, к. 3; п. 2 п. 5 к. 4; п. 1, к. 5 [Щепинский А. А., Черепанова Е. Н., 1969, с. 270—282]).
- Марфовка, с. (бывш. Даут-Эли, д.) — 271 (к. с. ? — п. 1, к. 2 [Яковенко Е. В., 1974, с. 38]).
- Марьевка, с. — 152 (см. Близница Геремесова Главная).
- Марыно,, с. — Лозовое, с. (Симферопольское водохранилище) — 308 (яма I, 1: п. 1, к. 2; п. 1 — п. 4, к. 3*; п. 4, к. 12; яма, ? : п. 2, к. 4; п. 2а, к. 5; п. 3, к. 6; п. 1, к. 7; п. 1, к. 8; п. 8а—б, к. 11; впуск., к. 12; к. 14 [Щепинский А. А.; 1960; Шульц П. Н., Столяр А. Д., 1958; Столяр А. Д., Щепинский А. А., 1981]).
- Марьянское, с. (гр. I) — 59 (яма I, 1: п. 2, к. 1; кат. I, 1: п. 3, к. 1; п. 1, к. 2; к. 3; к. 4; п. 2, к. 5; к. 6; кат. II, 2А. п. 1, к. 5; кат. II, 2Б: п. 4, к. 1; кат. III, 1Б: п. 2, к. 2; кат. VIII, 1: п. 1, к. 1 [Волковой С. С., Андросов А. В. и др., 1980, с. 18—21]); см. ниже.
- Марьянское, с. (гр. II; урочище Целина) — 59 (яма I, 1: к. 3; кат. I, 1: п. 1 — п. 5, к. 2; п. 1, к. 6; кат. II, 2А: п. 1, к. 1; кат. II 2Б: п. 2, к. 6; кат. II, 1А: п. 7, к. 2; кат. III, 1А: п. 6, к. 2; к. 8; кат. IV, 1: п. 2, к. 1; кат. V, 2Б: п. 3, к. 1 [Волковой С. С., Андросов А. В. и др., 1980, с. 22—25]); см. ниже.
- Марьянское, с. (гр. III; станция Ток) — 59 (яма I, 1: п. 1, п. 2, к. 1; п. 2, к. 5; кат. I, 1: п. 1, к. 5; п. 2, к. 6; кат. II, 1А: п. 4—5, к. 6 [Волковой С. С., Андросов А. В. и др., 1980, с. 25, 26]).
- Маяки, с. — 8 (яма I, 1: п. 1, к. 2 [Субботин Л. В., Охотников С. Б., 1981, с. 106]).
- Медерова, с. — 48 (д. г. II, 1: курган [Бокий Н. М., 1974]).
- Мелитопольский курган (г. Мелитополь) — 182 (кат. I, 4А: п. 1; кат. II, 2А: п. 2 [Тереножкин А. И., Мозолевский Б. П., 1988]).
- Мельгуновский курган (Литая Могила; с. Кучеровка) — 45 (д. г., ? : курган [Придик Е., 1911]).
- Миновка, с. — 102 (яма I, 1: п. 2, к. 2 [Мухонад С. Е., 1981, с. 88]).
- Мирное, с. (бывш. д. Сарайлы-Кият, имение Пастака) — 283 (см. Дорт-Оба, гр.).
- Мироновка, с. (Переводчиково, с.) — 221 (яма II, 1: курган [Ястребов В. Н., 1889, с. 117; 1894, с. 136]; к. г. I: курган [Ястребов В. Н., 1889, с. 106]).
- Михайловка, с. (Ленинский р-н Крымской обл.) — 272 (к. я. I, I: к. 2; п. 4, п. 2, к. 3; к. 7; к. 8; п. 1, к. 9; п. 1, к. 10; п. 1, к. 14; к. 17; п. 1, п. 2, к. 19; к. с. I, I: п. 2, к. 10; к. 18; к. с. II, 2: к. 12; к. 13; п. 2, к. 14; к. 15; кам. г., ? : п. 2, к. 9; к. 11 [Петерс Б. Г., Ефимова Г. М., Кожин П. М., 1970; Петере Б. Г., Ефимова Г. М., 1971; Ефимова Г. М., Кожин П. М., Петере Б. Г., 1972]).
- Михайловка, с. (Нововоронцовский р-н Херсонской обл.) — 110 (яма I, 1: п. 1 — п. 5; нет: п. 6 — п. 9 [Лагодовская Е. Ф., Сыманович Э. А., 1973]).
- Михайлово-Апостолюво, станция — 53—55 (см. Апостолюво, п. г. т.; Бабы курган; Раскопана Могила).
- Мордвиновский I курган (с. Архангельская Слобода) — 118 (кат. I, 1: п. 1; кат. VI, 3Б; п. 2 [Макаренко Н. Е., 1916; Лесков А. М., Кубышев А. И., 1971]).

* Дата п. 3 к. 3, возможно, VIII—VII вв. до н. э.

- Мордвинновский II курган, его группа — 119 (см. Архангельская Слобода, с.).
- Морская кошара, урочище (г. Скадовск) — 141 (яма I, I: п. 1, к. 1; кат. I, I: к. 5; кат. III, 2A: и. 2, к. 1 [Ковпаненко Г. Т., Яковенко Э. В., 1973, с. 257]).
- Нагорное, с. (Никопольский р-н Днепропетровской обл.) — 74 (кат. I, I: к. 4; ц. 1, к. 5; кат. II, 1A: к. 6; к. 9; к. 10; п. 1, п. 3, к. 13; кат. V, I: п. 2, к. 3; п. 2, к. 11; кат. V, 2B: п. 2, к. 13; кат. VI, 2: п. 1, к. 11; кат., ?: п. 3, к. 5 [Мозолевский Б. Н., 1973, с. 188—234]).
- Надежда, с. — 288 (яма II, I: п. 1, курган [Черепанова О. М., 1985]).
- Надлиманское, с. — 18 (кат I 1: п. 1; ? : п 2 [Субботин Л. В., Охотников С. Б., 1981]).
- Настасиевка, с. — 15 (см. Анастасьевка, с.).
- Нижний Рогачик, с. — 212 (яма I, I: п. 5 — п. 7 [Березовець Д. Т., Березанська С. С., 1961, с. 45]).
- Нижние Серогозы, п. г. т. (группа правого берега балки) — 130 (кат. J, I: п. 5, к. III [Браун Ф. 1906, с. 84]); см. ниже.
- Нижние Серогозы, п. г. т. (курган у Огуза) — 133 (яма. ? : осн. [Болтрик Ю. В., 1980]); см. ниже.
- Нижние Серогозы, п. г. т. (малый курган близ Деева) — 135 (кат. IV, 2: курган [Стицзын А. А., 1906, с. 169]); см. также Огуз, Малый Огуз, Деев курган.
- Николаев, г. (пос. Новый Водопои) — 34 (кат. II, 1A: курган [Никитин В., Черненко Е. В., 1967]); см. также Богоявленский посад.
- Николаевка, с. (гр. I—VII; Овидиопольский р-н Одесской обл.) — 19 (яма I, I: погребения 1, 3—6, 12, 17—20, 25, 26, 28, 29, 31, 32, 34—36, 38—45, 47, 49—56, 59—63, 65, 67, 68; к. 1; к. 2; п. 2, к. 3; яма I, 1A: п. 66; п. 1, к. 3; яма I, 2: п. 2; п. 30; п. 37; п. 48; яма I, 3: п. 46; кат. I, I: погребения 7—11, 13—16, 21—23, 27, 33, 57, 58, 64; кат. III, 1B: п. 24 [Мелюкова А. И., 1975]).
- Николаевка, с. (гр. «в селе» — 1963 г., гр. «на горбах» — 1968 г., гр. «у вышки» — 1968—1969 гг.; Овидиопольский р-н Одесской обл.) — 20 (яма I, I: к. 1/1968; к. 2/1968; п. 1 — п. 5/1963; яма I, 2: п. 1, к. 3/1969; яма II, I: п. 2, к. 3/1969; кат. I, 1; к. 4/1969; п. 2, к. 5/1969; кат. II, 1A: к. 1/1968 (на горбах); кат., ? : п. 1, к. 5/1969 [Мелюкова А. И., 1984; 1979; Дзис-Райко Г. А., 1965]).
- Николаевка, с. (Станично-Луганский р-н Ворошиловградской обл.) — 194 (яма, ? : впуск, к. 13 [Ильинская В. А., Тереножкин А. И., 1983, с. 92]).
- Никополь, г., окрестности — 68 (д. г., ? : к. 1902 г. [Давлуцкий Г., 1904]).
- Никопольское курганное поле (гр. I) — 67 (кат. I, I: п. 17, к. 2; кат. II, 1A: п. 12, к. 2; ? : п. 2, к. 5; п. 1, к. 6; п. 1, к. 7; п. 1, к. 13; п. 2; к. 30 [Граков Б. И., 1962, с. 58, 57]); см. ниже.
- Никопольское поле (гр. II) — 67 (яма I, I: п. 1 — п. 3, к. 22; п. 1, п. 2, к. 23; п. 4, к. 25; кат. I, I: п. 3, к. 5; к. 12; к. 13; к. 16; к. 18; п. 1, п. 3, к. 20; к. 24; п. 3, к. 25; к. 26; кат. II, 1A: п. 1, к. 3; к. 6; к. 11; п. 1, к. 19; п. 1, к. 21; п. 4, к. 21; кат. II, 2A: п. 2, к. 3; кат. III, 1A: впуск, к. 1; п. 1, к. 5; п. 1, к. 7; п. 1, к. 8; п. 3, к. 17; кат. III, 2A: к. 10; кат. III, 2B: п. 2, к. 21; кат. IV, I: п. 1/2, к. 4; п. 2, к. 8; п. 3, к. 19/21; кат. V, I: п. 2, к. 5; п. 1, п. 2, к. 17; п. 1, п. 2; к. 19/21; кат. V, 2A: к. 2; кат. V, 2B: п. 3, к. 21; кат. VIII, I: п. 3, к. 4; п. 2, к. 7; п. 2, к. 20; кат., ? : п. 2, к. 19; ? : к. 9; п. 1, к. 25 [Граков Б. Н., 1962, с. 60—70]; см. ниже.
- Никопольское поле (гр. против ул. 9 января пос. Сулицкого) — 67 (кат. I, I: к. 1; п. 3, к. 2; кат. I, 2: п. 2, к. 2 [Граков Б. Н., 1962, с. 70—72]); см. ниже.
- Никопольское поле (курган у пос. Сулицкого) — 67 (кат. I, I: п. 3, к. 27 [Граков Б. И., 1962, с. 72]); см. ниже.
- Никопольское поле (гр. у 8-километрового столба дороги Никополь—Алексеевка) — 67 (кат. III, 1A: к. 2 [Граков Б. Н., 1962, с. 73]); см. ниже.
- Никопольское поле (гр. на 9 км дороги Никополь—Алексеевка) — 67 (яма I, I: п. 1, к. 2; кат. I, I: к. 4; кат. V, I: п. 2, к. 2 [Граков Б. И., 1962, с. 73—75]); см. ниже.
- Никопольское поле (гр. в конце 9 км дороги Никополь—Алексеевка) — 67 (кат. I, I: к. 2; п. 2, к. 3; п. 4, к. 4 [Граков Б. Н., 1962, с. 75, 76]); см. ниже.
- Никопольское поле (гр. Серко, центральная подгруппа между к. 10 и к. 22) — 67 (кат. I, I: п. 2, к. 2(19); к. 3(18); кат. V, I: п. 1, к. 2(19); кат. V, 2A: к. 4(16) [Граков Б. Н., 1962, с. 77—79]); см. ниже.

- Никопольское поле (гр. Серко, подгруппа между к. 22 и к. 24) — 67 (яма I, 1: к. 6(28); кат. I, 2: п. 2, к. 5(23) [*Граков Б. Н.*, 1962, с. 80, 81]); см. ниже.
- Никопольское поле (гр. Серко, крайняя восточная подгруппа) — 67 (кат. I, 1: к. 1(32); п. 5, к. 2(31); к. 4(30) [*Граков Б. Н.*, 1962, с. 79, 80]).
- Нимфей, некрополь (пос. Г'ероевка) — 249 (яма, ? : п. 2/1868; к. я. I, 1: п. 14, к. 1; п. 8, к. 17; п. 19, к. 29; и. 16, сплошная насыпь; кам. г., ? : п. 1/1868; с. г. : п. 14, к. 32; ? : к. 6 [*Черненко Е. В.*, 1970; *Силантьева Л. Ф.*, 1959]).
- Новая Одесса, с. — 38 (? : КурґаН [*Фабрициус И. В.*, 1951, с. 83]).
- Новоалександровка, с. — 136 (см. Козел, курган).
- Новоалексеевка, с. — 140 (яма, ? : п. 1, к. 17 [*Ольговский С. Я., Полін С. В.*, 1983]).
- Ново-Амвросиевское, пос. — 230 (кат. VIII, 2: п. 2, к. 1 [*Евдокимов Г. Л.*, 1975]).
- Нововасильевка, с. — 155 (см. Бердянский курган).
- Нововасильевка, с. (Снигиревский р-н Николаевской обл.) — 43 (яма I, 5: к. 9; к. я. I, 1: к. 13; п. 1, к. 50 [*Ильинская В. А., Теренюшкин А. И.* 1983, с. 112]).
- Нововладимировка, с. — 116 (яма I, 1: п. 1, к. 1; кат. I, 1: п. 2, к. 3 [*Коваленко Г. Г., Яковенко Э. В.*, 1973, с. 263—265; *Федорова-Давыдова Э. А.*, 1967, с. 44]).
- Новогеоргиевка, с. — 24 (см. Булгакове, с.).
- Новоигорьевка, с. (Запорожский р-н Запорожской обл.) — 166 (яма I, 1: к. II(8); яма II, 1: к. I(9); яма II, 2: к. III(10); к. V(III); яма, ? : к. IV (11) [*Самоковен Д. Я.*, 1908, с. 121, 122]).
- Новокаменка, с. — 11 (кат. V, 1: п. 2, к. 4 [*Мелюкова А. И.*, 1979, с. 158; *Алексеева И. Л., Черняков И. Т., Шмаглий Н. М.*, 1972]).
- Новокиевка, с. — 117 (яма II, 1: п. 1, к. 2 [*Евдокимов Г. Л., Мурзин В. Ю.*, 1984]).
- Новониколаевка (бывш. Шульговка), с. — 183 (кат. I, 4А: центральное, к. 1; кат. IX, 1А(?): боковое, к. 1 [ОАК за 1889 г., с. 17—19; ОАК за 1890 г., с. 14, 15; ОАК за 1891 г., с. 69—72]).
- Новоподржж, с. — 107 (яма I, 1: п. 2, к. II, гр. 1; кат. I, 1: к. 2, гр. II; к. 3, гр. II [*Ковалева И. Ф., Мухопад С. Е.*, 1979]).
- Новорозановка (Новая Розановка), с. — 37 (яма II, 1: п. 1, к. 1 [*Шапошникова О. Г.*, 1970; *Шапошникова О. Г., Ребедайло Г. П.*, 1977]).
- Новотроицкое, п. г. т. — 138 (кат. I, 1: п. 4, к. 1 [*Мурзин В. Ю.*, 1982, с. 51; 1984, с. 16]).
- Новофилипповка, с. — 184 (см. Аккермень I, гр.).
- Новый Водопоп, пос. — 34 (см. Николаев, г.).
- Ногайск, г. (совр. Приморск, г.; с. Обноточное) — 187 (яма I, 1: п. 1, к. 2; осн., к. 6; яма, ? : впуск., к. 3; Острая Могила; ? : впуск., к. 6 [ОАК за 1882—1888 г., с. CLXXIII; *Яценко И. В.*, 1956]).
- Носаки, урочище (с. Балки) — 156 (кат. II, 1А: п. 1, к. 5; п. 1, к. 14; кат. II, 2А: к. 1; п. 2, к. 2; к. 3; п. 2, к. 5; кат. II, 2Б: п. 2, к. 12; кат. II, 4Б: п. 1, к. 4; кат. III, 2А: п. 1, к. 2; п. 3, к. 14; кат. IV, 1: п. 4, к. 14; кат. V, 2А: к. 13; кат. V, 2Б, п. 3, к. 2; кат. VI, 2: п. 2, п. 3, к. 4; п. 2, к. 14 [*Бидзиля В. И., Болтрик Ю. В. и др.*, 1977]).
- Обиточное, с. — 187 (см. Ногайск, г.).
- Огоньки, с. (Трехбратие курганы) — 273 (к. я. II, 1: п. 2, п. 3, к. 2; к. 3; р. с. II, 3: п. 1, п. 2, к. 1; п. 1, 14 2 [*Кирилин Д. С.*, 1968; *Бессонова С. С.*, 1973; *Яковенко Е. В.*, 1974, с. 70]).
- Огородное (Городнее), с. — 9 (яма I, 1: п. 5, к. 9; кат. III, 1А: к. 3 [*Субботин Л. В., Загинайло А. Г., Шмаглий Н. М.*, 1970]).
- Огуз, курган (с. Нижние Серогозы) — 131 (кат. I, 1: западное; кат. IV, I: северное; кат. VI, 1: южное; к. г. IV: центральное [ОАК за 1891 г., с. 72; ОАК за 1892 г., с. 2; ОАК за 1894 г., с. 77—81; *Болтрик Ю. В.*, 1980, 1981, 1981а, 1983]).
- Одесса, г. — 205 (яма, ? : п. 4, курган [*Диамант Э. И., Морозовская Т. В., Черняков И. Т.*, 1979]).
- Октябрьское, п. г. т. — 35 (см. Богоявленский посад).
- Ольвия некрополь (с. Парутино) — 243 (яма I, 1: п. 6/1909; п. 12/1910; п. 66/1911; п. 5/1946 [*Капошина С. И.*, 1941, 1950, 1956; *Козуб Ю. /.*, 1974]).
- Олышпанка, п. г. т. — 49 (яма I, 1: к. 7/1969; п. 2, к. 24/1969; кат. VI, 1: к. 5/1904; к. 6/1904; кат. VI, 2: к. 17/1969 [*Шербаковский Д. М.*, 1905; *Шербаковский Д.*, 1908; *Бокій Н. М.*, 1972]).

- Омельник, с. — 51 (яма II, I: п. 1, к. 2/1968 [Скифские погребальные памятники..., 1986]).
- Опук, гора (с. Яковенково) — 276 (яма, ?; к. 1; к. я. I, I: к. 3; кам г. II, ?; к. 2 [Марта Ю. Ю., 1928]).
- Орджоникидзе, г. (окрестности) — 69—78 (см. БОФ гр., Завадских Могил гр., Западно-Богдановского карьера гр., Испановых Могил гр., Лисьей Могилы гр., с. Нагорное, Степного кургана гр., Страшной Могилы гр., Толстая Могила, шахты № 22 гр.).
- Орел] курган (с. Большая Белозерка) — 170 (кат. IV, I: курган [Веселовский Н. И., 1910]).
- Орлова Могила, могильник — 65 (см. Куйбышево, с, гр. II).
- Осинова Могила — 24 (см. Булгакове, с, к. 5).
- Острая Могила — 187 (см. Ногайск, г.).
- Острая Могила, гр. (с. Широкое) — 146 (кат. I, I: п. 2, к. 1; к. 3; к. 4; кат. III, 1А: к. 2 [Ольговский С. Я., Полин С. В., 1977]).
- Острая Могила, гр. (Славянка) — 81 (см. Шолохово, с.).
- Острая Томаковская Могила (п. г. т. Томаковка) — 96 (?; курган [ДГС, 1866, с. 62]).
- Островное, с. — 3 (яма I, ?; погребение воина, «ложное» погребение, к. 3; нет: погребение «на горизонте», к. 3; ?; к. 1972 г. [Алексеева И. Л., 1973; Алексеева И. Л., Дворянинов С. А., 1977]).
- Отрадное, с. — 26 (яма I, I: п. 1, к. 4; п. 1, п. 2, к. 16; кат. I, I: п. 3, к. 3; п. 2, к. 4; к. 7; п. 1, п. 2, к. 12; к. 13; к. 15; кат. II, 1А: п. 2, к. 3; к. 8; к. 17; кат. II, 1Б: п. 1, к. 3; кат. VI, I: к. 2; кат., ?; п. 3, к. 16 [Гребенников Ю. С., 1980]).
- Парк, урочище — 89 (см. Верхнетарасовка, с.).
- Парканы, с. (Тираспольщина) — 199 (яма I, I: курганы 104, 112, 131, 147, 151, 155₁, 155₂, 157, 158₂, 161, 167, 367; кат. I, 4Б: к. 122; кат. II, 2А: к. 159; кат. III, 2А: курганы 109, 114, 121, 143, 153, 154, 156, 172, 174; кат. III, 4А: к. 173; кат. VI, 4: к. 120 [Мелюкова А. И., 1962]).
- Партизанское (бывш. Саблы), с. — 306 (к. я. II, ?; к. 1891 г. [Кашпар А. О., 1891, с. 97; ОАК за 1891 г., с. 76]).
- Парутино, с. — 243 (см. Ольвия, некрополь).
- Пастака бывш. имение — 283 (см. Дорт-Оба, гр.).
- Патиниотти курган — 253 (к. с. II, 3: курган [ДБК, 1854, с. VI; Письмо..., 1889]).
- Первоконстантиновка, с. — 149 (яма, ?; впуск, к. 1971 г. [Лесков А. М., 1981, с. 112]).
- Первомаевка, с. — 115 (яма, ?; п. 1, к. 4 [Иллінська В. А., Ковпаненко Г. Т., Петровська Е. О., 1960, с. 133]).
- Переводчиново, с. — 221 (см. Мироновка, с.).
- Пересадовка, с. — 32 (кат. III, 1Б: п. 3, к. 3; кат. VI, I: к. 2; п. 2, к. 3 [Соболевская И. А., Гаврилюк Н. А., 1974]).
- Перещепино, с. — 105 (яма I, I: п. 2, п. 3, к. 2 [Мухонад С. Е., 1981]).
- Пески, с. — 27 (кат. I, I: п. 1, к. 9; кат. II, 1А ?; п. 2, к. 9 [Ильинская В. А., Тереножкин А. И., 1983, с. 158]).
- Петуховка (бывш. Марицыно), с. — 214 (яма I, I: курганы 2Т, 4U, 2U, 4I, 2G, 3U, 4Q, 2D; кат. I, I: курганы 3D, 3P, 2N, 4F, 3X, 4S, 3A, 3E, 4T, 3I, 3H, 3G, 3F, 2K, 2L, 2Z, 2Y, 3N, 2H, 4R, 3T, 4L, 1K, 3C, 4O, 4G, 3B, 4D; таб. X: курганы 2I, 1L, 2C [Ebert M., 1913]).
- Плоское, с. (Тираспольщина) — 201 (яма I, I: курганы 252, 252₂, 267, 297; кат. III, 1А: к. 218; к. 221; кат. III, 2А: к. 377 [Мелюкова А. И., 1962]).
- «Победа» совхоз (бывш. имение Чотты) — 303 (кат. I, I: к. 2; п. 1, п. 2, к. 3; к. я. I, ?; впуск, к. 1 [ОАК за 1897 г., с. 38, 39]).
- Подгородное, с. (гр. V, VIII, X) — 100 (яма I, I: к. 1, гр. X; яма II, I: к. 11, гр. V; к. 6, гр. X; д. г. I, I: п. 4, к. 3, гр. VIII; д. г. I, 2: к. 7, гр. X [Ковалева И. Ф., Мухонад С. Е., 1979]).
- Поддубное, с. (Поддубный, хут.) — 87 (кат., ?; п. 2, к. 8 [Антоненко Б. А., Бондарь Н. Н. и др., 1975]).
- Подольское, с. (Днепровка, с.) — 179 (см. Каменный кургана гр.)
- Показовое с. — 224 (яма II, I: к. 2, гр. II; кат. II, 1А: п. 2, к. 2, гр. I; к. 4, гр. I; д. г. I, I, (?); к. 3, гр. I; к. 10, гр. I [Бокий Н. М., 1971]).
- Покровка, с. — 137 (?; курган [Спицын А. А., 1906, с. 172]).
- Покровское, с. (гр. Сторожевой Могилы) — 79 (кат. I, I: к. 1; кат. III, 1А: п. 3, к. 3 [Мозолевский Б. Н., 1980, с. 71—81])

- Приветное, с. (Сакский р-н Крымской обл.) — 279 (яма I, 1: п. 3, к. 1; п. 2, к. 21; нет: к. 2; к. я. I, 1: п. 1, к. 21; п. 1, к. 22; к. я. I, 2: п. 2, к. 22 [Ольховский В. С., 1981а, 1983]).
- Приднепровское (Приднепровка), с. — 167 (яма I, 1: погребение [Бодянский О. В., 1972]).
- Приморск, г. — 187 (см. Ногайск, г.).
- Приморское, пос. — 191 (см. Двугорбая Могила).
- «Прогресс», совхоз — 41 (см. Александровка, с.).
- Пролетарское, с. — 103 (яма II, 1: п. 1, к. 13, гр. XXX [Мухомад С. Е., 1981, с. 89]).
- Пять братьев, гр. — 241 (см. Елизаветовский могильник).
- Раскопана Могила (п. г. т. Апостолово) — 54 (? — курган [Эварницкий Д. И., 1901; ОАК за 1897 г., с. 82]).
- Райское, с. — 226 (яма I, 1: п. 1, к. 3; кат., ?; п. 2, к. 2 Горобцов В. А., 1907, с. 353]).
- Рахмановка, с. — 61 (яма I, 1 ?; впуск., к. 3 [Ильинская В. А., Тереножкин А. И., 1983, с. 102]).
- Рисовое, с. — 257 (яма I, 1: п. 9, к. 2; п. 2, п. 10, к. 4 [Щепинский А. А., Черепанова Е. Н., 1969, с. 136, 142, 143]).
- Рожновский (Херсонский) курган — 111 (? — курган [Гошкевич В. И., 1903, с. 44]).
- Ромашкино, с. (Сакский р-н Крымской обл.) — 298 (кат. I, 1: п. 2, п. 4, к. 1; к. я. I, 2: п. 2, к. 3; к. с. II, 1: п. 1, к. 3 [Ольховский В. С., 1984]).
- Ростов-на-Дону, г. — 240 (яма I, 1: п. 1, к. 5 [Брашинский И. Б., 1973]).
- Рыбаковка, с. — 207 (яма I, 1: погребение [Синицын М. С., 1962, с. 51; Славин Л. М., 1955, с. 146]).
- Рыбное, с. — 313 (к. я. I, 1: п. 1/1957; п. 2/1957; п. 1 — п. 3/1958 [Лесков А. М., 1961; Кругликова И. Т., 1973]).
- Рылеевка, с. — 301 (? — курган 1886 г. [Зиновьев М. К., 1957]).
- Рядовые курганы (с. Большая Белозерка) — 168 (кат. I, 5: к. 3: ?; к. 1: к. 2 {ОАК за 1909—1910 гг., с. 138}).
- Рядовые курганы — 210 (см. Владимировка, с, бывш. имение Бредихина).
- Рясные Могилы, могильник — 83 (см. Башмачка, с.).
- Саблы, с. — 306 (см. Партизанское, с.).
- Садовое, с. — 189 (см. Шевченко, хут.).
- Сакчи-Кият, д. (совр. Гвардейское, п. г. т.) — 281 (см. Золотой курган).
- «Самарский», учхоз — 104 (см. Александровка, с; Новомосковский р-н Днепропетровской обл.).
- Самбросовка, д. — 222 (яма I, 1: к. 1; д. г. I, 1: к. 2; к. 3 [Беляшевский Н., 1899]).
- Сарайлы-Кият, д. — 283 (см. Мирное, с.).
- Сахнова Могила — 172 (см. Большая Белозерка, с; гр. к югу от села, к. 29).
- Семеновка, с. (Ленинский р-н Крымской обл.) — 274 (см. Акташский мог.).
- Семеновка, с. (Белгород-Днестровский р-н Одесской обл.) — 6 (яма I, 1: п. 1, п. 2, п. 7, к. 1; п. 2, к. 8; п. 2, к. 11; к. 13; п. 4, к. 14; п. 1, к. 16; к. 22; п. 3, к. 23; нет: впуск., к. 20; кат. I, 1: п. 2, к. 10; к. 15; к. 21; кат. II, 2А: п. 2, к. 16 [Субботин Л. В., Охотников С. Б., 1981]).
- Семеновка, с. — 128 (см. Зеленый Лагерь, с; Каховский р-н Херсонской обл.).
- Сербская Земля, с. (Тираспольщина) — 203 (кат. V, 2Б: к. 260 [Мелюкова А. И., 1962]); см. также Коротное, с.
- Сергеевский, хут. — 112 (см. Малая Лепетиха, с.).
- Серко, гр. — 67 (см. Никопольское курганное поле).
- Симферополь, г. — 284 (к. я. I, 1: курган 1889 г. [Маркевич А. И., 1890]); см. также Бахчи-Эли, д.
- Симферопольское водохранилище — 308 (см. Марьино, с. — Лозовое, с.).
- Скадовск, г. — 141 (см. Морская кошара, урочище).
- Скельки, с. — 216 (кат. I, 1: погребение [Бодянский А. В., 1962]).
- Славное, с. — 293 (яма I, 1: курган 1952 г. [Колосов Ю. Г., 1957]).
- Славянка (Острая Могила), гр. — 81 (см. Шолохове, с.).
- Слоновская Близница, к. (п. г. т. Томаковка) — 94 (см. Близница Слоновская).
- Снигиревка, станция — 208 (кат. И, 1А: к. 3 [Добровольский А. В., 1915]).
- Советский, пос. (Джанкойский р-н Крымской обл.) — 299 (? — курган 1964 г. [Черепанова Е. Н., Щепинский А. А., 1966, с. 76; Махнева О. А., 1969]).
- Сокольники (бывш. Станицино, с.) — 46 (яма II, 1: к. 2/1887 — «в 90 саженях от

- кургана Абертасова»; ?* выпуск., осн. к 1/1883 — «курган Абертасова» [*Ястребов В. Н.*, 1889, с. 113—117]).
- Солнцево, колония (Козловские курганы) — 227 (?; курган 1903 г. [*Харламов В.*, 1914, с. 184]).
- Солончаки, с. — 40 (см. Аджигол, с.).
- Солоха, курган — 177 (яма I, 1: погребение конюха; кат. I, 3А: осн.; кат. I, 4А: выпуск. [*Манцевич А. П.*, 1987]).
- Солохи группа — 176 (яма I, 1: п. 1, п. 4, к. 8/12; п. 2, к. 15/75; кат. I, 1: п. 1, п. 2, к. 1/24; п. 1, п. 2, к. 2/25; к. 4/26; к. 5/28; п. 3, к. 8/12; п. 2, п. 3, к. 11/4; к. 12/9; п. 2 к. 13/21; п. 1 — п. 4, к. 14/20; п. 1, п. 3, к. 15/75; кат. II, 1А: п. 1, к. 10/31; кат. VI, 1: п. 3, к. 2/25; п. 2, к. 10/31; кат. VIII, 1: к. 9/74; п. 1/ к. 11/4 [*Г раков Б. Н., Мелюкова А. И.*, 1961; *Г раков Б. Н., Мелюкова А. И., Елагина Н. Г.*, 1962]).
- Станишино, с. — 46 (см. Сокольники, с.).
- Степного кургана гр. — 75 (кат. I, 1: к. 1 [*Терсножкин А. И., Ильинская В. А. и др.*, 1973, с. 179]).
- Сторожевой Могилы гр. — 79 (см. Покровское, с.).
- Стоячий камень, урочище — 311 (см. Золотое, с.).
- Страшная Могила — 76 (см. Страшной Могилы гр., к. 1).
- Страшной Могилы гр. — 76 (яма I, 1: п. 3, к. 4; кат. I, 1: к. 6; к. 7; кат. I, 3Б: п. 1, к. 5; кат. V, 2А: п. 1, п. 2, к. 4; п. 2, к. 5; кат. VII, 1: к. 1 [*Мозолевский Б. #.*, 1980]).
- Ступки, хут. — 236 (яма I, 1: п. 6, к. 5 [*Городцов В. А.*, 1907, с. 320]).
- Суклея, с. (Тираспольщина) — 200 (яма I, 1: к. 1; яма, ?; к. 4; кат. III, 2А: к. 1909 г. [*Мелюкова А. И.*, 1962]).
- Сулицкого пос. — 67 (см. Никопольское курганное поле).
- Сурученъ, с. — 204 (яма I, 1: погребение [*Сергеев Г. П.*, 1961]).
- Сухой Ташлык, с. — 50 (яма I, 1: п. 1, к. 6 [*Бокій Н. М.*, 1972, с. 131]).
- Табурище, с. — 52 (д. г., ?; курган 1916 г. [Случайные находки..., 1918, с. 163]).
- Тавель, имение — 307 (см. Краснолесье, с.).
- Тавкель-Найман, д. — 294 (см. Березовка, с.).
- Такиль, д. — 280 (см. Аркадьевка, с.).
- Такиль, мыс. — 310 (к. я. I, 1: погребение 1929 г. [*Гайдукевич В. Ф.*, 1949, с. 179]).
- Талаевой имение — 282 (см. Грушевое, с.).
- Талаевский курган — 282 (см. Грушевое, с; к. 1/1891 г.).
- Танковое, с. — 259 (яма I, 1: п. 1, п. 3, к. 12; п. 2, к. 15 [*Щепинский А. А. Черепанова Е. Н.*, 1969, с. 213, 215, 231]).
- Тарасовка, слобода — 93 (?; к. 1 [*Эварницкий Д. И.*, 1980, с. 58])
- Темир-гора — 254 (яма I, 1: п. 81; д. г., ?; п. 83; ?; п. 82 [ОАК за 1870—1871 гг., с. XX; *Яковенко Э. В.*, 1972, 1977]).
- Терноватое (Терновитос), с. — 36 (см. Дворянка, д.).
- Терновка, с. (Тираспольщина) — 202 (кат. III, 1А: к. 186; кат. III, 1Б: к. 188; кат., ?; к. 185 [*Мелюкова А. И.*, 1962]).
- Тимофеевка (Лиманцы), с. — 242 (яма I, 1: п. 1, к. 2 [*Мурзин В. Ю.*, 1984, с. 42]).
- Ток, станция — 59 (см. Марьянское, с; гр. III).
- Толстая Желтокаменная Могила, курган (Драна Кохта) — 57 (см. Желтокаменка, станция).
- Толстая Могила, курган (г. Орджоникидзе) — 77 (яма I, 1: погребения конюхов 1—3; кат. III, 5А: осн.; кат. VI, 3А: выпуск. [*Мозолевский Б. М.*, 1979]).
- Толстая Могила, курган (с. Чумаки) — 97 (см. Краснокутский курган).
- Толстой Могилы гр. — 150 (см. Беленькое, с.).
- Томаковка, п. г. т. — 94—96 (см. Близница Слоновская, Близница Томаковская, Острая Томаковская Могила).
- Томаковская Близница — 95 (см. Близница Томаковская).
- Траповка, с. — 22 (яма I, 1: к. 7 [*Субботин Л. В., Охотников С. Б.*, 1981, с. ЮЗ]).
- Трехбратние курганы — 273 (см. Огоньки, с.).
- Три кургана, гр. — 150 (см. Беленькое, с.).
- Троицкое, с. (Мелитопольский р-н Запорожской обл.) — 185 (яма I, 1: п. 12, к. [*Клейн Л. С.*, 1960, с. 145]).
- Ушаковский курган — 241 (см. Елизаветовский могильник).

- Федоровна**, с. (урочище Круглик) — 153 (яма I, 1: ц. 1 [Добровольский А. В., 1949, с. 188]).
- Филатовка**, с. — 260 (яма, ? : п. 1, к. 11 [Корпусова В. Н., 1980]).
- Фронтное**, с. — 275 (яма I, 1: погребения 2, 4, 7, 8, 9, 13; 17; 18а; 20; 22; 23; 24, 29, 35, 37, 43, 45, 48, 52, 53, 55, 57, 75, 76, 77, 80, 81, 85—88, 91, 97; яма II; 1: п. 46; п. 84; яма III: погребения 38, 47, 70, 73, 74, 78, 89; яма, ? : погребения 3, 10, 11, 12, 21, 25, 34, 41, 42, 44, 49, 60, 61, 63, 69, 72; 82, 90, 92; кат. I, 1: п. 28; п. 51; п. 71 [Корпусова В. М., 1972; Цвек О. В., 1968; Яковенко Э. В., 1982; Скифские погребальные памятники..., 1986]).
- Херсон, г. — 111 (см. Рожновский курган).
- Хировка, станция — 47 (см. Богдановка, с.).
- Хомина Могила — 74 (см. Нагорное, с; к. 13).
- Холмское, с. — 4 (яма I, 1: п. 3, к. 2 [Гудкова А. В., Новицкий Е. Ю. и др., 1979]).
- Христофоровка**, с. (Баштанский р-н Николаевской обл.) — 28 (кат., ? : к. 2 [Ильинская В. А., Тереножкин А. И., 1983, с. 111]).
- Целина, урочище — 59 (см. Марьянское, с; гр. II).
- Цимбалка Большая, ее группа (с. Большая Белозерка) — 169 (кат. I, 1: п. 1, к. 2; кат. VI, 3А(?); Большая Цимбалка [Елагина Н. Г., Шкурко А. И., 1964; ОАК вв 1867 г., с. XIX; ОАК за 1868 г., с. XV]); см. ниже.
- Цимбалка Малая (с. Большая Белозерка) — 169 (кат., ? : п. 2 (впуск.) [ОАК за 1868 г., с. XVII]).
- Чабанцова Могила** — 76 (см. Страшной Могилы гр., к. 5).
- Червоное**, с. (Нижнегорский р-н Крымской обл.) — 277 (яма I, 1: п. 3, к. 4 [Скифские погребальные памятники..., 1986]).
- Червоное**, с. (Сакский р-н Крымской обл.) — 297 (к. я. I, ? : п. 1, к. 1 [Ольховский В. С., 1983]).
- Червоный Яр**, с. (Килийский р-н Одесской обл.) — 12 (яма I, 5: к. 1, гр. II [Гудкова А. В., 1978]).
- Чердакла**, с. — 229 (? : курган 1904 г. [Трефилов Е. П., 1907, с. 368]).
- Черкеса бывш. имение** — 287 (кам. г. I, ? : к. 2 [Кашпар А. О., 1896]).
- Чернетчина (Чернещина)**, с. — 225 (яма I, 1: п. 2, к. 3, гр. XVIII [Жвалева И. Ф., 1980]).
- Черноземное**, с. — 289 (яма I, 1: п. 3, к. 1; кат. II, 2А: п. 5, к. 1 [Скифские погребальные памятники..., 1986]).
- Черноморское**, п. г. т. — 291 (см. Калос-Лимен).
- Чертомлык**, курган — 80 (кат. VI, 3Б; осн.: ? : боковое*; яма I, 1: п. VI; п. VII (конюхи) [Забелин И. Е., 1865; ДГС, 1872])**.
- Чертомлыка гр.** (с. Чкалове Днепропетровской обл.) — 80 (кат. I, 1: к. 1 [Мозолевский Б. Н., 1980а]).
- Чистополье**, с. — 292 (см. Верхний Кульчук, с.).
- Чкалове**, с. (Никопольский р-н Днепропетровской обл.) — 80 (см. Чертомлык, Чертомлыка гр.).
- Чкалове**, с. (Веселовский р-н Запорожской обл.) — 161 (яма I, 1: п. 2, к. 1; кат. II, 1А: п. 1, к. 1; кат. V, 2Б: п. 3, к. 1 [Болдин Я. И., Отрошенко В. В. и др., 1979; Скифские погребальные памятники..., 1986]).
- Чмырева Могила** (с. Большая Белозерка) — 171 (кат. II, 2Б ? : п. 1 (боковое); кат. I, 5: п. 2 (осн.) [Браун Ф., 1906; ОАК за 1909—1910 гг., с. 127; Веселовский Н. И., 1910]).
- Чобручи**, с. (Тираспольщина) — 197 (кат. II, 1А: к. 345; кат. III, 2А: курганы 284, 399—405, 407—409, 411, 412; кат. V, 2А: курганы 282, 283, 288—290 [Мелюкова А. И., 1962]).
- Чотты бывш. имение** — 303 (см. «Победа», совхоз).
- Чумаки**, с. — 97, 98 (см. Краснокутский курган, Каменная Могила).
- Шабо**, с. — 7 (яма I, 4: п. 1, к. 1 [Самоквасов Д. Я., 1908, с. 130]).
- Шахты № 22 гр.** (у г. Орджоникидзе) — 78 (яма I, 1: п. 2, к. 12; яма II, 1А: п. 1,

* Возможно, входило в погребальное сооружение основного захоронения.

** При исследовании Чертомлыка [Мозолевский Б. Н., Ролле Р. А., 1983; Мурзин В. Ю., Ролле Р. А., Бессонова С. С., 1985] найдено еще одно захоронение в катакомбе,

- к. 12; кат. I, I: к. 11; кат. II, 1Б: к. 1; кат. VI, 2; к. 2 [Тереножкин А. И., Ильинская В. А. и др., 1973]).
- Шевченко, с; гр. II (Скадовский р-н Херсонской обл.) — 142 (кат. I, 1: к. 1; п. 3 к. 2; к. 4 [Черненко Е. В., 1977]).
- Шевченко, хут; гр. III (Скадовский р-н Херсонской обл.) — 143 (кат. I, 1: п. 1, п. 2, к. 1; к. 2; к. 3; к. 4; п. 1, п. 2, к. 6; п. 1 — п. 3, к. 7; п. 1, к. 9; к. 10; п. 1, к. 11; п. 1, п. 2, к. 12; к. 13 — к. 16; к. 18; к. 19; п. 1, к. 20; п. 1, п. 2, к. 21; п. 1, к. 22; к. 23; п. 1, п. 2, к. 24; к. 25; к. 27; п. 1, п. 2, к. 28; к. 33; к. 34; кат. II, 1А: п. 2, к. 9; к. 29; п. 1, к. 32; кат. III, 1А: п. 2, к. 32; кат. III, 1Б: п. 1, к. 35; кат. V, 1: п. 4, к. 8; кат. VIII, 1: п. 3, к. 8; п. 2, к. 11; к. 17; п. 2, к. 20; к. 26; к. 30; кат. VIII, 2: п. 2, к. 35; кат. IX, 1А: п. 2, к. 8; п. 2, к. 22; п. 3, к. 28; кат. IX, 1Б: п. 1, п. 5, к. 8; к. 31 [Бунятян Е. П., 1977]).
- Шевченко, хут. (с. Садовое; Токмакский р-н Запорожской обл.) — 189 (яма I, 1: п. 17, к. 1; кат. V, 2Б: п. 16, к. 1 [Смирнов К. Ф., 1960, с. 168]).
- Шевченковка, с. — 217 (кат., ? : п. ?, к. 17 [Кубышев А. И., 1980]).
- Шевченково, с. (Килийский р-н Одесской обл.) — 13 (яма I, 3: п. 3, к. 2 [Алексева И. Л., 1975]).
- Широкое, с. (Херсонская обл.); гр. I — 144 (кат. I, 1: п. 1, к. 5; кат. I, 2: п. 2, к. 5 [Ковпаненко Г. Т., Яковенко Э. В., 1973]).
- Широкое, с; гр. II — 147 (яма I, 1: к. 28; п. 2, к. 30; п. 2, к. 35; п. 1, к. 48; п. 2, к. 61; п. 2, к. 62; п. 2, к. 65; п. 1, п. 4, к. 71; яма I, 5: к. 50; яма II, 1: п. 2, к. 37; кат. I, 1: п. 1, п. 2, к. 27; к. 29; п. 1, к. 30; к. 31; к. 32; п. 1, п. 2, к. 33; к. 34; П. 1, к. 35; п. 1, п. 2, к. 36; к. 38; к. 39; к. 41 — к. 46; п. 2, к. 48; к. 49; к. 52; к. 53; к. 55; к. 56; к. 57; к. 60; п. 1, к. 61; п. 1, к. 63; к. 64; п. 1, к. 65; к. 66; к. 67; п. 1 к. 68; п. 2, п. 3, к. 71; к. 72 — к. 74; кат. II, 2А: к. 26; п. 1, к. 70; кат. II, 2А: к. 47; кат. IV, 1: п. 2, к. 70; кат. VI, 2: п. 2, к. 59; кат. VIII, 1: к. 54; кат. VIII, 2: п. 2, к. 69; кат. IX, 1А: п. 1, п. 2, к. 58; п. 2, к. 68; кат. IX, 1Б: п. 1, к. 69; ? : к. 40 [Черненко Е. В., Бунятян Е. П., 1977]).
- Широкое с; гр. III — 145 (яма I, 1: п. 4, к. 13; кат. I, 1: п. 2, к. 1; к. 3; к. 5; к. 6; п. 1 к. 7; к. 8; п. 1, п. 2, к. 9; к. 10; п. 2, к. 12; п. 2, к. 14; кат. II, 1А: к. 15; кат. III, 1А: п. 2, к. 7; к. 11; кат. V, 2А: к. 16; кат. IX, 1А: п. 1, п. 2, к. 2 [Черненко Е. В., Симоненко А. В., 1977]).
- Шмальки, с. — 160 (Тополиное, с; см. Казенная Могила).
- Шолохово, с. (гр. Острая Могила — Славянка) — 81 (яма I, 1: п. 1, к. 2; яма II, 1: к. 13; яма III: п. 2, к. 2; кат. I, 1: к. 3; к. 5; п. 2, к. 10; п. 2, к. 16; кат. II, 1А: п. 1, к. 12; к. 14; к. 15; п. 1, к. 16; кат. II, 1Б: п. 1, к. 10; кат. IV, 1: п. 2, к. 12; кат. VI 2: п. 1, п. 2, к. 4; кат. VIII, 1: к. 11 [Волкобой С. С., Лихачев В. А. Шалобидов В. Н., 1979]).
- Шпаковка, д. — 237 (яма I, 6: п. 3, к. 2 [Городцов В. А., 1905, с. 308]).
- Шубино, с — 256 (яма I, 1: п. 7, к. 20 [Скифские погребальные памятники..., 1986]).
- Шульговка с — 183 (см. Новониколаевка, с).
- Щеглово (Щегловка), д. — 235 (яма I, 1: п. 1—2, к. 14 [Городцов В. А., 1907, с. 334]).
- ЮГОК-П, гр. — 62 (см. Кривой Рог, г.).
- Яковенково, с. — 276 (см. Опук, гора).
- Ясиноватое, с. — 165 (яма, ? : к. 8 [Ляшко С. Н., 1983]).

ТАБЛИЦЫ
I—XXIV

Типы	I						II		III	
Варианты	1	2	3	4	5	6	1	2		
Под- варианты	A	-						A	A	-

Табл. I. Классификация ям

Вариант Тип	Бездромные однокамерные 1	Однодромные однокамерные 2	Бездромные многокамерные 3	Однодромные многокамерные 4	Многодромные многокамерные 5
I					
II			-		-
III			-		
IV				-	-
V			-	-	
VI					-
VII				-	-
VIII			-	-	-
IX		-	-	-	-
X					

Табл. II. Классификация катакомб

Вид Тип Вар-т	Ящики		Склепы	
	I	II	I	II
1				
2				
3				

Табл. III. Классификация каменных ящиков и каменных склепов

Тип Вар-т	I	II	III
	1		
2			

Табл. IV. Классификация деревянных гробниц

Тип	I	II	III	IV
Схема				

Табл. V. Классификация комбинированных гробниц

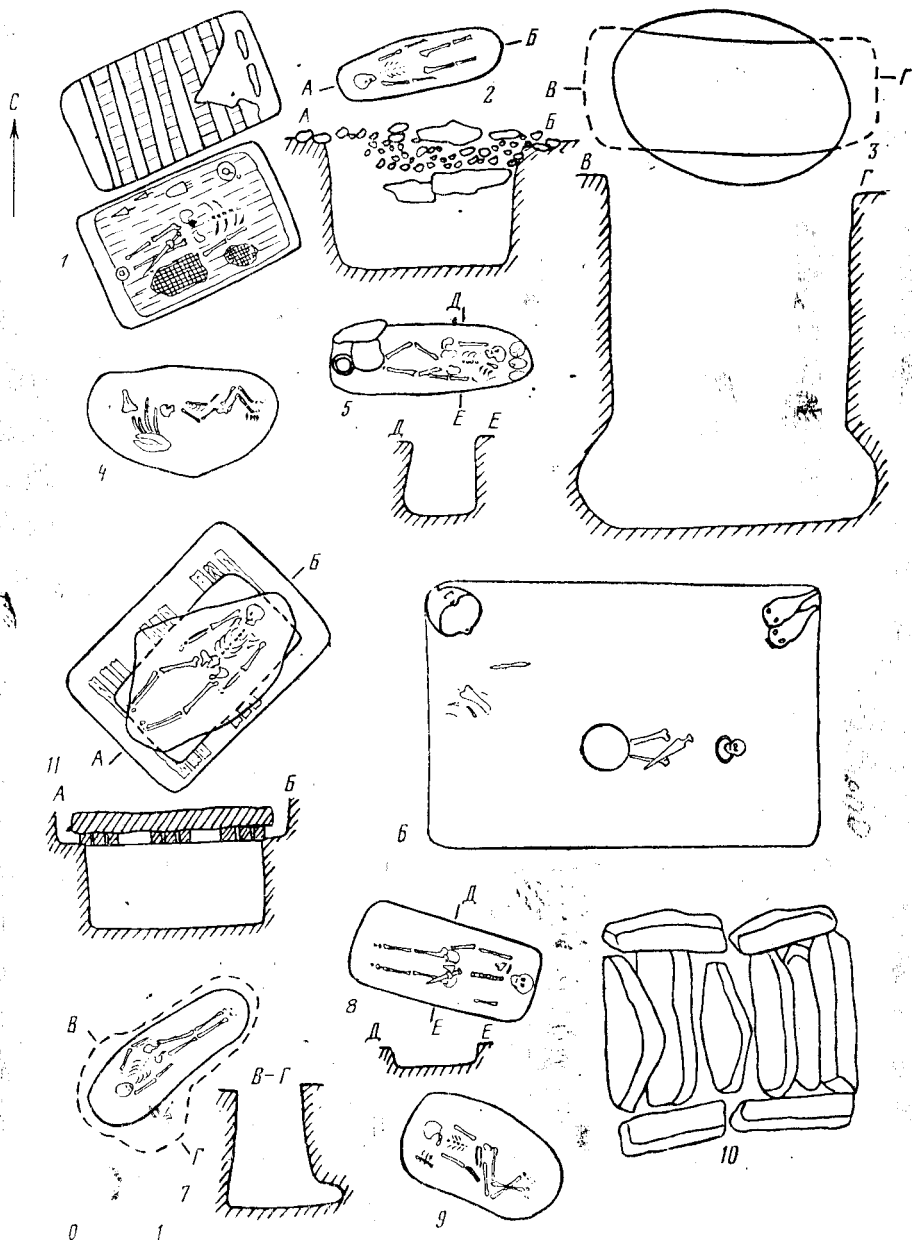

Табл. VI. Захоронения в ямах I типа (1 вариант — 1—10; 5 вариант — 11)
 1 — с. Алжигол, к. 16; 2 — Фронтное I, п. 78; 3 — гр. Гаймановой могилы, к. 29, п. 2; 4 — с. Рисовое, к. 4, п. 10; 5 — Николаевна I, п. 12; 6 — Елизаветовский могильник, к. 10/1909; 7 — с. Колоски, к. 10, п. 2; 8 — с. Верхнетарасовка, к. 52, п. 1; 9 — с. Кураевка, к. 5, п. 40; 10 — с. Кичкас, гр. I. к. 19, п. 1; 11 — с. Семеновна, к. 14, п. 4.

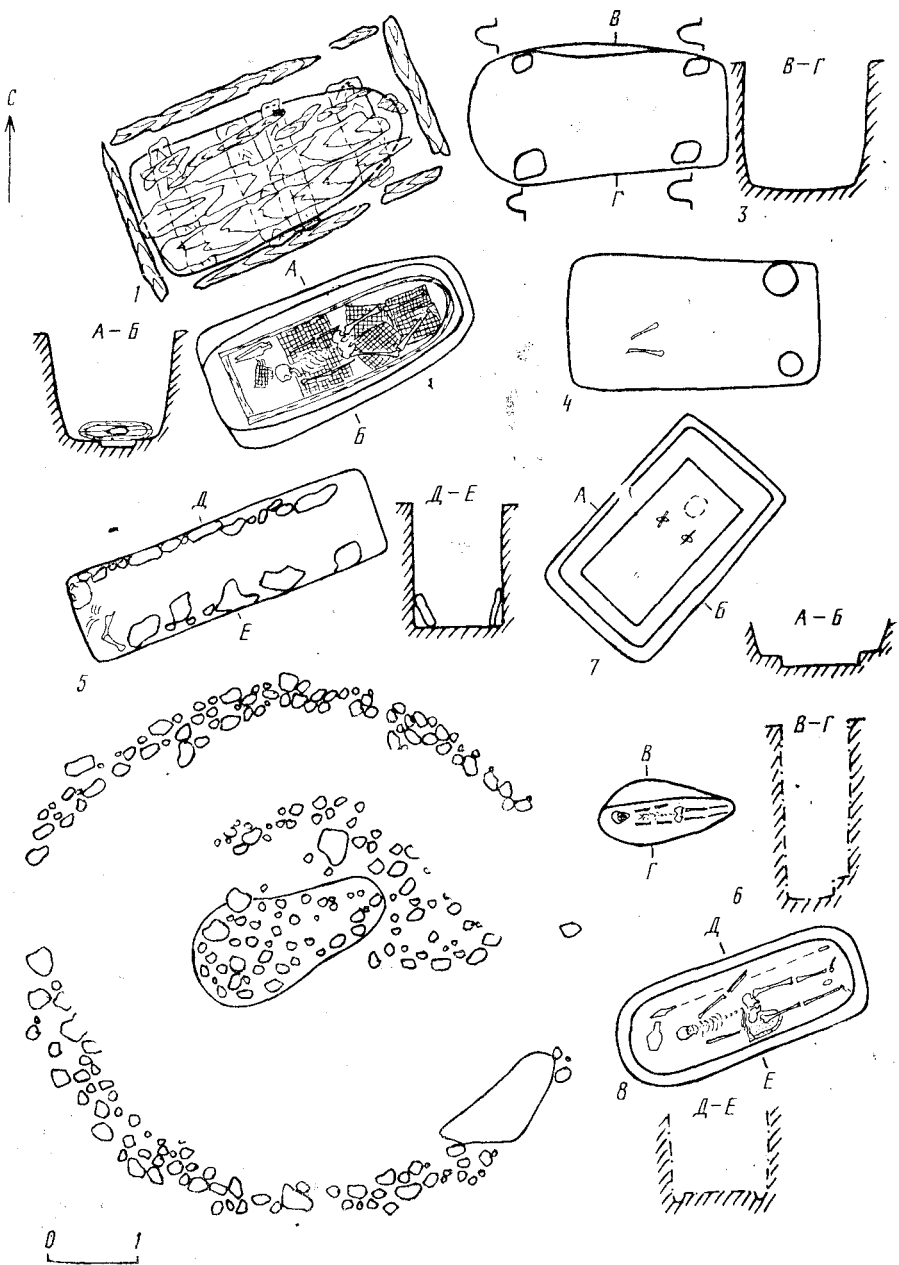

Табл. VII. Захоронения в ямах I типа (1 вариант — 1—2; 1А вариант — 3—4; 2 вариант — 5; 3 вариант — 6; 5 вариант — 7; 6 вариант — 8)

с. Александровка, к. 6, п. 1; 2 — с. Михайловка, п. 5; 3 — Николаевка I, п. 66; 4 — Николаевка I, к. 3, п. 1; 5 — Николаевка I, п. 48; 6 — гр. Широкое II, к. 50; 7 — п. г. т. Черноморское, к. 1, п. 1; 8 — д. Шпакровка, к. 2, п. 3.

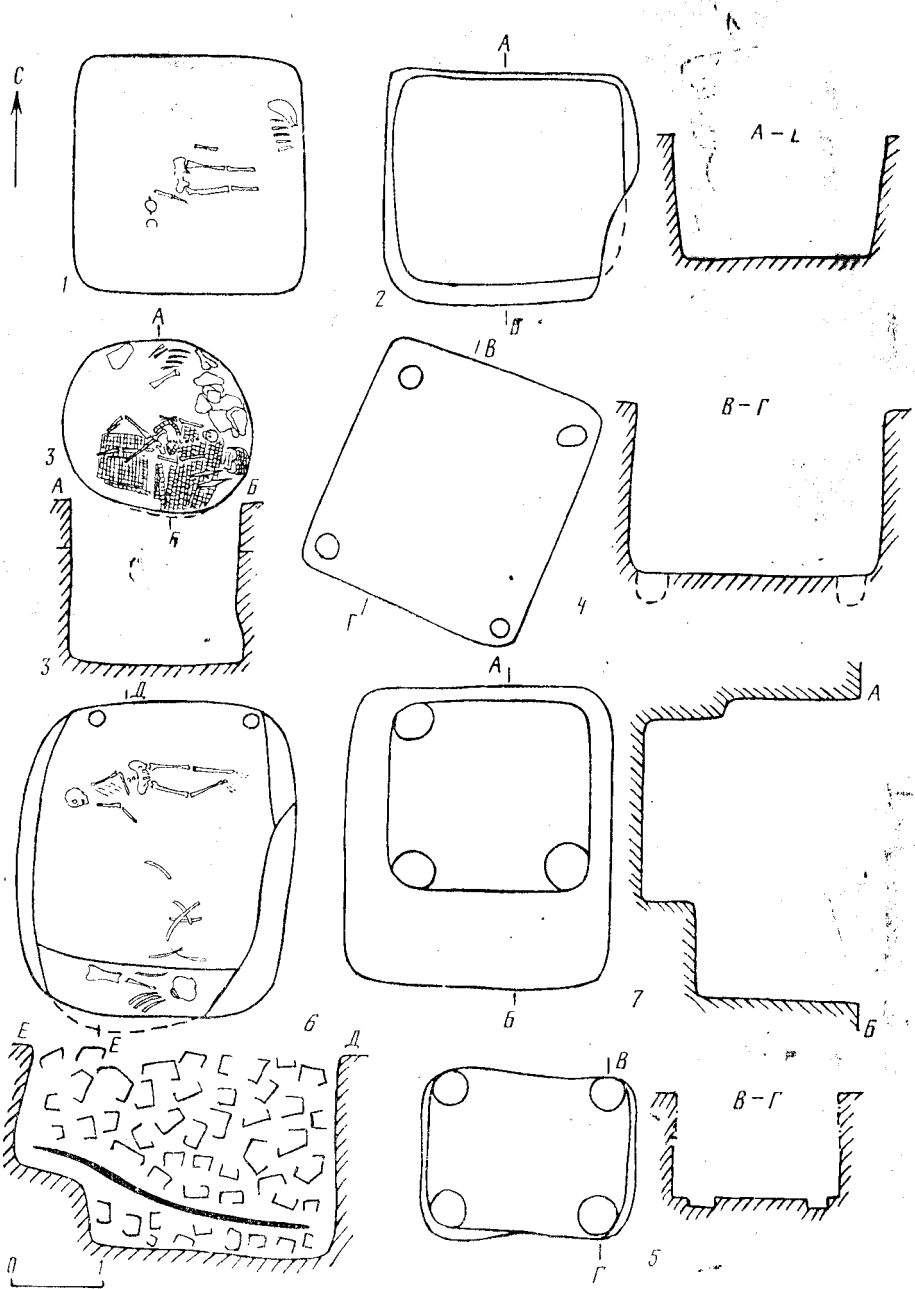

Табл. VIII. Захоронения в ямах II типа (1 вариант — 1—3; IA вариант — 4—5; 2A вариант — 6—7)

1 — Елизаветовский могильник, к. 9/1911; 2 — с. Николаевка, гр. «у вышки», к. 3, п. 2; 3 — с. Новорозановка, к. 1, п. 1; 4 — гр. шахты 22, к. 12, п. 1; 5 — гр. Ковалева II, к. 3, п. 1; 6 — г. Константиновск-на-Дону, курган; 7 — с. Балабаны, к. V

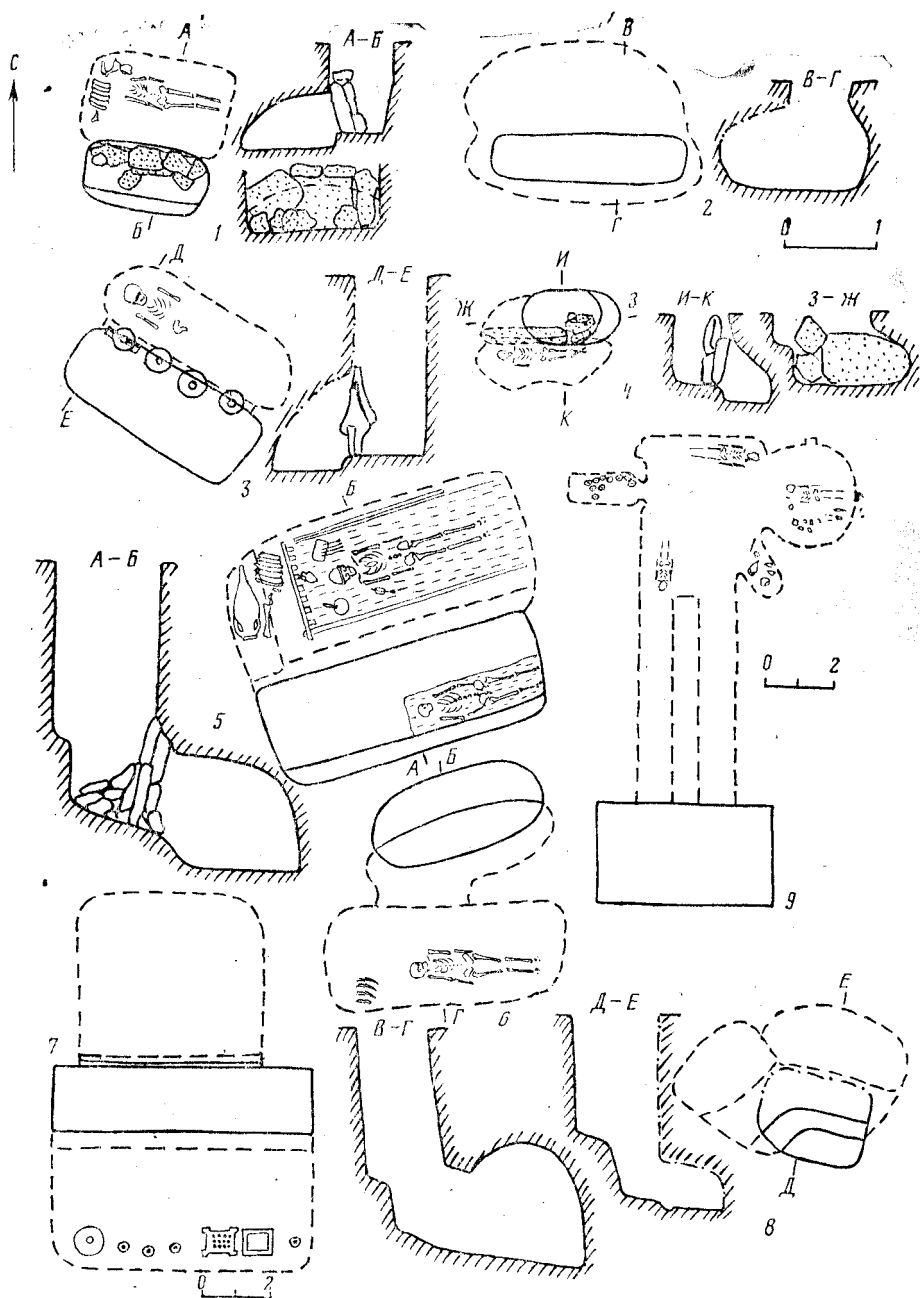

Табл. IX. Захоронения в катакомбах I типа (1 вариант—1—5; 2 вариант—6; 3А вариант—7; 3Б вариант—8; 4А вариант—9)

1—с. Марьинское, гр. II, к. 2, п. 3; 2—с.Широкое, гр. II, к. 52; 3—с. Надлиманское, п. 1; 4—с. Ромашкино, к. I, п. 2; 5—с. Львово, к. 18, п. 1; 6—с. Балтазаровка, к. 4, п. 2; 7—Солоха; основное погребение; 8—гр. Страшной Могилы, к. 5 (Чабандова Могила), п. 1; 9—Солоха, впускное погребение

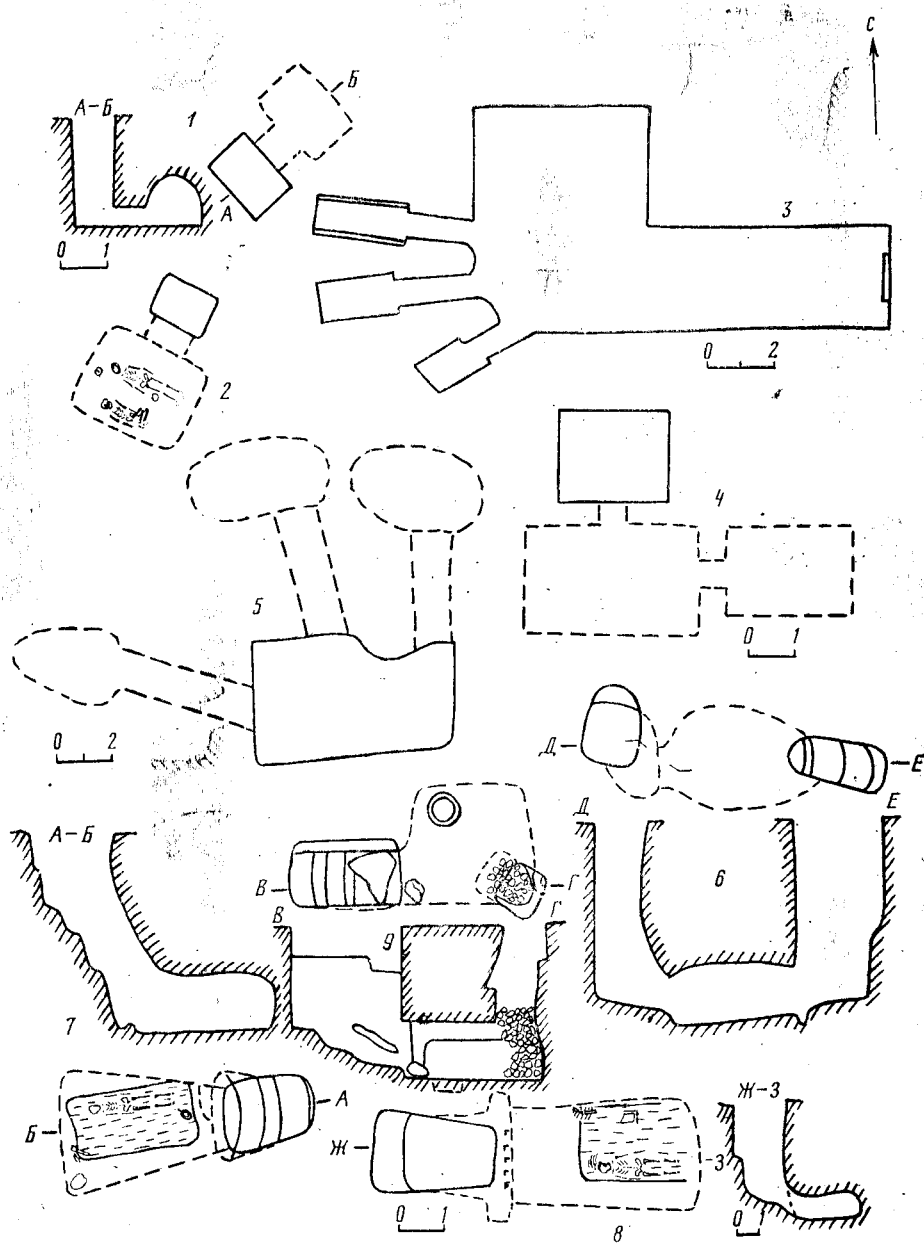

Табл X Захоронения в катакомбах I—II типов (1,2—1—2; 1,4А—3(?); 1,4Б—4; 1,5—5; II,1А—6,8; II,1Б—7)

1—с. Глиное, к. 277; 2—с. Широкое, гр. 1, к. 5, п. 2; 3—с. Шульговка (Ново-Николаевка), курган; 4—с. Парканы, к. 122; 5—с. Б. Белозерка, к. 3; 6—гр. Гаймановой Могилы, к. 6; 7—с. Нагорное, к. 6; 8—гр. БОФ, к. 13; и. 2; 9—с. Шолохово, к. 10, п. 1

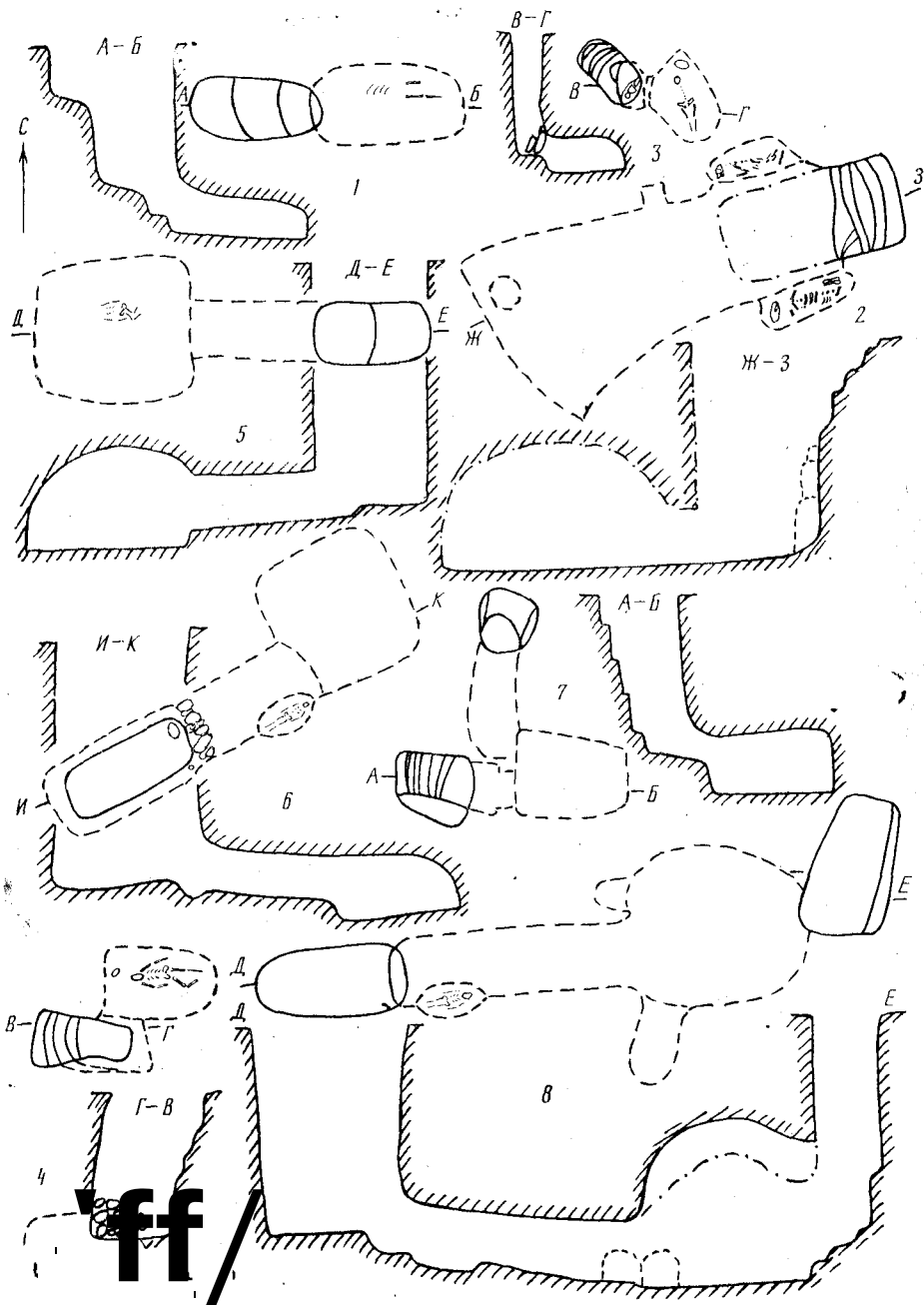

Табл. XL Захоронения в катакомбах II типа (1А вариант — 1-2; 1Б вариант — 3-4; 2А вариант — 5; 2Б вариант — 6-7; 4Б вариант — 8)

1 — с. Капуловка, гр. 1, к. 2; 2 — с. Нагорное, к. 13 (Хомина Могила); 3 — с. Ковалевка, гр. V, к. 2 п. 1; 4 — с. Отрадное, к. 3, п. 1; 5 — с. Балки, уроч. Носаки, к. 1, п. 1; 6 — уроч. Носаки, к. 12, п. 2; 7 — Г. Орджоникидзе, гр. Лисьей Могилы, к. 3; 8 — уроч. Носаки, к. 4, п. 1

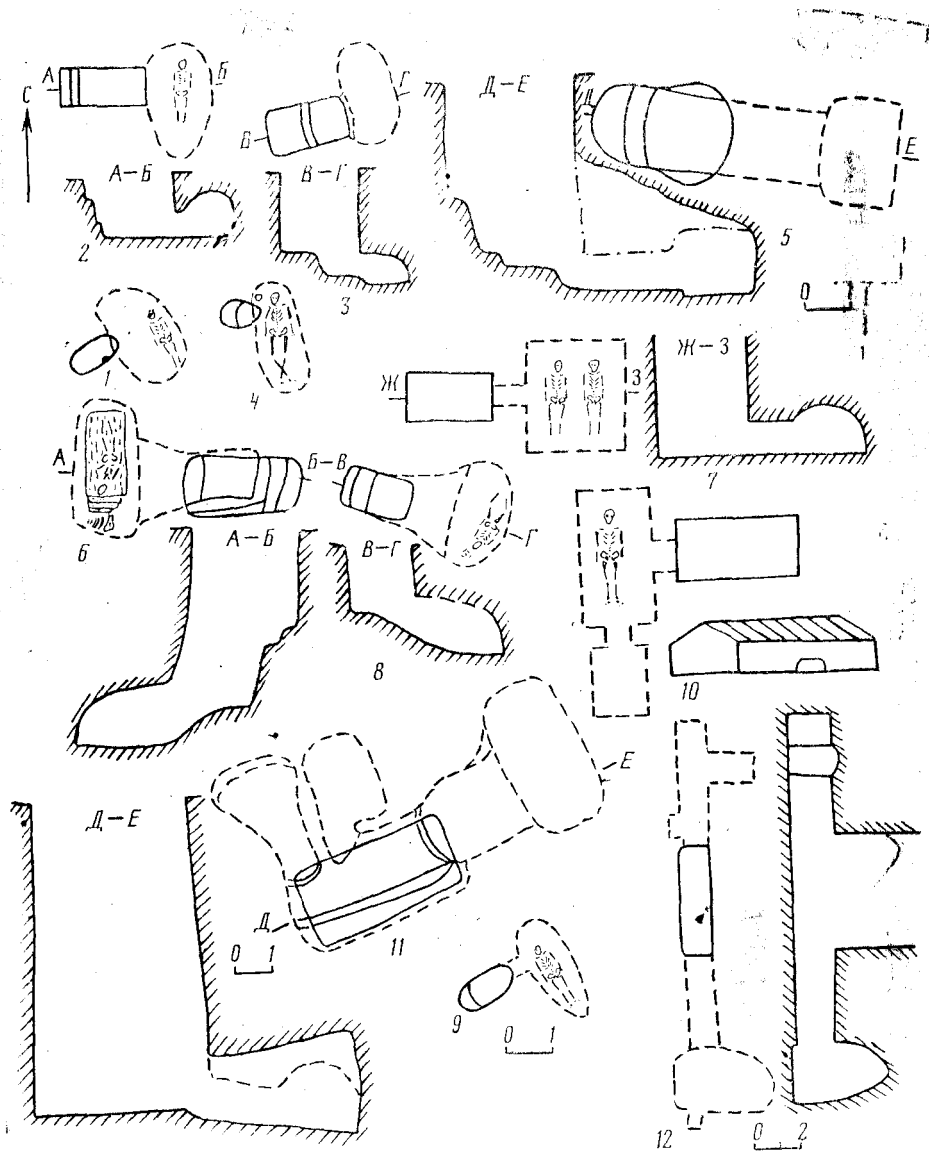

Табл XII. Захоронения в катакомбах III типа (1А вариант — 1; 1Б вариант — 2—4; 2А вариант — 5—8; 2Б вариант — 9; 4А вариант — 10; 5А вариант — 11; 5Б вариант — 12)

1 — гр Шевченко III, к. 32, п. 2; 2-е. Терновка, к. 188; 3 — сБашмачка, к. 8; 4 — гр. Шевченко III, к. 35, п. 1; 5 — гр. Гаймановой Могила, к. 13; 6 — уроч. Носаки, к. 2, п. 1; 7 — с. Чобручи, к. 402; 8 — ст. Желтокаменка, кург., п. 4; 9 — Никопольское поле, гр. II, к. 21, п. 2; 10 — с. Парканы, к. 173; 11 — Толстая Могила, осн.; 12 — с. Днепровка, к. 1

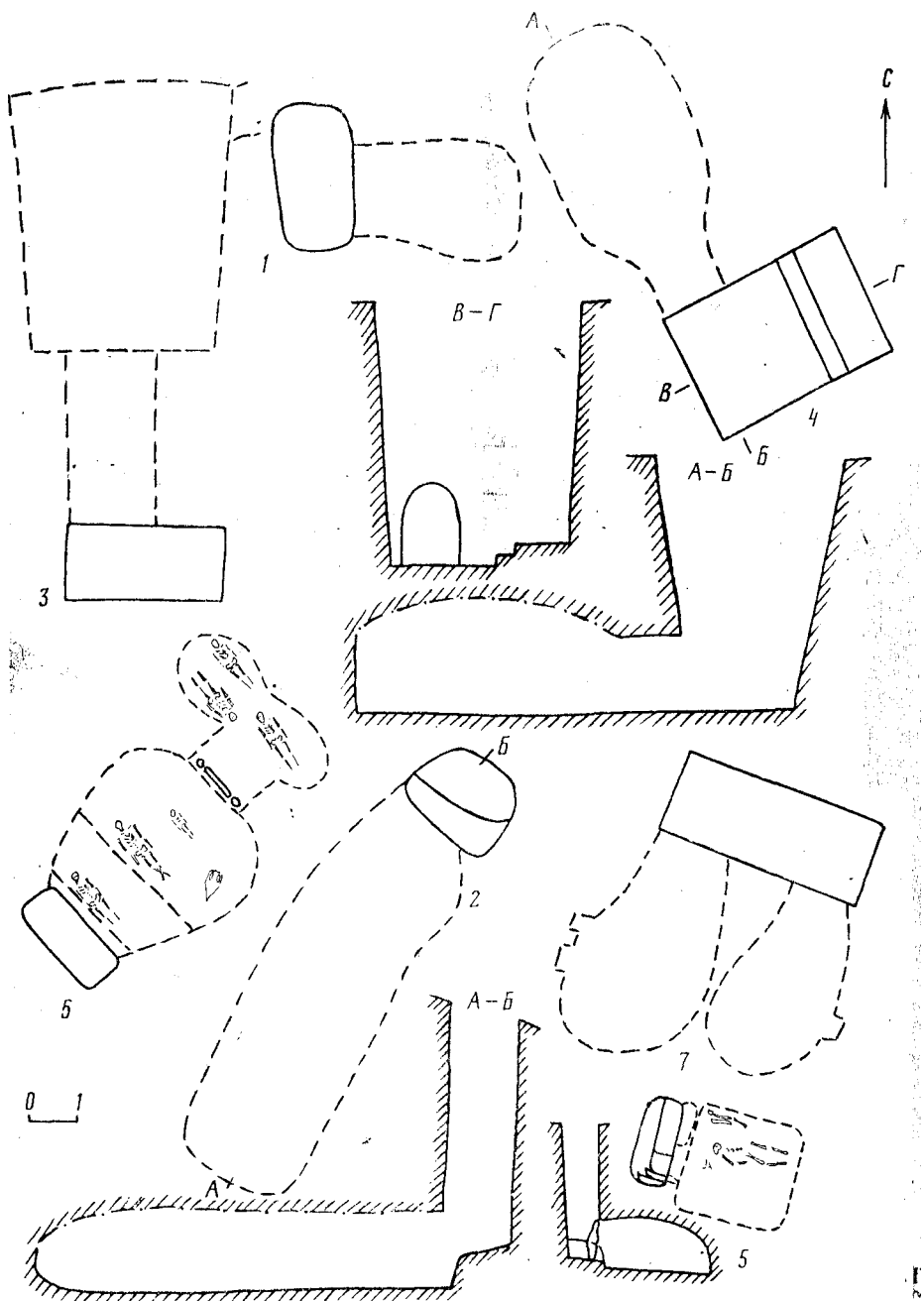

Табл. XIII. Захоронения в катакомбах IV типа (1 вариант — 1, 2; 2 вариант — 3—5; 3А вариант — 6; 3Д вариант — 7)

— гр. Широкое II, к. 70, п. 2; 2 — гр. Гаймановой Могилы, к. 26, п. 3; 3 — Александропольский курган, осн. 4 — с. Верх. Серогозы, к. 1; 5 — с. Марьянское, гр. II, к. 1, п. 2; 6 — с. Белозерка, к. 49; 7 — с. Малая Лепетиха, к. 2, п. 1—2

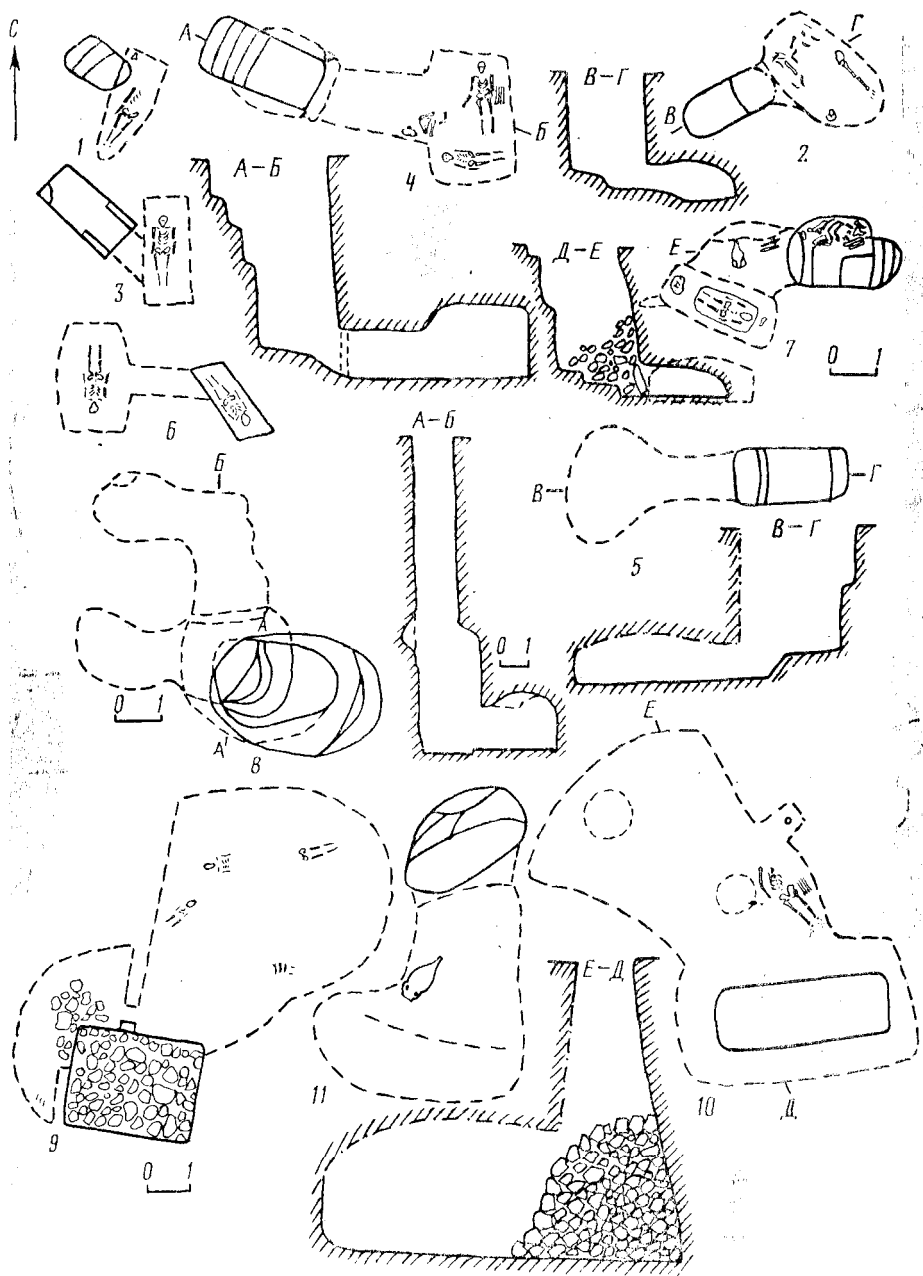

Табл. XIV. Захоронения в катакомбах V и VII типов (V 1—1 2: V 2A—3—5: V, 2Б—6, 7; V, 5Б—8; VII, 1—9, 10; VII, 2Б—11)

1—Никопольское, поле, гр. Серко, к. 2 (19), п. 1; 2—г. Орджоникидзе, гр. БОФ, к. 1; 3—гр. Гаймановой Могила, к. 32; 4—гр. Страшной Могила, к. 4, п. 2; 5—с. Владимировка, к. 8, п. 1; 6—с. Сербская Земля, к. 260; 7—с. Нагорное, к. 13 (Хомина Могила), п. 2; 8—пос. Приморское; Двугорбая Могила, осн. погребение; 9—с. Башмачка, к. 6; 10—Страшная Могила (к. 1); 11—с. Выводово, к. 92, п. 2

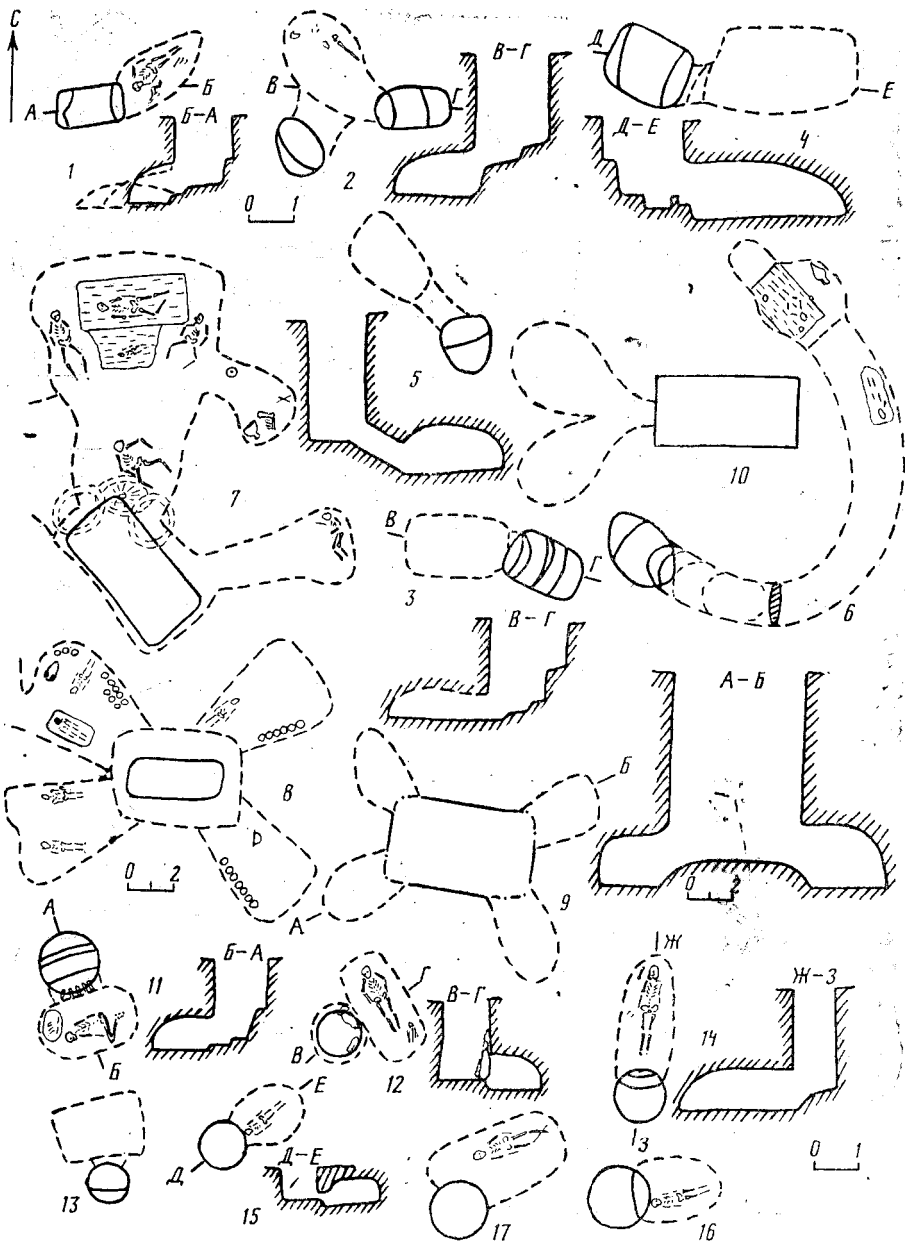

Табл. XV. Захоронения в катакомбах VI, VIII и IX типов (VI, 1 — 1-3; VI, 2 — 4-6; VI, 3А-7; VI, 3Б-8,9; IV, 4-10; VIII, 1-11, 12; VIII, 2-13; IX, 1А-14-16; IX, 1Б-17)

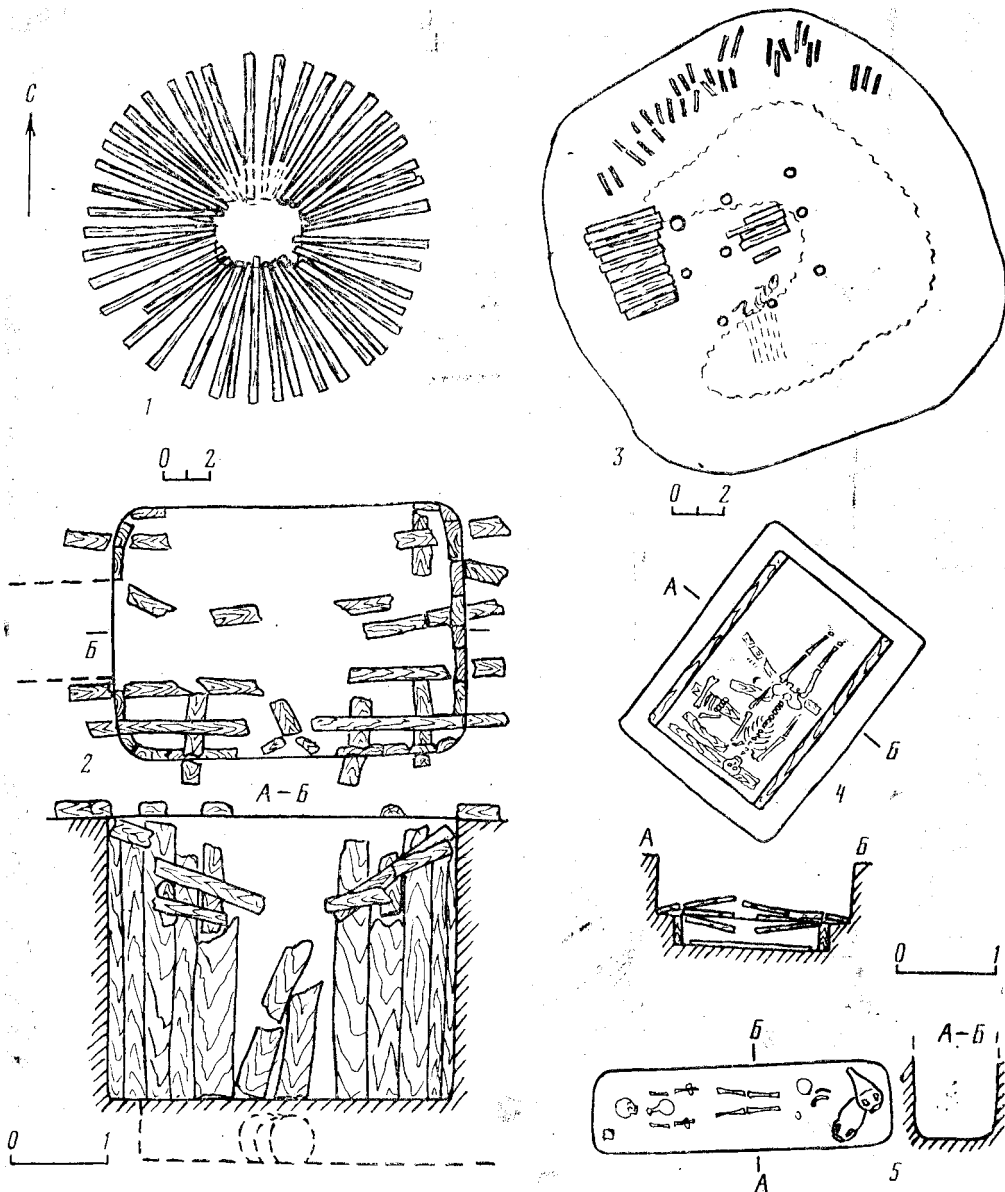

Табл. XVI. Захоронения в деревянных гробницах (1—4) и ямах III типа (5)

1, 2 — с. Подгородное, Гр. X, к. 7, п. 1; 3 — с. Медерово, кург.; 4 — с. Подгородное, гр. VIII, к. 4, и. 4; 5 — Елизаветовский могильник, к. 4/1909

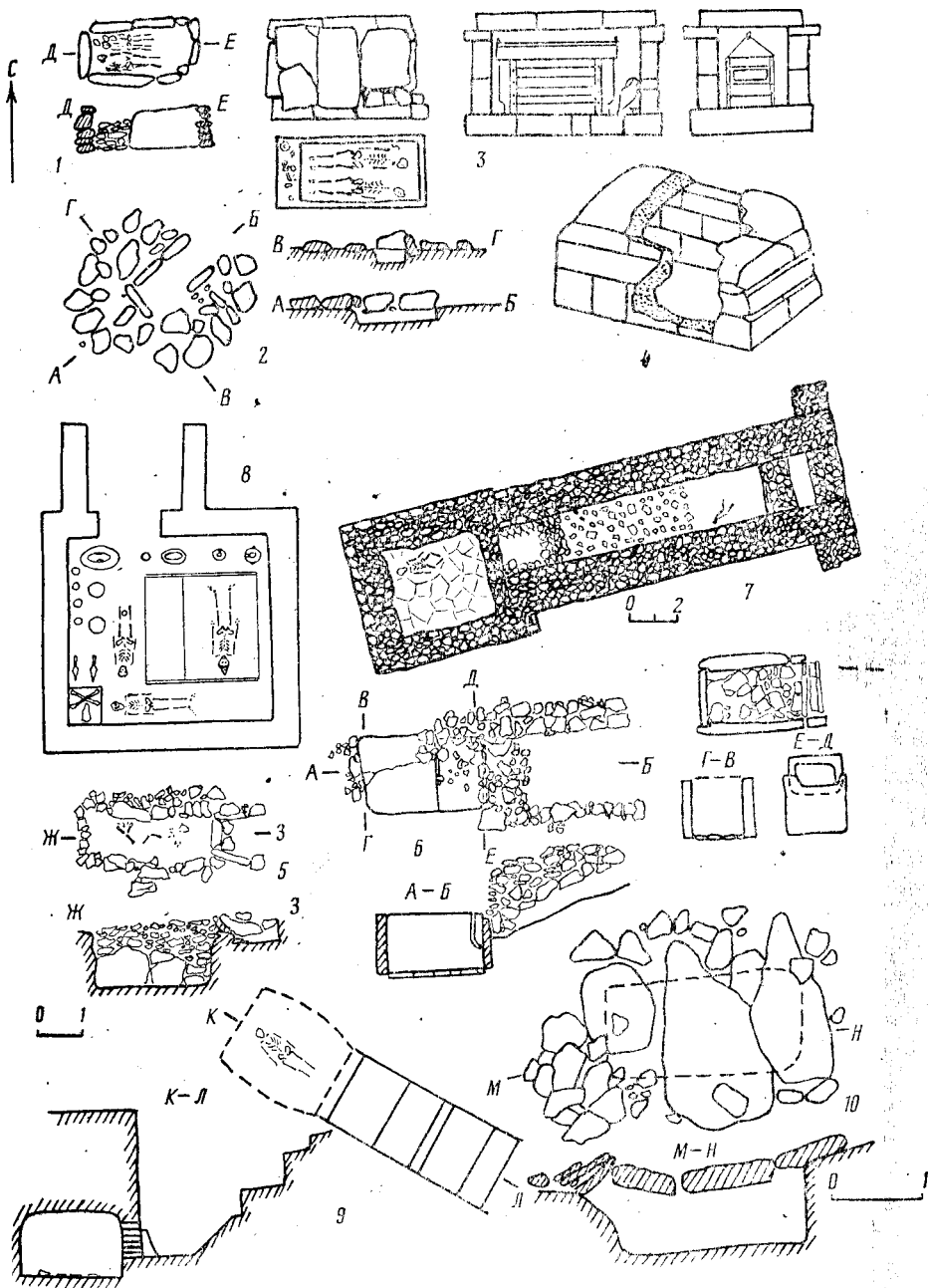

Табл. XVII. Захоронения в каменных ящиках (1—4), каменных склепах (5—8), катакомбах III типа (9) и грунтовых склепах (10)

1 — с. Астанино, к. 11, п. 2; 2 — д. Рыбное, к. 1/1957; 3 — с. Огоньки, гр. Три брата, к. 2, п. 3; 4 — кург. Джург-Оба, оси. погр. 56; 5 — с. Ильичево, к. 6; 6 — с. Астанино, к. 12, п. 1; 7 — Елизаветовский могильник, гр. Пять братьев, к. 8/1959; 8 — курган Куль-Оба; 9 — с. Петуховка (бывш. Маришны), к. 11; 10 — п. г. т. Ленино, к. 9

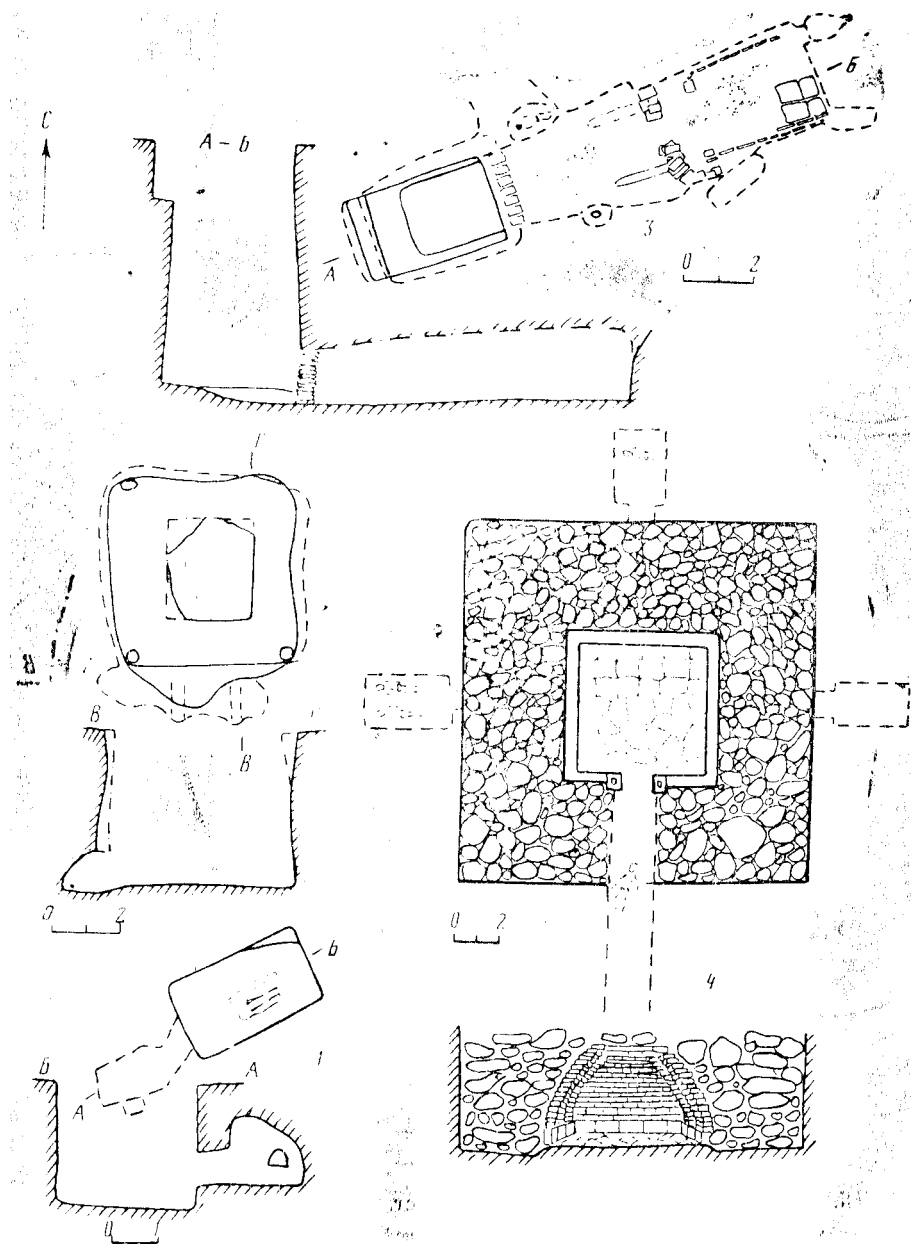

Табл. XVIII. Захоронения в комбинированных гробницах

1 — с. Буторы, к. 8, п. 2; 2 — I Завадская Могила осн. погр.; 3 — ст. Желтокаменка, п. 1 (осн.); 4 — кург. Огуз. центр. погр.

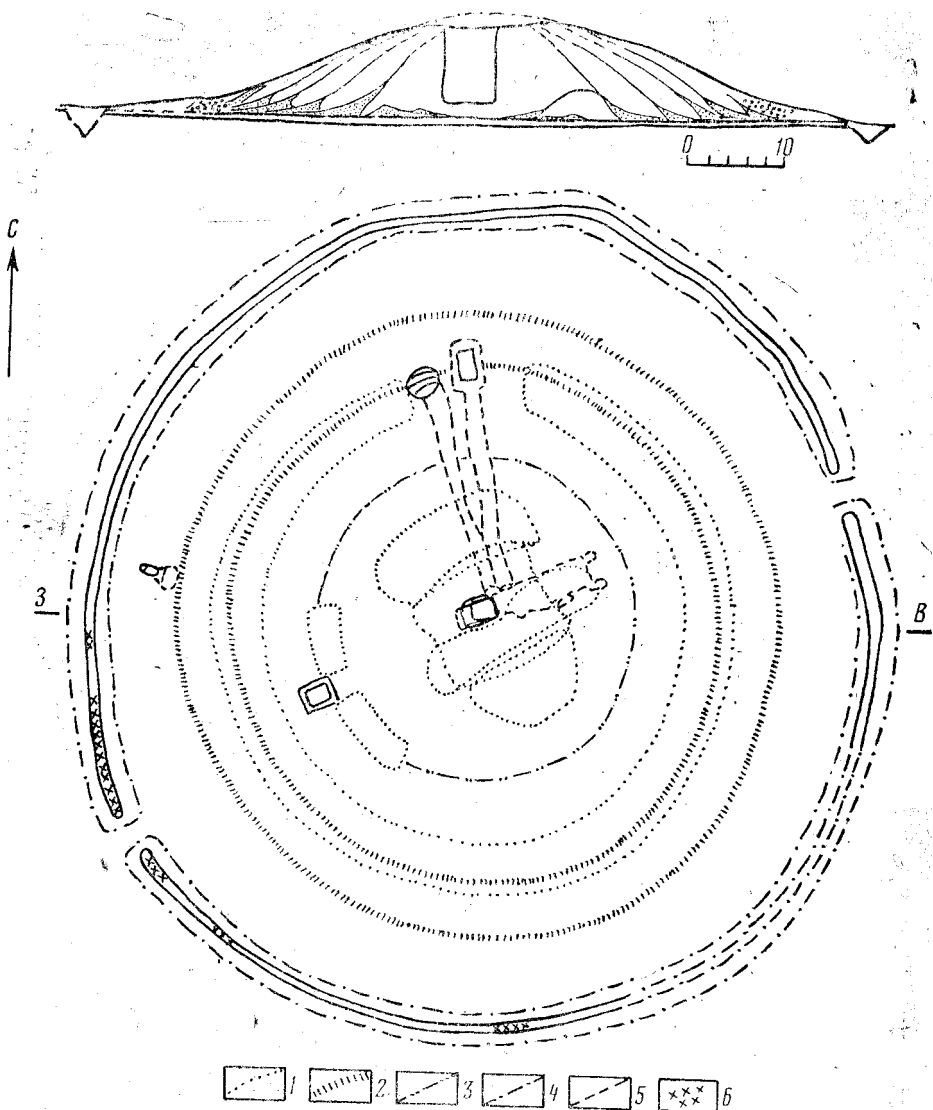

Табл. XIX. План и профиль бровки кургана у ст. Желтокаепка

1 — граница материкового выкидз; 2 — граница каменной крепицы; 3 — граница первичной насыпи; 4 — реконструируемые контуры; 5 — невидимые с древней поверхности контуры; 6 — следы погребальной трапезы

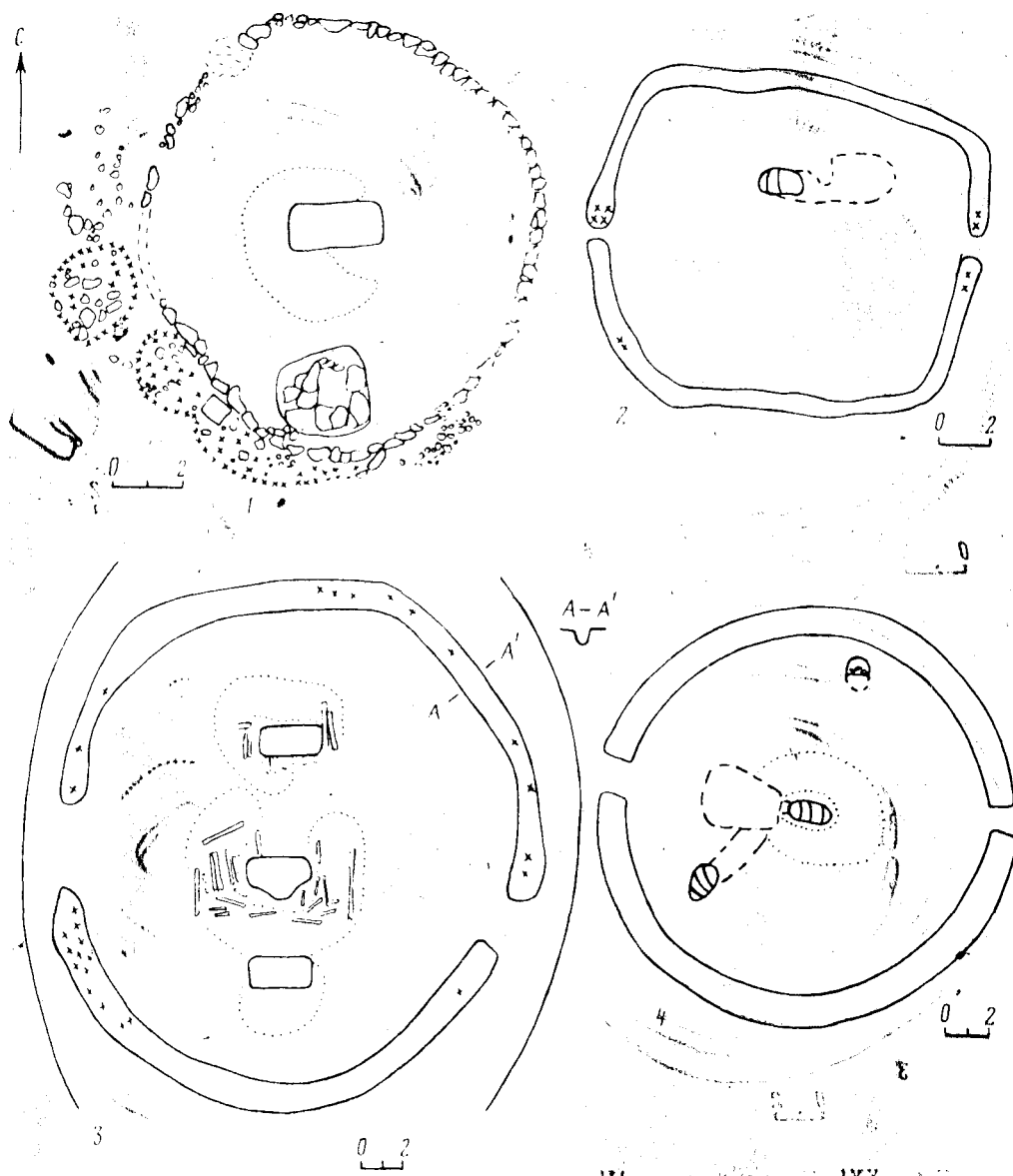

Табл. XX. Планы курганов IV—III вв. до н. э.
 /—с. Николаевна, гр. I, к. 3; 2—с. Баратовка, 3—с. Бутырки, гр. I, к. 4; 4—с. Верхнетарасовка, к. 28

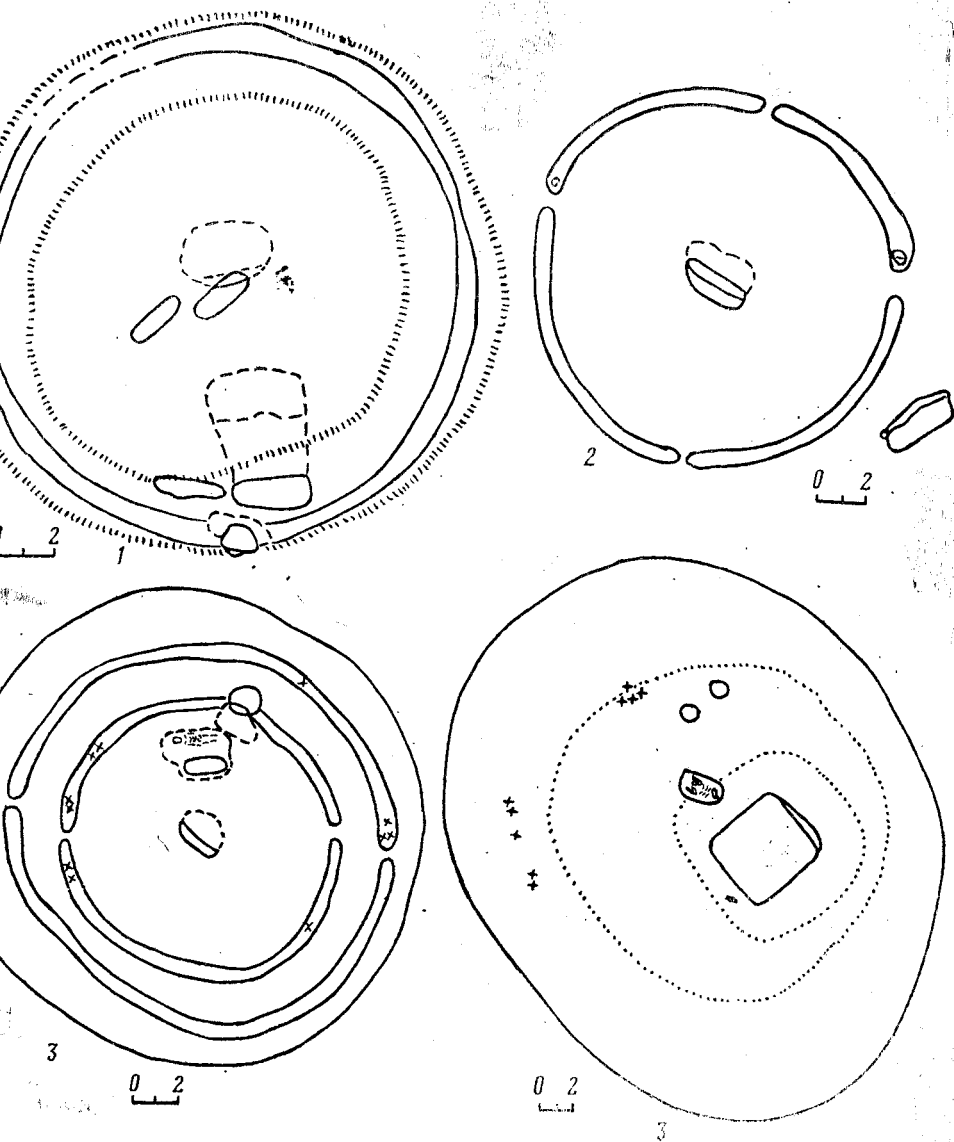

Табл. XXI. Планы курганов IV—III вв. до н. э.

1 — г. Днепропрудное, к. 3; 2 — с. Вольноулановское, к. 8; 3 — гр. Солохи, к. II (4); 4 — Елизаветовский могильник, Ушаковский курган

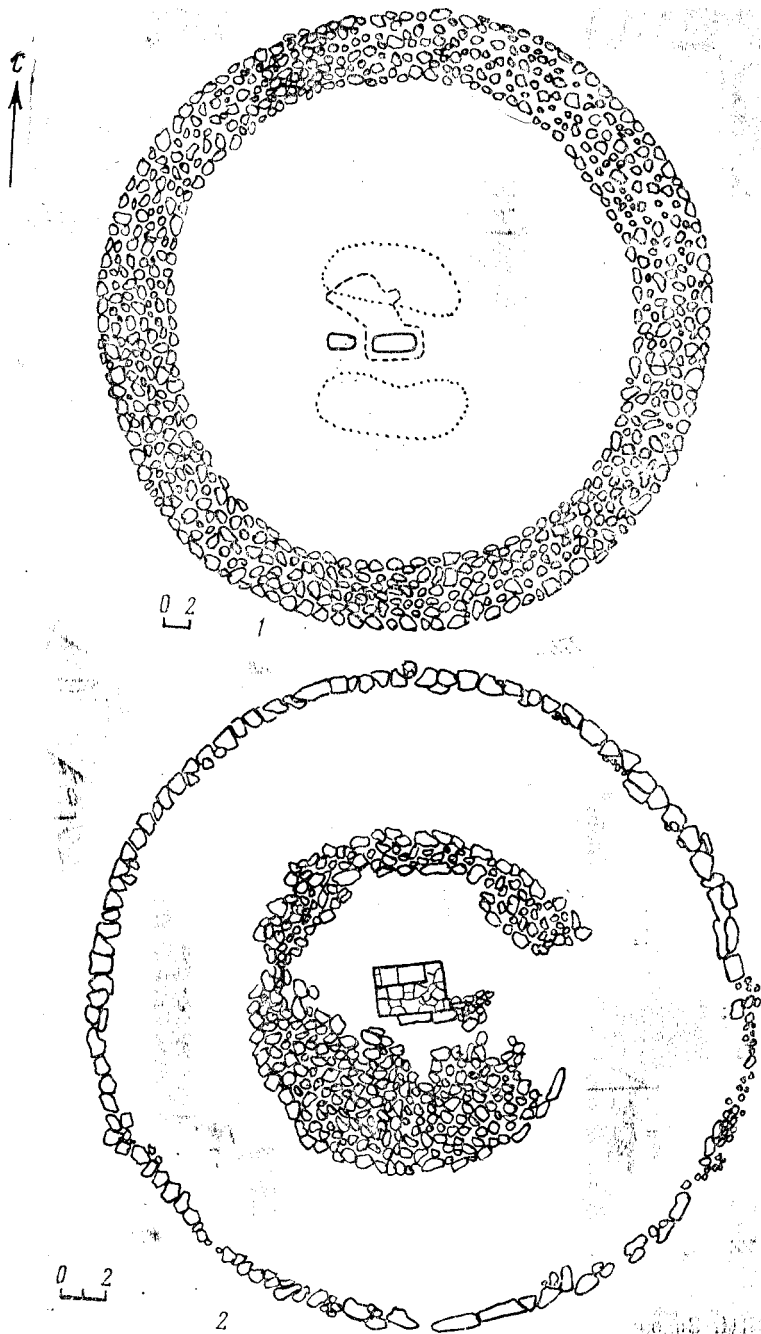

Табл. XXII. Планы курганов IV—III вв. до н. э.

1 — гр. Страшной Могилы, к. 1 (Отрашная Могила); 2 — с. Колоски, к. 11

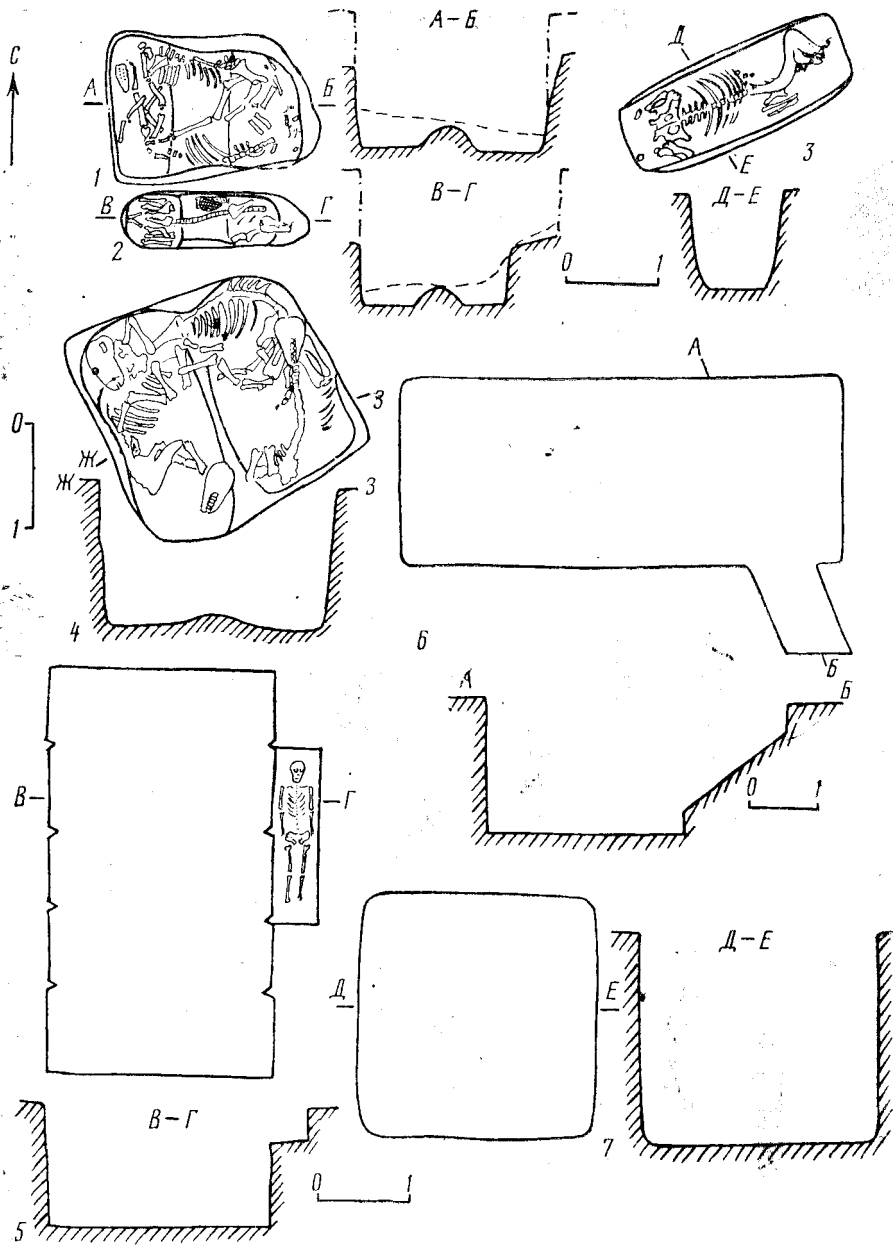

Табл. XXIII. Захоронения коней

1, 2 — I Завадская могила; 3 — уроч. Носаки, к. 4; 4 — Толстая Могила; 5 — Soloxa; 6 — Чмырова Могила; 7 — Чертомлык

РИСОВАНИЕ

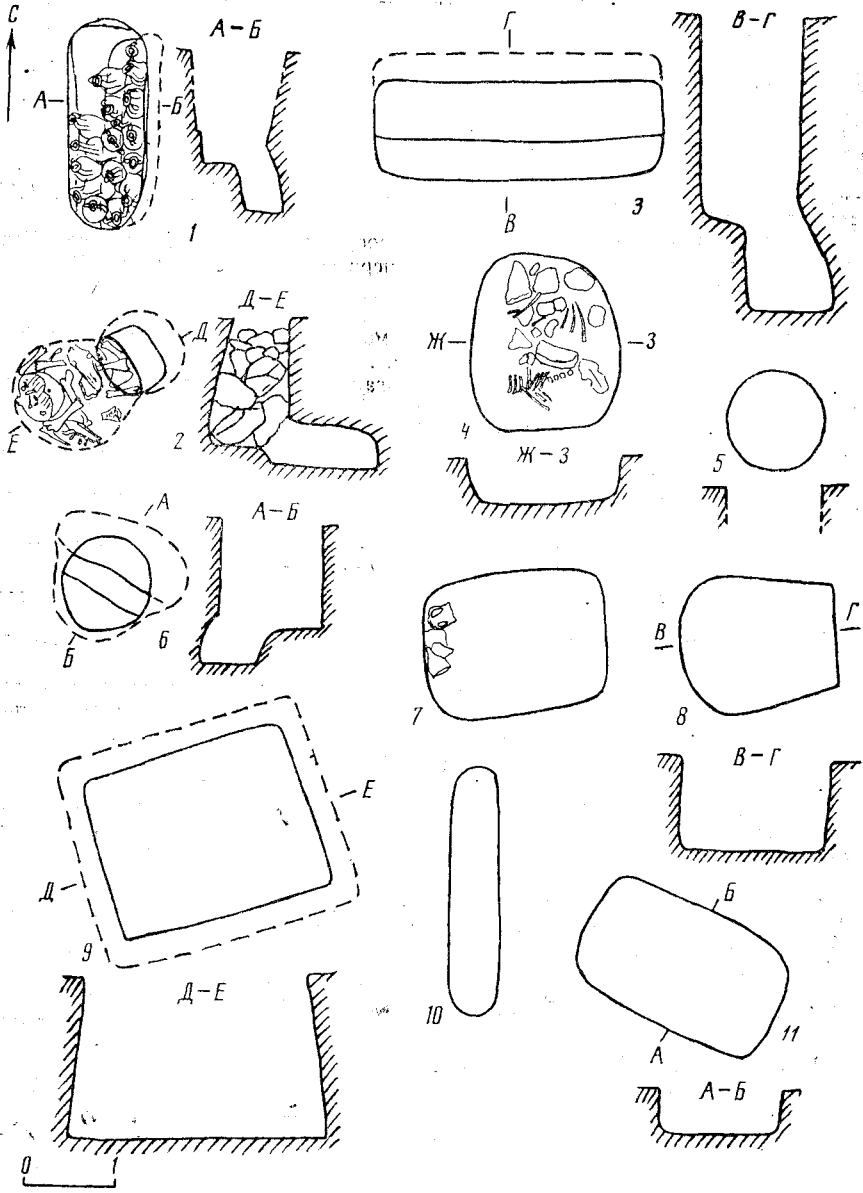

Табл. XXIV. Жертвенные сооружения

1, 2 — п. Приморское, Двугорбая Могила, катакомбы 4, 2; 3 — с. Нагорное, к. 5, п. 2; 4 — с. Николаевна, гр. I, к. 2; 5, 10 — с. Николаевка, гр. «у вышки», к. 3; 6 — с. Нагорное, к. 5, п. 4; 7 — с. Балабаны, к. VI; 8 — г. Симферополь (бывш. д. Бахчи-Эли), к. 3; 9 — ст. Желтокаменка, курган, п. 2; 11 — с. Буторы, к. 6/1972, яма 1

БИБЛИОГРАФИЯ

- Абетеков А. К.* О погребении собаки в усуньском кургане в Чуйской долине // *КСИА*. 1978. Вып. 154.
- Абрамова М. П.* Катакомбные и склеповые сооружения юга Восточной Европы: Середина I тысячелетия до н. э. — первые века н. э. // *Тр. ГИМ*. 1982. Вып. 54, ч. 2.
- Акишев К. А.* Курган Иссык. М., 1978.
- Алексеев А. Ю.* Четомлыкский курган и его место среди погребений скифской знати IV—начала III в. до н. э.: Автореф. дис. канд. ист. наук, Л., 1982.
- Алексеев А. Ю.* О месте Четомлыкского кургана в хронологической системе погребений скифской знати IV—III вв. до н. э.: (По бляшкам-апликациям и наколочникам стрел) // *АСГЭ*. 1984. Вып. 25.
- Алексеев А. Ю.* Заметки по хронологии скифских степных древностей IV в. до н. э. // *СА*. 1987. № 3.
- Алексеева И. Л.* Скифские погребения в курганах Одесской области // *АИУ* в 1968 г. Киев, 1971. Вып. 3.
- Алексеева И. Л.* Раскопки курганов в междуречье Дуная-Днестра // *АО* 1972. М., 1973.
- Алексеева И. Л.* Работы в Килийском районе // *АО* 1974 г. М., 1975.
- Алексеева И. Л., Дворянинов С. А.* Раскопки курганов в Арцизском районе Одесской области // *АО* 1976 г. М., 1977.
- Алексеева И. Л., Черняков И. Т., Шмаглий Н. М.* Исследования в нижнем Подунавье // *АО* 1971 г. М., 1972.
- Алихова А. Е.* Курганы эпохи бронзы у с. Комаровки // *КСИИМК*. 1955. Вып. 59.
- Андросов А. В.* Надпорожская группа памятников степной Скифии // *ПАП*. Днепропетровск, 1985. Вып. 2.
- Андрух С. И.* Скифы нижнего Подунавья // *Актуал. пробл. ист.-археол. исслед.*: Тез. докл. VI Респ. конф. молодых археологов. Киев, 1987.
- Андрух С. И., Суницук Е. Ф.* Захоронения зажиточных скифов в низовьях Дуная // *Новые исследования по археологии Северного Причерноморья*. Киев. 1987.
- Античные государства Северного Причерноморья. М., 1984.
- Антоненко Б. А., Бондарь Н. И., Васильченко С. А.* и др. Раскопки курганов в зоне Каменской оросительной системы // *АО* 1974 г. М., 1975.
- Антоненко Б. А., Васильченко С. А., Пиоро И. С., Самойленко Л. Г.* Раскопки курганов у с. Афанасьевка Днепропетровской области // *АО* 1976 г. М., 1977.
- Анфимов Н. В.* К вопросу о населении Прикубанья в скифскую эпоху // *СА*. 1949. Т. П.
- Анфимов Н. В.* Меото-сарматский могильник у станицы Усть-Лабинской // *МИА*. 1951. № 23.
- Анфимов Н. В.* Глиняные курительницы сарматского времени с Северного Кавказа // *КСИИМК*. 1955. Вып. 58.
- Анфимов Н. В.* Сложение меотской культуры и связи ее со степными культурами Северного Причерноморья // *МИА*. 1971. № 177.
- Артамонов М. И.* Этногеография Скифии // *УЗ ЛГУ*. 1949. № 85.
- Артамонов М. И.* Роль климатических изменений VIII—VII вв. в переселении киммерийцев и скифов в Азию и возвращение их в степи Восточной Европы в начале VI в. до н. э. // *Этнография народов СССР*. Л., 1971.
- Артамонов М. И.* Киммерийцы и скифы (от появления на исторической арене до конца IV в. до н. э.) Л., 1974.
- Археологічні пам'ятки Української РСР (Короткий список). Київ. 1966.**
- Гчаев В. М.* Древности предскифского и скифского периодов // *Археологические*

- исследования на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972—1979 гг. Нальчик 1985. Т. 2.
- Безсонова С. С.* Таврське поховання з некрополя Тірітаки // АДУ в 1969 р. Київ "1972, Вып. 4.
- Белозор В. П.* Скифские каменные изваяния VII—IV вв. до н. э.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Киев, 1986.
- Беляшевский Н.* Раскопки курганов у д. Самбросовки Александрийского у., Херсонской губернии // АЛГОР. Киев, 1899. Т. 1, № 7.
- Березовец Д. Т.* Отчет о раскопке курганного могильника в с. Грушевка Апостоловского района Днепропетровской области в 1953 г. // НА ИА АН УССР. 1953/1а. № 2075.
- Березовец Д. Т.* Розкопки курганного могильника епохи бронзи та скіфського часу в с. Кут // АП УРСР. 1960. Т. 9.
- Березовец Д. Т., Березанська С. С.* Поселения і могильник епохи бронзи біля с. Нижнш Рогачик // АП УРСР. 1961. Т. 10.
- Берестнев С. И.* О погребениях предскифского периода в левобережной лесостепи Украины // ПАП. Днепропетровск, 1985. Вып. 2.
- Бессонова С. С.* Раскопки курганов у с. Луговое на Керченском полуострове // АИУ в 1968 г. Киев, 1971. Вып. 3.
- Бессонова С. С.* Пегребение IV в. до н. э. из Трехбратнего кургана // Скифские древности. Киев, 1973.
- Бессонова С. С.* Скифский могильник в Восточном Крыму // АО 1980 г. М., 1981.
- Бессонова С. С.* О скифских повозках // Древности степной Скифии. Киев, 1982.
- Бессонова С. С.* О культе оружия у скифов // Вооружение скифов и сарматов. Киев, 1984.
- Бессонова С. С., Бунятян Н. А., Гаврилюк Н. А.* Акташский могильник скифского времени в Восточном Крыму. Киев, 1988.
- Бессонова С. С., Кирилин Д. С.* Надгробный рельеф из Трехбратнего кургана // Скифы и сарматы. Киев, 1977.
- Бессонова С. С., Скорый С. А.* Погребение скифского воина из Акташского могильника в Восточном Крыму // СА. 1986. № 4.
- Бессонова С. С., Черных Л. А., Курпий С. А.* Курганы у с. Филатовка // Курганы степного Крыма. Киев, 1984.
- Бибикова В. И.* К интерпретации остеологического материала из скифского кургана Толстая Могила // СА. 1973. № 4.
- Бідзіля В. І.* Дослідження Гайманової Могили // Археологія. 1971. Вип. 1.
- Бидзіля В. И.* Скифский курган «Казенная Могила» // Новейшие открытия сов. археологов: Тез. докл. на конф. Киев, 1975. Ч. 2.
- Бидзіля В. И., Болтрик Ю. В., Мозолевский Б. Н., Савовский И. П.* Курганный могильник в уроч. Носаки // Курганные могильники Рясные Могилы и Носаки. Киев, 1977.
- Битковский О. В., Полин С. В.* Скифский курган у с. Богдановка на Херсонщине: (К пробл. хронологии памятников V—IV вв. до н. э.) // Скифы Северного Причерноморья. Киев, 1987.
- Блаватский В. Д.* О происхождении боспорских склепов с уступчатыми перекрытиями // СА. 1955. Т. 24.
- Бодянский А. В.* Скифское погребение с латенским мечом в среднем Поднепровье // СА. 1962. № 1.
- Бодянский О. В.* Скiфське поховання поблизу Запоріжжя // Археологія. 1972. Вип. 7.
- Бокий Н. М.* Археологические работы на Кировоградщине в 1968 г. // АИУ в 1968 г. Киев, 1971, Вып. 3.
- Бокий Н. М.* Розкопки на Вдровградшиш // АДУ в 1969 г. Київ, 1972. Вип. 4.
- Бокий Н. М.* Скифский курган у села Медерово // СА. 1974. № 4.
- Бокий Н. М., Горбул Г. П.* Могила киммерийского всадника у села Чечелиевка Кировоградской области // СА. 1985. № 4.
- Болдин Д. І., Зарайська Н. П.* Дослідження скіфських поховань у Каховському районі // АДУ в 1969 р. Кшв, 1972. Вип. 4.
- Болдин Я. И., Отрошенко В. В., Пустовалов С. Ж. и др.* Раскопки в зоне строительства СРОС // АО 1978 г. М., 1979.

- Болтрик Ю. В.* Святилище Арея в урочище Носаки // Археологические исследования на Украине в 1976—1977 гг. Ужгород, 1978.
- Болтрик Ю. В.* Исследование кургана Огуз // АО 1979 г. М., 1980.
- Болтрик Ю. В.* Огуз — крупнейший курган степной Скифии // Актуал. пробл. археол. исслед. в УССР: Тез. докл. респ. конф. молодых ученых. Киев, 1981 а.
- Болтрик Ю. В.* Исследование кургана Огуз // АО 1980 г. М., 1981б.
- Болтрик Ю. В.* Завершение исследования кургана Огуз // АО 1981 г. М., 1983.
- Болтрик Ю. В.* О хронологии камерных погребальных сооружений степной Скифии // Хозяйство и культура доклассовых и раннеклассовых обществ: Тез. докл. III конф. молодых ученых ИА АН СССР. М., 1986.
- Болтрик Ю. В., Буйских С. Б.* Новые материалы к археологической карте Северо-Западного Приазовья // Тез. докл. обл. науч.-практ. семинара «Проблемы охраны и исследования памятников археологии в Донбассе». Донецк, 1987.
- Болтрик Ю. В., Зарайская Н. П.* Раскопки курганов близ с. Любимовки Каховского района // АИУ в 1968 г. Киев, 1971. Вып. 3.
- Болтрик Ю. В., Фялалко Е. Е.* К вопросу о локализации гавани Кремны // Скифы Северного Причерноморья. Киев, 1987.
- Бондарь Н. Н.* Работы новостроечной экспедиции Киевского университета // АО 1979 г. М., 1980.
- Бочкарев В. С., Галанина Л. Л., Шилов В. П.* Археологические исследования Никопольской экспедиции // АО 1969 г. М., 1970.
- Братченко С. Н.* Нижнее Подонье в эпоху средней бронзы: (Периодизация и хронология памятников). Киев, 1976.
- Братченко С. Н.* Погребения срубной культуры // Вильнянские курганы в Днепровском Надпорожье. Киев, 1977.
- Братченко С. П., Гершкович Н. П., Константиnescу Л. Ф. и др.* Раскопки курганов в Северо-Восточном Приазовье // АО 1978 г. М., 1979.
- Браун Ф.* Отчет о раскопках в Таврической губернии в 1898 г. // ИАК. СПб., 1906. Вып. 19.
- Брашинский И. Б.* Отчет о работе Южно-Донской археологической экспедиции в 1967 г. // Арх. ИА АН СССР. 1967. Р—1, № 3568.
- Брашинский И. Б.* Сокровища скифских царей: Поиски и находки. М., 1976.
- Брашинский И. Б.* Отчет о работе Южно-Донской археологической экспедиции в 1969 г. // Арх. ИА АН СССР. 1969. Р—1, № 4051.
- Брашинский И. Б.* Раскопки скифских курганов на Нижнем Дону // КСИА. 1973. Вып. 133.
- Брашинский И. Б., Демченко А. И.* Исследования Елизаветовского городища и курганного могильника // АО 1966 г. М., 1967.
- Брашинский И. Б., Зарецкий Ю. П., Копылов В. П., Яковенко Э. В.* Исследование Елизаветовского курганного могильника // АО 1976 г. М., 1977.
- Брун Ф. К.* Опыт согласования противоположных мнений о Геродотовой Скифии и смежных с нею землях // МАР. СПб., 1866. № 1, приложение 2.
- Бунятян Е. П.* Курганная группа Шевченко III // Курганы южной Херсонщины. Киев, 1977а.
- Бунятян Е. П.* Погребальный обряд рядовых скифов южной Херсонщины (По материалам Краснознаменной экспедиции) // Там же. 1977б.
- Бунятян Е. П.* Некоторые результаты социальной реконструкции по данным рядовых скифских могильников // Археологические исследования на Украине в 1976—1977 гг. Ужгород, 1978.
- Бунятян Е. П.* Методика социальной реконструкции по данным рядовых скифских могильников // Теория и методы археологических исследований. Киев, 1982.
- Бунятян Е. П.* Методика социальных реконструкций в археологии: (На материале скифских могильников IV—III вв. до н. э.). Киев, 1985.
- Бунятян Е. П., Чередищенко Н. Н., Мурзин В. Ю.* Скифский могильник у с. Верхне-тарасовка // Курганы юга Днепропетровщины. Киев, 1977.
- Будецкая Э. Б.* Татарские погребальные ложа // Археология Северной и Центральной Азии. Новосибирск, 1975.
- Батазина А. П., Васильев И. Б., Габелко И. Л. и др.* Работы в Заволжье // АО 1976 г. М., 1977.
- Беликанова М. С.* Население Поднестровья в скифское время по антропологическим

- данным // Тезисы докл. на заседаниях, посвященных итогам полевых исследований, 1969 г. М., 1970.
- Веселовский Н. И. Отчет о раскопках, произведенных в уездах Мелитопольском Бердянском и Симферопольском летом 1892 г. // Арх. ЛОИА. Ф. 1. № 13. 1892'
- Веселовский Н. И. Чмырев курган // Гермес. 1910. Т. 7, № 11/12,
- Вишневецкая О. А. Культура сакских племен низовьев Сырдарьи в VII—V вв до н. э. М., 1973.
- Вишневецкая О. А., Итина М. А. Ранние саки Приаралья // МИА. 1971. № 177.
- Волкобой С. С. Раскопки курганов у с. Ток // АО 1979 г. М., 1980.
- Волкобой С. С. Андросов А. В. Лихачев В. А. и др. Скифские могильники IV—III вв. до н. э. юга Днепропетровской области // Курганы степного Поднепровья. Днепропетровск, 1980.
- Волкобой С. С., Ковалева И. Ф., Марина З. П., Попцов В. А. Работы экспедиции Днепропетровского университета // АО 1976 г. М., 1977.
- Волкобой С. С., Лихачев В. А., Шалобудов В. Н. Скифский могильник «Славянка» у с. Шолохово на Днепропетровщине // КДСП. Днепропетровск, 1979. Вып. 3.
- Волкобой С. С., Лихачев В. А., Шалобудов В. Н., Андросов А. В. Могильник у с. Башмачка // Степное Поднепровье в бронзовом и раннем железном веках. Днепропетровск, 1981.
- Высотская Т. Н., Черепанова Е. Н. Находки из погребений IV—V вв. в Крыму // СА 1966. № 3.
- Вязьмитіна М. І., Іллінська В. А., Покровська Е. Ф. и др. Кургани біля с. Ново-Пиліпки і радгоспу «Аккермень» // АН УРСР. 1960. Т. 8.
- Гаврилюк А. В., Шкарбан А. С. Скифский курган у села Крыловка в Крыму // СА. 1985. № 2.
- Гаврилюк Н. А. Лощеная керамика степных погребений предскифского времени // Памятники древних культур Северного Причерноморья Киев, 1979.
- Гаврилюк Н. А. Керамика степной Скифии: Автореф. дис. ... канд. ист. наук: Киев, 1981.
- Гаврилюк Н. А. Лепная керамика Акташского могильника // Проблемы истории и археологии Восточного Крыма. Керчь, 1984.
- Гаврилюк Н. А. Прядение у степных скифов // Скифы Северного Причерноморья. Киев, 1987.
- Гайдукевич В. Ф. Боспорское царство. М.; Л, 1949.
- Галанина Л. К. Скифские древности Поднепровья: (Эрмитажная коллекция Бранденбурга // САИ. 1977. Вып. Д1—33.
- Гей А. Н. Раскопки курганов на р. Понуре // АО 1981 г. М., 1983.
- Генинг В. Ф. Могильник Ситашта и проблема ранних индоиранских племен // СА. 1977. № 4.
- Генинг В. Ф., Борзунов В. А. Методика статистической характеристики и сравнительного анализа погребального обряда // ВАУ. Свердловск, 1975. Вып. 13.
- Герасимова М. М., Рудь Н. М., Яблонский Л. Т. Антропология античного и средневекового населения Восточной Европы. М., 1987.
- Городицов В. А. Материалы археологических исследований на берегах р. Донца, Изюмского уезда, Харьковской губ. // Тр. XII АС. М., 1905. Т. 1.
- Городицов В. А. Дневник археологических исследований в Бахмутском уезде Екатеринославской губ., 1903 года // Тр. XIII АС. М., 1907. Т. 1.
- Гошкевич В. И. Клады и древности Херсонской губернии. Херсон, 1903. Кн. 1.
- Гошко Ю. Ю., Отрощенко В. В. Погребения киммерийцев в катакомбных и подбойных сооружениях // СА. 1986. № 1.
- Граков Б. М. Чи мала Ольвія торговельні зносини з Поволжям і Приураллям в архаїчну і класичну епохи? // Археологія 1947а. Т. 1.
- Граков Б. М. Скифи. Київ, 1947б.
- Граков Б. Н. Основные культуры скифского времени в Причерноморье и лесостепной зоне // Докл. VI науч. конф. ИА. Киев, 1953.
- Граков Б. Н. Каменное городище на Днепре // МИА. 1954. № 36.
- Граков Б. Н. Скифские погребения на Никопольском курганном поле // МИА. 1962.

- Граков Б. И.* Погребальные сооружения и ритуал рядовых общинников степной Скифии // АСГЭ. Л., 1964. Вып. 6.
- Граков Б. Н.* Скифы. М., 1971.
- Граков Б. Н., Мелюкова А. И.* Две археологические культуры в Скифии Геродота // СА. 1953. Т. 18.
- Граков Б. Н., Мелюкова А. И.* Об этнических и культурных различиях в степных и лесостепных областях европейской части СССР в скифское время // Вопросы скифо-сарматской археологии. М., 1954.
- Граков Б. Н., Мелюкова А. И.* Отчет о работе Западно-Скифской экспедиции 1961 г. // ИА АН УССР. 1961/30 № 3735, 3737.
- Граков Б. Н., Мелюкова А. И., Елагина Н. Г.* Отчет о раскопках курганов у Солохи в 1962 г. // Там же. 1962/44. № 3971, 3972.
- Грач А. Д.* Древние кочевники в центре Азии. М., 1980.
- Гребенников Ю. С.* Погребальный обряд скифов Поингулья // ОМАУ. Киев, 1976. Ч. 1.
- Гребенников Ю. С.* Скифский курганный могильник у с. Отрадное // Археологические памятники Поингулья. Киев, 1980.
- Гребенников Ю. С., Елисеев В. Ф., Ключинцев В. Н.* Погребения предскифского периода в Южном Побужье // Ранний железный век Северо-Западного Причерноморья. Киев, 1984.
- Гребенников Ю. С., Фридман М. И.* О культурной принадлежности и хозяйстве населения ольвийской периферии в середине V в. до н. э. // Хозяйство и культура доклассовых и раннеклассовых обществ: Тез. докл. III конф. молодых ученых ИА АН СССР. М., 1986.
- Грязное М. П.* Так называемые оселки скифо-сарматского времени // Исследования по археологии СССР. Л., 1961а.
- Грязное М. П.* Курган, как архитектурный памятник // Тезисы докладов на заседаниях, посвященных итогам полевых исследований в 1960 г. М., 1961б.
- Грязное М. П.* Аржан: Царский курган раннескифского времени. Л., 1980.
- Гудкова А. В.* Раскопки курганов у с. Червоный Яр на Нижнем Подунавье // Археологические исследования Северо-Западного Причерноморья. Киев, 1978.
- Гудкова А. В., Новицкий Е. Ю., Паламарчук С. В. и др.* Раскопки Измаильской экспедиции // АО 1978 г. М., 1979.
- Гушина И. И., Попова Т. Б.* Воздвиженский курган — памятник III тысячелетия — I в. до н. э. // Ежегодник ГИМ, 1965—1966. М., 1970.
- Дворниченко В. В.* Погребения с подбоями эпохи поздней бронзы в Северном Причерноморье // Сб. докл. на IX и X Всесоюз. археол. студ. конф. М., 1968.
- Дергачев В. А.* Раннескифское погребение на Среднем Пруте // СА. 1979. № 3.
- Дергане В. А., Лапушняк В. Л., Мелюкова А. И.* Исследования памятников бронзы и раннего железа в Молдавии // АО 1970 г. М., 1971.
- Дзис-Райко Г. А.* Раскопки древнего могильника в с. Николаевка на Днепровском лимане // КСОГАМ за 1963 г. Одесса, 1965.
- Диамант Э. И.* Раскопки на некрополе Кошарского городища // АО 1974 г. М., 1975.
- Диамант Э. И., Морозовская Т. В., Черняков Н. Т.* Раскопки кургана в Одессе // АО 1978 г. М., 1979.
- Дмитриев А. В.* Памятники эпохи раннего железа в районе Новороссийска // АО 1973 г. М., 1974.
- Добровольский А. В.* Дневник раскопки курганов возле с. Смигиревки Херсонского округа, Одесской губ. // ИА ИА АН УССР. 1915. Ф-20. № 18.
- Добровольский А. В.* Кам'яні закладки в околицях Тавліжаного острова // АП УРСР. 1949. Т. 2.
- Доватур А. И., Каллистов Д. П., Шишова И. А.* Народы нашей страны в «Истории» Геродота. М., 1982.
- Дорофеев В. В.* Охранные раскопки в Приазовье // АО 1980 г. М., 1981.
- Древности Босфора Киммерийского, хранящиеся в императорском музее Эрмитажа. СПб., 1854. Т. 1.
- Древности Геродотовой Скифии // МАР. СПб., 1866. № 1. Вып. 1.
- Древности Геродотовой Скифии // МАР. СПб., 1872а. № 2. Вып. 2.
- Древности Геродотовой Скифии: Атлас // МАР. СПб., 1872. № 2. Вып. 2.

- Дубовская О. Р.* К вопросу о роли позднесрубного этнокультурного компонента в сложении памятников раннего железного века Северного Причерноморья // Проблемы эпохи бронзы юга Восточной Европы: Тез. докл. конф. Донецк, 1979.
- Дубовская О. Р.* Погребение лучника раннего железного века // СА. 1985. № 2.
- Дубовская О. Р.* О погребениях группы Новочеркасского клада // Науч.-практ. семинар «Проблемы охраны и исследования памятников археологии в Донбассе», 10—11 апр. 1986 г.: Тез. докл. Донецк, 1986.
- Дубовская О. Р.* О территориальном соотношении всаднических погребений групп Черногоровки и Новочеркасского клада // Актуал. пробл. ист.-археол. исслед.: Тез. докл. VI Респ. конф. молодых археологов. Киев, 1987.
- Евдокимов Г. Л.* Памятники скифского монументального искусства // Новейшие открытия советских археологов: Тез. докл. на конф. Киев, 1975. Ч. 2.
- Евдокимов Г. Л.* Работы Краснознаменной экспедиции // АО 1981 г. М., 1983.
- Евдокимов Г. Л., Мурзин В. Ю.* Раннескифское погребение с оружием из Херсонской области // Вооружение скифов и сарматов. Киев, 1984.
- Евдокимов Г. Л., Фридман М. И.* Скифские курганы у с. Первомаевка на Херсонщине // Скифы Северного Причерноморья. Киев, 1987.
- Елагина Н. Г.* Отчет скифской степной экспедиции Истфака МГУ // НА ИА АН УССР. 1963. 27. № 4171, 4172.
- Елагина Н. Г., Погребова Н. Н.* Археологическая разведка по берегам Ингула // КСИИМК. 1959. Вып. 77.
- Елагина Н. Г., Шкурко А. И.* Отчет скифской степной экспедиции Исторического ф-та МГУ за 1964 г. // НА ИА АН УССР. 1964/56. № 4404, 4405.
- Ефимова Г. М., Кожин П. М., Петерс Б. Г.* Охранные работы на курганном могильнике у с. Михайловка // КСИА. 1972. Вып. 130.
- Житников В. Г., Казакова Л. М., Копылов В. П., Науменко С. А.* Ливенцовский курганный могильник // АО 1978 г. М., 1979.
- Журнал раскопок Н. Е. Бранденбурга 1888—1902 гг. СПб., 1908.
- Забелин И. Е.* Скифские могилы: Чертомлыцкий курган // ТМАО. М., 1865. Т. 1, вып. 1.
- Забелин И. Е.* История русской жизни с древнейших времен. М., 1908.
- Загинайло А. Г., Черняков И. Т.* Курганы у Каролино-Бугаза // АО 1973 г. М., 1974.
- Зарайская Н. П.* К вопросу о скифских погребениях Приазовья // Науч.-практ. семинар «Проблемы охраны и исследования памятников археологии в Донбассе», 10—11 апр. 1986 г.: Тез. докл. Донецк, 1986.
- Збруева А. В.* История населения Прикамья в ананьинскую эпоху // МИА. 1952. № 30.
- Зиновьев М. К.* Археологические памятники Раздольненского района Крымской области // История и археология древнего Крыма. Киев, 1957.
- Зінько В. М.* Сільські могильники Східного та Північно-Західного Криму V—III ст. до н. е. // Археологія. 1986. Вип. 56.
- Зуев В.* Путешественные записки Василия Зуева от С. Петербурга до Херсона в 1781 и 1782 году. СПб. 1787.
- Иванова А. Л.* Херсонесские скульптурные надгробья с портретными изображениями // СА. 1941. Т. 7.
- Иванова А. П.* Боспорские антропоморфные надгробья // СА. 1950. Т. 13.
- Игнатов В. И., Колесник В. П., Мамонтов В. И.* Раскопки курганов в Волгоградском междуречье // АО 1978 г. М., 1979.
- Иессен А. А.* К вопросу о памятниках VIII—VII вв. до и. э. на юге европейской части СССР // СА. 1953. Т. 18.
- Иессен А. А.* Некоторые памятники VIII—VII вв. до и. э. на Северном Кавказе // Вопросы скифо-сарматской археологии. М., 1954.
- Іллінська В. А.* Скифські сокири // Археологія. 1961. Т. 12.
- Іллінська В. А.* Кургани скифського часу посульсько-донецького лісостепу // Там же. 1962. Т. 14.
- Ильинская В. А.* Культовые жезлы скифского и предскифского времени // МИА. 1965. № 130.
- Ильинская В. А.* Скифские курганы около г. Борисполя // СА. 1966. № 3.
- Ильинская В. А.* Скифы днепровского лесостепного левобережья: (Курганы Посулья). Киев, 1968.

- Гліньська В. А.* Золоти прикраси скіфського архаїчного убору // Археологія. 1971.
- Ильинская В. А.* Раннескифские курганы бассейна р. Тясмин (VII—VI вв. до н. э.). Киев, 1975.
- Ильинская В. А.* Дискуссионные проблемы отечественной скифологии: Обсуждение // НАА. 1980. № 5.
- Гліньська В. А., Ковпаненко Г. Т., Петровська Е. О.* Розкопки кургашв епохи бронзи поблизу с. Шервомаївки // АП УРСР. 1960. Т. 9.
- Ильинская В. А., Мозолевский Б. Н., Тереножкин А. И.* Курганы VI в. до н. э. у с. Матусов // Скифия и Кавказ. Киев, 1980.
- Гліньська В. А., Тереножкин О. І.* Скіфський період // Археологія Української РСР. Київ, 1971, Т. 2.
- Ильинская В. А., Тереножкин А. И.* Скифия VII—IV вв. до н. э. Киев, 1983.
- Ильинская В. А., Тереножкин А. И.* Скифия // Археологія Української РСР. Київ, 1986. Т. 2.
- Илюков Л. С., Ларенок П. А.* Сухо-Чалтырские курганы бронзового века // СА. 1982. № 4.
- Итина М. А.* Загадочные ограды на курганных группах низовьев Сырдарьи и Южного Приуралья // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М., 1984.
- Каменецкий И. С.* Код для описания погребального обряда // Древности Дома. М., 1983.
- Каменецкий И. С.* Код для описания погребального обряда. Ч. 2. // Археологические открытия на новостройках. М., 1986. Вып. 1.
- Капошина С. И.* Скорченные погребения Ольвии и Херсонеса // СА. 1941. Т. 7.
- Капошина С. И.* Пережитки ритуального окрашивания костяков в Ольвийском некрополе и в погребениях приднепровских скифов // КСИИМК. 1946. Вып. 12.
- Капошина С. И.* Погребение скифского типа в Ольвии // СА. 1950. Т. 13.
- Капошина С. И.* Из истории греческой колонизации нижнего Побужья // МИА. 1956. № 50.
- Кастанаян Е. Г.* Обряд тризны в боспорских курганах // СА. 1950. Т. 14.
- Кастанаян Е. Г.* Грунтовые некрополи боспорских городов VI—IV вв. до н. э. и местные их особенности // МИА. 1959. № 69.
- Кауфман С. А.* Об уступчатых склепах Боспора // Сообщения института истории и теории архитектуры. М., 1947. Вып. 6.
- Кашипар А. О.* Раскопки курганов в окрестностях Симферополя, произведенные профессором Н. И. Веселовским в июле и августе 1891 г. // ИТУАК. 1891. № 14.
- Кашипар А. О.* Раскопки курганов в окрестностях Симферополя, произведенные профессором Н. И. Веселовским в июле-августе 1892 г. // ИТУАК. 1892. № 16.
- Кашипар А. О.* Раскопки курганов в окрестностях Симферополя, произведенные профессором Н. И. Веселовским летом 1895 г. // ИТУАК. 1896. № 24.
- Кеппен П.* Список известнейшим курганам в России. СПб., 1837.
- Кетрару Н. А., Серова Н. Л.* Новые раскопки курганов у села Бутор (Григориопольский р-н) // АИМ в 1977—1978 гг. Кишинев, 1982.
- Кирилин Д. С.* Трехбратние курганы в районе Тобечикского озера // Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья. Л., 1968.
- Кислый Е. А.* Исследования Керченского историко-археологического музея // АО 1979 г. М., 1980.
- Кияшко В. Я., Кореняко В. А.* Погребение раннего железного века у г. Константиновска-на-Дону // СА. 1976. № 1.
- Клейн Л. С.* Курганы біля с. Троїцького // АП УРСР. 1960. Т. 8.
- Клейн Л. С.* Территория и способ погребения кочевых скифских племен по Геродоту и археологическим данным // АСГЭ. Л., 1961. Вып. 2.
- Клейн Л. С.* Происхождение скифов царских по археологическим данным // СА. 1963. № 4.
- Клочко В. И.* Новые данные о типах скифских горитов и колчанных наборах VI в. до н. э. // Новые исследования археологических памятников на Украине. Киев, 1977.
- Клочко В. И., Мурзин В. Ю.* О взаимодействии местных и привнесенных элементов скифской культуры // Скифы Северного Причерноморья. Киев, 1987.

- Клочко Л. С., Гребенников Ю. С. Скифский калаф IV в. до н. э. // Материалы по хронологии археологических памятников Украины. Киев, 1982.
- Клоушинцев В. Н. Памятники культуры многоваликовой керамики степного Побужья // Археол. исслед. на Украине в 1978—1979 гг.: Тез. докл. XVIII конф. Ин-та археологии АН УССР. Днепропетровск, 1980.
- Книпович Т. Н. Танаис. М.; Л., 1949.
- Ковалева И. Ф. Исследования в степном Приорелье // АО 1979 г. М., 1980.
- Ковалева И. Ф. Стратифицированные срубные курганы Приорелья // Степное Поднепровье в бронзовом и раннем железном веках. Днепропетровск, 1981.
- Ковалева И. Ф., Андросов А. В., Мухонад С. Е., Шалобудов В. Н. Раскопки курганов в среднем Приорелье // ПАП. Днепропетровск, 1985. Вып. 2.
- Ковалева И. Ф., Волковой С. С., Костенко В. И., Шалобудов В. Н. Археологические исследования в зоне строительства оросительной системы учхоза «Самарский» (Днепропетровского сельскохозяйственного института) // Там же. 1978. Вып. 2.
- Ковалева И. Ф., Волковой С. С., Марина З. П. и др. Исследование курганных могильников у с. Верхняя Маевка в степном междуречье рек Орели и Самары // КСДП. Днепропетровск, 1977. Вып. 1.
- Ковалева И. Ф., Мухонад С. Е. Скифские памятники Орельско-Самарского междуречья // Там же. 1979. Вып. 3.
- Ковалева И. Ф., Мухонад С. Е. Скифское погребение конца VI—V вв. до н. э. у с. Александровка // Древности степной Скифии. Киев, 1982.
- Ковалева И. Ф., Ромашко В. А., Андросов А. В. Срубные курганные могильники среднего Присамарья // КДСП. Днепропетровск, 1979. Вып. 3.
- Ковалева И. Ф., Ромашко В. А., Чернявская Н. В., Христиан А. М. Раскопки курганных могильников бронзового века Среднего Приорелья // Степное Поднепровье в бронзовом и раннем железном веках. Днепропетровск, 1981.
- Ковпаненко Г. Т. Курганы скифского времени у с. Медвин в Поросье // Скифы и сарматы. Киев, 1977.
- Ковпаненко Г. Т. «Червона Могила» у с. Флярковка // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М., 1984.
- Ковпаненко Г. Т. Погребение предскифского времени у с. Олышана Черкасской обл. // Всесоюз. археол. конф. «Достижения советской археологии в XI пятилетке»: Тез. докл. Баку, 1985.
- Ковпаненко Г. Т., Бунятян Е. П. Скифские курганы у с. Ковалева Николаевской области // Курганы на Южном Буге. Киев, 1978.
- Ковпаненко Г. Т., Бунятян Е. П., Гаврилюк Н. А. Курганы у с. Ковалева // Там же 1978.
- Ковпаненко Г. Т., Гупало Н. Д. Погребение воина у с. Квитки в Поросье // Вооружение скифов и сарматов. Киев, 1984.
- Ковпаненко Г. Т., Яковенко Э. В. Скифские курганы на юге Херсонщины // Скифские древности. Киев, 1973.
- Кожин П. М. О сарматских повозках // МИА. 1969. № 169.
- Козенкова В. И. Кобанская культура: Восточный вариант // САИ. 1977. Вып. В2-5.
- Козуб Ю. И. Некрополь Ольвии V—IV ст. до н. э. Киев, 1974.
- Козуб Ю. И. Древнейший культовый комплекс Ольвии // Художественная культура и археология античного мира. М., 1976.
- Колосов Ю. Г. Археологические исследования в степном Крыму в 1952 г. // ИКОГО. Симферополь, 1957. Вып. 4.
- Колотухин В. А. К вопросу о таврах и кизил-кобинской культуре // СА. 1985. № 2.
- Колотухин В. А. Население предгорного и горного Крыма в VII—V вв. до н. э. // Материалы к этнической истории Крыма VII в. до н. э. — VII в. н. э. Киев, 1987.
- Коновалов А. А. Раскопки некрополя у дер. Заозерная // АО 1970 г. М., 1971.
- Копылов В. П. Раскопки курганов на территории Донской оросительной системы // АО 1979 г. М., 1980.
- Копылов В. П. Работы в Ростовской области // АО 1981 г. М., 1983.
- Копылов В. П. Работы на Дону // АО 1982 г. М., 1984.
- Копылов В. П. Исследование Елизаветовского могильника в 1979—1983 гг. // Итоги исследований Азово-Донецкой экспедиции в 1985 г. Азов, 1986а.
- Копылов В. П. Материалы VI—V вв. до н. э. из погребений у хут. Дугино // Науч.

- Лесков А. М. Предскифский период в степях Северного Причерноморья // МИА 1971а. № 177.
- Лесков О. М. Зрубна культура // Археологія Української РСР. Київ, 1971б. Т. 1...
- Лесков А. М. Новые сокровища курганов Украины. Л., 1972.
- Лесков О. М. Скарби курганів Херсонщини. Київ, 1974.
- Лесков А. М. Заключительный этап бронзового века на юге Украины: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1975.
- Лесков А. М. Курганы: находки, проблемы. Л., 1981.
- Лесков А. М., Кубышев А. Н. Работы Каховской экспедиции // АО 1970 г. М., 1971.
- Либеров П. Д. Курганы у села Константиновки // КСИИМК. 1951. Вып. 37.
- Либеров П. Д. Памятники скифского времени на среднем Дону // САИ. 1965. Вып. Д1—311.
- Лукин Б. В. Археологические раскопки и разведки в Ростовской области в 1938—1939 гг.: (Общий обзор) // Памятники древности на Дону. Ростов н/Д, 1940.
- Ляшко С. Н. Скифское изваяние из района Днепровского Надпорожья // СА. 1983. № 3.
- Ляшко С. М., Фри́дман М. І. Скіфська антропоморфна скульптура Нижнього Подніпров'я // Археологія. 1987. Вип. 60.
- Макаренко И. Е. Археологические исследования 1907—1909 гг. 2. Екатеринославская губерния // ИАК СПб., 1911. Вып. 43.
- Макаренко Н. Е. Первый Мордвиновский курган // Гермес. 1916. № 12.
- Максименко В. Е. Савроматы и сарматы на нижнем Дону. Ростов н/Д, 1983.
- Максименко В. Е., Смирнов К. Ф., Горбенко А. А., Лукьяшко С. И. Курган у пос. Шолоховский // Смирнов К. Ф. Сарматы и утверждение их политического господства в Скифии. М., 1984.
- Максименко В. Е. Смирнов К. Ф., Косяненко В. М. Курган у хут. Кашеевка // Там же. 1984.
- Мамонтов В. И. О раннесрубных памятниках Волго-Донского междуречья // СА. 1981. № 3.
- Мандельштам А. М. Памятники эпохи бронзы в Южном Таджикистане // МИА. 1968. № 145.
- Манзура И. В. Раскопки кургана у села Косоуцы (Сорокский р-н) // АИМ в 1977—1978 гг. Кишинев, 1982.
- Манцевич А. П. Ритон Талаевского кургана // История и археология древнего Крыма. Симферополь, 1957.
- Манцевич А. П. Головка быка из кургана VI в. до н. э. на р. Калытве // СА. 1958. № 2.
- Манцевич А. П. Деревянные сосуды скифской эпохи // АСГЭ. Л.; М., 1966. Вып. 8.
- Манцевич А. П. Курган Солоха. Л., 1987.
- Маргулан А. Х., Акишев К. А., Қадырбаев М. К., Оразбаев А. М. Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата, 1966.
- Марина З. П. Некоторые аспекты социальной структуры и идеологии древнейшего общества // Степное Поднепровье в бронзовом и раннем железном веках. Днепропетровск, 1981.
- Марина З. П., Ковалева И. Ф., Ромашко В. А. Курганы эпохи бронзы у с. Колпаковка-Бузовка // Древности степного Поднепровья (III—I тыс. до н. э.). Днепропетровск, 1982.
- Маркевич А. И. Расчистка кургана в окрестностях Симферополя // ИТУАК. 1890 № 10.
- Марковин В. И. Наскальные изображения в предгорьях Северо-Восточного Дагестана // СА. 1958. № 1.
- Марковин В. И. Скифские курганы у с. Гойты // СА. 1965. № 2.
- Мартин Ю. Ю. Городища Боспорского царства к югу от Керчи: (Киммерик, Китэй, Акра) // ИТОИАЭ. Симферополь, 1928. Т. 2.
- Мартынов А. И., Абсаямов М. Б. Исследования в Горном Алтае // АО 1978 г. М., 1979.
- Марченко И. Д. Некоторые итоги раскопок на Майской горе // КСИА. 1963. Вып. 26.
- Марченко К. К. Лепная керамика Березами и Ольвии второй половины VII—VI вв. до н. э.: (По материалам раскопок 1953—1970 гг.) // Художественная культура и археология античного мира. М., 1976.
- Масленников А. А. Этническая принадлежность погребений в каменных ящиках Восточного Крыма // КСИА. 1976. Вып. 145.

- Масленников А. А. Раскопки некрополя эллинистического времени у с. Золотое // КСИА. 1978. Вып. 156.
- Масленников А. А. Варварское погребение VI в. до н. э. на Керченском полуострове // КСИА. 1980. Вып. 162.
- Масленников А. А. Население Боспорского государства в VI—II вв. до н. э. М., 1981.
- Масленников А. А., Бердникова Л. А. Раскопки в районе с. Золотое на Керченском полуострове // АО 1976 г. М., 1977.
- Махнева О. А. Находка гераклейских амфор в Крыму // СА. 1969. № 4.
- Мачинский Д. А. О времени первого активного выступления сарматов в Поднепровье по свидетельствам античных письменных источников // АСГЭ. Л., 1971. Вып. 13.
- Мелюкова А. И. Скифские курганы Тираспольщины: (По материалам И. Я. и Л. П. Стемповских // МИА. 1962. № 115.
- Мелюкова А. И. Население нижнего Поднепровья в IV—III вв. до н. э. // МИА, 1971. № 177.
- Мелюкова А. И. Раскопки курганов у с. Буторы Григориопольского района // АИМ 1972 г. Кишинев, 1974а.
- Мелюкова А. И. Работа Западно-Скифской экспедиции // АИМ 1973 г. Кишинев, 1974б.
- Мелюкова А. И. Поселение и могильник скифского времени у села Николаевка. М., 1975.
- Мелюкова А. И. Скифия и фракийский мир. М., 1979.
- Мелюкова А. И. Дискуссионные проблемы отечественной скифологии: Обсуждение // НАА. 1980. № 5.
- Мелюкова А. И. Краснокутский курган. М., 1981.
- Мелюкова А. И. Курганы скифских кочевников у с. Николаевка // Ранний железный век Северо-Западного Причерноморья. Киев, 1984.
- Мерперт Н. Я. Из древнейшей истории среднего Поволжья // МИА. 1958. № 61.
- Мешанинов И. И. Кромлехи // ИГАИМК. 1930. Т. 6, вып. 3.
- Миллер А. А. Раскопки в районе древнего Танаиса // ИАК СПб., 1910. Вып. 35.
- Миллер А. А. Раскопки у станицы Елисаветовской в 1911 г. // ИАК. Пг., 1914. Вып. 56.
- Минжгулин А. И. Защитное вооружение воина-лучника V—IV вв. до н. э. из кургана у с. Гладковщина: (Реставрация и науч. реконструкция) // СА. 1988. № 4.
- Мирошина Т. В. Об одном типе скифских головных уборов // СА. 1977. № 3.
- Мозолевский Б. Н. Скифские погребения у с. Нагорное близ г. Орджоникидзе на Днепропетровщине // Скифские древности. Киев, 1973.
- Мозолевский Б. М. Товста Могила. Київ, 1979.
- Мозолевский Б. Н. Скифские курганы в окрестностях г. Орджоникидзе на Днепропетровщине: (Раскопки 1972—1975 гг.) // Скифия и Кавказ. Киев, 1980а.
- Мозолевский Б. Н. Раскопки в курганной группе Чертомлыка // АО 1979 г. М., 1980б.
- Мозолевский Б. Н. Раскопки курганов скифского времени у г. Орджоникидзе // АО 1980 г. М., 1981.
- Мозолевский Б. Н. Скифский «царский» курган Желтокаменка // Древности степной Скифии. Киев, 1982.
- Мозолевский Б. Н. Малый Чертомлык // Скифы Северного Причерноморья. Киев, 1987.
- Мозолевский Б. Н., Ролле Р. А. Исследование Чертомлыка // АО 1981 г. М., 1983.
- Моруженко А. А., Привалов А. И., Андриенко В. П. и др. Исследования на юге Донецкой области // АО 1978 г. М., 1979.
- Мошкова М. Г. Происхождение раннесарматской (прохоровской) культуры. М., 1974.
- Мошкова М. Г. Культурные сооружения Лебедевского могильника // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М., 1984.
- Мурзин В. Ю. Два раннескифских комплекса из Запорожской области // Новые исследования археологических памятников на Украине. Киев, 1977.
- Мурзин В. Ю. Степная Скифия VII—V вв. до н. э.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Киев, 1979.
- Мурзин В. Ю. Погребальный обряд степных скифов в VII—V вв. до н. э. // Древности степной Скифии. Киев, 1982.
- Мурзин В. Ю. Скифская архаика Северного Причерноморья. Киев, 1984.
- Мурзин В. Ю. О работе Чертомлыкской экспедиции // АО 1984 г. М., 1986.
- Мурзин В. Ю. Итоги исследования кургана Чертомлык // Задачи советской археоло-

- фии в свете решений XXVII съезда КПСС: Тез. докл. Всесоюз. конф. (Суздаль, 1987 г.). М., 1987.
- Мурзин В. Ю., Евдокимов Г. Л. Раннескифское погребение у с. Верхнетарасовки // Курганы юга Днепропетровщины. Киев, 1977.
- Мурзин В. Ю., Ролле Р. А., Бессонова С. С. О работе Чертомлыкской экспедиции // АО 1983 г. М., 1985.
- Мурзін В. Ю., Черненко Е. В. Скифський курган поблизу с. Дніпряни // Археологія. 1979. Вип. 32.
- Мухомад С. Е. Новые материалы скифского времени из Приорелья // Степное Поднестровье в бронзовом и раннем железном веках. Днепропетровск, 1981.
- Мухомад С. Е. Скифские архаические погребения на р. Волчьей // ПАП. Днепропетровск, 1984. Вып. 1.
- Нейхардт А. А. Скифский рассказ Геродота в отечественной историографии. Л., 1982.
- Нечаева Л. Г. Об этнической принадлежности подбойных и катакомбных погребений сарматского времени в Нижнем Поволжье и на Северном Кавказе // Исследования по археологии СССР. Л., 1961.
- Нечитайло А. Л., Бунятян Е. П. Курганная группа близ с. Чкалове // Курганы степного Крыма. Киев, 1984.
- Никитин В., Черненко Е. Скифский курган в Николаеве // АИУ в 1965—1966 гг. Киев, 1967. Вып. 1.
- Никулицэ И. Т. Геты IV—III вв. до н. э. в Днестровско-Карпатских землях Кишинев, 1977.
- ОАК за 1862 г. СПб., 1863.
- ОАК за 1865 г. СПб., 1866.
- ОАК за 1867 г. СПб., 1868.
- ОАК за 1868 г. СПб., 1870.
- ОАК за 1870—1871 гг. СПб., 1874.
- ОАК за 1875 г. СПб., 1878.
- ОАК за 1882—1888 гг. СПб., 1891.
- ОАК за 1889 г. СПб., 1892.
- ОАК за 1890 г. СПб., 1893.
- ОАК за 1892 г. СПб., 1894.
- ОАК за 1894 г. СПб., 1896.
- ОАК за 1895 г. СПб., 1897.
- ОАК за 1897 г. СПб., 1900.
- ОАК за 1898 г. СПб., 1901.
- ОАК за 1903 г. СПб., 1906.
- ОАК за 1904 г. СПб., 1907.
- ОАК за 1909—1910 гг. СПб., 1913.
- ОАК за 1911 г. Пг., 1914.
- ОАК за 1912 г. Пг., 1916.
- ОАК за 1913—1915 гг. Пг., 1918.
- Ольговский С. Я., Полин С. В. Курганная группа «Острая Могила» // Курганы Южной Херсонщины. Киев, 1977.
- Ольговский С. Я., Полин С. В. Скифське поховання VI ст. до н. е. на Херсоншиш // Археологія. 1983. Вип. 44.
- Ольховский В. С. Скифские катакомбы в Северном Причерноморье // СА. 1977. № 4.
- Ольховский В. С. Погребальные обряды населения степной Скифии (VII—III вв. до н. э.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1978а.
- Ольховский В. С. Раннескифские погребальные сооружения по Геродоту и археологическим данным // СА. 1978б. № 4.
- Ольховский В. С. Раскопки у с. Колоски // АО 1977 г. М., 1978в.
- Ольховский В. С. Исследования курганов у с. Колоски // АО 1979 г. М., 1980.
- Ольховский В. С. Население Крыма по данным античных авторов // СА. 1981а. № 3.
- Ольховский В. С. Раскопки курганов в Северо-Западном Крыму // АО 1980 г. М., 1981б.
- Ольховский В. С. О населении Крыма в скифское время // СА. 1982. № 4.
- Ольховский В. С. Исследования курганов в степном Крыму // АО 1981 г. М., 1983.
- Ольховский В. С. Исследования в Сакском районе Крыма // АО 1982 г. М., 1984.

- Дихарский В. С.* Погребально-доминантная обрядность в системе взаимосвязанных понятий // СА. 1986. № 1.
- Оразбаев А. М.* Курган с усачи в могильнике. Джанайдар как архитектурный памятник // Культура древних скотоводов и земледельцев • Казахстана. Алма-Ата, 1969.
- Отрощенко В. В.* Новый курганный могильник белозерского времени // Скифский мир. Киев, 1975.
- Отрощенко В. В.* Погребения с трупосожжением у племен срубной культуры нижнего Поднепровья // Энеолит и бронзовый век Украины. Киев, 1976.
- Отрощенко В. В.* Катакомбные и срубные курганы в окрестностях с. Балки // Курганные могильники Рясные Могилы и Носаки. Киев, 1977.
- Отрощенко В. В.* Исследования в Каменско-Днепровском районе Запорожской области // АО 1979 г. М., 1980.
- Отрощенко В. В.* О каменных изваяниях у племен срубной культуры // Новые памятники древней и средневековой художественной культуры. Киев, 1982.
- Отрощенко В. В.* Раскопки курганов в Запорожской области // АО 1981 г. М., 1983.
- Отрощенко В. В.* Парадный меч из кургана у с. Великая Белозерка // Вооружение скифов и сарматов. Киев, 1984а.
- Отрощенко В. В.* Деревянная посуда в срубных погребениях Поднепровья // ПАП. Днепропетровск, 1984б. Вып. 1.
- Отрощенко В. В.* Скифский курган V в. до н. э. у Каменского городища // Всесоюз. археол. конф. «Достижения советской археологии в XI пятилетке». Тез. докл. Баку, 1985.
- Отрощенко В. В. Болтрик Ю. В.* Культурно-хронологическое и территориальное распределение могильников Днестро-Молочанский степной области // Материалы по хронологии археологических памятников Украины. Киев, 1982.
- Отрощенко В. В., Савовский И. П., Томашевский В. А.* Курганный группа Рясные Могилы у с. Балки // Курганные могильники Рясные Могилы и Носаки. Киев, 1977.
- Павлуцкий Г.* Предметы античного вооружения, найденные в Екатеринославском уезде // АЛЮР. Киев, 1904. № 1.
- Парович-Пешикан М.* Некрополь Ольвии эллинистического времени. Киев, 1974.
- Патокова Э. Ф.* Обряд погребений усатовских курганных могильников // ЗОАО. Одесса, 1967. Т. 2 (35).
- Петере Б. Г., Ефимова Г. М.* Раскопки у с. Михайловка // АО 1970 г. М., 1971.
- Петере Б. Г., Ефимова Г. М., Кожия П. М.* Раскопки у с. Михайловка в Крыму // АО 1969 г. М., 1970.
- Петренко В. Г.* Правобережье среднего Приднепровья в V—III вв. до н. э. // САИ. 1967. Вып. Д1—4.
- Петренко В. Г.* Новое каменное изваяние скифа-воина из с. Лиманы // КСИА. 1973. Вып. 133.
- Петренко В. Г.* Об ориентировке позднеднестропольских погребений Северного Причерноморья // Археологические памятники Северо-Западного Причерноморья. Киев, 1982.
- Петренко В. Г.* Скифская культура на Северном Кавказе // АСГЭ. Л., 1983. Вып. 23.
- Петренко В. Г., Елагина Н. Г.* Раскопки курганов у совхоза «Прогресс» и селе Баратовке. Снигиревского района Николаевской области 1968 г. // НА ИА АН УССР. 1968. 54. № 5271а, 5271б.
- Петренко В. Г., Елагина Н. Г.* Отчет Ингулецкой скифской степной экспедиции ИЛ АН СССР и МГУ за 1969 г. // Там же. 1969. 27. № 5743, 5744.
- Петренко В. Г., Найдено А. В., Куйбышев А. В. и др.* Раскопки кургана у с. Александровского // АО 1973 г. М., 1974.
- Пешанов В. Ф.* Катакомбное погребение скифского воина // Пленум Института археологии АН СССР 1966 г. Секция «Ранний железный век»: Тез. докл. М., 1966. Ч. 1.
- Письмо графа де Саисэ к А. Н. Оленину* // ЗООИД, Одесса, 1899. Т. 15.
- Погребова Н. Н.* Позднескифские городища на Нижнем Днепре: (Городища Знаменское и Гавриловское) // МИА. 1958. № 64.
- Полиц С. В.* Время и характер смены скифского населения сарматским в Северном Причерноморье // Актуал. пробл. археол. исслед. в УССР: Тез. докл. респ. конф. молодых ученых. Киев, 1981.

- Полин С. В. Про сарматське завоювання Північного Причорномор'я // Археологія. 1984а. Вип. 45.
- Полин С. В. Захоронение скифского воина-дружинника у с. Красный Подол на Херсонщине // Вооружение скифов и сарматов. Киев, 1984б.
- Полин С. В. Хронология ранних скифских памятников Северного Причерноморья // Исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова: Тез. докл. обл. науч. конф. по разделам: «М. П. Грязнов и его место в археологии», «Теория и методология археологии», «Каменный и бронзовый век», «Скифская проблема». Омск, 1987.
- Попандопуло З. Х. Исследования Запорожского краеведческого музея // АО 1982 г. М., 1984.
- Попандопуло З. Х., Тихомолова И. Р. Исследования Запорожского краеведческого музея // АО 1981 г. М., 1983.
- Привалова О. Я., Зарайская Н. П., Привалов А. И. Двугорбая Могила // Древности степной Скифии. Киев, 1982.
- Придик Е. Мельгуновский клад 1763 г. // МАР. СПб., 1911. № 31.
- Протоколы заседаний ТУАК: Заседание 8 октября 1897 г. // ИТУАК. 1898. № 28.
- Протоколы заседаний ТУАК. Заседание 4 ноября 1900 г. // ИТУАК. 1901. № 31.
- Пряхин А. Д. История древних скотоводов II тыс. до н. э. лесостепных районов Подонья, Поволжья и Южного Урала: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1976.
- Пустовалов С. Ж. К методике периодизации катакомбной культуры по данным погребального обряда // Новые методы археологических исследований. Киев, 1982.
- Пятых Г. Г. О происхождении деревянной посуды срубной культуры Поволжья // СА. 1984. № 2.
- Радзиевская В. Е. Курганы VI в. до н. э. у пос. Коломак на Харьковщине // СА. 1985. № 1.
- Раппопорт Ю. А., Трудиновская С. А. Курганы на возвышенности Чаш-тепе // Кочевники на границах Хорезма. М., 1979.
- Раскопки 1885 г. близ Ак-мечетской бухты // ЗРАО. Н. С. СПб., 1901, Т. 12, вып. 1/2.
- Ратнер И. Д. Послевоенные полевые археологические исследования Херсонского музея // КСОГАМ за 1963 г. Одесса, 1965.
- Ратнер И. Д. Довідник в археології України: Херсонська область. Київ, 1984.
- Романченко Н. Раскопка кургана в д. Кояш Симферопольского уезда Таврической губ. // ИТУАК. 1891. № 13.
- Ромашко В. А. Памятники предскифской эпохи в Орельско-Самарском междуречье // КДСП. Днепропетровск, 1978. Вып. 2.
- Ромашко В. А. Новые киммерийские памятники в материалах экспедиции ДГУ // Там же. 1979. Вып. 3.
- Ромашко В. А. Некоторые особенности погребального обряда чернолесской культуры левобережья Днепра // ПАП. Днепропетровск, 1984. Вып. 1.
- Ростовцев М. И. Скифия и Боспор. Пг., 1925.
- Руденко С. И. Культура населения горного Алтая в скифское время. М.; Л., 1953.
- Руденко С. И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.; Л., 1960.
- Рудинский М. Я. Археолопчна розвідка на Дніпрельстані // ДКІАМ. Дніпропетровськ, 3б, Т. 1.
- Рябова В. А. Раскопки скифского кургана у с. Гюновка в 1977 г. // Археологические исследования на Украине в 1976--1977 гг. Ужгород, 1978.
- Рябова В. Я. Работы Ажинского отряда в 1976 г. // Древности Дона. М., 1983.
- Савостина Е. А. Боспорские склепы (типология, эволюция, историческая интерпретация): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1984.
- Савченко Е. И., Казакова Л. М. Раскопки курганов у хутора Кривой Лиман // АО 1980 г. М., 1981.
- Салий Н. Г. Новые погребения срубной культуры междуречья Днепра и Молочной // Актуал. пробл. археол. исслед. в УССР: Тез. докл. респ. конф. молодых ученых. Киев, 1981.
- Самокасов Д. Я. Могилы Русской земли. М., 1908.
- Семенов-Зусер С. А. Краснокутские курганы // УЗ ИФ ХГУ. 1939. Кн. 15.
- Сергеев Г. П. Погребение скифского воина // Тр. ГИКМ. Кишинев, 1961.

- Силантьева Л. Ф.* Некрополь Нимфея // МИА. 1959. № 69.
- Синицын И. В.* Памятники предскифской эпохи в степях нижнего Поволжья // СА. 1948. Т. 10.
- Синицын И. В.* Древние памятники в низовьях Еруслана: (По раскопкам 1954—1955 гг.) // МИА. 1960. № 78.
- Синицын М. С.* Следы древних поселений скифо-сарматской эпохи между устьями Днестра и Буга // Наук. зап. ОДП. 1950. Т. 9.
- Синицын М. С.* Погребальные обряды племен Днестро-Бугского Причерноморья в скифо-сарматское время // МАСП. Одесса, 1962. Вып. 4.
- Скадовский Г. Л.* Белозерское городище Херсонского уезда, Белозерской волости и соседние городища и курганы между низовьем р. Игульца и началом Днепровского лимана // Тр. VIII АС. М., 1897. Т. 3.
- Скифские погребальные памятники степей Северного Причерноморья. Киев, 1968.
- Скорый С. А.* Раннескифский меч из с. Изюмовка близ Старого Крыма // СА. 1977. № 1.
- Скорый С. А.* Скифский курган с катакомбами в Северном Крыму // Древности степной Скифии. Киев, 1982.
- Скорый С. А.* Про скифський етнокультурний компонент у населення Дніпровського Лісостепового Правобережжя // Археологія. 1987. Вип. 60.
- Скорый С. А., Бессонова С. С.* Некоторые вопросы ранней скифской истории и украинская лесостепь // Исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова: Тез. докл. обл. науч. конф. по разделам: «М. П. Грязное и его место в археологии», «Теория и методология археологии», «Каменный и бронзовый века», «Скифская проблема». Омск, 1987.
- Скригин А. С.* К проблеме хронологии археологических памятников Азиатской Сарматии II—IV вв. // Древние и средневековые культуры Поволжья. Куйбышев, 1981.
- Слоем Л. М.* Археологічні дослідження городищ, поселень та могильників Ольвійського оточення у 1949—1950 рр. // АП УРСР. 1955. Т. 5.
- Случайные находки и приобретения за 1916 и 1917 гг. // ИАК. Пг., 1918. Вып. 65.
- Смирнов А. П.* К вопросу об археологической культуре // СА. 1964, № 4.
- Смирнов А. П.* Скифы. М., 1966.
- Смирнов Г. Д.* Раскопки скифского кургана близ городища Калос-Лимен // ВДИ. 1952. № 4.
- Смирнов К. Ф.* Пашковский могильник № 3 // КСИИМК. 1949. Вып. 26.
- Смирнов К. Ф.* О погребениях с конем и трупосожжениях эпохи бронзы в Нижнем Поволжье // СА. 1957. Т. 27.
- Смирнов К. Ф.* Курганы біля м. Великого Токмака // АП УРСР. Київ, 1960. Т. 8.
- Смирнов К. Ф.* Савроматы. М., 1964.
- Смирнов К. Ф.* О начале проникновения сарматов в Скифию // МИА. 1971. № 177.
- Смирнов К. Ф.* Сарматы на Илеке. М., 1975.
- Смирнов К. Ф.* Савромато-сарматский звериный стиль // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. М., 1976.
- Смирнов К. Ф.* Дромосные могилы ранних кочевников Южного Приуралья и вопрос о происхождении сарматских катакомб // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М., 1978.
- Смирнов К. Ф.* Сарматы и утверждение их политического господства в Скифии. М., 1984.
- Смирнов К. Ф., Петренко В. Г.* Савроматы Поволжья и Южного Приуралья // САИ. 1963. Вып. Д1-9.
- Смирнов К. Ф., Попов С. А.* Сарматское святилище огня // Древности Восточной Европы. М., 1969.
- Смолічев П. І.* Археологічні розкопки на терені Дніпрельстану, в с. Кичкасі Запорізької округи, у вересні—жовтні р. 1927 // ДКІАМ. Дніпропетровськ, 1929. Зб., Т. 1.
- Соболевская И. А., Гаврилюк Н. А.* Отчет об охранных раскопках, проведенных НКМ у с. Пересадовка // НА ИА АН УССР. № 1974/122.
- Сокольский Н. И.* Фанагорийский склеп // КСИА. 1972. Вып. 130.
- Сокровища курганов Адыгеи. М., 1985.

- Сорокин С. С. К вопросу о толковании внекурганных памятников ранних кочевников Азии // АСГЭ. Л., 1981. Вып. 22.
- Сорокина Й. А. Курганные могильники низовьев р. Сал в срубное время // Древности Дона. М., 1983.
- Сорокина Н. П. Раскопки некрополя Гермонассы в 1956—1957 гг. // КСИА. 1961. Вып. 83.
- Спицын А. А. Раскопки, произведенные в 1897 г. близ д. Башмачки Екатеринославского уезда // ИАК. СПб., 1901. Вып. 1.
- Спицын А. А. Серогозские курганы // Там же. 1906. Вып. 19.
- Спицын А. А. Скифо-сарматские курганы крымской степи // ИТУАК. 1918. № 54.
- Стивен А. Х. Раскопки курганов близ Симферополя летом 1890 г. // ИТУАК. 1891. № 11.
- Столяр А. Д., Шепинский А. А. Курганы у Симферопольского водохранилища. Ч. 2 // Катакомбные культуры Северного Кавказа. Орджоникидзе, 1981.
- Субботин Л. В. Раскопки курганов в Татарбунарском районе Одесской области // АО 1979 г. М., 1980.
- Субботин Л. В., Загинало А. Г., Шмаглий Н. М. Курганы у села Огородное // МАСП. Одесса, 1970. Вып. 6.
- Субботин Л. В., Охотников С. Б. Скифские погребения нижнего Поднестровья // Древности Северо-Западного Причерноморья. Киев, 1981.
- Суничук Е. Ф. Скифский могильник Чауш в низовьях Дуная // Памятники древней истории Северо-Западного Причерноморья. Киев, 1985.
- Суничук Е. Ф., Фокеев М. М. Скифский могильник Плавни I в низовьях Дуная // Ранний железный век Северо-Западного Причерноморья. Киев, 1984.
- Таиров А. Д. Большой Климовский курган // Исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова: Тез. докл. обл. науч. конф. по разделам: «Скифо-сибирская культурно-историческая общность», «Раннее и позднее средневековье». Омск, 1987.
- Телегин Д. #., Братченко С. Н., Смирнов С. В. Вильно-Грушевская курганная группа и курган на территории Запорожской опытной сельскохозяйственной станции // Вильнянские курганы в Днепровском Надпорожье. Киев, 1977.
- Телегин Д. #., Круц В. А., Братченко С. Н. и др. Вильнянская курганная группа // Там же. 1977.
- Теренооккин О. І. Розвідки і розкопки 1949 р. в північній частині Кіровоградської області // Археологія. 1952. Т. 7.
- Тереноожкин А. И. Культура предскифского времени в среднем Поднепровье. (Чернолесский этап) // Вопросы скифо-сарматской археологии. М., 1954.
- Тереноожкин А. И. Скифский курган в г. Мелитополе // КСИА АН УССР. 1955. Вып. 5.
- Тереноожкин О. І. Кургані в долині р. Молочної // АП УРСР. 1960. Т. 8.
- Тереноожкин А. И. Скифская культура // МИА. 1971. № 177.
- Тереноожкин А. И. Киммерийцы. Киев, 1976.
- Тереноожкин О. І. Кіммерійські стели // Археологія. 1978. Вип. 27.
- Тереноожкин А. И. Дискуссионные проблемы отечественной скифологии: Обсуждение // НАА. 1980. № 5.
- Тереноожкин А. И., Ильинская В. А., Мозолевский Б. Н. Скифский курганный могильник Гайманово поле (раскопки 1968 г.) // Скифы и сарматы. Киев, 1977.
- Теренооккин А. И., Ильинская В. А., Черненко Е. В., Мозолевский Б. Н. Скифские курганы Никопольщины // Скифские древности. Киев, 1973.
- Тереноожкин А. И., Мозолевский Б. Н. Мелитопольский курган. Киев, 1988.
- Техов Б. В. Центральный Кавказ в XVI—X вв. до н. э. М., 1977.
- Тощее Г. Н. Бескурганные погребения культуры многоваликовой керамики Северо-Западного Причерноморья // Памятники древних культур Северо-Западного Причерноморья. Киев, 1981.
- Тощее Г. Н. Памятники белозерского периода у с. Струмок Одесской области // Ранний железный век Северо-Западного Причерноморья. Киев, 1984.
- Трефилев Е. П. Археологическая экскурсия по течению рр. Кальмуса и Кальчика в пределах Мариупольского уезда Екатеринославской губернии летом 1904 г. // Тр. XIII АС. М., 1907. Т. 1.
- Троицкая Т. Н. Скифские курганы Крыма // ИКОГО. Симферополь, 1951. Вып. 1.

- Троицкая Т. Н. Скифские погребения в курганах Крыма: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Симферополь, 1954.
- Троицкая Т. Н. К вопросу о локальных особенностях скифской культуры в Центральном Крыму и на Керченском полуострове // ИКОГО. Симферополь, 1957а. Вып. 4.
- Троицкая Т. Н. Погребение у села Белоглинки // СА. 1957б. Т. 27.
- Троицкая Т. Н. Находки из скифских курганов Крыма, хранящиеся в областном краеведческом музее // История и археология древнего Крыма. Киев, 1957в.
- Фабрициус И. В. Археологическая карта Причерноморья Украинской ССР. Киев, 1951.
- Федорова-Давыдова Э. А. Раскопки курганов в Голопристанском районе в 1962 г. // Памятники эпохи бронзы юга европейской части СССР. Киев, 1967.
- Федорова-Давыдова Э. А. Раскопки курганной группы Шахаевская II на р. Маныче // Древности Дона. М., 1983.
- Фіалко О. Е. Кіммерійське поховання поблизу Молочного лиману // Археологія, 1986. Вип. 56.
- Фиалко Е. Е. Костяные изделия из кургана Огуз // Скифы Северного Причерноморья. Киев, 1987.
- Філатов О. П., Черненко Е. В. Скiфський курган на Ворошиловградщині // АДУ в 1969 р. Київ, 1972. Вип. 4.
- Халиков А. Х. Памятники абашевской культуры в Марийской АССР // МИА. 1961. № 97.
- Халиков А. Х. Волго-Камье в начале эпохи раннего железа (VIII—VI вв. до н. э.). М., 1977.
- Харламов В. О раскопках курганов по берегам р. Кальмиуса в Донской области и Мариупольском уезде Екатеринославской губернии // ТМАО. М., 1914. Т. 23, вып. 2.
- Хлобыстина М. Д. Некоторые особенности андроновской культуры Минусинских степей // СА. 1973. № 4.
- Хоредт К. Скифские находки в Комлоде // Дасја. 1960. № 4.
- Худяк М. М. Из истории Нимфея VI—III вв. до н. э. Л., 1962.
- Худяков М. Г. К вопросу о кромлехах // СГАИМК. 1931. № 7)
- Цвек О. В. Могильник скіфського і сарматського часу на Керченському швидко-Ві // Археологія. 1968. Т. 21.
- Цветаева Г. А. Грунтовый некрополь Пантикапея, его история, этнический и социальный состав // МИА. 1951. № 19.
- Цветаева Г. А. Курганный некрополь Пантикапея // МИА. 1957. № 56.
- Цветаева Г. А. Сокровища причерноморских курганов. М., 1968.
- Чеботаренко Г. Ф. Скифские курганы у с. Балабаны // АИМ в 1970—1971 г. Кишинев, 1973.
- Чердниченко Н. Н., Болдин Я. И. Скифские курганы у с. Владимировка // Курганы юга Днепропетровщины. Киев, 1977.
- Чердниченко Н. Н., Фиалко Е. А. Охранные раскопки скифского царского кургана в Приазовье // Тез. докл. обл. науч.-практ. семинара «Проблемы охраны и исследования памятников археологии в Донбассе». Донецк, 1987.
- Чердниченко Н. Н., Фиалко Е. Е., Ковалев Н. В. Раскопки большого скифского кургана в Приазовье // АО 1978 г. М., 1979.
- Черепанова О. М. Скiфське поховання з с. Надежда Кримської області // Археологія. 1985. Вип. 50.
- Черепанова Е. Н., Щепинский А. А. Там, где пройдет Северо-Крымский... Симферополь, 1966.
- Черепанова Е. Н., Щепинский А. А. Погребения поздних кочевников в степном Крыму // Археологические исследования средневекового Крыма. Киев, 1968.
- Черненко Е. В. Скифские курганы на Никопольщине (раскопки 1961 г.) // ЗОАО. Одесса, 1967. Т. 2.
- Черненко Е. В. Скифский доспех. Киев, 1968.
- Черненко Е. В. Погребения с оружием из некрополя Нимфея // Древности Восточного Крыма. Киев, 1970а.

- Черненко Е. В. Скifські кургани V ст. до н. е. поблизу м. Жданова // Археологія. 1970б. Т. 23.
- Черненко Е. В. Курганная группа Шевченко II // Курганы южной Херсонщины. Киев, 1977.
- Черненко Е. В. Раскопки курганов в междуречье Сулы и Супоя // АО 1979 г. М., 1980.
- Черненко Е. В. Скифские лучники. Киев, 1981.
- Черненко Е. В., Буятян Е. П. Курганная группа Широкое II // Курганы южной Херсонщины. Киев, 1977.
- Черненко Е. В., Симоненко А. В. Курганная группа Широкое III // Там же. 1977.
- Черников С. С. Загадка Золотого кургана. М., 1965.
- Чернопицкий М. П. Курганная группа как архитектурный ансамбль // Скифо-сибирское культурно-историческое единство. Кемерово, 1980.
- Черняков И. Т. Киммерийские курганы близ устья Дуная // Скифы и сарматы Киев, 1977.
- Членова Н. Л. Дискуссионные проблемы отечественной скифологии: Обсуждение // НАА. 1980. № 6.
- Шапошникова О. Г. Погребение скифского воина на р. Ингул // СА. 1970. № 3.
- Шапошникова О. Г., Ребедайло Г. П. Курганная группа у с. Новорозановки // Древности Поннгуля, Киев, 1977.
- Шапошникова О. Г., Фоменко В. П., Балушкин А. М. Курганная группа близ с. Старогорожена // Там же. 1977.
- Шарафутдинова И. П. Курган у с. Пелагеевки // Там же. 1977.
- Шарафутдинова И. Н. Степное Поднепровье в эпоху поздней бронзы. Киев, 1982.
- Шарафутдинова З. С., Дубовская О. Р. Киммерийская проблема и две группы погребений предскифского времени в Северном Причерноморье // Культурный прогресс в эпоху бронзы и раннего железа: Тез. докл. Всесоюз. симпозиум. Ереван, 1982.
- Шелов Д. Б. Танаис и Нижний Дон в III—I вв. до н. э.¹ М., 1970.
- Шилов В. П. Отчет Нижне-Донской экспедиции за 1954 г. // Арх. ИА АН СССР. 1954. Р-1. № 1215.
- Шилов В. П. Калиновский курганный могильник // МИА. 1959а. № 60.
- Шилов В. П. Раскопки Елизаветовского могильника в 1954 и 1958 гг. // ИРОМК. Ростов н/Д, 1959б. № 1 (3).
- Шилов В. П. Отчет о раскопках Южно-Донской экспедиции в 1960 г. // Арх. ИА АН СССР. 1960. Р-1. № 2156.
- Шилов В. П. Раскопки Елизаветовского могильника в 1959 г. // СА. 1961. № 1.
- Шилов В. П. Отчет о работе Южно-Донской археологической экспедиции в 1966 г. // Арх. ИА АН СССР. 1966а. Р-1, № 3317.
- Шилов В. П. Ушаковский курган // СА. 1966б. № 1.
- Шишлина Н. Лук и стрелы срубной культуры // Хозяйство и культура доклассовых и раннеклассовых обществ: Тез. докл. III конф. молодых ученых ИА АН СССР. М., 1986.
- Шмаглий Н. М., Черняков И. Т. Курганы степной части междуречья Дуная и Днестра (1964—1966) // МИА. Одесса, 1970. Вып. 6.
- Шрамко Б. А. Древности Северского Донца. Харьков, 1962.
- Шрамко Б. А. Восточное укрепление Вельского городища // Скифские древности Киев, 1973.
- Шульц П. Н. Тавро-Скифская экспедиция // КСИИМК. 1949. Вып. 27.
- Шульц Я. Н. О некоторых вопросах истории тавров // Проблемы истории Северного Причерноморья в античную эпоху. М., 1959.
- Шульц П. Н. Скифские изваяния Причерноморья // Античное общество. М., 1967.
- Шульц П. Н., Столяр А. Д. Курганы эпохи бронзы в долине Салгира // КСИИМК. 1958. Вып. 71.
- Щеглов А. Н. Курган-кенотаф близ Ярылгачской бухты // КСИА. 1972. Вып. 130.
- Щеглов А. Н. Северо-Западный Крым в античную эпоху. Л., 1978.
- Шепинский А. А. Марьянские курганы эпохи бронзы // ЗОАО. Одесса, 1960. Т. 1 (34).
- Шепинский А. О. Населения швенного берега Крыму в эпоху раннего железа // Археолопя. 1977. Вып. 21.
- Шепинский А. А., Черепанова Е. Н. Исследования в Северном Крыму // АО 1966 г. М., 1967.

- Щепинский А. А., Черепанова Е. Н.* Северное Присивашье в V—I тысячелетиях до н. э. Симферополь, 1969.
- Щепинский А. А., Черепанова Е. Н.* Степные курганы. Симферополь, 1972.
- Щербаковский Д. М.* Раскопки курганов на пограничье Херсонской и Киевской губерний // АЛЮР. Киев, 1905. № 1/2.
- Щербаковский Д. М.* Отчет об археологической экскурсии в июне и июле 1904 г. // Тр. XIII АС. М., 1908. Т. 2.
- Эварницкий Д. И.* Публичные лекции по археологии России. СПб., 1890.
- Эварницкий Д. И.* Раскопки курганов в Херсонской губернии Херсонского и Александрийского уездов // Тр. XI АС. М., 1901. Т. 1.
- Яковенко Э. В.* Клыки с зооморфными изображениями // СА. 1969. № 4.
- Яковенко Э. В.* Рядовые скифские погребения в курганах Восточного Крыма // Древности Восточного Крыма. Киев, 1970а.
- Яковенко Э. В.* Уздечный набор V в, до н. э. из Восточного Крыма // КСИА. 1970б. Вып. 124.
- Яковенко Э. В.* Скифские погребения на Керченском полуострове // МИА. 1971а. № 177.
- Яковенко Э. В.* Курган на Темир-горе // СА. 1972. № 3.
- Яковенко Э. В.* Скифи східного Криму в V—III ст. до н. е. Київ, 1974.
- Яковенко Э. В.* Погребение богатой скифянки на Темир-горе // Скифы и сарматы. Киев, 1977.
- Яковенко Э. В.* Нові досягнення боспорознавства і проблема скіфів Східного Криму // Археологія. 1980. Вип. 33.
- Яковенко Э. В.* Раннескифские погребения Восточного Крыма // Древности степной Скифии. Киев, 1982.
- Яковенко Э. В.* Скифы на Боспоре: (Греко-скифские отношения в VII—III вв. до н. э.): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1985.
- Яковенко Э. В., Черненко Е. В., Корпусова В. Н.* Описание скифских погребений в курганах Восточного Крыма // Древности Восточного Крыма. Киев, 1970.
- Ястребов В. Н.* Раскопки в Херсонской губернии в 1887 г. // ТМАО, 1889. Т. 13, вып. 1.
- Ястребов В. Н.* Опыт топографического обозрения древностей Херсонской губернии // ЗООИД. Одесса. 1894. Т. 17.
- Яценко И. В.* Скифские погребения близ Ногайска: (По материалам раскопок Н. И. Веселовского в 1887 г.) // ВДИ. 1956. № 1.
- Яценко И. В.* Скифия VII—V вв. до и. э. // Тр. ГИМ. М., 1959. Вып. 36.
- Яценко И. В.* О двух жертвенниках-эсхарах в курганах побережья Днепровско-Бугского лимана // Там же. 1960. Вып. 37.
- Яценко И. В., Ольховский В. С.* Раскопки курганов у с. Колоски // АО 1976 г. М., 1977.
- Яценко И. В., Раевский Д. С.* Дискуссионные проблемы отечественной скифологии: Некоторые аспекты состояния скифской проблемы // НАА. 1980. № 5.
- Ebert M.** Ausgrabungen auf dem Gute Maritzyn, gouv. Cherson (Süd-Pussland) // PZ 1913. Bd. 5, H. 1/2.
- Leskov A.** Die skythischen Kurgane // Antike Welt: Jahrang. 1974. S.-N.
- Minns E.** Scythians and Greeks in South Russia. Cambridge, 1913.
- Rolle R.** Totenkult der Skythen. T. 1. Das Steppengebiet: Text und Tafeln, B., N. Y., 1979;

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

А. П. 10

- АИМ — Археологические исследования в Молдавии (сборник)
 АИУ — Археологические исследования на Украине (сборник)
 АДУ — Археологічні дослідження на Україні (сборник)
 АЛЮР — Археологическая летопись юга России
 АО — Археологические открытия
 АП УРСР — Археологічні пам'ятки УРСР (сборник, Киев)
 Археологія — сборник
 АСГЭ — Археологический сборник Гос. Эрмитажа
 ВАУ — Вопросы археологии Урала (сборник)
 ВДИ — Вестник древней истории
 ГИМ — Государственный исторический музей
 ДБК — Древности Босфора Киммерийского, хранящиеся в императорском музее Эрмитажа
 ДГС — Древности Геродотовой Скифии
 ДКІАМ, Зб. — Дніпропетровський краєвий історично-археологічний музей, Збірник
 ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения
 ЗАОО — Записки Одесского археологического общества
 ЗООИД — Записки Одесского общества истории и древностей
 ЗОРСА — Записки Отделения русской и славянской археологии
 ЗРАО — Записки Русского археологического общества
 ИА — Институт археологии
 ИАК — Известия императорской археологической комиссии
 ИГАИМК — Известия Государственной академии истории материальной культуры
 ИИМК — Институт истории материальной культуры
 ИКОГО — Известия Крымского отделения Географического общества СССР
 ИПРОМК — Известия ростовского областного музея краеведения
 ИТОИАЭ — Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии
 ИТУАК — Известия Таврической ученой архивной комиссии (Симферополь)
 КДСП — Курганные древности степного Поднепровья (III—I тысячелетий до н. э.), сборник
 КСИА — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях ИА АН СССР
 КСИИМК — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях ИИМК
 КСОГАМ — Краткие сообщения о полевых археологических исследованиях Одесского гос. археологического музея
 ЛГУ — Ленинградский гос. университет
 МАР — Материалы по археологии России
 МАСП — Материалы по археологии Северного Причерноморья
 МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
 МГУ — Московский гос. университет им. М. В. Ломоносова
 НА — Научный архив
 НАА — Народы Азии и Африки (журнал)
 ОАК — Отчет Археологической комиссии
 ОДШ — Одеський державний педагогічний інститут ім. К. Д. Ушинського
 ОМАУ — Открытия молодых археологов Украины (сборник)
 ПАП — Проблемы археологии Поднепровья III—I тыс. до н. э. (сборник)
 СА — Советская археология (сборник, журнал)
 САИ — Свод археологических источников
 СГАИМК — Сообщения Государственной академии истории материальной культуры
 Тр. ГИКМ — Труды Государственного историко-краеведческого музея Министерства культуры Молдавской ССР
 Тр. ГИМ — Труды Государственного исторического музея
 ТМАО — Древности. Труды Московского археологического общества
 Тр. АС — Труды ... Археологического съезда
 УЗ ИФ ХГУ — Ученые записки исторического факультета Харьковского гос. университета
 УЗ ЛГУ — Ученые записки Ленинградского гос. университета
 PZ — Prachistorische Zeitschrift

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава I. Источники, историография, методика исследования	G
Глава II. Погребальные сооружения населения степной Скифии	16
Глава III. Погребальные памятники скифов степного Причерноморья VII—V вв. до н. э.	56
1. Памятники VII—VI и VI—V вв. до н. э.	56
2. Памятники V в. до н. э.	65
Глава IV. Погребальные памятники скифов степного и предгорного Крыма VII—V вв. до н. э.	80
1. Памятники VII—VI вв. до н. э.	80
2. Памятники V в. до н. э.	86
Глава V. Погребальные памятники скифов степного Причерноморья IV—III вв. до н. э.	94
Глава VI. Погребальные памятники скифов степного и предгорного Крыма IV—III вв. до н. э.	136
Глава VII. Генезис и эволюция погребально-поминальной обрядности скифов северопричерноморских степей.	150
1. Генезис и эволюция элементов скифского погребального памятника.	150
2. Проблема локальных зон и вариантов скифской степной культуры.	167
3. Реконструкция практической сферы погребально-поминальной обрядности.	172
Заключение.	179
Приложение 1. Структура погребального памятника.	182
Приложение 2. Каталог рассмотренных скифских погребений VII—III вв. до н. э.	184
Приложение 3. Географический и типологический указатель к каталогу погребений и картам.	198
Таблицы I—XXIV	214
Библиография.	236
Список сокращений.	255

Научное издание

Ольховский Валерий Сергеевич

ПОГРЕБАЛЬНО-ПОМИНАЛЬНАЯ ОБРЯДНОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ СТЕПНОЙ СКИФИИ (VII—III вв. до н. э.)

Утверждено к печати Ученым Советом института археологии АН СССР

Редактор издательства В. Е. Стоянов. Художник В. В. Овчинников
Художественный редактор М. Л. Храмцов. Технический редактор Л. И. Куприянова
Корректор Т. И. Чернышева

ИБ № 39036

Сдано в набор 09.02.90. Подписано к печати 22.02.91. Формат 70X90 1/16. Бумага офсетная.
Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 18,72. Усл. кр.-отт. 19,00. Уч.-изд.
л. 21,1. Тираж 1000 экз. Тип. зак. 56. Цена 8 р. 40 к.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Наука» 117864, ГСП-7, Москва, В-485
Профсоюзная ул., 90.

ПО «Полиграфист», 509281, Калуга, пл. Ленина, 5